И.М.Дьяконов

ИСТОРИЯ МИДИИ

I

Bərpanəşr

Bərpaneşr

Ответственный за выпуск: *В. Бахманлы*
Редактор: *А. Асадзаде*
Художественный редактор: *К. Лидия*
Дизайн: *Н. Махмудов*
Верстка: *А. Мухтарова*
Корректор: *С. Самедова*

И. М. Дьяконов История Мидии. I книга
Баку 2012. "Нагыл Еви". 332 стр.

Книга «История Мидии» И. М. Дьяконова является исследованием по истории этой страны. Книга может оказать помощь при работе над вопросами происхождения и формирования этнических элементов, вошедших в состав азербайджанского народа.
Мидия была в значительной своей части расположена на территории, впоследствии получившей имя Азербайджана, – в той области, которая лежит к югу от реки Аракса.
Была подготовлена к изданию издательством Академии Наук СССР Москва, Ленинград, 1950 г.

ISBN 978995221074-3

При издании произведения были сохранены все данные оригинала

Министерство Культуры и Туризма
Азербайджанской Республики

Национальная Библиотека Азербайджана
имени М.Ф.Ахундова

И. М. ДЬЯКОНОВ

ИСТОРИЯ МИДИИ

ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА IV ВЕКА ДО Н.Э.

I КНИГА

همه‌ی کتاب‌های

"Нагыл Еви"
Баку – 2012

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ
АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

И.М.ДЬЯКОНОВ

ИСТОРИЯ МИДИИ

ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА IV ВЕКА ДО Н.Э.

I КНИГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 5 0

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

ЧЛЕН КОРРЕСПОНДЕНТ АН. СССР
К. В. ТРЕВЕР

هەوالنامەی کتێب

ОТ АВТОРА

Мидийское государство и предшествовавшее ему государство Манна представляли собой в древности значительные державы. Особенно значительной и важной была историческая роль Мидийской державы, несмотря на относительную кратковременность ее существования. Мидия свергла многовековое иго Ассирии, которой была подчинена почти вся западная Азия, отразила скифское нашествие и вовлекла в государственную жизнь целый ряд народов, ранее живших первобытным строем. В пределах Мидийской державы, повидимому, впервые получила официальное распространение разновидность тех учений, которые впоследствии легли в основу догматической религии зороастризма и которые сыграли немаловажную роль в идеологическом развитии древнего мира.

Мидия была в значительной своей части расположена на территории, впоследствии получившей имя Азербайджана, – в той области, которая лежит к югу от реки Аракса; власть Мидии распространялась, как кажется, временами и на территорию к северу от него (Азербайджанская ССР). Само наименование Азербайджана восходит к названию Атропатенской Мидии, и нет сомнения, что в сложном, многостороннем и длительном процессе сложения азербайджанской нации мидийский этнический элемент сыграл очень важную, в известные исторические периоды – ведущую роль. Понятен поэтому тот живой интерес, который привлекают к себе проблемы истории Мидии в среде азербайджанской общественности. Настоящая книга, написанная для Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР, должна в какой-то мере дать ответ на некоторые из этих проблем.

Книга эта не ставит себе целью непосредственное освещение чрезвычайно сложных и важных вопросов происхождения и формирования азербайджанского народа, для разрешения которых автор, по характеру своей квалификации как историка и филолога в области только

Древнего Востока, ни в малейшей мере не считает себя подготовленным. Она посвящена исключительно истории собственно мидийской государственности, причем не на всем протяжении ее истории, а лишь от древнейших времен до момента создания государства Мидии Атропатены и отделения его от так называемой Нижней, или Большой, Мидии, которая в дальнейшем уже не имела отношения к истории Азербайджана. История самой Атропатены, требующая привлечения источников, лежащих за пределами компетенции автора, не входит в круг исследуемых здесь проблем.

Предлагаемая вниманию читателя книга не представляет собой к у р с а истории Мидии, а является прежде всего и с с л е д о в а н и е м по истории этой страны. Поэтому в ней не всегда возможно было выдержать равномерное изложение исторического процесса. Некоторым вопросам, требовавшим специального разбора и рассмотрения, уделено больше места и внимания, что иной раз приводило к известному отвлечению внимания от основной линии изложения; другие разделы, в которых не было возможности или необходимости производить специальные изыскания, изложены более сжато, и, быть может, изложение в них более последовательно с точки зрения этой основной линии. Хотя, возможно, такая структура книги отчасти может затруднить более широкого читателя, все же, как кажется автору, книга представит интерес не только для специалиста; поэтому автор стремился сделать изложение в основном тексте по возможности ясным и доходчивым, а построение этого основного текста – таким, что читатель сможет найти в книге не только специальные экскурсы, но и в первую очередь изложение самой истории Мидии.

В то же время перед автором стояла еще и другая, отдельная задача. Книга должна была явиться как бы первичным сводом имеющегося материала, хотя и не претендующим на исчерпывающую полноту, но все же могущим оказать помощь при дальнейшем исследовании затронутых проблем, а также при работе над вопросами происхождения и формирования этнических элементов, вошедших в состав азербайджанского народа. Поэтому автор уделил, в частности, много места данным для суждения о вопросах языка и племенной структуры, хотя сам отнюдь не ставил себе собственно историко-лингвистических и этногенетических задач.

Для того чтобы этот свод материала не мешал историческому изложению, максимальное количество данных, представляющих более специальный интерес, отнесено в примечания. Хотя эти примечания и являются подстрочными, однако чтение их параллельно с основным

текстом, ввиду их объема, излишне затруднит восприятие изложения, поэтому к примечаниям рекомендуется обращаться преимущественно при повторном или более углубленном чтении, при пользовании книгой в справочном порядке и т.п. Примечания эти рассчитаны на читателя-специалиста.

Несмотря на то, что справочный материал отделен, таким образом, от самого повествования, стремление охватить данные источников возможно более полно не могло, разумеется, не сказаться в какой-то степени и на перегрузке конкретным материалом также и основного текста. Это в особенности касается, быть может, главы II, в которой излагается трудная для восприятия (ввиду крайней политической раздробленности территории, о которой идет речь) военная история ассирийской агрессии против Мидии. Этот недостаток мог бы быть устранен в курсе истории, но в книге, носящей исследовательский и в то же время сводный по материалу характер, трудно было избегнуть изложения целого ряда деталей. Полагаю все же, что эти детали не затемняют основной линии развития исторического процесса.

Автор отдает себе полный отчет в том, что на многие обстоятельства истории Мидии можно взглянуть и иначе, чем это сделал он. Исключительная скудость и односторонность источников, а для ряда периодов – и исключительная их противоречивость, вынуждает каждого исследователя давать широкий простор гипотетическим построениям. Ни в одной области древней истории не создано столько разнообразных, противоречивых и часто фантастических концепций, касающихся хронологии, политической истории и других сторон историографии, как именно в области истории Мидии. Разумеется, что гипотезы и предположения не отсутствуют и в настоящей книге, хотя автор и стремился наложить узду на фантазию и строить свои предположения строго на основании объективных данных. При этом всегда оговаривается предположительность тех или иных заключений, во избежание навязывания читателю недостаточно твердо установленных выводов. Естественно, что тот внешний ход событий, который реконструируется автором, нельзя рассматривать как во всех своих частях неколебимо установленный. Ничто не может быть дальше от замысла автора, как попытка построить окончательную схему истории Мидии. Предлагаемую книгу хочется рассматривать не как конец, а как начало работы над созданием истории Мидии в советской науке.

Наибольшие трудности стояли перед автором при реконструкции хода развития социально-экономической истории Мидии. Здесь пришлось

столкнуться с очень большой скудостью данных в источниках. Однако марксистско-ленинская теория исторического процесса дает здесь прочную опору для исследователя. Обстоятельства, сопровождающие образование рабовладельческого общества и его первые шаги по пути развития, сейчас настолько разработаны в теоретическом плане советской наукой, что по отдельным разрозненным фактам, косвенным признакам и т.п. можно с большой долей уверенности восстановить ход процесса в целом и наличный для каждого данного периода этап его развития.

Есть и другая тяжело преодолимая трудность, с которой пришлось столкнуться автору: имеющиеся источники, настолько скудные, что из всякого наличного материала буквально приходится по капле выжимать все возможные сведения, в то же время являются по своему характеру разнородными (археологические, письменные, языковые), а наиболее важные – письменные источники, кроме того, и разноязычными. В самом деле, необходимые для реконструирования истории Мидии письменные источники написаны на языках шумерском, аккадском (вавилонском и ассирийском диалектах), эламском, урартском, древнеперсидском, авестском, древнееврейском, греческом, латинском, древнеармянском, и при этом почти столь же многочисленными видами письменности. Для изучения имен (являющихся также важным историческим источником) и вообще лингвистических материалов необходимо привлекать также языки хурритский, различные языки Ирана, арамейский и т.д. Разумеется, ни один историк не может в полной и равной мере владеть филологией столь разнообразных языков. В работе над настоящей книгой автору чрезвычайно помогало то обстоятельство, что он является не только историком, но и лингвистом, и общелингвистическая подготовка облегчала для него привлечение материалов даже тех языков, в которых он не является специалистом. Однако, хотя, где это было возможно, автор обращался к источникам в оригинале, тем не менее для Авесты и части других иранских источников, а также армянских ему приходилось прибегать к переводам. Что касается источников на остальных языках, то автор, естественно, владеет ими в различной степени; вполне самостоятельным исследователем он может себя считать лишь в области клинописных языков. Поэтому он счел долгом консультироваться по ряду вопросов у филологов-специалистов. В связи с этим хочется с большой благодарностью отметить советы и помощь, полученные от В.А. Лившица в области иранской филологии, от С.В. Поляковой в области античной филологии и от К.Б. Старковой в области древнееврейской филологии. Разумеется, что ука-

занные лица, оказавшие автору содействие своими советами, ни в коей мере не несут ответственности за текст книги, как он вылился из-под пера автора, и за возможные погрешности или ошибки, которые он мог допустить. Но если в отношении письменных и языковых источников можно сказать, что они привлечены со всей доступной автору полнотой и тщательностью и подвергнуты им специальному исследованию, то иначе обстоит дело с археологическими, антропологическими и тому подобными материалами. Автор, не являясь археологом, пользовался здесь готовыми выводами археологической науки, ни в коей мере не пытаясь дать материал полностью и самостоятельно анализировать его. Читатель не найдет в предлагаемой книге очерка археологии Мидии, хотя археологические данные, разумеется, в общем виде использованы в числе других исторических источников для восстановления исторической картины. Но в основном работа построена по письменным источникам и отчасти на анализе языкового материала. Такое построение вполне оправдано тем обстоятельством, что только предистория Мидийского государства до известной степени освещена пока археологическими памятниками, наиболее же важный для нас период существования великой Мидийской державы этими памятниками не освещен совершенно.

Автор надеется, что археологические и другие проблемы истории Мидии, как затронутые, так и не затронутые в его работе, найдут себе в дальнейшем более тщательных исследователей, для работы которых предлагаемая книга, быть может, принесет известную пользу.

В заключение хочется принести благодарность азербайджанской общественности, сочувственно следившей за ходом работы над этим исследованием и стремившейся всемерно облегчить труд автора, Академии наук Азербайджанской ССР и в особенности дирекции и коллективу ее Института истории и философии, создавшим исключительно благоприятные условия для написания этой монографии.

Несколько слов касательно применяемых в книге транскрипций. В основном они соответствуют нормам, общепринятым для каждого данного древнего языка. Исключение составляет транскрипция греческих слов.

В тех случаях, когда целью привлечения языкового материала (и, в частности, материала имен) было дать читателю возможность судить

о вопросах языковой принадлежности, языкового родства и т.п., традиционная передача греческих слов казалась автору затрудняющей тех из читателей, которые не являются специалистами в области античных языков. Обычно, как известно, греческие слова передаются либо греческими же буквами, либо в традиционной латинской транскрипции, выработанной еще в древнем Риме. Однако, при таком способе передачи греческих слов, читатель, не знакомый с историей античных языков, получает неправильное представление о степени точности передачи мидийских и других слов и имен древними греками. Откуда читателю, не владеющему латинским и греческим языками, – а таковых среди читателей этой книги большинство, – знать, что «ипсилон» («игрек»), обычно условно читаемый нами в латинской транскрипции как «и», в греческом языке времен Геродота означал звук «у», что «зета» (в латинской транскрипции z) произносилась как «зд», что буква «хи» (латинское ch) читалась не «х», а «к» с придыханием, и так далее? Между тем эти факты имеют часто немаловажное значение для оценки приводимого языкового материала. Поэтому мы решились порвать с традицией и дать следующую транскрипцию греческих букв (табл. 1).

Таблица 1.

Греческие буквы	Транскрипция традиционная	Транскрипция принятая в книге	Греческие буквы	Транскрипция традиционная	Транскрипция принятая в книге	Греческие буквы	Транскрипция традиционная	Транскрипция принятая в книге
Α α	a	a	Κ κ	k	k	Τ τ	t	t
Β β	b	b	Λ λ	l	l	Υ υ	y	u
Γ γ	g	g	Μ μ	m	m	Φ φ	ph	ph
Δ δ	d	d	Ν ν	n	n	Χ χ	ch	kh
Ε ε	e	e	Ξ ξ	x	ks	Ψ ψ	ps	ps
Ζ ζ	z	zd, z	Ο ο	o	o	Ω ω	o	ō
Η η	e	ē	Π π	p	p	Ο υ	u	ou
Θ ϑ	th	th	Ρ ρ	rh, r	rh, r			
Ιι	i	i	Σ σ ς	s	s			

В целях простоты и более легкой отождествимости слов авестского языка со словами других языков мы отбросили в транскрипции некоторые тонкости авестской орфографии, в частности эпентетические гласные, и писали Harvatāt вместо Haurvatāt, -pati вместо -paiti и т.д. Дифтонги мы писали этимологически – ai, au вместо aē, ao. Авестское графическое š (этимологически rt) передается как rt. В ряде случаев в авестских и древнеперсидских словах мы давали форму основы (с де-

фисом на конце) вместо формы именительного надежа.

При транскрипции слов других языков мы применяли сочетания ph, kh, th и т.п. для передачи придыхательных согласных;[1] греческие буквы β, γ, δ, χ, ϑ применялись в тексте латинской транскрипции исключительно для передачи щелевых согласных: δ – как звонкое, ϑ – как глухое английское междузубное th; γ – как «г» в слове «богатый» в южнорусском произношении или как азербайджанское «ғ»; χ (x, в семитских языках h) передает «х», более резкое, чем в русском; β – звук, средний между «б» и английским w.

Точка под буквой означает так называемые эмфатические согласные (произносимые резко, с напряжением; s произносилось, может быть, как «ц»); ṣ передает русское «ш», ž – «ж», ĵ – «дж» (азербайджанское «ҷ»), c – «ц», č – «ч». Знак ç передает мягкое «шь» – звук, может быть, похожий на русское «щ» в среднерусском произношении.[2]

Черта над гласным[3] означает долготу. Дужка над или под гласным означает крайнюю степень краткости или неслоговое произношение.

هوالنامه‌ی کتب

[1] В древнееврейских и арамейских словах придыхание не обозначено, так как различие придыхательных и непридыхательных согласных носит в них чисто комбинаторный характер.

[2] Более редкие транскрипционные знаки (главным образом в семитских языках): ʾ — гортанный взрыв, вроде легкого покашливания; ʿ — согласный, образуемый сжиманием гортани при проходе воздушной струи; h — то же, но без участия голосовых связок (род «х»); иное значение имеет h— видоизменение конечного -ś — в немногочисленных приводимых индийских словах; ś — звук типа «с» или «ш»; ə означает сильно редуцированный гласный, ä — открытое «э», близкое к «а» («сегол»). Кружок под l означает глухое произношение, под r — произношение «р» как гласного; ŋ — носовое «г» (как в англ. king). В иранских языках y, а в семитских j означают «й».

[3] В аккадском — циркумфлекс («шапочка»).

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ МИДИИ

1. Источники документальные и повествовательные

Задача написания истории Мидии чрезвычайно осложняется состоянием источников. Если до середины прошлого века Мидия была примерно в равном положении с другими странами Древнего Востока в том смысле, что о ней, как и о ее соседях, имелись лишь скудные, полулегендарные и отрывочные сообщения греческих авторов, то за последние сто лет наука приобрела громадное количество материалов по истории Вавилонии, Ассирии и других стран Древнего Востока в виде многих тысяч письменных документов и материала раскопок десятков городищ; изучение же Мидии осталось в стороне от общего направления развития исторической науки. Достаточно сказать, что на территории Мидии не раскопан еще ни одни город и что мы не обладаем ни единым письменным памятником, происходящим из Мидии времен ее государственного существования. Как и сто лет назад, об истории Мидии мы должны судить на основании чужеземных известии, с той лишь разницей, что к греческим источникам, начиная с середины прошлого века, еще прибавились и клинописные.

Что касается археологических источников, то систематические научные раскопки велись и ведутся на территории советского Азербайджана. Результаты этих раскопок, производимых И. Джафарзаде, С. М. Казиевым и другими, могут и должны привлекаться для изучения истории Мидии, однако не непосредственно, а лишь косвенно. Несмотря на известную близость культур древних Мидии и Албании, заселенных в значителыюй мере, вероятно, однородным населением, все же следует помнить, что отдельные области в то время не имели общей экономической базы, и поэтому ставить знак равенства между культурой населения Албании и культурой Мидии, разумеется, нельзя.

На зарубежной стороне Аракса производились раскопки или зон-

даж отдельных тепе, но эти раскопки (Тепе-Хисар около Дамгана, Тепе-Сиялк около Кашана, Тепе-Гияп около Нихавенда, Гёй-тепе около Урмии и некоторые другие) производились французскими и американскими археологами почти исключительно по окраинам исторической области Мидии и дали памятники, в основном относящиеся к первобытно-общиниой эпохе. На данных этих раскопок мы остановимся ниже,[1] однако, поскольку настоящее исследование строится главным образом на материале письменных источников, мы не будем подвергать специальному детальному анализу даваемый этими раскопками еще недостаточно обильный археологический материал.

Важнейшие периоды истории древней Мидии от начала классообразования в этом обществе до создания сперва великой Мидийской державы, а затем, после персидского владычества, царства Мидии Атропатены, освещены для нас преимущественно материалом письменных памятников. Известия, доставляемые ими, нельзя назвать обильными; лишь военная история освещена для некоторых периодов подробно; остальное – крохи, которые приходится собирать из многочисленных разноязычных источников различного времени и различной степени достоверности.

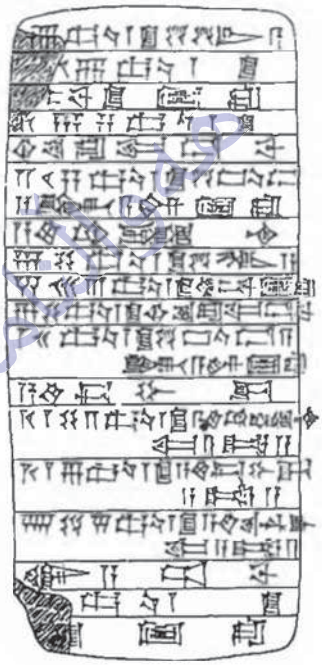

Рис. 1. Образец шумерского клинописного текста конца III тысячелетия до нашей эры.

Больше всего данных о территории Мидии дают нам клинописные памятники. Крайняя западная периферия будущей Мидии – склоны гор Загроса – находилась в поле зрения еще шумерийцев, а также хурритов и эламитов, затем вавилонян и ассирийцев, на протяжении всей их истории – от III тысячелетия и вплоть до последних веков до нашей эры. В отдельных случаях клинописные источники дают сведения и о глубинных районах Мидии. В особенности ценны ассирийские источники IX–VII вв. до и. э., довольно полно освещающие историю военных столкновений Ассирии с мидянами в период, непосредственно предшествовавший образованию и укреплению Мидийской державы.

Остановимся несколько подробнее на характеристике отдельных групп клинописных памятников.

[1] Глава I; там же важнейшая библиография.

Наиболее древние сведения о территории будущей Мидии дают шумерские и староаккадские источники – отчасти в связи с завоеванием Южного Двуречья племенами кутиев, происходивших с этой территории, отчасти в связи с походами шумерских и аккадских царей в нагорья Загроса. Сюда относятся: перечень кутийских правителей, восходящий, повидимому, к официальным данным и вошедший в так называемый «Шумерский царский список»;[1] поэтическое описание войны царя шумерского города Урука, Утухегаля, с кутийским царем Тириканом;[2] записи событий, по поводу которых жрецами-гадателями совершались гадания,[3] в том числе и связанных с территорией жителей мидийских гор – кутиев и их соседей луллубеев; названия годов (в древнем Двуречье не существовало эры, от которой можно было бы отсчитывать годы, а летосчисление велось по выдающимся событиям, дававшим название каждому году, в том числе по событиям, связанным с походами шумеро-аккадских царей в Загросские горы),[4] и т. п. Все эти данные относятся к III или самому началу II тысячелетия до н. э. Для II тысячелетия до и. э. нашим источником являются эламские и ассирийские клинописные памятники.

Эламские памятники – это надписи царей Элама (Сузианы, совр. Хузистан на юго-западе Ирана), составленные на местном эламском, а также на аккадском и шумерском языках. К сожалению, кроме надписей царя Шильхак-Иншушинака (XII в. до н. э.), все остальные посвящены почти исключительно храмовому и дворцовому строительству, а также прославлению имен царя и его родичей, и содержат крайне мало исторических данных. Имеется и некоторое количество государственных документов хозяйственной отчетности на эламском языке времени первых ахеменидских царей Персии (VI в. до н. э. –Сузы; VI–V в. до н. э. – Персеполь в Персиде); содержащиеся в них собственные имена дают некоторые данные для установления этнического состава населения и областях, соседних с Мидией.[5]

Ассирийские клинописные источники II тысячелетня до н. э. весьма

[1] Th. Jacobson. The Sumerian King List. The Oriental Institute of Chicago. Assyriological Studies, №11 Chicago, 1939, стр. 147 и сл. Анализу источников этого списка мы предполагаем уделить особую работу.

[2] F. Thureau-Dangin. La fin de la domination gutienne. RA, XXII, стр. 111 и сл.

[3] A. Goetze. Historical allusions in Old Babylonian Omen Texts. JCS, 1, 3, 1947, стр. 253 и сл.

[4] См. сводку в: RLA, s. v. Datenlisten.

[5] Большинство эламских источников опубликовано в различных томах «Memoires Delegation en Perse». См. также: F. W. König. Corpus Inscriptionum Elamicarum, Hannover, без года, и др. Документы из Персеполя, см.: G. G. Cameron. Persepolis Treasury Tablets, Chicago. 1948.

скудны.[1] Это почти исключительно надписи царей, связанные с культовым строительством, и лишь попутно, суммарно подводящие итоги основных побед данного царя. Здесь иной раз попадаются названия стран и племен, живших к востоку от Ассирии, но никаких сведений о конкретном ходе исторических событии, о быте или культуре этих племен почерпнуть из этих надписей невозможно.

Иное дело ассирийские надписи IX–VII вв. до и. э.[2] Некоторые из них весьма подробно, художественно изложены и дают немало детальных сведений о странах, где побывали ассирийские военные отряды (к сожалению, о странах, лежавших за пределами досягательства войск каждой данного царя, надписи ничего не сообщают).

Ассирийские надписи этого времени делятся на несколько типов или категорий: 1) «письма к богу» – подробнейшие реляции об одном какомлибо походе, адресованные в храм верховного ассирийского бога Ашшура. Эти реляции составлялись искуснейшими писцами-литераторами и основывались на подлинных записях царских секретарей и на описях добычи. Одно из таких «писем к богу» – описание похода Саргона II против Урарту в 714 г. – имеет прямое отношение к истории Мидии; 2) «анналы» – погодные описания военных походов какого-либо царя, составленные на основании сокращения первичных реляций; в них допускаются известные упрощения и искажения; 3) «обзорные надписи» – общая сводка военных походов данного царя, в географическом, а не в хронологическом порядке и 4) «торжественные надписи», содержащие только краткие итоги побед, изложенные в произвольном порядке.

За исключением текстов первой категории, которые писались, как и обычные клинописные документы, на глиняных плитках («таблетках»), остальные надписи делались на глиняных цилиндрах, конусах или призмах, а также на каменных плитах, приурочивались к постройке какого-либо здания и закладывались в их фундамент; предполагалось, что когда здание (сложенное, по месопотамскому обыкновению, из кирпича-сырца) обветшает и начнет осыпаться, какой-нибудь будущий царь, решив обновить это здание, снесет его стены и обнаружит надпись; таким образом должна была сохраняться память о деяниях царей. «Торжественные надписи») наносились также на каменной облицовке

[1] E. Ebeling, B. Meissner, E. F. Weidner. Die Inschriften der altassyrischen Könige, I.Leipzig, 1926. — KAH, I; KAH, II и др.

[2] Почти все они найдены и опубликованы еще в XIX в.; см. издание важнейших и них: KB I и II. В XX столетии прибавилось лишь небольшое количество новых текстов, главным образом — дубликатов уже известных, иногда лучше сохранившихся и позволяющих поэтому сделать некоторые уточнения.

комнат дворцов, в видных местах.[1]

Нет необходимости говорить, что сообщения надписей являются крайне тенденциозными: составленные для прославления ассирийских царей, они замалчивают их поражения и неудачи и преувеличивают их победы. Однако с помощью исторической критики из них чаще всего без особого труда можно выделить историческое зерно – по крайней мере, в тех случаях, когда речь идет о походах, сколько-нибудь успешных для ассирийцев; в этих случаях удается извлечь также и некоторые сведения относительно внутренней жизни народов и племен, с которыми сталкивались ассирийцы. Хуже обстоит дело, если ассирийцы потерпели полное поражение и поэтому (или по другой причине) не считали нужным фиксировать в надписи данное событие. Мы тогда ничего не узнаем о нем. Лишь о некоторые случаях на помощь приходят источники другого рода – письменные памятники, не предназначавшиеся для идеологического воздействия на подданных и потомство. Сюда относятся: 1) письма государственного архива ассирийских царей – донесения и сводки донесений шпионов, деловые и военные сообщения всякого рода, копии царских распоряжении, дипломатическая переписка и т. д.; у нас имеется довольно значительное количество этого драгоценного своей достоверностью материала, восходящего ко второй половине VIII и к VII в. до н. э.; к сожалению, лишь небольшая часть этих писем касается мидийских дел; написаны они на ассирийском разговорном диалекте аккадского языка, еще слабо изученном, и во многом трудны для

Рис. 2. Образец ассирийского клинописного исторического текста (часть глиняной призмы с анналами царя Синаххериба, VII в. до н. э.).

[1] Сводку ассирийских исторических надписей в переводе см.: D. D. Luckenbill. Ancient Records of Assyria and Babylonia, I–II. Chicago, 1926–1927; многие тексты, касающиеся Мидии, опубликованы в переводе И.М.Дьяконовым: Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, №№ 2–4; в этих изданиях см. также библиографию изданий оригинальных текстов. Наиболее важны: E. A. W. Budge and L. W. King. Annals of the Kings of Assyria, I.London, 1902. P.Rost. Die Keilsebrifttexte Tiglatpilesers III, I–II. Leipzig, 1893; H. Winckler. Die Keilsebrifttexte Sargous, I–II. Leipzig, 1889; M. Streck. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige.Leipzig, 1913; F. Thureau-Dangin. Une relation de l'huitieme campagne de Sargon II. Paris, 1912, и мн. др.

понимания;[1] 2) обращения ассирийских царей к оракулам богов с просьбой ответить им на различные запросы политического характера, в особенности по поводу разного рода угрожающих для Ассирии событий.[2] Здесь без стеснения налагаются политические опасения ассирийских царей. До нас дошли запросы относительно событий в Мидии времени царей Асархаддона и Ашшурбананала (70–50-е годы VII в. до н. э.), к сожалению, о крайне разрушенном состоянии; их восстановление и хронологическое распределение представляет труднейшую задачу. Ассирийские источники иссякают к началу 30-х годов VII в. Помимо своего значения для фиксации самих фактов истории, они чрезвычайно важны для установления исторической хронологии.[3]

Урартские источники аналогичны по своему содержанию ассирийским; это надписи урартских царей на скалах, стенах и частях зданий, в ознаменование какого-либо строительства или какой-либо победы, а также надписи типа «анналов», отличающиеся, однако, от ассирийских гораздо большей сухостью и сжатостью изложения. Они бросают известный свет на события, происходившие на окраинах Мидии в VIII в. до н. э. Урартский язык представляет пока большие трудности для понимания.[4]

Некоторые данные по интересующему нас вопросу дают также вавилонские хроники (летописи). Первые хроники восходят еще ко II тысячелетию, но погодно они начали вестись, повидимому, начиная с правления Набунасира (Набонассара) в середине VIII в.; серия хроник продолжала

[1] Изданы: R. F. Harper. Assyrian and Babylonian Letters, I–XII. London, 1892 и сл.; в переводе: L. Waterman. Royal Correspondence of the Assyrian Empire, I–IV. Ann Arbor, 1930 и сл.; см. также: И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники...

[2] Переводы у И. М. Дьяконова (Ассиро-вавилонские источники...) нуждаются в дополнении; см.: J. A. Knudtzon. Assyrische Gebete an don Sonnengott. Leipzig, 1893; E. G. Klauber. Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit. Leipzig, 1913.

[3] Здесь решающее значение имеют так называемые «списки эпонимов» – ассирийских чиновников, поочередно в течение одного года занимавших обрядовую должность «лимму». По ним велась датировка в Ассирии. В одной из этих списков есть указанно на происшедшее в эпонимат одного из этих чиновников солнечное затмение, дата которого может быть установлена астрономически; тем самым получают даты и все остальные событии исторического периода, охватываемого списком (с 911 по 648 г.. до н. э.; см.: RLA, c. v. Eponymen). Более сложным способом, путем привлечения не всегда однозначных астрономических данных в старовавилонских и египетских текстах, а также собственных хронологических выкладок древних, определяется хронология III и II тысячелетии до н. э. См.: акад. В. В. Струве. Датировка I Вавилонской династии. ВДИ, 1947, № 1, стр. 9 и сл.

[4] Полное издание текста в транслитерации и перевода надписей урартских царей опубликовано Г.А.Меликишвили в «Вестнике древней истории», начинал с 1-го номера 1953 г. по 1-й номер 1954 г. («Урартские клинообразные надписи»). См. также: F. W. König. Handbuch der chaldischen Inschriften, I.Graz, 1955.

вестись вплоть до начала III в. до н. э., но до нас дошли не все ее части. Исключительное значение для истории Мидии имеет хроника за 616–610 гг. до н. э. («Хроника Гэдда») и за середину VI в. («Набонидова хроника»). Хроники изложены чрезвычайно сухо и лапидарно, сообщаются лишь важнейшие события без всяких подробностей.[1]

Помимо хроник, важные для нас данные содержат также надписи вавилонских царей, изложенные очень выспренно, преднамеренно архаизированным языком (сюда же примыкает и надпись персидского царя Кира на вавилонском языке, так называемый «Вавилонский манифест Кира»).[2]

Но в отличие от ассирийских надписей они содержат очень мало внешне-политического материала; лишь те или иные политические намеки случайно встречаются в массе текстов, посвященных вопросам культа и строительства.

К источникам, современным событиям в Мидии, относятся также некоторые данные, содержащиеся в Библии. Наиболее важными являются указания, которые можно почерпнуть из традиционной записи речей иудейских и израильских религиозно-политических проповедников (так называемых пророков: Наума – конец VII в., Иеремии – начало VI в., и других). Кое-какие данные содержатся и в религиозно-исторических хрониках Библии – так называемых «Книгах Царств» (дошедших, повидимому, в редакции VI в. до н. э.) и в их более поздней переработке – «Книгах Паралипоменон» (или «Хроник»).

Судьбы Мидии под властью персидской державы Ахеменидов отражены в трехъязычных[3] монументальных надписях персидских царей, в особенности в большой надписи Дария I на Бехистунской скале, где повествуется о низвержении им власти мага Гауматы и о последовавших за этим событиях 522–521 гг. до н. э.[4]

Все эти источники ценны тем, что они составлены современниками описываемых событий. Они дополняются второй группой источников

[1] L.W.King. Chronicles concerning Early Babylonian Kings, I–II, London 1907. – C.J.Gadd. The Fall of Nineveh. London, 1923. – S.Smith. Babylonian Historical Texts relating to the Capture and Downfall of Babylon. London, 1924. – B.Landsberger und Th.Bauer. Zu neuveröffentlichten Geschichtsquellen der Zeit von Asarhaddon bis Nabonid. ZA, N.F., III, 1926, стр. 1 и сл.

[2] F.H.Weissbach. Die Keilinschriften der Achameniden. Vorderasiatisch. Bibliothek, 3, Leipzig, 1911, стр. 4 и сл.

[3] На древнеперсидском, эламском и вавилонском языках.

[4] L.W.King and R.C.Thompson. The Rock Sculptures and Inscriptions of Darius the Great on the Rock of Behistum, L., 1907 – R.Kent. Old Persian Grammar Text Lexicon. New Haven, 1950. – Второе издание книги Кента мне еще не было доступна.

– составленных позже событий, на основании, главным образом, устной традиции. Эти источники, разумеется, нередко гораздо менее ценны. Их ценность зависит, с одной стороны, от доброкачественности традиции, с другой – от добросовестности ее передачи. В составе этой группы первую подгруппу составляют древнегреческие авторы.

Интерес к восточной истории возник в Греции в период греко-персидских войн V в. до н. э. (в которых участвовали и мидийские войска). Греки, задумываясь над тем, откуда взялось громадное и, казалось, могучее государство их противников – персов, невольно должны, были обращаться к предистории ахеменидской Персии – к Мидийской и Ассирийской державам. Об Ассирии у греков всегда были лишь самые смутные и фантастические сведения; ассирийская историческая традиция была безвозвратно потеряна, грамотная часть населения ассирийских городов истреблена вместе с ассирийской знатью еще в VII в. Иное дело Мидия. Еще были живы потомки многих мидийских родов, активно участвовавших в политической жизни Мидийского царства; они часто занимали видное место и в Ахеменидской державе, и их представители нередко по тем или иным поводам вступали в контакт с греками. К этому надо прибавить, что в архивах персидских царей в то время еще хранились, вероятно, и мидийские официальные документы. К сожалению, греки, как правило, не имели доступа к царским архивам Ахеменидов, а впоследствии эти архивы были уничтожены при завоевании Ахеменидской державы Александром в последней трети IV в. до н. э.

Отдельные данные о мидянах и Мидийском царстве рассеяны в сочинениях греческих авторов V в. до н. э.; о них говорилось, повидимому, у Гекатея Милетского, у Харона из Лампсака, у Дионисия Милетского написавшего книгу о персидском царе Дарии и о Персии, и у Ксанфа Лидянина, автора «Истории Лидии» (государства в Малой Азии), жившего в середине V в.;[1] у логографа Гелланика происхождение мидян и персов ставилось в связь с именами героев греческих мифов – Медеи и Персея.[2] Но от их сочинений сохранились лишь небольшие отрывки в изложении более поздних авторов. Затем данные о мидянах

[1] Возможно, однако, что Ксанф писал уже после Геродота и пользовался его трудом; некоторый исследователи считали даже сочинения Ксанфа более поздней подделкой. Часть сохранившихся фрагментов, приписываемых Ксанфу, безусловно принадлежит не ему, а восходит к подделке II в. до н. э. некоего Дионисия Скитобрахиона из Митилены; см.: L. Pearson. Early Ionian Historians. Oxford, 1939, стр. 190 и сл.

[2] К сожалению, метод, применявшийся Геллаником, – сопоставление сходно звучащих слов и имен из разных языков без учета их происхождения, значения и конкретной истории в каждом языке, на основе одного лишь случайного созвучия, – приходится и по сей день встречать в некоторых работах.

имеются у Эсхила в трагедии «Персы» и т. д.

Однако развернутую историю Мидии впервые попытался дать во второй половине V в. до н. э. величайший греческий историк, основатель исторической науки – Геродот из города Галикарнаса в Малой Азии.

Геродот, вынужденный, повидимому, бежать с родины по политическим причинам, много путешествовал в молодости, посетив Северное Причерноморье, Малую Азию, Финикию, Египет, Вавилонию, быть может, также Мидию и Персию, а позже Македонию. В результате этих странствий им были составлены очерки истории и нравов посещенных им стран. Согласно наиболее распространенному мнению, он прибыл в Афины около 447 г., где выступал с публичными чтениями. Он примкнул к кружку ученых и литераторов, группировавшихся вокруг тогдашнего вождя афинской демократии Перикла (хотя сам, повидимому, был лишь умеренным демократом) и под влиянием этого кружка переработал свои записки в грандиозно задуманную историю Азии и Европы, причем центральным моментом изложения должна была быть история греко-персидских войн. Он продолжал работу над своим трудом в южной Италии, в Фурии – колонии, в основании которой он принял активное участие, – и умер, повидимому, там же, около 425 г. до н. э., не вполне успев закончить свой труд.

В результате длительной работы в области античного источниковедения в настоящее время установлено, что Геродот, хотя и пользовался трудами своих предшественников – и, в частности, знал работы Гекатея, Гелланика и Дионисия, – но в основном базировал свое изложение на устных расспросах. В частности, для истории Мидии (как и Персии), по почти всеобщему мнению исследователей, Геродот использовал устные рассказы знатных персов, в том числе, быть может, Зопира, беженца в Афины, представителя одного из знатнейших персидских родов; а также вероятно, одного из потомков Гарпага, мидянского[1] вельможи, сыгравшего за сто лет до этого роковую роль в падении Мидийского царства. Род Гарпага, как полагают, обосновался впоследствии в малоазийской области Ликии, недалеко от родины Геродота, и имел здесь поместья.[2] Подобные осведомители могли дать Геродоту до-

[1] Термин «мидянский» мы относим к народности мидян, «мидийский» – к государству или территории.

[2] До нас дошли памятные и надгробные надписи потомков Гарпага (?) на греческом и ликийском языках: J. Friedrich. Kleinasiatische Sprachdenkmaler. Berlin, 1932, стр. 62, № 44а, строки 1–2; стр. 63, строка 30; №: 44с. стр. 66, строка 24; стр. 76, № 77, строка 26.

вольно достоверные, хотя и односторонние данные из своих семейных преданий.

Что касается передачи этих преданий у Геродота, то необходимо отметить чрезвычайную добросовестность «отца истории». Правда, случается, и даже нередко, что данные его труда не выдерживают проверки; но в таких случаях неизменно оказывается, что речь идет о недобросовестности осведомителя, а не самого Геродота. Там же, где Геродот имел надежного осведомителя (а так оно было почти во всех персидских делах), его показания обычно подтверждаются новейшими данными археологии и востоковедения не только в общих чертах, но и в малейших деталях. Поразительным подтверждением достоверности Геродота была в свое время дешифровка Бехистунской надписи ахеменидского царя Дария I: оказалось, что, излагая по изустным преданиям почти через 100 лет после событий историю убийства мага Гауматы, Геродот правильно назвал имена шести заговорщиков, участвовавших в убийстве: он ошибся в одном только имени, но и в этом случае назвал действительно существовавшего ближайшего приближенного Дария, только лично не участвовавшего в убийстве.[1] Точность исключительная, если иметь в виду, что изложение основано не на письменных источниках, а лишь на предании. В дальнейшем изложении мы увидим немало примеров подтверждения данных Геродота другими памятниками.

К сожалению, Геродот, нередко будучи знаком с несколькими версиями разных источников, излагает большей частью только одну; и хотя он выбирает ту, которая казалась ему наиболее вероятной, на его историческое чутье не всегда можно положиться.

Краткое повествование Геродота – единственная настоящая связная история Мидии, дошедшая до нас из древности. Оно дает нам и хронологическую нить для определения событий мидийской истории, в особенности для периода, уже не освещаемого ассирийскими источниками. К сожалению, как всякая хронология, основанная на устном предании, она не может претендовать на абсолютную достоверность.

Согласно Геродоту, Мидия вначале была покорена ассирийцами, а затем освободилась; некоторое время мидяне жили без государственной власти. Первый мидийский царь, основатель города Экбатан и самого царства – Донок (Dēiokēs), правил 53 года, сын его, Фраорт (Phaortēs),

[1] Геродот называет убийц мага (кроме Дария) именами Митафрена, Отана, Гобрия, Гидарна, Мегабиза и Аспатина; Бехистунская надпись называет их: Виндафарна, Утана, Гаубрува, Видарна, Багабухша и Ардуманиш; отдельно назван Аспачана. Различия в передаче имен основаны главным образом на особенностях греческой фонетики.

покоривший персов и другие азиатские народы, – 22 года; он пытался воевать с ассирийцами, от которых «отпали» к этому времени все «союзники», хотя ассирийцы тем не менее еще «находились в хорошем положении». В войне с ассирийцами Фраорт пал; войско мидян было реорганизовано его сыном Киаксаром (Kuēksarēs), правившим 40 лет; но и его попытка завоевать ассирийскую столицу Ниневию была неудачной, так как появившееся войско скифов под начальством Мадия, сына Прототия, выручило ассирийцев; скифы установили свое господство над Азией на 28 лет, но затем были подчинены Киаксаром, который, наконец, совместно с Вавилонией покорил Ассирию. Затем Киаксар попытался вовсе потребить главарей скифов; остатки их бежали в Малую Азию (в Лидию), что вызвало шестилетнюю войну между Киаксаром и лидийским царем Алиаттом. Во время последней битвы произошло солнечное затмение, которое было воспринято воюющими как знамение; между Лидией и Мидией был заключен мир при посредничестве Сиеннесия, царя Каликиц, и Лабинета, царя Вавилона; граница была проведена по реке Галису (ныне Кызыл-Ырмак), и сын Киаксара, Астиаг, женился на дочери Алиатта. Когда Киаксар умер, на престол взошел его сын Астиаг (Astuagēs), правивший 35 лет и низложенный, по происках обиженного им лидийского вельможи Гарпага, – Киром, сыном дочери Астиага Майданы и перса Камбиса.

Такова в общих чертах хронологическая схема Геродота. Она и по сей день остается тем костяком, который лежит в основе всех хронологических и исторических построений в области истории Мидии. Геродотова схема может быть прикреплена и к абсолютной хронологии: упоминаемое им затмение астрономически определено: оно падает на 28 мая 585 г. до н. э.[1] Кроме того, по независимым вавилонским данным известно, что низложение Астиага («Иштувега») произошло в 550/549 г. до н. э., а разрушение Ниневии Киаксаром («Увакиштаром») – в 612 г. до н. э.

Помимо изложенного выше, Геродот говорит в одном месте (I, 130), что мидяне владычествовали над Азией 128 лет, но кроме (или с вычетом ?)[2] владычества скифов (которые, как указано выше, по сообщению Геродота, владычествовали 28 лет).

---

[1] Другое возможное отождествление этого затмения – с затмением 30 сентября 610 г. – значительно менее вероятно не только по историческим основаниям, но и потому, что в Малой Азии последнее затмение не было полным, на что указал Т. Нольдеке на основании уточненных в конце XIX в. астрономических данных. Дату 585 г. до н. э. (в переводе на современное летосчисление) приводит уже Плиций [Nat. Hist. II, 9 (12), по{изд.} Littre, Paris, 1805].

[2] Pareks: это место вызывает различные толкования.

Повидимому, в этой цифре ошибка, если только Геродот не имеет в виду – с округлением – время правлений Фраорта, Киаксара и Астиага, т. е., по его собственным данным, 97 лет.[1]

Уже из этого видна неточность хронологических данных, имевшихся у Геродота. Есть тому и другие доказательства. Так, имя «Лабинета», который, якобы, посредничал в заключении мира 585 г., – это имя вавилонского царя Набуна'ида («Набонида» по Птолемееву астрономическому канону), вступившего на престол только в 556 г.[2] Ассирийские надписи упоминают о высылке некоего Дайаукку из Мидии в Сирию под 715 г. до н. э.; это лицо, вероятно, тождественно с «Дейоком» Геродота; но эти ассирийские данные, хотя и подтверждают до известной степени предание, сообщенное Геродотом, в то же время недостаточно хорошо согласуются с его хронологическими данными. Имеются и другие хронологические неувязки такого же рода.

Рис. 3. Образец греческой рукописной книги. Лист из рукописи V в н. э.

Следует далее отметить искусственный характер цифр Геродота, что и следовало ожидать, имея в виду устный характер передачи, при которой цифры обычно сообщаются округленно, для лучшей их запоминаемости. Действительно, 53+22=75 и 40+35=75, имеете это равно 150 годам.[3]

[1] Есть и другие объяснения этой цифры. Так, Нельдоко полагает, что Геродот по ошибке сложил годы правления Дойока (вместо Фраорта), Киаксара и Астиага (53+40+35=128); но так как ему было сообщено, что мидяне владычествовали над Азией около 100 лет, то он вычел разницу (28 лет) и приписал ее скифам, действительная продолжительность правления которых ему не была известна. Другое объяснение принадлежит Дж. Раулинсону. Согласно этому объяснению, Геродот допустил двойную ошибку, приписал годы правления Дойока Фраорту, а годы Фраорта – Дойоку; в цифре 128 отразились правильные данные геродотова осведомителя. Что касается 28 лет скифского владычества, то, по этому толкованию, их нужно прибавить к цифре 128. Имеются и различные другие объяснения. Ср. ниже, стр. 196.

[2] Впрочем, и сам Геродот отличал Лабинета–Набонида (I, 188) от Лабинета – современника Киаксара. Вавилонским царем в это время был на самом деле Навухо- доносор II.

[3] Это, по обычному в древности условному расчету, соответствует пяти поколениям по 30 лет; высказывалось и по другим основаниям предположение, что между Деноком и Фраортом пропущен еще один царь.

Далее, 22 года Фраорта+28 лет скифского владычества составляют 50 лет; вместе с царствованием Дейока это составляет 103 года, но возможно, что в старых рукописях труда Геродота стояло «пятьдесят», а не «пятьдесят три»;[1] тогда цифра будет равна 100. Правления Киаксара и Астиага вместе с правлением Кира составляют 104 года (40+35+29); но Геродот – хотя он и не отметил этого в своем труде, – возможно, знал, что война Кира с Астиагом длилась три-четыре года и что поэтому начальные годы правления Кира совпадали с последними годами правления Астиага. Тогда и здесь получается цифра ровно 100 (40+35+25), а всего 200.[2]

Конечно, подобного рода соображения относительно расчетов, которые могли лежать в основе хронологии Геродота или его осведомителя, – не более как предположения; но во всяком случае ощущается какая-то искусственная основа этих расчетов. Как все подобного рода хронологии, она, по всей вероятности, основана на счете поколении или на традиции такого, например, содержания: «От начала царствования Дейока до Фраорта прошло полстолетия или немного более; Фраорт и скифы вместе правили полстолетия; Киаксар правил несколько дольше, Астиаг – несколько меньше; Кир правил почти тридцать лет, а воевал с Астиагом четыре года». При таком характере устной хронологической традиции данные ее не будут очень сильно расходиться с истиной, но в то же время не следует ожидать, что она подтвердится совершенно точно, год в год. Понимая дело таким образом, мы можем, в общем, с указанными оговорками, положиться на хронологию Геродота. В дальнейшем изложении мы увидим, что Геродот, повидимому, был не очень далек от истины и что получаемые из изложения Геродота даты:

Дейок – 727–675 (или, считая одно имя пропущенным, несколько раньше, например, 767–715)[3]
Фраорт – 674–653
Мадий и скифы – 652–625
Киаксар – 624–585
Астиаг – 584–549 гг. до н. э. –

можно считать приблизительно верными.

Геродот еще в древности подвергался ожесточенным нападкам; ему давали презрительные клички «мифолога» и «сочинителя», а историк I в. н. э. Плутарх написал специальное сочинение «О злонамеренности Ге-

[1] См. ниже о хронология Ктесия, стр. 29.

[2] Или шесть поколений по 33⅓ года? (тоже довольно обычный условный расчет).

[3] Если считать конец правления Дейока падающим на 715 г., согласно ассирийским данным (см. выше, стр. 21). Если считать, что 40 лет Киаксара включают и владычество скифов, то начало правления Дейока по Геродоту падает на 699 г.

родота». Как уже указывалось, новейшая наука, в общем, всецело стоит на точке зрения добросовестности «отца истории»; нападки древних на него объясняются отчасти излишней, с точки зрения его античных критиков, снисходительностью и беспристрастностью при изображении азиатов и вообще не-греков, «варваров» (с позднейшей греческой точки зрения, исконных врагов или природных рабов греков); так, Плутарх называет Геродота «фило-варваром». Отчасти в результате той же беспристрастности, Геродот задел мелкий местный патриотизм, нарисовав некоторых деятелей различных греческих городов-государств не столь единодушно патриотичными в борьбе с захватчиками, как их хотели бы видеть их потомки (не забудем, что в V в. до н. э. еще не было единой греческой народности, чего не понимали позднейшие критики). Наконец, отчасти Геродот навлек на себя нарекании тем, что иногда изменял объективности, излагая дело так, как этого хотелось сторонникам вождя афинского государства Перикла. Все это, однако, не имеет большого значения для оценки сообщений Геродота по истории Мидии. В новейшее время неоднократно делались попытки опять очернить Геродота, так, например, английским ученым Сэйсом в конце XIX в. Позиция Сэйса была блестяще опровергнута русским ученым Ф. Г. Мищенко.[1] В применении специально к мидийской истории достоверность Геродота особенно подчеркивалась бельгийцем Делаттром.[2] В XX в. вновь пытался опровергать геродотову историю Мидии, например, Хюзинг.[3]

Следующий греческий автор, с которым приходится считаться, – это Ктесий из Книда. Сочинение его, называвшееся «Persika» – «Персидская история», до нас не дошло, но дошли довольно пространные пересказы больших отрывков из него.[4]

---

[1] Ф.Г.Мищенко. Не в меру строгий суд над Геродотом. В кн.: Геродот. История в девяти книгах. Перев. Ф.Г.Мищенко, т. II, М., 1888, стр. I и сл.

[2] A.Delattro. Le Peuple et l'Emprie des Medes jusqu'a la fin du regne de Cyaxare. Memories couronnes et memories des savants etrangers publies par l'Academie Royale des Sciences, des Lettres et des Beaux-Arts de Belgiquo, XLV, Bruxelles, 1883.

[3] И серии статей по истории Мидии, опубликованных в журнале «Orientalistische Literaturzeitung» за 1915 г.

[4] Наиболее важные – у древнегреческого историка Диодора, компилировавшего данные более старых авторов, и у ранневизантийского писателя Фотия. Большие и важные выписки имелись у историка I в. Николая из Дамаска (историографа известного Ирода Великого). Николай добавлял, однако, к известиям Ктесия, повидвмому, и некоторые другие. Сочинение Николая Дамасского также не дошло до нас полностью, а известно только в выдержках. Отдельные цитаты и сведения из сочинения Ктесия встречаются у многих античных авторов. См. фрагменты Ктесия, изданные Мюллером (C.Müller) вместо с сочиненном Геродота в серии «Firmin-Didot»; фрагменты Николая Дамасского см.: FGH, IIA, Berlin, 1926; см. также различные издания Диодора (главным образом книги I и II). Наилучшая работа о Ктесии: Pauly–Wissowa, s. v. Ktesias (статьи Ф.Якоби). – Недавно найден фрагмент сочинения Ктесия среди греко-египетских папирусов.

Ктесий, видный врач, родич основателя научной медицины Гиппократа, попал около 414 г. до н. э. в качество пленного[1] ко двору персидского царя Дария II и жил при дворе сначала этого царя, а затем Артаксеркса II Мнемона 17 лет. Персидский царь иногда пользовался его услугами при различных переговорах с греками;[2] посланный в 398 г. с одним из царских поручений в Спарту, он вернулся затем на родину. Здесь он занялся писательской деятельностью; наиболее известны его сочинения «Persika» и короткий очерк об Индии – «Indika». По утверждению самого Ктесия, он пользовался при составлении «Persika» официальными персидскими летописями, а в других случаях – в частности, и для «Indika» – собственными наблюдениями и сообщениями очевидцев. Это утверждение, а также занимательный новеллистический характер изложения привлекли к Ктесию внимание позднейших античных авторов, которые доверяли ему часто больше, чем Геродоту; дело в том, что почти во всех случаях, когда Геродот и Ктесий пишут об одном и том же, они резко расходятся в своих сообщениях, и это немало способствовало нареканиям на Геродота как на недостоверного писателя. Но на самом деле утверждение Ктесия о его источниках совершенно не соответствует истине, и в наше время это довольно легко можно доказать.

Начать с того, что Ктесий, очевидно, плохо знал восточные языки и во всяком случае не знал восточных письменностей, а следовательно, не мог читать никаких царских летописей. Из ряда данных видно, что в конце V в. в Сузах и Персеполе, при дворе персидских царей, была

[1] Диодор (Diod., II, 32, 4) говорит, что Ктесий служил во время войны Кира Младшего с Артаксерксом II и, кроме того, что будучи взят в плен, он был приближен к персидскому царю за свое врачебное искусство; но дело обстоит не так, что Ктесий участвовал на стороне Кира в его походе против Артаксеркса II; прекрасно осведомленный об этом походе и сам его участник – Ксенофонт упоминает, что Ктесий уже находился в то время при дворе Артаксеркса (Xen. Anab., 1, 8, 26). Скорее всего, Ктесий мог быть захвачен в плен ахеменидским сатрапом Тиссаферном во время его войны в соседней с Книдом Карии против персидского повстанца Аморга, сына Писсутна, который опирался на греческих наемников (Thuc., VIII, 5, 5; 28, 4). Ктесий придерживался спартанской ориентации (см. об этом у Плутарха в биографии Артаксеркса), и вполне естественно, что он мог быть вынужден покинуть Книд, контролировавшийся до 413 г. афинянами, и поэтому поступил на службу к Аморгу. Последний был захвачен спартанцами и выдав Тиссаферну в 412 г., но война с ним велась уже значительно раньше, – по всей вероятности, с 414 г., после того как Тиссаферном был захвачен отец Аморга, Писсутн. По мнению К. Мюллера, Ктесий был взят в плен лишь в 405 г. и пробыл в Персии всего семь лет, так как в 415 г. Артаксеркс II еще не правил; но нет необходимости полагать, что Ктесий попал сразу ко двору именно Артаксеркса.

[2] Судя по Плутарху, Ктесий сыграл известную роль в переговорах Артаксеркса с афинским флотоводцем Кононом в кампанию, приведшую к позорному для греков – и, в частности, для Спарты – Анталкидову миру.

уже значительная греческая колония, и поэтому врач-грек мог прожить здесь много лет, зная персидский ровно настолько, чтобы объясняться со слугами и с пациентами. А что он не знал восточных письменностей, видно из следующего. Ктесий сообщает: «Гора Багистан – святыня Зевса; со стороны сада она имеет обрывистые скалы, возвышающиеся на семнадцать стадий.[1] Стесав ее нижнюю часть, она (ассирийская царица Семирамида! – *И. Д.*) высекла собственное изображение, поместив рядом сто копьеносцев, и написала на скале сирийскими буквами (имеется в виду клинопись, – *И. Д.*): „Семирамида по поклаже следовавших за ней вьючных животных, свалив ее от равнины до горной кручи, забралась на вершину"». Нечего и говорить, что надписи на скалах древневосточных царей носили совсем иной характер. Но дело даже не в этом. Описанная Ктесием скала существует на самом деле: это знаменитая Бехистунская скала, древняя Багистана, «место богов», действительно посвященная верховному богу Ахурамазде, которого греки называли Зевсом.[2] Но имеющаяся на ней громадная надпись принадлежала, как известно, вовсе не легендарной Семирамиде (жившей, по Ктесию, чуть ли не за полторы тысячи лет до его времени), а знаменитому ахеменидскому царю Дарию I (прадеду того Дария II, при котором, очевидно, Ктесий попал в Персию). На скале в действительности изображены царь в сопровождении двух воинов, парящий сверху бог и стоящие перед царем девять связанных пленников.[3] Надпись составлена на трех языках – персидском, эламском и вавилонском. Очевидно, что Ктесий не читал этой надписи. Вероятно, он проезжал когда-то по царской дороге мимо этой скалы и видел на ней какие-то фигуры, которые снизу трудно рассмотреть; остальное – плод позднейшего воображения. Но Ктесий не мог бы не знать содержания надписи, если бы знакомился с царскими архивами, ибо точно известно,[4] что копии с текста надписи

[1] Свыше 3000 м. Цифра преувеличена.

[2] В литературе можно встретить указания, что скала была посвящена богу Митре, – на том основании, что в Авесте словом baga обозначается только этот бог. Но в древнеперсидском baga означало «бог» вообще, а не именно Митру (и это же слово означало, повидимому, «бога» и в Мидии), и на скале высечено изображение Ахурамазды, а не Митры.

[3] Возможно, что Ктесий смешал Бехистунский рельеф с Курангунским рельефом в Персиде (эламского времени); на нем действительно изображено несколько десятков воинов (?) и, между прочим, женская фигура, но не царицы, а богини.

[4] Об этом сообщает сама Бехистунская надпись (Beh., L.), и, кроме того, остатки; арамейского списка с этой надписи найдены, например, в архиве персидского гарнизона на Элефантине в Египте, см.: E. Sachau. Aramaische Papyrus und Ostraka aus Elephantine. Leipzig, 1911, стр. 187–209, табл. 52, 57; A. Ungnad. Aramaische Papyrus aus Elephantine. Kleine Ausgabe, Leipzig, 1911, №№ 65–70A, стр. 83 и сл.

на арамейском и персидском языке (а также, очевидно, и на других официальных языках державы) хранились во всех государственных архивах. Если бы Ктесий пользовался этими архивами, он знал бы и обстоятельства восстаний против Дария, которым посвящена эта надпись, в частности обстоятельства восстания мага Гауматы. Но он их не знает. Ему известен, правда, самый факт этого восстания, а также то обстоятельство, что заговорщиков было семеро и что от них происходят знатнейшие персидские роды; но называет он мага не Гауматой, а Сфендадатом[1], а заговорщикам, кроме Дария, дает имена Онофа, Идорна, Норондабата, Мардония, Барисса и Атаферна. Одно только имя (Видарна) случайно правильно; кроме того, Мардоний – имя, по крайней мере распространенное в одном из родов семи заговорщиков, хотя ни один из самих заговорщиков не носил его. Вся история опять-таки похожа на восстановление по памяти: приблизительная канва самих событий была Ктесию известна, остальное расцвечено впоследствии. И таких случаев в изложении Ктесия немало.

Вот еще один из характернейших фактов: Ктесий знал, что Ассирийское государство было разрушено в результате союза между царями Мидии и Вавилонии, но для его рассказа были нужны собственные имена, а он их, очевидно, не помнил. Зато он помнил имена современных ему персидских сатрапов Мидии и Месопотамии: их звали Арбаком и Белесисом. Он и взял эти два имени, и с легкой руки Ктесия по книгам античных историков в качестве разрушителей Ассирии пошли гулять «Белесис, царь Вавилона», и «Арбак, царь Мидии»[2] (а современный нам австрийский ученый Кениг даже пытался найти одно из этих имен в лакуне поврежденного вавилонского клинописного текста!).

Если, с одной стороны, Ктесий не знает того, чего он не мог бы не знать, если бы пользовался царскими летописями, зато он «знает» то, чего там никак не могло быть: например, он рассказывает, что в «варварских» летописях сообщается о переписке какого-то «ассирийского» царя Тевтама с. . . подчиненным ему мифическим Приамом, царем Трои, который просил будто бы прислать ему помощь по случаю войны с греками, предводительствуемыми Агамемноном, и будто бы Тевтам прислал под Трою Мемнона с 10 000 эфиопов (!) и 10 000 сузианцев.

[1] В этом ошибается и Геродот: он обозначает его по названию занимавшейся им должности, приняв ее за имя собственной. Появление имени Сфендадата у Ктесия не случайно, а представляет собой очень любопытную черту, на которой мы остановимся в своем месте.

[2] Ср.: Xen. Anab., I, 7, 11; VII, 8, 25; I, 4, 10. Таково же происхождение многих имен лиц, которые действуют у Ктесия и мидийской истории (например, Артаспра, Пармися): это имена его современников. Ср. ниже, стр. 88, прим. 3.

Мемнон, как известно, выведен в греческом эпосе о троянской войне как сын богини зари Эос: и Тифона и союзник Приама, Ктесию же понадобилось связать сочиненную им ассирийскую историю с легендарной историей его собственного народа.

Но если дело обстоит плохо с тем, что Ктесий якобы читал в персидских летописях, то не лучше обстоит дело с тем, что он якобы видел собственными глазами. Вот, например, что сообщает римский писатель Элиан; цитируя ктесиевы «Indika»: «В Индии водится свирепый зверь, величиной с большого льва, цветом красный, как будто киноварь, мохнатый, как собака, на индийском же языке называется „мартихорас"; лицо же имеет такое, что кажется не звериным, а человеческим; зубов имеет по три ряда сверху и снизу, острейшие и больше собачьих; уши же с виду человечьи, только больше и полосатое; глаза серые, тоже похожие на человечьи; а лапы, по моему мнению, и когти, – такие, как у льва; из кончика хвоста торчит скорпионье жало длиной более локтя (полуметра, – *И. Д.*)... Ктесий говорит, что видел у персов это животное, доставленное от индийцев как дар царю персов».[1] Эта выдержка еще раз показывает, что Ктесий не только сочинял то, что он будто бы сам видел, но, кроме того, еще и не знал как следует персидского языка: он правильно переводит слово «мартихорас» как «людоед», но Элиан дважды называет (судя по контексту, со слов Ктесия) это слово индийским, между тем, это слово персидское – *martiyaxvara-.

Ошибок Ктесия не перечесть. Ниневия, по его мнению, стояла не на Тигре, а на Евфрате; мидяне завоевали Ассирию (в переводе на наше летосчисление) в. . . IX в. до н. э., т. е. даже до начала действительного периода ассирийских завоеваний в IX–VII вв.; а Вавилония была сатрапией Мидии будто бы за три правления до Астиага (когда на самом деле Вавилон был покорен только Киром в 538 г. до н. э.); Ктесий изобретает имена многочисленных царей Вавилонии и Египта, неизвестных ни местным источникам, ни таким серьезным древним знатокам вавилонской и египетской хронологии, как Беросс, Птолемей и Манефон, и т. д. и т. п.

В тех случаях, когда расхождение между Геродотом и Ктесием можно документально проверить на современных событиям памятниках, памятники подтверждают Геродота и опровергают Ктесия; и хотя сходные с ктесиевыми данные часто встречаются и у других античных авторов, как правило, удается доказать, что сообщение данного автора восходит к самому же Ктесию. Нельзя не присоединиться к философу

[1] Ael. De nat. anim., IV, 21.

Лукиану, этому, по выражению Энгельса, «Вольтеру древности», когда он говорит о Ктесий: «Ктесий, сын Ктесиоха, книдянин, о земле индийцев и о том, что там есть, написал то, чего ни сам не видел, ни от кого-либо другого не слыхал».[1]

И все же мы не можем совершенно отбросить Ктесия. Он действительно долго жил в Персии, был знаком со многими персами и мидянами, слышал разные предания, сплетни и легенды, – и иной раз, среди лишенного цены материала, попадается имя, факт или предание, которых он сам придумать не мог.[2] Но он, поводимому, совсем не собирался (да вряд ли бы и мог) писать какие-либо записки при персидском дворе. Идея написать историю Ассирии, Мидии и Персии пришла ему в голову, очевидно, уже после возвращения на родину, по всей видимости, под влиянием славы ранее не известной ему «Истории» Геродота, против которого собственно и было направлено его сочинение. Суть дела была, повидимому, в том, что книга Геродота прославляла Афины, а Ктесий был сторонником Спарты. Геродота легко было поймать на незнании различных бытовых деталей или внутренних событий персидского двора; и Ктесий, пользовавшийся репутацией знатока этого дела, решил «опровергнуть» и превзойти Геродота; и поскольку книга его была написана в опровержение геродотовой истории, постольку Ктесий стремился разойтись с галикарнасским историком во всем: если Геродот говорил «черное» – Ктесий говорил «белое», и наоборот. Там же, где память ему изменяла или где он вообще не знал никаких фактов (так как не собирал их), он без стеснения прибегал к вымыслам; особенно часто Ктесий подставлял вместо неизвестных или позабытых им собственных имен другие имена из близкого круга. В результате античный мир получил две ни в чем не схожие истории Азии; оставалось признать одного из историков за лжеца. Современная наука со всей бесспорностью доказала, что не Геродот был лжецом.[3]

Остановимся вкратце на данных Ктесия по истории Мидии. Согласно его данным, Мидия была завоевана Ассирией в незапамятной

[1] Ver. hist., 3. Разумеется, это касается не только его «Indika», единодушие осуждаемых всеми античными авторами, но и других исторических сочинений. Столь же нелестно отзывается о Ктесий и Плутарх, несмотря на свою нелюбовь к его сопернику Геродоту.

[2] Так, например, почти все первые три «книги» его сочинении (23 «книг») занимала новелла о легендарных и по большей части просто намышленных похождениях ассирийский царицы Семирамиды; но самое имя это – историческое, оно до сих пор живет также и в преданиях ряда народов Востока.

[3] Тем не менее и сейчас нередко встречаются попытки опорочить добросовестность Геродота. К таким гипоркритическим оценкам его работы нужно относиться с большой осторожностью.

древности – еще при мифических Нине и Семирамиде, которые воевали будто бы уже даже не в Мидии, а в Бактрии.[1] После многовекового владычества Ассирии, не ознаменованного никакими событиями, произошло восстание Арбака, ассирийского сатрапа Мидии, и его союзника Белесиса.

Ассирийский царь Сарданапал вначале удачно оборонялся, но дело решил неожиданный переход бактрийцев (которые на самом деле, конечно, никогда не подчинялись Ассирии!) на сторону Арбака, и ассирийское государство уже тогда было уничтожено.

Затем Ктесий дает такой список царей Мидии и лет их правления:

Арбак (Arbakos)	– 28 лет
Мандаук (или Маудаук – Maudaukos)	– 50 »
Сосарм (Sosarmos)	– 30 »
Артик (Artukas)	– 50 »
Арбиан (Arbianes)	– 22 года
Артей (Artaios)	– 40 лет
Артин (Artunos)	– 22 года
Астибар (Astibaras)	– 40 лет
Аспанд (Aspandas), «которого греки называют Астиигом» (Astuigus),	– 35 лет (?)

По этим данным выходит, что Ниневия была разрушена не в 612 г. до н. э., как в действительности, а в 832 г. (если считать, что «Аспанд», или «Астиг», правил 35 лет, как Геродотов Астиаг). Нелепость этой хронологии очевидна, и еще Вольней в начале XIX в.[2] обнаружил ее происхождение: она является результатом удвоения соответствующих цифр Геродота.

У Геродота мидийские цари правили 53, 22, 40 и 35 лет, а скифское владычество длилось 28 лет. У Ктесия первый и третий цари царствуют по 28 (или 30 лет, но возможна здесь ошибка при эксцерпировании),[3] второй и четвертый правят по 50 лет,[4] пятый и седьмой

[1] Ни с чем не сообразная история Ассирии, как она изложена у Ктесия, широко была распространена у древних авторов, так как последние не имели по этому вопросу другого источника. История Ассирии, составленная или задуманная Геродотом (см.: Her., I, 106), не сохранилась уже в древности или вовсе не была написана.

[2] C. F. de Volney. Recherches nouvelles sur l'histoire ancienne. Paris, 1814.

[3] А именно, triakonta – «тридцать», вместо dusi leiponta tŏn triakonta – «на два меньше, чем тридцать», как сказано в первом случае (Diod., II, 32, 6).

[4] Это округление геродотовой цифры 53; или, может быть, у Геродота в старых рукописях тоже была цифра 50?

– по 22 года, шестой и восьмой – по 40 лет. Так как Ктесий признает тождество своего Аспанда с геродотовым Астиагом, то он, вероятно, дал ему и геродотову цифру лет – 35.[1]

Казалось бы, этого достаточно, чтобы убедиться в полной несостоятельности сообщений Ктесия об истории Мидии. Но некоторые исследователи (Опперт, Рост, Масперо и др.) пытаются спасти их, то полагая, что они будто бы содержат индоевропейские переводы якобы не индоевропейских имен мидийских царей у Геродота,[2] то полагая, что Ктесий искусственно собрал в одну династию имена различных мидийских царьков и вождей додейоковского периода.[3] Действительно, некоторые из ктесиевых имен имеют известное сходство с именами мидийских правителей, упоминаемых ассирийскими анналами [Хартукка, Машдайукку (?), Арбаку и т. п.], но, насколько мы знаем нашего автора, вряд ли Ктесий затруднился бы тем, чтобы выискивать подлинные имена мидийских вождей VIII–IX вв.; более вероятно, что он привлек имена известных ему мидян его собственного времени, а эти имена, надо думать, и тогда еще часто бывали вполне аналогичными тем, которые были распространены и той же области на несколько столетий раньше.[4]

Но для VIII в. мы и без Ктесия имеем вполне достаточный источник в ассирийских анналах. Гораздо важнее его сообщения о событиях VI в., почти не освещенных клинописными источниками и Геродотом. По счастью, здесь – во всяком случае в важном описании последней войны Астиага с Киром – Ктесий, повидимому, довольно близок к истине,[5] и некоторые его сообщения подтверждаются вавилонскими источниками. Как кажется, события начала Ахеменидской династии, в отличие от более ранних, оживленно дискутировались в Персидской державе еще в V в., и Ктесий действительно мог слышать о них и случайно сохранил нам одну из индийских версий истории этих событий.

[1] Число лет Аспанда – Астиага не дошло в сохранившихся до нас фрагментах сочинения Ктесия.

[2] Во всяком случае имена Киаксар и Фраорт – совершенно бесспорно индоевропейские! Скорое можно было бы представить обратное положение; но и некоторые из приводимых Ктесием имен тоже явно индоевропейские (Astibaras=Arštibāra= «копьеносец», Artaios=Artāya=«праведный», и т. д.).

[3] Мы видели, однако, что первый в списке ктесиевых царей Мидии – Арбак, как и его «союзник» Белесис, царь Вавилонии, – оказываются подозрительным образом тезками современных Ктесию сатрапов Мидии и Месопотамии. Этого совпадения, совершенно невероятного в естественных условиях, достаточно для того, чтобы сделать мертворожденными любые попытки воскресить ктесиову схему истории Мидии.

[4] Это действительно имена мидян: среди персов таких имен не встречается.

[5] Геродот излагает эту войну настолько коротко, что Ктесию не было соблазна «опровергать» его по этому поводу.

Следующий греческий автор, писавший о Мидийском государстве, Ксенофонт, представляет собой фигуру совсем иного характера. Философ-идеалист и политический деятель аристократического направления, ученик Сократа и товарищ Платона, он являлся в то же время одним из крупнейших греческих мастеров слова. Из его сочинений исторического или полуисторического характера важнее всего «Греческая история» («Hellēnikā», продолжение работы великого историка Фукидида), и «Поход 10 000 греков» («Anabasis»), описание похода греческих наемников с Киром Младшим против Артаксеркса II до Вавилонии и их отступления после гибели Кира из Вавилонии до Черного моря. Ближе всего к нашей теме сочинение Ксенофонта «Воспитание Кира» Старшего – («Kurou paideia», «Киропедия»), нравоучительный роман в форме истории персидского царя Кира, в особенности его молодых лет, когда он был приближенным индийского царя.

Конечно, «Киропедия», написанная блестящим, безусловно умным и образованным, хотя и реакционным автором, могла бы быть незаменимым источником по истории позднего периода Мидийского царства, если бы мы могли быть уверены в достоверности рассказываемого им, как мы уверены в большой точности описанных им собственных наблюдений в «Анабасисе». К сожалению, «Киропедия» – не история, а роман. Вопрос о наличии в нем подлинных исторических данных и о возможности выявления их принадлежит к наиболее трудным в античном источниковедении.

Для понимания проблемы необходимо вкратце обратиться к облику Ксенофонта как мыслителя, писателя и политического деятеля.

Афинянин Ксенофонт родился около 430 г. до н. э. в богатой и довольно знатной семье. В юности он, вместе с Платоном, был учеником знаменитого философа-идеалиста Сократа. В политическом отношении он был сторонником спартанского аристократического строя, и в демократических Афинах, ведших в эти годы войну со Спартой, чувствовал себя «не ко двору». Повидимому, политические мотивы заставили его покинуть Афины в 401 г., вскоре после решающего поражения, нанесенного афинянам Спартой к 404 г. По совету одного из своих друзей он прибыл ко двору персидского царевича Кира, брата царя Артаксеркса II Мнемона. Кир был в это время сатрапом в Малой Азии и исподволь набирал войска для войны с царем. Он принадлежал к тем персидским аристократам, которые видели гнилость ахеменидского режима, и стремился, повидимому, реформировать его, опираясь на крупных рабовладельцев античного типа; можно сказать, что он был

неудавшимся предшественником Александра Македонского.

Ксенофонт принял участие в походе, начатом Киром Младшим в 401 г. до н. э., против Артаксеркса; когда же Кир погиб в битве при Кунаксе в Вавилонии и его войско распалось, а командиры греков были вероломно захвачены персами и казнены и греческие наемники остались за тысячи километров от родины, в незнакомой им и враждебной стране, то Ксенофонт принял деятельное участие в руководстве обратным походом. Грекам удалось, как бы ощупью пробираясь по Передней Азии, через Ассирию и Армению выйти на побережье Черного моря; около половины их состава влилось позже о войска спартанского царя Агесилая, воевавшего в это время с персами в западной Малой Азии. Перешел под командование Агесилая и Ксенофонт. В Афинах на это посмотрели как на измену, и Ксенофонт был лишен права гражданства и изгнан из Афин. После этого Ксенофонт остался на спартанской службе и даже воевал против своей бывшей родины. В 80-х годах IV в. он получил от спартанского правительства именно, где и жил на покое, занимаясь литературной деятельностью.[1] Помимо «Анабасиса» и «Греческой истории», остальные его сочинения носили философский или нравоучительный характер[2] не были посвящены пропаганде философии Сократа и нравственных идеалов, близких спартанскому аристократическому строю. К философским же сочинениям примыкает и «Киропедия».

И. М. Тронский пишет о «Киропедии» следующее: «Резонерство на политические и нравственные темы получает здесь псевдоисторическое обрамление в форме повести о жизни и деяниях Кира, основателя персидской монархии. Античное понимание „истории" было настолько широко, что могло включить в себя и это произведение, которое мы в настоящее время скорее бы причислили к жанру историко-нравоучительного романа. С историческим материалом Ксенофонт обращается здесь чрезвычайно свободно. Так, например, вопреки исторической действительности Кир оказывается покорителем Египта; умирает он естественной смертью[3] среди детей и друзей, с которыми оп ведет, па манер Сократа, прощальную нравоучительную беседу. В образе Кира совмещены черты Сократа и Агесилая.[4] Положительные качества, которые Ксенофонт приписывает своему герою, изображены как результат пра-

[1] Лишь в конце жизни, когда Афины вступили в союз со Спартой, Ксенофонт получил амнистию.

[2] Таковы его «Воспоминания о Сократе», «Пир» и «Домострой».

[3] На самом деле, как известно, Кир Старший бил убит в сражении во время попытки покорить среднеазиатские племена массагетов, – *И. Д.*

[4] И Кира, Младшего, добавим мы, – *И. Д.*

вильного воспитания, в котором спартанская дисциплина объединена с нравственным учением Сократа. «Киропедия» очень показательна как для пристрастия Ксенофонта к поучительным рассуждениям, так и для его монархических взглядов, о которых достаточно ярко свидетельствует самый выбор восточного деспота в качестве идеальной фигуры. Многочисленные второстепенные персонажи «Киропедии» также представляют собой олицетворение различных добродетелей и пороков».[1]

Это очень точная характеристика «Киропедии» как литературного произведения. К ней следует лишь добавить, что идеализированный образ повелителя-рабовладельца, которому будто бы охотно повинуются подданные, рабы и близкие, вообще является любимым образом Ксенофонта: таков и Кир Младший в «Анабасисе», и Исхомах в «Домострое» («Экономике»), и Агесилай в похвальной речи Агесплаю и в «Греческой истории». По Ксенофонту, главная добродетель – уметь повелевать и уметь повиноваться.

Уже из этого видно, что особой точности и добросовестности в передаче исторических событий от «Киропедии» ожидать не следует. Но этот вывод придется значительно усилить, если от анализа «Киропедии» как литературного произведения перейти к ее анализу как произведения исторического.

Как историческое произведение «Киропедия» лишена главного достоинства, которым отличается другое сочинение Ксенофонта – «Анабасис», а именно той основы, которую составляют личные наблюдения автора. «Анабасис» написан хотя и много лет спустя после событий, но не с чужих слов, а по собственным наблюдениям и, повидимому, также по собственным записям. «Киропедия» же написана о временах давно прошедших, о которых автор мог судить только по литературным источникам. Ему едва ли были доступны восточные предания: условия жизни в походе до гибели Кира, когда Ксенофонт пребывал в составе греческих войск, находившихся на марше (при том, что он не знал другого языка, кроме греческого), не позволили ему близко общаться с персами и мидянами и получать от них подробные сведения о давних временах их истории. Тем менее это было возможно во вторую половину похода, когда греки, пробавляясь грабежом местного населения, преследуемые войсками персидского царя (в том числе, быть может, и индийскими контингентами сатрапа Арбака, принимавшего участие в битве при Кунаксе на стороне Артаксеркса II),[2] мечами пробивались к

[1] И. М. Тронский. История античной литературы. Л., 1946, стр. 175.
[2] Xen. Anab., I, 7, 11.

спасению. Правда, мы плохо осведомлены о времени пребывания Ксенофонта в Малой Азии в войсках Агесилая, но у нас нет основания полагать, что в это время, в условиях войны против персов, ему представилась большая возможность изучать персидскую или мидийскую историческую традицию.

Для подробного и многостороннего изложения сюжета в романе Ксенофонта ранние греческие логографы вроде Гелланика, Дионисия или Гекатея, с их сухим и недостоверным повествованием, были мало пригодным источником. Из греческих авторов Ксенофонт в основном пользовался Геродотом и Ктесием. На это, в частности, указывают неоднократные косвенные ссылки и цитаты, полемические замечания, а также характер собственных имен в «Киропедии». В книге выведено множество действующих лиц, и Ксенофонт, как и Ктесий, стоял перед трудной задачей – обеспечить их всех именами. В большинстве случаев имена его персонажей в «Киропедии» – это различные персидские имена, взятые без разбора у Геродота[1] (и изредка у Ктесия).[2] Во всяком случае, из настоящих иранских имен, упомянутых и «Киропедии», нельзя назвать почти ни одного, которое бы не встречалось как имя какого-либо деятеля, упомянутого Геродотом или Ктесием, или как имя кого-либо из персидских деятелей, бывших современниками самого Ксенофонта.[3] Когда же ему не хватало персидских имен, Ксенофонт, не смущаясь, давал выводимым им мидийским и персидским персонажам малоазийские имена или греческие имена из числа более редких, или просто вымышленные, но звучавшие экзотически.[4]

Всего этого не могло бы быть, если бы Ксенофонт обладал какими-либо другими серьезными источниками, помимо известных уже нам Ге-

[1] Таковы имена Камбиса (отца Кира; из Геродота же идет его родословная от греческого героя Персея), Астиага, Манданы (матери Кира), а также Киаксара, Гистаспа, Гобрия, Артабази, Артабата, Артабана, Мегабиза, Арсама и др.; но эти имена присвоены у Ксенофонта не тем лицам, которые носят их у Геродота.

[2] Таково имя Танаоксара (сына Кира; у Ктесия – Тапиоксарк), а также, вероятно, имя Абрадат.

[3] Таковы имена Артагерса, Артабита (Артапата), Артуха, Мегабиза, Митридата и Тиграна (см.: Hell., IV, 8, 21), а также Гадата (имя сатрапа Малой Азии, одного из предшественников Кира Младшего!).

[4] Таковы имена Марагда (якобы арабское!), Аглаитада, Хрисанта, Самбавла,Фиравла (якобы персидские!), Пантеи (царицы Сузианы!), Андрамия (якобы мидийское!), Алкеона; «иранообразные» имена – Араси, Даиферн и особенно такие весьма подозрительные по этимологии имена, как Тамбрад, Рамбак, Эмб, Адусий и др. Следует отметить, что ряд настояших имен применен Ксенофонтом к неподходящим лицам: например, «ассириец» (или вавилонянин) не мог носить персидского имени «Гобрий».

родота и Ктесия.[1]

То же самое можно показать на материале физической и политической географии «Киропедии». Ксенофонт, как вообще его современники-греки, имел более чем смутное представление о географии западной Азии; наглядно это видно из «Анабасиса»: греки не имели понятия о расположении окружавших их во время похода стран и пробирались наугад.[2] Если бы для написания «Киропедии» Ксенофонт пользовался какими-либо дополнительными источниками, кроме Геродота и Ктесия и, в особенности, если бы он черпал сведения у мидян или персов, то он, конечно не делал бы столь грубых ошибок в географии. Между тем грубейшие географические ошибки встречаются в «Киропедии» на каждом шагу. Так, если верить «Киропедии», то Ассирия во времена Астиага и Кира (когда на самом деле она давно уже перестала существовать),[3] не имея власти над Мидией, владела тем не менее Гирканией и была в союзе с Бактрией;[4] Гиркания (современный район Астрабада–Красноводска), по мнению Ксенофонта, находится ближе к Ассирии,[5] чем Мидия; Ассирия же, по его мнению, находится на дороге между Мидией и странами кадусиев (в горах к югу от Каспийского моря) и саков (в Средней Азии);[6] халдайцы (горцы Армянского нагорья – не смешивать с халдеями Вавилонии) сносятся непосредственно с. . . царем Индии,[7] и т. д. и т. п.

Ксенофонт знал (из того же Геродота), во-первых, что во времена Мидийского царства многие страны и народы, впоследствии покоренные персами, были еще самостоятельными и, во-вторых, что в составе Мидийского царства существовали другие, зависимые царства.[8] Но он, разумеется, не знал, какие это были страны, народы и царства, так как

[1] Есть, впрочем, предположение о том, что Ксенофонт пользовался и более ранними логографами (Дионисием Милетским?), например для сведений о внутреннем административном устройстве державы Кира. Но данные древнейших логографов об исторических событиях в странах Востока, – о частности, об исторических событиях в Мидийском царстве,– были крайне скудны, и вряд ли оттуда Ксенофонт мог почерпнуть что-либо ценное для собственного повествования; тем более вряд ли данные Ксенофонта восходят к логографам там, где он расходится с Геродотом, который и сам пользовался теми же логографами, в частности и Дионисием.

[2] См.: X e n. Anab., III, 5, 13–17.

[3] Впрочем, возможно, что Ксенофонт (следуя здесь Геродоту) называет Ассирией Нововавилонское царство, ср.: Cyrop., II, 1.

[4] Cyrop., V, 1, 3.

[5] Cyrop., IV, 2, 1.

[6] Cyrop., V, 2, 25 и сл.

[7] Cyrop., III, 2, 25.

[8] См., например: H e r., I, 134.

этого не было сказано ни у Геродота, ни у Ктесия. Поэтому независимые царства, фигурирующие на страницах «Киропедии», – это по большей части перенесенные в прошлое персидские сатрапии (известные Ксенофонту частью по личному опыту, а частью из тех же его обычных источников).

Таковы «царства» Каппадокии, Армении, Гиркании, Сузианы и др. Народ кадусиев случайно[1] занимает видное место в истории Кира у Ктесия, и оттуда кадусии попали, очевидно, и к Ксенофонту.

Ксенофонт дает новую версию смены Мидийского царства персидским владычеством, и корне отличную от версий как Геродота, так и Ктесия. Но было бы ошибкой на этом основании полагать, что он пользовался каким-то источником, неизвестным первым двум писателям.[2] Дело просто в том, что главной добродетелью для Ксенофонта являлось, как мы уже упоминали, умение повелевать и подчиняться, причем для поклонника спартанской дисциплины, каким был Ксенофонт, второе было не менее важно, чем первое. Именно умение повелевать и подчиняться составляет, по Ксенофонту, основу идеальной педагогической системы, приписанной им персам уже на самых первых страницах «Киропедии». Естественно, что исторический Кир, низложивший своего деда (или во всяком случае благодетеля) Астиага, каким он изображен у Геродота и Ктесия, не годился для роли идеального героя, который был нужен Ксенофонту для его романа.

Поэтому, по Ксенофонту, Астиаг мирно умер в постели царем Мидии, а Кир совершил все свои завоевания не в качестве царя, а в качестве полководца сына Астиага, Киаксара (имя, взятое у Геродота). Кир, который уже прославленным полководцем смиренно кладет к ногам ничтожного, но зато законного царя – Киаксара – свои завоевания, – зрелище, которое должно умилять читателя и воспитывать в нем смирение перед законным начальством. Зато добродетель Кира вознаграждена: не имеющий сыновей Киаксар женит его на своей дочери, и он наследует царство и с ним полмира.

Это, конечно, не история, а дидактика.

Все остальное в «Киропедии» может быть сведено к скудным известиям Геродота и Ктесия, приуроченным у них к правлениям Астиага, самого Кира (покорение кадусиев, Вавилона, Лидии) и Камбиса (покорение Египта).

---

[1] Ввиду того, что во время пребывания Ктесия при персидском дворе происходила неудачная для персов война с кадусиями.

[2] Как думает, например, Сидни Смит (S. S m i t h. Babylonian Historical Texts..., стр.35.

Наибольший интерес представляют сообщения Ксенофонта в «Киропедии» о событиях в Армении. Здесь несомненно сказались собственные наблюдения автора (например, рассказ о вражде армян с горными племенами халдайцев, о которых Ксенофонт подробно говорит также в «Анабасисе»).

Любопытно имя армянского царевича Тиграна. Как известно, это имя было обычным и в роде позднейших армянских царей. Есть основания думать, что при персах это имя было употребительно в роде наследственных сатрапов Армении, где Ксенофонт его и слышал. Сообщение Ксенофонта является единственным древним сообщением о существовании особого царства Армении (отличного от Урарту) в мидийские времена. Насколько оно достоверно, сказать трудно, но если где-либо в «Киропедии» можно ожидать какого-то отражения исторической истины, то это здесь.

В целом, однако, «Киропедия» представляет для нас, к сожалению, очень мало цены: исторические события в ней либо совершенно искажены, либо измышлены в нравоучительных целях, а описание мидийских нравов основано частью на известных нам уже литературных источниках, частью на наблюдениях Ксенофонта при дворе персидского царевича Кира, а частью представляют собой домыслы, связанные с педагогическими теориями Ксенофонта. Поэтому можно лишь с оговоркой присоединиться к мнению акад. В.В.Струве, согласно которому «Киропедия» – «первоклассный источник для истории культуры и быта Персии»,[1] и то только в том смысле, что в «Киропедии» отразились наблюдения автора по этому предмету на рубеже V и IV вв. до н. э. Что касается специально истории Мидии, то для нее ценность «Киропедии» весьма невелика.

Некоторые данные по истории Мидии и ранней Персии имелись, повидимому, у греческих писателей IV–III вв. до н. э., в особенности из числа историков походов Александра Македонского. Но Динон, Харес из Митилены и другие подобные писатели были, как и Ктесий, более сочинителями исторических новелл, чем историками, и хотя некоторые из них бывали в Мидии и в Персии и довольно хорошо знали их быт, тем не менее они имели бы немного значения для историографии, даже если бы их сочинения сохранились. Историки Александра и его преемников имели большое значение лишь там, где излагали собственные наблюдения или современные им события. По большей части до нас

[1] Акад. В.В.Струве. Родина зороастризма. СВ, V, 1948, стр. 26, со ссылкой на статью Леманн-Хаупта (P a u l y–W i s s o w a, s. v. Satrap).

дошли от их сочинений только жалкие отголоски в позднейших произведениях, в лучшем случае – отдельные выдержки. Такова, например, очень интересная характеристика Мидии и ее столицы Экбатаны, переданная со слов кого-то из этих писателей Полибием (II в. до н. э.) – одним из добросовестнейших греческих историков (хотя и проримской ориентации), или мидийская легенда о царе Гистаспе (Виштаспе) и его брате Зарнадре (Заривари), переданная собирателем исторических анекдотов Атенеем (III в. н. э.) со слов Хареса из Митилены, и т. д.

Некоторые ценные сведения можно извлечь из «Сравнительных жизнеописаний» и других сочинений Плутарха (I–II вв. н. э.), пользовавшегося разнообразными, по большей части не дошедшими до нас источниками,– в частности, из его биографий персидского царя Артаксеркса II и Александра Македонского и из трактата «Об Исиде и Осирисе».

Но для событий времен Александра (которыми завершается наше изложение) основными источниками являются «Поход Александра» («Anabasis Aleksandrou») Арриана из Никомедии и история Александра Квинта Курция Руфа.

Сочинение Арриана, писавшего (на греческом языке) во II в. н. э., конечно, не может иметь значения свидетельства очевидца, но ценность его заключается в том, что оно основано преимущественно на записках действительных участников похода Александра – Аристобула и Птолемея, сына Лага (впоследствии царя Египта), из всех аналогичных записок считавшихся еще в древности наиболее достоверными. Курций Руф (как полагают, живший в I в. н. э.) стоит значительно ниже Арриана по достоверности; он более Арриана озабочен внешней занимательностью и своеобразной нравоучительностью рассказа, но у него иногда сохранены факты, не упоминавшиеся Аристобулом и Птолемеем, и потому (или по другим причинам) упущенные Аррианом.

Походы Александра и его преемников привлекали с самого начала большое внимание и вызвали еще в древности огромную литературу, причем в ней рано возникло искажение фактов в угоду различным противоречивым политическим интересам, и постепенно преобладающими становились фантастические и новеллистические элементы. В конце концов все повествования об Александре были вытеснены различными версиями романа о деяниях Александра, ошибочно приписывавшегося участнику похода, философу Каллисфену. Этот роман имел широкое распространение в средние века и вдохновил многих писателей и поэтов, в том числе косвенным образом и Низами.

Особняком среди писателей послеалександровского времени стоит эллинистический вавилонский историк Беросс.

В начале III в. до н. э. жрец бога Мардука в Вавилоне, астролог Беросс,[1] получивший греческое образование, решил ознакомить новых владык Вавилонии – греко-македонян – с вавилонской наукой и для этого написал книгу «Вавилонской истории» («Babuloniaká»), для собственно исторической части которой были использованы вавилонские хроники, легенды и в числе прочих материалов – также шумерский царский список. Так как читатели книги Беросса – греки – не могли, конечно, знать древней шумерской и аккадской терминологии, то Беросс переводил ее для них в согласии с господствовавшими в I тысячелетии до н. э. понятиями. Так, династия кутиев, состоявшая, согласно поздним версиям шумерского царского списка, из 21 царя, была естественно (и до известной степени правильно) обозначена Бероссом как династия мидян, поскольку кутии жили там, где позже создалось Мидийское царство. В науке существовало предположение, что в числе царей этой династии у Беросса упоминался Зороастр (т. е. Заратуштра, основатель религии Авесты).

Этому предполагаемому обстоятельству придавалось особое значение в то время, когда запутанная хронология бероссовских династий не была разобрана и сопоставлена с вавилонскими хронологическими канонами, да и когда сам шумерский царский список не был известен. Свидетельство Беросса, который рассматривался как наиболее достоверный свидетель, поскольку он базировался на древних восточных источниках, казалось окончательным и убедительнейшим доказательством мидий-

[1] Издание фрагментов сочинения Беросса и исследование о нем см.: P. S c h n a b e l. Berossos und die babylonisch-hellenistische Literatur. Leipzig–Berlin, 1923. Шнабель приложил немало остроумия в восстановлении данных о сочинении и жизни Беросса. Ему удалось установить (стр. 3–17), что Беросс родился между 350 и 340 гг. до н. э., написал свою книгу около. 290 г. до н. э. и был одно время главой астрологической школы на греческом острове Кос. Но вывод Шнабеля о том, что Беросс переехал на Кос п о с л е написания своей книги, не выдерживает критики: сообщение об этом Витрувия, на котором базируется Шнабель, может восходить только к самой книге Беросса (через посредство Посидония), откуда следует, что Беросс переехал на Кос (в царство египетского царя Птолемея) до написания «Вавилонской истории», посвященной Антиоху I (соправителю Селевка, своего отца) в 290–280 гг. до н. э. Переезд– или, вернее, бегство – Беросса на Кос связано, как думает и Шнабель, с политическими причинами. Но я не вижу вероятных политических причин, которые могли бы вызвать это бегство в годы старости Беросса, в правление Антиоха I. Более вероятно, что Беросс должен был бежать в царство Птолемея в качество сторонника Селевка, – например, вместе с этим последним, в связи с его поражением после 316 г. до н. э. В таком случае он написал свою книгу по возвращении на родину, после длительного пребывания в греческой среде.

ского происхождения Заратуштры и зороастризма. Отчасти поэтому в прошлом веке преобладало мнение сторонников индийского происхождения зороастризма. Так, один из лучших знатоков Авесты, иранских преданий и зороастризма в конце прошлого века, Ф. Шпигель,[1] писал, что, несмотря на преобладание доказательств в пользу бактрийского происхождения Заратуштры и зороастризма, он склоняется в пользу мидийской гипотезы, исходя из свидетельства Беросса.

В настоящее время известно, что кутии, которых здесь имеет в виду Беросс, не могли иметь никакого отношения к Заратуштре потому хотя бы, что они говорили на языке, не имеющем ничего общего с языком Авесты, не говоря о том, что Заратуштра не мог жить в III тысячелетии до н. э., когда правила кутийская династия.[2] Мало того, можно наглядно показать, что Зороастр вовсе и не упоминался у Беросса.

Как же возникло это ошибочное представление? Стоит на нем остановиться немного подробнее, чтобы на этом примере показать характер некоторых источниковедческих проблем, разрешение которых может оказаться необходимым по мере привлечения к исследованию по истории Мидии тех или иных источников, число которых, к сожалению, столь невелико.

Сочинение Беросса о своем первоначальном виде не дошло до нас, дошли только косвенные ссылки на него чуть ли не из десятых рук.[3]

[1] Fr. Spiegel. Eranische Altertumskunde, I. Leipzig, 1873, стр. 682.

[2] Вопрос о месте и времени происхождения зороастризма, до сих пор не разрешенный, стоит сейчас в совершенно иной плоскости, и аргументы с обеих сторон приводится совершенно иные. См. ниже, стр. 50 и сл.

[3] Приводим для образца «родословную» ссылок на Беросса (по Шнибелю):

Обстоятельства таковы. Изложение соответствующей главы Беросса дошло до нас в трех источниках: 1) в армянской средневековой версии хроники автора IV в. н. э. – Евсевия Кесарийского; 2) в сирийском изложении той же хроники Евсевия, принадлежавшей писателю XII в. н. э. Мар Михаилу; 3) в византийской хронике Георгия Синкелла, пользовавшегося опять-таки тем же Евсевием, но лишь косвенно – через посредство некоего Панодора, который добавлял к данным Евсевия материалы других авторов.[1] Таким образом, в основе всех трех источников лежит хроника Евсевия; последний же, полагая, что он привлекает различные, взаимно подтверждающие друг друга источники, на самом деле пользовался данными, различными путями восходящими к автору I в. до н. э., Александру Полигистору, который один только и читал подлинного Беросса.

Первый из трех источников (армянский перевод Евсевия) вкратце излагает Полигистора, указывая, что он вначале поименно перечисляет по Бероссу 86 царей, правивших 33 091 год после потопа (сам Евсевий упоминает «на пробу» только два имени – Эвехойя и Хомасбела). Зная шумерский царский список, мы можем заключить, что в это число (само по себе искаженное) Беросс включал не одну, а несколько туземных династий, в том числе и мифических, которыми начинался шумерский царский список (отсюда и невероятная цифра лет правления). Но Евсевий не упомянул этого, а только – судя по армянской версии – отметил, что «Полигистор. . . называет каждого по имени из книги Беросса»; тем самым для всех последующих авторов эти 86 царей превратились в одну «халдейскую» Династию. Далее армянская версия Евсевия пишет: «Затем он (Полигистор, – *И. Д.*) приводит также имена властителей из мидян, 8 числом, а лет их 224, и т. д.

Хроника Мар Михаила сообщает примерно то же, но несколько короче, ссылаясь не только на Полигистора, но также и на Абидена (как видно из прим. 3 на стр. 40, в действительности Абиден пользовался тем же Полигистором). Кроме того, вместо ошибочной цифры «8 царей» для мидийской династии, говорится более правильно (в согласии с использованными, очевидно, Бероссом данными поздних версий шумерского царского списка для кутиев): «После того как окончилось господство халдеев, правили мидяне – 21 царь». Числа лет их правления этот источник не указывает.

Наконец, третий источник – Георгий Синкелл – не столько излагает Беросса или Полигистора, или хотя бы Евсевия, сколько полемизирует

[1] P. S c h n a b e l. ук. соч., стр. 154 и сл., 185 и сл.

с Полигистором как с «языческим» автором за то, что тот приводит невероятно гигантские цифры длительности правления вавилонских династий, не согласующиеся с христианскими воззрениями на время сотворения мира. Одновременно он полемизирует (следуя другому автору, Анпиану) и с «некими нашими церковными историками» (имея в виду Панодора), которые пытались согласовать цифры вавилонских правлений с Библией, полагая, что в некоторых случаях названные цифры нужно понимать аллегорически. Между прочим, Георгий Синкелл пишет здесь: «Тот же Полигистор после этого времени (а именно, времени) 86 (царей), – двух халдейских царей, Эвехойя и Хомасбела, и 84 мидийских, – вводит Зороастра и тех, что вслед за ним – 7 халдейских царей».[1] Это и есть то место, на основании которого полагали, что Беросс упоминал Зороастра. Но мы знаем из армянской версии Евсевия, что Полигистор вводил не двух только халдейских царей по именам, а перечислял всех восемьдесят шесть поименно; отсюда видно, что Синкелл не читал ни Полигистора, ни даже Евсевия, а черпал свои сведения из промежуточного источника (Панодора), который, вслед за Евсевием, упоминал только этих двух царей, поскольку Евсевий не счел нужным перечислить все неудобопроизносимые вавилонские имена. Несколько ниже Синкелл говорит про Полигистора и других: «. . . древнейших (царей), которых они считают богами и полубогами, и тех, что были после них, вводя их (в перечень) действительно по заблуждению, они записали царствующими бесконечное время, полагая вселенную извечной, противно боговдохновенным писаниям; а рожденных позже и всем известных – по солнечным годам, в качестве смертных, а не так, как кажется Панодору и некоторым другим – исключительно из-за измерения Зороастром годов царей солнечными годами. . .».

Это, кажущееся на первый взгляд загадочным, замечание, раскрывает все дело. Оказывается, что Панодор имел свое объяснение, почему первая династия из 86 царей имеет «астрономическую» цифру годов правления, а со следующей, «мидийской», династии начинаются нормальные цифры. Правда, сама проблема основана на недоразумении, так как соединение 86 царей в одну династию, как мы знаем из сравнения с шумерским царским списком, – результат позднейшего сокращения текста Беросса: на самом деле в этой династии соединено несколько как мифических династий с фантастическими годами правления, так и

[1] Синкелл или Анпиан здесь спутал, церемонии местами евсевиевых «8 мидян» с «86 халдеями» (включая двоих, названных Евсевием поименно). Также и другие данные и цифры у него перепутаны.

исторических, так что грань между фантастическими и реальными цифрами проходила вовсе не там, где думал Панодор. Поэтому и его концепция была совершенно ошибочна. Она заключалась в том, что «мидянин» Зороастр, которого он знал как зачинателя новой космической эры (такова была роль, приписывавшаяся Зороастру в значительной части античной литературы), ввел впервые счет по «солнечным» годам вместо аллегорического «космического» счета. Так как мы знаем, что уже и Евсевий не упоминал поименно царей бероссовского перечня, то очевидно, что Панодор домыслил в составе «мидийской» династии имя Зороастра в угоду своей теории, объяснявшей переход к нормальному летосчислению; а Синкелл, не читавший в подлиннике ни Евсевия, ни, тем более, Полигистора, встретив у Панодора имя Зороастра, решил, что оно было введено уже самим Бероссом.

Если бы Зороастр действительно упоминался не только Панодором, но и его предшественниками вплоть до Беросса, то это имя несомненно нашлось бы в армянской версии Евсевия, так как и Армении это имя было хорошо известно. Армянской версией были сохранены такие трудно произносимые и никому не известные имена, как Эвехой и т. п., тем более она должна была бы сохранить и имя Зороастра.

Из всего этого видно, что данные Беросса соответствовали вавилонской традиции, и в списке «мидийских– т. е. кутийских – царей он мог упоминать только те имена, которые были в различных вариантах шумерского царского списка. «Зороастр» же внесен уже после Евсевия, – Панодором или кем-либо иным из поздних авторов, в порядке демонстрации своей образованности в области восточной истории.

Таким-то чрезвычайно обходным путем удается установить часть из того, что содержалось в книге Беросса, отдельные известия которого (например, о разрушении Ассирии) имеют значение для восстановления мидийской истории.

Мы пришли, таким образом, к довольно безрадостным выводам в отношении греческих источников по истории Мидии. Одно лишь краткое повествование Геродота представляется в достаточной мере полным и достоверным; из Ктесия и Ксенофонта лишь путем кропотливейшей критики можно извлечь какие-то крупицы истины, да и то без полной гарантии в том, что это действительно истина. Все остальные писатели, вплоть до III в. до н. э., дают нам в целом чрезвычайно мало сведений.

Позднейшие греческие писатели воспроизводили лишь сведения Геродота и Ктесия, отчасти Ксенофонта, очень редко – Беросса. Однако в их сочинениях по истории древневосточных царств есть слабые следы

еще одной исторической традиции, которая не может быть возведена ни к одному из этих авторов. По мнению некоторых исследователей, она восходит к логографам, например к Харону из Лампсака; но более вероятным кажется, что сведения, о которых идет речь, восходят к одному из писателей IV в. до н. э. – например к Динону.[1] Речь идет в первую очередь о некоторых деталях изложения истории древнего Востока у римского автора начала н. э. Трога Помпея, уточняющих данные Геродота и Ктесия. К сожалению, сочинение Трога Помпея дошло до нас только в очень плохом сокращении («эпитоме») некоего Юстина (II в. н. э.). Затем, Полиэн, собиравший во II в. н. э. анекдоты из военной истории, рассказывает эпизоды мидийской истории частично из Геродота и Ктесия, а частично из какого-то повествования, дублировавшего Ктесия, а отчасти и Геродота. Это также, вероятно, данные Динона. Судить о степени их достоверности, к сожалению, очень трудно, но кое-что подтверждается восточными источниками.

Следует отметить, что у ряда греческих и латинских авторов (вплоть до историка IV в. н. э. Аммиана Марцеллина) разбросаны отдельные независимые сведения о Мидии более позднего времени, которые иногда имеют значение и для понимания мидийской истории интересующего нас периода. Особенно важны авторы географических сочинений, в особенности Страбон (I в. н. э.). Не будучи сам сколько-нибудь выдающимся исследователем, Страбон был широко образован в античной исторической и географической литературе, и через него до нас дошли многие важные известия авторов, сочинения которых не сохранились. Имеют значение также знаменитый астроном, математик и географ Клавдий Птолемей (II в. н. э.), особенно его «Географическое руководство» и хронологический «Канон царей», составленный по восточным источникам, и естествоиспытатель I в. н. э. Плиний Старший («Естественная история»).

Однако в отношении собственно истории Мидийской державы, как сказано, вся античная историческая традиция может быть сведена к сообщениям трех-пяти авторов. Так или иначе, пользуясь этой исторической традицией, мы ни в коем случае не можем ограничиться указанием на то или иное сообщение, но каждый раз должны выяснить, почему данный автор делает такое сообщение, откуда он черпает свои известия

[1] Таково мнение Гутшмида, и которому присоединился крупнейший западно европейский ориенталист прошлого века Теодор Нельдеке (см.: Th. N ö l d e k e. Aufsätze zur persischen Geschichte. Leipzig, 1887, стр. (3, прим. 2). Интересные отрывки из «Persiká» Динона есть также у Атенея.

и какова степень их достоверности. Таков же должен быть подход и ко всем иным нашим повествовательным источникам, число которых, впрочем, помимо античных, совсем невелико.

Самостоятельный от греческой традиции характер носят некоторые имеющие отношение к истории Мидии сочинения, сложившиеся в Передней Азии периода эллинизма (III–I вв. до н. э.). Сюда относится книга Даниила, написанная частично по-еврейски, частично по-арамейски,[1] и дошедшие до нас в греческом облике «Книга Юдифи» и «Книга Товита», возможно, также написанные первоначально по-арамейски.[2]

Все три книги – не история. Книга Даниила – сборник мистических предсказаний и нравоучительных легенд политического характера, связанных с событиями II в. до н. э. и отнесенных к мифическому пророку Даниилу, жившему якобы в VI в. до н. э.; частично книги содержит отголоски и отрывки более старых легенд, однако ее материал, вероятно, ни в одной части не старше, самое большее, середины V в. до н. э. Исторической ценности книга Даниила для нашей темы, в общем, не имеет, хотя в ней и упомянуто «мидийское» царство.

«Книга Юдифи» и «Книга Товита» – новеллы. В первой из них рассказывается о героическом подвиге иудейки Юдифи, освободившей свою родину от угнетателя Олоферна, полководца Навуходоносора, выступающего здесь в качество цари не Вавилона, а «Ниневии», т. е. Ассирии. Книга начинается с описания войны Навуходоносора с «Арфаксадом, царем Мидии». Имя «Арфаксад» взято из «Генеалогической таблицы народов», содержащейся в «Книге Бытия» в Библии[3] и составленной в начале VI в. до н. э. (?). В «Таблице народов» «Арпаксад» – это термин географический. Война Навуходоносора с «Арфаксадом» не имеет никакого значения для развития событий повести в «Книге Юдифи» и служит, повидимому, для того лишь, чтобы вызвать у читателя аналогию с событиями его собственного времени, а именно – с восточной войной селевкидского царя Антиоха IV, протекавшей также большей частью в Мидии. Поход Олоферна на Иудею должен был для читателя ассоциироваться с походом военачальника Антиоха IV, Лисия, на Палестину в 167 г. до н. э., вызвавшим, очевидно, создание этой патриотической новеллы.

«Книга Товита» – религиозно-фантастическая повесть, действие ко-

[1] Некоторые ее части до нас дошли только в греческом переводе.

[2] В настоящее время найдены фрагменты рукописи древнееврейскаго варианта «Книги Товита» относящиеся к I в. до н. э. Все три книги сохранились в греческом тексте Библии

[3] Gen., X, 22–24.

торой увязано с известной всему Ближнему Востоку арамейской «Повестью об Ахикаре» и отнесено поэтому, как и в «Повести об Ахикаре», к VIII–VII вв. до н. э., а локализовано в Ассирии и Мидии. Герои повести – израильтяне, переселенные ассирийцами в Мидию, как о том рассказывалось еще в «Книгах Царств». Однако иудейское (а не израильское) происхождение повести видно на каждом шагу. Точно установить источники, которыми пользовался автор, в настоящее время невозможно; во всяком случае, кроме «Книг Царств», он пользовался одной на не дошедших до нас ранних версий «Повести об Ахикаре» – повести, написанной, безусловно, не позже конца VII в. и довольно правильно рисовавшей обстановку того времени.[1] Кроме того, автором «Книги Товита» использованы, быть может, и еще какие-то восточные литературные памятники. Он имеет некоторое представление о географии и хронологии истории Мидии;[2] к сожалению, занятый своим религиозно-назидательным повествованием, он собственно Мидии касается очень мало. Заметим, что автор был знаком с зороастрийскими религиозными учениями.[3]

Датировать «Книгу Товита» очень трудно. Несомненно, однако, что она написана отнюдь не израильтянином, выселенным в Ассирию[4] или Мидию, как она пытается это изобразить, а иудеем, жившим в «диаспоре» (т. е. за пределами Палестины), скорее всего – в Парфии, не ранее III в. до н. э.,[5] вернее всего – не ранее царствования Митридата II (123–90 гг. до н. э.).[6] О Мидии упоминается также в «Иудейских древностях» еврей-

[1] См.; B. Meissner. Das Märchen vom weison Achiqar. Der A. O., XVI, 2; И.Ю. Крачковский. Предисловие к книге: Мудрость Хикара и басни Лукмина. П. Изд. «Всемирн. литература», 1920.

[2] Впрочем, представления его в этой области имеют весьма относительную ценность: так, он называет ассирийского царя Синаххериба сыном «Энемассара» (=Салминасара V), видимо, потому лишь, что в «Кинге Царств» Синаххериб был назван вскоре после Салманасара V, а царствовавший между ними Саргон II в данном контексте не был упомянут. Время разрушения Ассирии он высчитал довольно правильно, видимо, также по библейским данным. Автор приписывает это деяние Навуходоносору и «Асуэру» (Asuēros, т, е. др.-еврейск. 'Ăhašwērōš): оба цари упомянуты в Библии, причем Ахашверош– «Асуэр» это, собственно, Ксеркс (др.-перс. Xšāyarša); но автор новеллы отождествляет его, видимо, с Астиагом (Astuagōs).

[3] В повести упоминается под именем Асмодея (Asmodaios) один из злых духов зороастрийской религии – дэв Aišma-, дух гнева, неповиновения и раздора.

[4] Под ненавистной автору Ассирией, повидимому, нужно понимать царство Селевкидов.

[5] Так как в повести есть ссылки на «Книгу Ионы», написанную, по мнению библейских критиков, в конце IV в.; «Кинга Товита» вообще, несомненно, близка к «Кинге Ионы», также носящей новеллистический характер и относящей действие к Ниневии.

[6] После завоевания им Месопотамии.

ского историка I в. н. э. Иосифа Флавия, писавшего по-гречески; данные его не самостоятельны, а восходят отчасти к Библии, отчасти (через посредствующие звенья) к Бероссу и другим грекоязычным авторам.

Последний оригинальный повествовательный источник, содержащий данные о Мидии, который следует упомянуть, принадлежит армянской литературе раннего средневековья. Это «История» замечательного армянского писателя Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренаци).

Для своей «Истории» Моисей Хоренский привлек большое количество разнообразных источников, в том числе Библию, греческих и сирийских писателей, а также армянский народный эпос. К сожалению, во времена Моисея Хоренского (по наиболее распространенной датировке – в V – начале VI в. н. э.) не было возможности критически проверять данные греческих авторов. Первоисточниками – Геродотом, Ктесием, Ксенофонтом – Моисей Хоренский не имел возможности пользоваться, а пользовался лишь очень поздними компиляциями, в результате чего в изложении частей его труда, посвященных древним периодам, у него господствует величайшая путаница. Они в особенности усиливается от того, что Моисей Хоренский излишне доверчиво отнесся к книге якобы некоего сирийца Мар Абас Катины, которая является почти единственным его источником для раннего периода. Мар Абас Катина (или лицо, принявшее это имя) выдает себя за современника первых аршакидских царей еще II в. до н. э., но на самом деле его сочинение представляет собой довольно грубую компиляцию, самое раннее III в. н. э., если не еще более позднюю.

Внимание Моисея Хоренского естественно привлекают в особенности данные предшествующих историков, освещающих древнейшую историю Армении. Поэтому видное место у него занимает древнейший армянский царь Тигран I, современник Астиага и Кира – образ, восходящий в конечном счете к «Киропедии» Ксенофонта, хотя, возможно, в повествование Моисея вплетены здесь и данные армянского героического эпоса. В этой связи фигурирует у Моисея Хоренского и Астиаг – под названием Аждахака. Здесь мы имеем один из довольно распространенных у Моисея Хоренского случаев, когда армянский историк пытается увязать греческие известия с восточными преданиями – в данном случае иранскими. Аждахак, авест. aži(š) Dahāka «змей Дахака» – мифический угнетатель, человек-змей из Bawri- (Вавилона),[1] убитый

[1] Родина Ажи-Дахаки приурочена к Вавилонии, вероятно, в позднее время – не ранее парфянского, на что, кажется, указывает форма названия: Bawri-, засвидетельствованная в Младшей Авесте (Яшт V, 29–31).

героем Θraitauna- (Феридунем), – не имеет к Астиагу никакого отношения, несмотря на сходство имен; абсурдность подобной этимологии имени «Астиаг» давно доказана,[1] и все же она ввела в заблуждение ряд крупных западноевропейских специалистов XIX в.[2] и породила ряд ошибочных концепций. Однако очевидно, что Моисей Хоренский в V в. н. э. имел значительно менее, чем европейские ученые нового времени, возможностей для проверки греческих известий и для подлинного отождествления приводимых греками имен с мидийскими, древнеперсидскими или авестскими формами, уже отжившими в его время. Он естественно руководился при этом внешним сходством имен.

Повидимому, Моисей Хоренский пользовался здесь не только иранскими преданиями, но и армянским эпосом, и возможно, что в последнем герой Тигран, отождествленный историком с Тиграном греческих повествований, восходящих к Ксенофонту, выступал вместо иранского Феридуна в роли борца с драконом Аждахаком. Это еще больше должно было укрепить Моисея Хоренского в отождествлении Аждахака с современником ксенофонтова Тиграна – Астиагом.

Мидяне – как в восходящей к греческому языку форме medaci-, так и в восходящей к парфянскому языку форме mar-[3] – неоднократно упоминаются в разных контекстах у армянских писателей, в частности и у Моисея Хоренского. Однако анализ источников армянского историка принадлежит к числу труднейших задач для исследования; при этом, хотя, вполне возможно, что Моисей Хоренский использовал некоторые, особенно восточные источники, ныне уже недоступные нам, однако сомнительно, чтобы до V в. н. э. могла сохраниться хорошая независимая восточная традиция о Мидийском царстве: достаточно сказать, что в Персии времен династии Сасанидов (III–VII вв. н. э.) почти полностью изгладилась даже память об ахеменидской Персии и,

[1] Имя Астиага передается по-аккадски, как Ištumegu. Эта форма, как и греческое Astuagēs, к aži(š) Dahāka восходить не может, как на это указал еще Делаттр: aži(š) Dahāka закономерно дало бы по-аккадски *a-ši-iš-da-'a-a-ka, *a-ši-da-a-ku или что-либо сходное.

[2] Нибур, Дж. Раулинсон и другие считали Dahāka равным Dēiokēs Геродота, а Дж. Раулинсон считал, кроме того, и Астиага равным Ажи-Дахаке: G. R a w l i n s o n. The History of Herodotus. -4-th ed., London. 1880, стр. 395. прим. 7.

[3] Следует отметить, что «маров» (mar-k') армянских авторов следует отождествлять только с мидянами, но отнюдь не с племенем мардов, несмотря на сходство названия: древнеармянское mar- есть закономерная передача парфянского māδ, которое в свою очередь закономерно соответствует древнему māda; с другой стороны, medaci- есть армянская передача греческого термина mādoi, являющегося закономерным соответствием в литературном ионийском диалекте формо *mādoi, передающей тот же термин māda. Русское «мидяне» восходит к позднегреческому произношению mādoi как midi.

в частности, о таких именах, как Кир и Дарий I. Вместо этого древнейшими царями Ирана представлялись герои, упоминаемые в Авесте, – Кави Кавата (Кейкобад), Кави Хусрава (Кейхосров), Кави Виштаспа (Гуштасп) и др. В средневековый восточной традиции Ахеменидская держава была почти полностью забыта, и даже о Парфянском государстве существовали самые смутные и превратные сведения.

Другие армянские авторы (а также армяно-албанский автор Моисей Каланкатуйский) представляют интерес главным образом для более поздних периодов истории Атропатены и Албании.

Мы подробно остановились на имеющихся повествовательных источниках по истории Мидии и для большинства из них пришли к довольно отрицательным результатам в смысле оценки их значения и достоверности. Однако подробное изложение этих результатов явилось необходимым: в дальнейшем нашем изложении, а также в оценке предшествующих работ по истории Мидии и различных выдвигавшихся концепций далеко не безразлично знать, основаны ли они на хороших или, как это, к сожалению, слишком часто бывает, на сомнительных источниках. Важно представлять себе не только сам по себе тот факт, что то или иное сведение сообщает этот или другой автор, но также и ясно представлять себе подлинный облик данного автора в историческом, литературном и политическом отношении; нам необходимо каждый раз давать себе отчет в том, что представляет собой сочинение, из которого взяты те или иные сведения, без чего мы не сможем отнестись к ним с надлежащей критикой.

Общий результат произведенного обзора источников сводится к следующему.

Клинописные источники, как в большинстве своем современные описываемым событиям, представляются наиболее достоверными, с учетом, однако, проводимой в большинстве из них официальной тенденции; наиболее достоверны и полны ассирийские и отчасти урартские и вавилонские источники IX–VI вв. до н. э.; в том числе наименее искаженные и тенденциозные данные дают письма и запросы к оракулу VII в. до н. э.

Из повествовательных источников заслуживает доверия труд Геродота, с учетом, однако, устного и, возможно, одностороннего характера сообщений, на которых он базировался. Некоторые ценные данные могут дать речи израильских и иудейских пророков. Что касается прочих источников, то сочинение Ктесия – в целом заведомо малодостоверно, хотя в нем могут попадаться отдельные верные сведения,

которые, однако, обнаружить и выделить (путем сопоставления с другими данными) бывает трудно; «Киропедия» Ксенофонта – роман, имеющий мало общего с действительностью, но в нем возможно сохранение отдельных крупиц исторической истины. Почти все прочие письменные источники лишь изредка могут нам дать верные известия об изучаемом периоде истории Мидии, и в каждом случае необходимо кропотливое выяснение происхождения всякого известия.

2. Авеста

Особое место в области источников по истории Мидии занимает Авеста– священная книга зороастрийской догматической религии, написанная на одном из древнейших языков иранской ветви индоевропейской языковой семьи. До сих пор дебетируется вопрос о том, сложился ли этот памятник в Мидии, или где-либо в Средней Азии. Обе точки зрения имеют сторонников как в советской, так и в зарубежной науке.

Столь же невыясненным является и вопрос о времени сложения древнейших частей Авесты. Некоторые исследователи считают Заратуштру (Зороастра),–которому приписывается создание основных сочинений, легших в основу Авесты и зороастризма, – старшим современником персидского царя Дария I (522–485 гг. до н. э.; такова точка зрения Хертеля, Херцфельда, в советской науке – акад. В.В.Струве). Другие исследователи относят сложение древнейших частей Авесты к значительно более ранним временам.

Сохранившаяся до нашего времени часть того книжного канона, который составлял Авесту при династии Сасанидов в Иране, в III–VII вв. н. э., делится на четыре главнейших раздела – Ясна, Вендидад (Видевдат), Яшты к Висперед. В состав Ясны входят и стихотворные проповеди, представляющие наиболее древнюю по языку часть Авесты. Это так называемые Гаты, общественно-религиозные речи в ритмической форме, напоминающие по характеру подобные же речи библейских пророков. То из современных европейских исследователей, которые признают историческое существование Заратуштры, приписывают ему именно Гаты. Эти проповеди написаны на особом диалекте и притом весьма архаичным языком, более архаичным, чем древнеперсидский, и еще близким к языку индийских Вед.

Такой жанр устного творчества засвидетельствован и в других странах Ближнего Востока, где он отражает общественные отношения пер-

вой половины I тысячелетия до н. э. Вряд ли Гаты были записаны тотчас же по их сочинении; вернее всего, что они некоторое время передавались устно жрецами и приверженцами данного учения, а записаны были, вместе с древнейшими частями Младшей Авесты, лишь когда, после Дария I, получила распространение иранская письменность на основе арамейского алфавита.[1] Примерно к тому же времени, что и Гаты, относится прозаическая «Ясна семи глав», написанная на том же диалекте.

Остальная часть Ясны состоит из обращений и молитв к божествам и духам зороастрийской религии, формул вероисповедания и тому подобного. Висперед (авест. Vispe-ratavō) представляет дополнение, к Ясне, возможно, более позднее, того же содержания. Гимны и воззвания к отдельным божествам составляют содержание также и книги Яштов. Некоторые из этих гимнов написаны на диалекте Гат. Повидимому, составление этой книги (как и некоторых частей остальной Младшей Авесты) относится ко времени, когда религия зороастризма начала принимать общеиранский и, может быть, даже официальный характер, а потому – как это, в иных условиях, сделало со многими древними верованиями и христианство – должна была включить множество распространенных среди населения дозороастрийских и незороастрийских культов. Поэтому Яшты содержат много чрезвычайно древнего материала (даже более древнего, чем Гаты), несмотря на свое, вероятно, сравнительно позднее приспособление к канону.[2]

Ясна, Яшты и Висперед представляют, повидимому, куски не дошедших до нас более обширных книг («насков») Авесты. Зороастрийцы, бежав из Ирана после арабского завоевания, сохранили из своих священных писаний только те, которые имели наибольшее значение для практического богослужения. Более или менее в цельном виде до нас дошел (хотя, вероятно, с сокращениями и дополнениями) только один «наск» – Видевдат (авест. Vi-daivō-datō – «закон против дэвов»). Книга составлена в форме диалога между божеством Ахурой Маздой и про-

[1] В противном случае надо было бы предполагать, что Гаты были первоначально записаны клинописью; но, во-первых, нет данных о том, чтобы клинопись была распространена в соответствующих областях достаточно рано; а во-вторых, нет данных для того, чтобы предполагать древнюю ретранскрипцию Авести или частей ее с клинописи на алфавитное письмо, наряду с установленным фактом со ретранскрипции с обычного алфавита арамейского происхождения на специальный огласованнын, о чем см. ниже.

[2] Впрочем, некоторые части этой книги, как, например, «Фарвардин Яшт», посвященный поминанию духов умерших праведников, возможно, близки Гатам и по времени, и по духу.

роком Заратуштрой и содержит различный мифологический материал, учение о ритуальной чистоте и нечистоте и т. д. Кроме этого, сохранилась еще «Хорд Авеста» – сокращенная Авеста для мирян.

Язык Младшей Авесты по степени своего развития может быть сравниваем с древнеперсидским VI–V вв. до н.э.; он даже архаичнее его. По всей вероятности, это язык района, где складывалась Авеста, в той его форме, которая была характерна для времени первой письменной

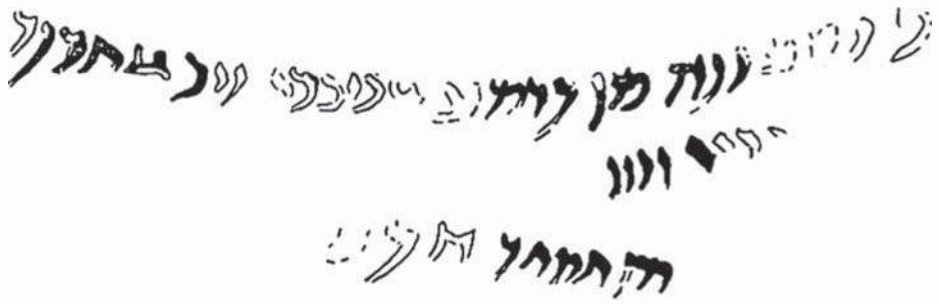

Рис. 4. Документ из Нисы, Парфия, I в. до н. э. Образец парфянского текста, написанного арамейским письмом – письмом, на котором был записан первоначальный текст Авесты.

фиксации зороастрийских книг, т. е., вероятнее всего, именно V–IV вв. до н. э. Видимо, в это время и несколько позже создавалась довольно обширная религиозная литература, трактовавшая о том круге верований, легенд и понятий, который был использован в догматическом зороастризме более позднего времени. Значительная часть этой литературы уже тогда приписывалась Заратуштре. Уже греческий писатель Гермипп Смириский (III в. до н. э.) знал традицию о том, что Зороастр написал 2 миллиона стихов, в которых изложил свое учение.[1]

Вошедшие в Авесту верования и легенды восходят к более раннему времени, чем ахеменидское. Характерно, что Авеста совершенно не знает Ахеменидской державы и ее царей,[2] не знаком с Западом – Месо-

[1] Ссылка у Илиния: Nat. Hist., XXX, 2, 1.

[2] Вряд ли возможно принять искусственное объяснение, которого придерживается И.Хертель и – в смягченном виде – отчасти и акад. В.В.Струве. Согласно этому объяснению, Ахемениды преднамеренно преданы в Авесте забвению, как противники Заратуштры и его учения (см.: акад. В.В.Струве. Родина зороастризма, стр. 20). Ведь в Авесте отсутствует упоминание не только об одних ахеменидских царях, но и о всем том круге понятий, который должен был быть известен подданным Ахеменидов: налоги, деньги, почтовые дороги, административное устройство (сатрапии и т. д.), чужеземные народы и их институты. Попытку Херцфельда обнаружить все это в Авеста (см.: E. H e r z f e l d. Zoroaster

потамией,[1] Сирией, Малой Азией, Грецией, Египтом – странами, где часто бывали все разноплеменные подданные Ахеменидов начиная с конца VI в. до н. э.[2] Вероятно, современность сознательно не отражалась составителями Авесты; священным могло считаться только то, что было освящено древностью. Однако какое-то отражение современные составителям условия должны были бы найти помимо их воли. Все это указывает на древность авестской традиции.

Согласно зороастрийской традиции, первоначальное Авеста состояла из 21 «наска», которые, однако, частично погибли при завоевании Ирана Александром Македонским. Эта традиция безусловно содержит зерно истины.Основные части Авесты должны были быть написаны до Александра, так как после IV в. до н. э. вряд ли какой-либо ученый мог реконструировать вымершую грамматическую флексию, фонетические особенности и другие характерные черты столь архаического языка, каким является язык Авесты. Лишь при наличии уже к этому времени установившейся традиции авестского литературного языка можно было и впоследствии писать на этом, уже мертвом языке, как был написан первый «фаргард» (глава) Видевдата[3] и другие, явно поздние части Авесты.

Значительная древность авестской литературной традиции и большое время, необходимое для развития литературного языка и обширной литературы, связанной с именем Заратуштры, требуют отнести создание первых частей Авесты к гораздо более раннему времени, чем конец VI в. до н. э., к которому ее относят многие новейшие теории.[4]

---

and his World, H. Princeton, 1947, гл. VI, XI, XIV, XXXV, XXXVI, XLIII и др.) нельзя признать удачной, и она единодушно отвергнута исследователями. См.: W. B. H e n n i n g. Zoroaster, Politician or Witch Doctor? London, 1951.

[1] Возможно, однако, что Bawri-, упоминаемый в легенде об Ажи-Дахаке, – это Вавилон (Яшт V, 28–29), но форма эта – поздняя, как, по всей вероятности, и самый текст этого Яшта, на что указывает переход b>w (Bawri-<Bābiru- ?).

[2] Мы встречаем в V в., например, хорезмийца, живущего в Египте; см.: A. H. S a y c e and A. E. C o w l e y. Aramaic Papyri discovered at Assuan. London, 1906, Pap. B; И. М. В о л к о в. Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V века до Р. Х. М., 1915, стр. 20. Все народы Ахеменидской державы побывали в Малой Азии и Греции сначала еще при Кире, в середине VI в., а затем во время греко-персидских войн. Это не могло бы не отразиться в Авесте, если бы она вообще отражала условия ахеменидского времени.

[3] См. ниже, стр. 54. Наиболее вероятной датой I «фаргарда» представляется 160–155 гг. до н. э., после разгрома Греко-Бактрийского царства парфянским царем Митридатом I.

[4] Наилучше мотивированная из них принадлежит акад. В. В. Струве, но и она не убеждает полностью. Теория акад. В. В. Струве (Восстание в Маргиане при Дарии I. ВДИ, 1949, № 2, стр. 21 и сл.) сводится к следующему: а) Виштаспа, сын Арватаспы из рода Наутара, покровитель Заратуштры (по Хертелю и Херцфельду, которым принадлежат сопоставле-

Согласно зороастрнйской традиции, сохраненной книгой «Денкарт», частично базировавшейся на не дошедших до нас частях самой Авесты, первые попытки восстановления утерянной «доалександров-

ния, приведенные здесь под литерами «а», «б» и «г», nautara- значит «младший»; такое толкование оспаривается другими иранистами) – это не кто иной, как Виштаспа, сын Аршамы из младшей ветви рода Ахеменидов, правитель Парфии и Гиркании при Кире и Дарии I, отец последнего; б) его родственница (по зороастрийской традиции – жена) Hutausā- – это Атосса, дочь Кира и, последовательно, жена царей Камбиса, мага Гауматы и Дарии [при этом акад. В. В. Струве (там же, стр. 20) полагает, что на Атоссе мог быть женат и Виштаспа, но это не представляется вероятным: три царя женились на Атоссе как на наследнице царского рода, поскольку у Ахеменидов женитьба на наследнице, повидимому, считалась необходимой для законности власти царя; но Виштапса, не бывший царем и никогда на царскую власть не претендовавший, не имел основания жениться на Атоссе, чего не позволяли к тому же условия места и времени]; в) другие правители, соперничавшие, согласно Авесте, с Виштаспой, – это мятежные правители и повстанцы смутного времени после смерти Кира и до вступления на престол Дария I; г) Заратуштра действовал при сатрапском дворе Виштаспы в Парфии и Гиркании; д) зороастрийским было народное восстание в Маргиане под руководством Фрады в 522 г. до н. э., подавленное войсками Дария I; это движение могло находиться в связи с деятельностью Виштаспы, почему он и был сочтен непригодным для занятия престола ахеменидской Персии, который, таким образом, занял его сын Дарий; е) это и было причиной намеренного забвения имени Дарии I в Авесте. – Часть этих доводов представляет чистые предположения, по поводу же других нужно сказать следующее: генеалогия и родия авестского Виштаспы нам хорошо известна; но равным образом известна генеалогия и родня Виштаспы, отца Дария. Если в отношении царствующих лиц можно еще допустить, что по какой-то причине в Авесту попало по тронное имя, известное всему свету, а личное имя, которое данное лицо носило в частной жизни (хотя не доказано, что первые Ахемениды имела особые, отличающиеся от тронных, личные имена), то в отношении остальных родичей Виштаспы и его противников маскировка их какими-то псевдонимами совершенно необъяснима; далее, имя «Хутауса» вряд ли могло передаваться по-гречески как «Атосса», так как иранское hu- никогда не передается по-гречески как а-. Акад. В. В. С т р у в е (там же, стр. 21), следуя за Херцфельдом (**E.** H e r z f e l d. Zoroaster and his World, 1, стр. 1), ссылается на дату начала деятельности Заратуштры, приводимую аль-Бируни – 258 г. до начала селовкидской эры, или 570 г. до н. э. По мнению акад. В. В. Струве, эта дата, основанная на византийских источниках и восходящая через них к сасанидской традиции, подтверждает отождествление Виштаспы Авесты с Виштаспой – отцом Дария (впрочем, вряд ли здесь нужно прибегать к византийской традиции – та же дата имеется и в дошедшем до нашего времени сасанидском Бундахишне, см.: A. V. W. Jackson. Zoroaster. Now York, 1926. стр. 158). Однако в 570 г. еще не существовало Персидской державы, и поэтому Виштаспа – отец Дария не мог быть сатрапом Парфии и иметь свой двор, при котором действовал бы Заратуштра. Не было всех этих условий и в 560 г. (по традиции, Заратуштра начал проповедь у Виштаспы через 10 лет после начала своей проповеднической деятельности). К этому следует добавить, что историческая традиция должна была пройти через столько рук – в том числе рук людей, мало заинтересованных в беспристрастной передаче исторических фактов, – пока она дошла до аль-Бируни в XI в. II. э., что полагаться на эту традицию, в противовес традиции писателей IV–III вв. до н. э., довольно рискованно.

Акад. В. В. Струве (там же, стр. 17) обратил внимание на то, что в I фаргарде Видев-

ской» Авесты были сделаны при парфянском царе Валкаше (вероятно, Вологезе I, I в. н. э.). Затем новая редакция была создана при первом из Сасанидов, Арташире Папакане (226–240 гг. н. э.), и окончательно канон Авесты был установлен при Шапуре II (310–379 гг. н. э.). На самом деле, конечно, речь идет не столько о восстановлении якобы существовавшего уже до Александра канона Авесты, сколько о собирании сохранившихся религиозных книг, связывавшихся по традиции с именем Заратуштры и отборе их, для включения в канон тех из них, которое соответствовали догмам выработавшейся государственной религии этого времени. Как известно, религии догматические, т. е. предписывающие верующим определенные нормы ритуального и этического поведения, обещающие посмертное блаженство за их выполнение и объявляющие смертельным грехом или ересью всякое инакомыслие, – продукт умирающего рабовладельческого и возникающего феодального общества. Ранние учения, связанные с именем Заратуштры, и аналогичные им не могли поэтому носить догматического характера. Вплоть до первых веков нашей эры, наряду с верованиями и понятиями, которые мы привыкли считать чисто зороастрийскими, продолжали существовать верования, резко противоречащие догмам

дата лишь две страны названы «верующими в Арту» (Арта – «религиозная праведность», по учению зороастризма), а именно – Маргиана (совр. Мары) и Чахра (часть Мидии?). Из этого акад. В. В. Струве делает вывод, что Маргиана первой приняла зороастризм, а что характеристика Чахры внесена позже «западным» редактором. В противовес, этому следует указать, что если бы I фаргард Видевдата подвергался обработке со стороны «западного» редактора, то в него были бы внесены Мидия и Персия, отсутствие которых в списке не может не броситься в глаза. Возникновение авестской традиции где-либо в Маргиане или в соседних районах не лишено вероятия; но нам представляется, что одного эпитета «верующая в Арту» в сравнительно позднем источнике еще недостаточно для принятия такого вывода; если же аргументация акад. В. В. Струве справедлива, то она в равной степени должна быть отнесена и к Чахре, т. е., вероятно, к восточной Мидии [Херцфельд (ук. соч., стр. 765) видит в слово «Чахра» прототип термина «Загросские горы», но лингвистически такое представление трудно оправдать].

Наконец, нужно указать еще и на то, что обстоятельства жизни Виштаспы, покровителя Заратуштры, как они представляются зороастрийской традиции, ни в какой мере не сходны с обстоятельствами жизни Виштаспы, отца Дария (см. сводку данных в книге: A.V.W. Jackson, ук. соч.). Еще Харес Митиленский в IV в. до н. э. отличал «Гистаспа, царя Мидии и нижней земли», от Гистаспа, отца Дария. Но вполне точно и указание на редкость имени Виштаспы (вообще этот довод имел бы значение только для доказательства того, что Виштаспа, покровитель Заратуштры, не мог жить *после* Виштаспы, отца Дария: если он жил *раньше*, то второй мог быть назван в его честь). К сожалению, персидские имена, известные нам от ахеменидского времени, чуть ли не на 50% состоят из имен представителей самого дома Ахеменидов; но в этом доме имя это было довольно частым, а позже оно вообще было довольно распространено у зороастрийцев.

позднейшего зороастризма, и часто несомненно использовавшиеся идеологическими движениями, враждебными идеологии, ставшей официальной при Сасанидах.[1]

Нет сомнения, что при установления официального зороастрийского догматического канона в этот канон вошли многие поздние книги и отдельные отрывки книг, многое было переиначено и перередактировано, выброшено, прибавлено, присочинено и т. д. Картина еще более усложняется благодаря фрагментарному характеру дошедшей до нас послесасанидской Авесты. К сожалению, критическому анализу, подобному анализу библейской критики, текст Авесты подвергался еще мало, и пока трудно выделить в пределах Младшей Авесты отдельные разновременные элементы.

Все дошедшие до нас рукописи Авесты – поздние; самые старые восходят к XIII–XIV вв. н. э. К текстам Авесты имеются санскритские и среднеперсидские переводы, а также комментарии («Зенд»).[2]

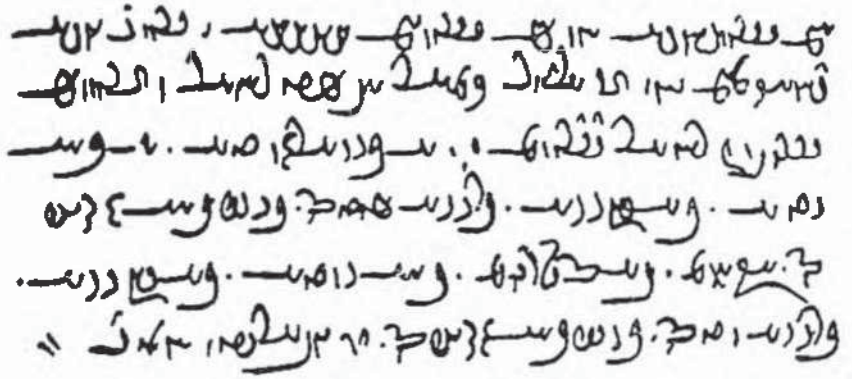

Рис. 5. Образец текста Авесты. Отрывок из рукописи.

В настоящее время установлено, что версия Авесты, собранная и обработанная магами в конце владычества Парфии и в начале владычества персидской, династии Сасанидов – в I–IV вв. н. э., была переложена ими в IV в. н. э. с неогласованного письма арамейского происхождения,

[1] Нечто подобное происходило и с иудейским священным каноном. Вошедшие в Библию книги написаны в различное время, с XIII по III в. до н. э., т. е. в большинстве до сложения догматической религии иудаизма в VI–V вв. до н. э. Библейский канон представляет результат отбора и редакторской переработки всего того из старой литературы Палестины, что подходило для использования в качестве «священного» писания новой догматической религии и могло быт связано с освященным традицией именами легендарных «законоучителей» – Моисея и пророков.

[2] Для истории зороастризма большое значение имеют также книги поздней зороастрийской литературы (сасанидского и послесасанидского времени), написанные на среднеперсидском языке («Бундахиши», «Менок-и храт», «Денкарт» и т. д.).

введенного при Дарии I в VI в. до н. э. и широко употреблявшегося в Парфии, на особый, разработанный ими вид письма, предусматривавший детальную передачу огласовки. Однако, так как язык Авесты к I–IV вв. н. э. давно уже был мертвым,[1] то маги плохо понимали некоторые частности этого языка и, в особенности, именно огласовки; несмотря на наличие устной традиции, они, повидимому, многим словам дали неправильную, псевдоисторическую огласовку, другие слова не поняли и ошибочно транскрибировали новым видом письма и т. д. Некоторые части Авесты были написаны впервые в парфянское время, на мертвом «священном» языке, который не мог при этом не испытать искажения. По мнению некоторых исследователей, подобные искажения текста Авесты могли усилить впечатление близости языка известной нам теперь Авесты к языкам «северо-западной» группы. К тому же нам до сих пор плохо известны особенности иранских языков «северо-западной» и «северо-восточной» групп в древнейший период. Поэтому пока анализ языка Авесты не дал однозначного ответа на вопрос о вероятной области ее возникновения.[2]

Следует заметить, что до сих пор нет вполне надежных переводов Авесты, особенно Гат. Старые переводы, хотя и не учитывают многих позднейших достижений иранской филологии, имеют иногда преимущество перед более новыми: первые переводят, не мудрствуя лукаво, согласно зороастрийской традиции, в то время как последние, пользуясь темнотой стиля Авесты, вкладывают в перевод свои философские домыслы, искусственно усложняя и модернизируя миросозерцание авторов авестских книг.[3]

---

[1] Язык Авесты относится к древнеиранским; черты, характерные для среднеиранских языков, замечаются уже в древнеперсидском языке поздних ахеменидских надписей (IV в. до н. э.); среднеиранским является очень близким мидийскому парфянский, засвидетельствованный с I в. до н. э.

[2] Один из лучших современных знатоков древне- и среднеиранских языков, В.Б.Хеннинг, в небольшом этюде посвященном доказательству логической несостоятельности теорий Херцфельда и Нюберга относительно происхождения зороастризма, указывает, что язык Гат является промежуточным между «западноиранскими» и «восточноиранскими», и полагает, что Авеста создалась в области, подчиненной древнехорезмийскому доахеменидскому государству, где-либо в долинах Теджена или Мервруда. Он указывает также на ближайшие связи более позднего хорезмийского языка с языком Авесты. См.: W.B.Henning. Zoroaster. Politician or Witch-Doctor? London, 1951, стр. 43 и сл.

[3] Наиболее доступные переводы Авесты: J. Darmesteter (vv. I–II), L. H. Mills (v. III). The Zend-Avesta. Oxford, 1895, 1883, 1887. (The Sacred Books of the East ed. by F. Max Müller, v. IV$_2$, XXIII, XXXI); F. Wolff. Avesta, die beiligen Schriften der Parson, übersotzt auf der Grundlage von Chr. Bartholomae's altiranischem Wörterbuch. Strassburg, 1910; Chr. Bartholomae. Die Gatha's des Awesta, Zarathustra's Verspredigten. Strassburg, 1910; Е. Э. Бертелье перевел отрывки из Авесты в журнале «Восток» (IV, Пгр.. 1924, стр. 5 и сл.).

Окончательное оформление канона Авесты происходило под руководством магов Атропатены. Весьма вероятно, что Атропатена находилась под теократическим управлением сторонников религия магов в течение всего эллинистического периода. Хорошо известно, что здесь имелись колоссальные пространства храмовой земли (как равно и в Нижней Мидии). Естественно, что на Атропатену стали смотреть как на родину зороастризма, а отсюда уже – и его основателя, Зороастра (Заратуштры).

Однако в действительности вряд ли первоначальная Авеста могла сложиться в Атропатене. Общественные условия, рисуемые Авестой, в особенности ее наиболее древними частями – Гатами, значительно архаичнее тех, которые господствовали даже в Мидийском царстве VII – VI вв. до н. э.; достаточно сказать, что в Авесте железо еще терминологически не отличается от бронзы;[1] если Авеста написана в Мидии, она не могла быть написана позже IX–VIII вв. до н.э., и это вполне соответствовало бы иранской традиции, уже в IV в. до н. э. относившей «Зороастра» к незапамятной древности.[2]

Но в IX–VIII вв. до н. э. в Атропатене еще совсем не говорили на иранском языке, каким является язык Авесты. Нельзя полагать также, что Авеста была сначала написана на каком-то ином языке, а затем переведена на иранский. Вся религиозная терминология Авесты, весь круг религиозно-философских понятий – таких, как например, arta (arta, rta) «(олицетворенная) праведность» и многие другие – общеиранские: они известны равно и скифам, и хорезмийцам, и согдийцам, и бактрийцам, и персам. Но они абсолютно чужды эламитам,[3] хурритам, северокавказским народам, т. е. тем этническим элементам, к кругу которых должно было принадлежать неиранское население Мидии Атропатены. Это не переводная, а чисто иранская терминология и круг понятий.

[1] Речь идет о терминологическом моменте; нет сомнения, что Гаты относятся к железному веку.

[2] Это видно из сообщений греческих авторов – Ксанфа, Евдокса Книдского, Аристотеля, Гермодора, Герминна и других (V–III вв. до н. э.), сохраненных в позднейшей передаче. Эти писатели относили деятельность Зороастра за 6000 лет до своего времени (о том, почему выбрана такая цифра, см.: акад. В. В. С т р у в е. Родина зороастризма, стр. 13). Хотя цифра эта явно искусственная и восходит к тому же, как думает Бенвенист (E. B e n v e n i s t e. The Persian Religion according to the Chief Greek Texts. Paris, 1929) не к ортодоксальной зороастрийской традиции, она указывает все же на то, что в ахеменидское время Заратуштра представлялся уже лицом седой древности.

[3] Характерно, что писцы, переводившие на языки «второй» и «третьей» категории, т. е. на эламский и вавилонский, «антидэвовскую» надпись Ксеркса (V в. до н. э.), в которой встречается термин arta, но нашли подходящего слова для перевода этого термина и ограничились его транскрибированием.

Средневековая поздняя традиция довольно единогласно считала, что «Зардушт» (Заратуштра) был уроженцем Мидии, но что двор его покровителя Виштаспы, где и протекала его проповедь, находился в Балхе (столице Бактрии – древних Бактрах) или же в Тусе (и Хорасане-Парфин),[1] причем непосредственной родиной пророка называли то Азербайджан, то Рагу (Рей, около совр. Тегерана – в восточной Мидии). В Авесте (Яспа XIX, 18) даже сохранилась традиция, согласно которой в Раге правителем области является сам Заратуштра (или его преемник). Возможно, что из района Раг происходило племя магов, откуда вербовалось жрецы, проповедовавшие учение Заратуштры.[2]

С другой стороны, следует признать, что в Авесте нет прямых указаний на то, что покровитель Заратуштры, царь Виштаспа, и сама проповедь Заратуштры должны локализоваться на Востоке, в частности в Бактрии, как считала средневековая традиция. Сам термин «Бактрия» неизвестен Авесте: он упоминается в ней одни раз, именно в I «фаргарде» Видевдата, перечисляющем «правоверные» зороастрийские страны.[3] В настоящее время можно считать доказанным, что этот «фаргард» Ви-

[1] Сводку материала по этому вопросу см.: A. V. W. J a c k s o n, ук. соч. В Младшей Авесте родина Заратуштры мыслится, повидимому, в Арьянем Вайдже (полумифической, точно не локализуемой местности), за великой рекой Датья, на реке Дареджа. Последняя, но очень пристрастная разработка этого вопроса дана в книге Херцфельда (E. H e r z f e l d. Zoroaster and his World, I–II) – своеобразном развернутом ответе на критику его позиций в книге Нюберга (H. N y b e r g. Die Religionen des Alten Iran. Leipzig, 1938). Книга Херцфельда содержит много ценного материала по частным вопросам, но этот материал подчинен предвзятой точке зрения о связи Заратуштры с Дарием I; филологические построения автора чисто недостоверны. См.: W. B. H e n n i n g, ук. соч.

[2] Имеет распространение точки зрения, наиболее ревностным поборником которой был И. Хертель, согласно которой магами назывались первоначально жрецы враждебной зороастризму, «неарийской» религии, которые лишь впоследствии «присвоили себе» (в искаженном виде) учение и имя Заратуштры; по мнению Хертеля, из сочетания «чистого», «арийского» зороастризма и «неарийского» «магизма» и создалась позднейшая официальная форма зороастрийской религии времен сасанидской Персии. Эта теория лишена фактического основания. Единственным рациональным зерном в ней является положение о том, что религия сасанидской Персии (зороастризм) далеко не тождественна религии магов времени Ахеменидов.

[3] Эти страны следующие: Арьянем-Вайджа (локализация спорная), Гава-Сугда (Согдиани, долина Зеравшана и Кашка-Дарьи в Узбекистане и Таджикистане), Мору (Маргиана, ныне оазис Мары и Туркмении), Бахдиш (Бактрия, южный Таджикистан и северный Афганистан), Нисайа (между Мору и Бахдишем?) Харойу (Ароя или Харайва, ныне район Герата в Афганистане), Вайкерта, Урва (локализация спорная), Ве(х)ркана иркании, ныне район Астрабада–Красноводска), Харахвати (Арахосия, центральный Афганистан), Хайтумант (долина реки Хильмонд в Афганистане), Рага (около совр, Тегерана в восточном Мидии), Чахра, Варена (локализация спорная), Хапта-Хинду (Пенджаб в совр. Пакистане) и Рангха (локализация спорная).

девдата написан в начале парфянского владычества, и перечисленные в нем страны – это, очевидно, области тогдашней Парфянской державы и области, на гегемонию в которых парфяне могли претендовать. Бактрия названа в этом списке (поскольку автор не знал действительной формы этого слова на том мертвом архаическом древнеиранском языке, на котором он писал) термином Bāχδi – формой среднеиранской, взятой из живого языка того времени. Baχδi (из более раннего *Bāχθri) соответствует позднейшему * Bāχi- и современному «Балх».[1]

Мы не можем судить о том, к какой группе иранских языков относится язык Авесты; одно несомненно, что он относится по месту происхождения либо к Средней Азии и востоку Ирана (нынешнему Афганистану и Хорасану), либо, если к Мидии, то только к крайнему ее востоку.

В Мидии Атропатене, а тем более – как предполагали некоторые, в Арране (Албании) – Авеста, как уже упоминалось, возникнуть не могла, так как в этих областях в столь раннее время не говорили на иранских языках. Тем не менее, Авеста не может быть отброшена из числа источников по истории Мидии.

Во-первых, даже если древнейшие ее части сложились не на восточно-мидийской территории, а, скажем, в Бактрии, – все же общественная обстановка и там не могла в то время сильно отличаться от мидийской; во всяком случае данные Авесты весьма сходны с данными, которые дают для Мидии (преимущественно для Нижней Мидии) ассирийские источники. По культуре и уровню развития, по этническому составу населения восточная Мидия и Бактрия несомненно стояли очень близко.

Во-вторых, Авеста является первоклассным источником для изучения древних верований и представлений ираноязычных народов во-

[1] Несмотря на отсутствие термина «Бактрия» в Авесте (при этом не только в сохранившихся частях ее, но, возможно, и в недошедших, насколько они были известны составителю I «фаргарда» Видевдата – иначе бы он знал ее настоящее авестское наименование), представление о связи Заратуштры с Бактрией принадлежит старой традиции. Еще Ктесий делал Зороастра (или Оксиарта?) царем Бактрии и современником легендарной древнейшей царицы Ассирии – Семирамиды, хотя большинство античных авторов называют Зороастра магом, мидянином, «персо-мидянином», изредка даже персом. Как уже указывалось, писатель конца IV в. до н. э. Харес Митиленский, излагающий предание о Виштаспе и его брате Зарпадре (Заривари), сохранившееся также в «Шах-Намэ» Фирдоуси и известное, как кажется, уже составителям Авесты, называют Виштаспу (Hustaspēs) царем «Мидии и нижной страны»; между тем, этот Виштаспа – вероятно Виштаспа Авесты, при котором проходила якобы проповедь Заратуштры. Впервые отождествление обоих Виштасп мы встречаем лишь у Аммиана Марцеллина в IV в. н. э.

обще. Нет сомнения, что громадное большинство этих верований и представлений не придуманы зороастризмом, а взяты более или менее готовыми из числа народных верований предшествующих времен. Поэтому и для истории культуры ираноязычных, а в какой-то мере и остальных племен Мидии Авеста является важным источником.

Подобно всем религиозным книгам, Авеста по содержанию крайне реакционна, хотя в Гатах и сохранилось отражение недовольства народных масс и их демократических чаяний; вероятно, эти народные стремления были использованы жречеством в своих демагогических целях. Основой зороастризма является учение о вечной борьбе доброго начала, в виде бога Ахуры Мазды («премудрый дух», Ормазд) и олицетворяющих добродетели божеств, со злым духом Ангхро Маньюш (Ахриман) и его сонмом демонов – «дайва». К доброму началу относятся стихии огня, воды и плодородной земли, люди племен «арья», занимающиеся земледелием и чтущие Ахуру Мазду, и полезные для земледельца животные – корова, собака. Напротив, порождением зла, подлежащим беспощадному истреблению, считаются кочевники и вообще все иноземцы – «туранцы» (в толковании более поздней зороастрийской традиции – жители Средней Азии, особенно тюркоязычные), а также бесполезные и вредные для земледельца животные («храфстра»). Верующим, вся жизнь которых опутана обременительным ритуалом, обещается загробное воздаяние. В Младшей Авесте идеологически обосновывается подчинение всех людей сословной, административной и церковной иерархии.

Таким образом, зороастризм, и его окончательной, догматической форме, – по своей природе замкнутое, исключительное учение, воспитывающее ненависть к чужим, «неарийским» народам, идеология нарождающегося иранского феодализма.

3. Язык как исторический источник

Приведенными в предыдущих разделах группами памятников еще не исчерпывается список исторических источников, которые возможно привлечь. Самый язык или языки мидян, поскольку они сохранены нам в собственных именах людей и местностей, а также в словах других языков, когда мидийское происхождение этих слов может быть установлено, также могут явиться первоклассным историческим источником.

Данные языка могут помочь осветить многие важные проблемы. Так, названия географических местностей (топонимика) и отчасти на-

звания племен (этнонимика) могут дать возможность установить этнический состав населения Мидии в различные периоды ее истории и установить расселение этнических групп. Еще больше могут дать собственные имена людей (ономастика). Как известно, на древнем Востоке имена давалось всегда значащие; обычно они представляют собой целые словосочетания (у индоевропейцев – греков, иранцев – и у ряда других языковых групп) или даже небольшие предложения (у шумерийцев, вавилонян, ассирийцев, хурритов и др.). Анализ имен позволяет установить некоторые элементы словарного запаса и грамматики языка, от которого могло не дойти других памятников; мало того, этот анализ позволяет установить некоторый элементы культуры и в особенности религии (например, имена богов, отраженные в так называемых теофорных именах).

Однако анализ топонимических, этнонимических, ономастических и других языковых данных требует величайшей осторожности и строгой методики в работе.

В сравнительном языкознании при сопоставлении слов различных языков имеет значение не столько сходство, сколько закономерный характер расхождений.

Без учета исторического окружения, а также самой истории слов и тех изменений в течение веков, которые слова претерпевают в каждом языке на основе внутренних фонетических законов данного языка, сопоставление отдельных слов и собственных имен лишено какого бы то ни было научного значения.

Обыкновенно к данным топонимики и ономастики прибегают в тех случаях, когда других памятников языка или тем более литературы от населения данной территории не сохранилось. Поэтому первой частью всякого топонимического и ономастического анализа является установление значения слов. Естественно, что это требует сравнении с другими, родственными языками; но само собой разумеется, что сначала необходимо установить, с какими языками находится в родстве тот язык, с которым мы имеем дело. К сожалению, нередко прибегают к обратной процедуре – подыскивают отдаленно похожие слова в других языках (хорошо еще, если соседних и близких по времени), причем часто для одной половины топонимического термина подыскивают аналогию из одного языка, для другой половины – из другого, не имеющего с первым ничего общего. Историческое изменение звукового состава часто не учитывается. Затем делают вывод о значении термина. Ясно, что в такой процедуре содержится логическая ошибка: за основание рассуж-

дения принимается то, что еще только требуется доказать, а именно родство языка, откуда взят топонимический термин, с языком, откуда взята аналогия. Никакой уверенности в том, что данный термин имеет именно то значение, которое ему приписывается на основании аналогии со сходно звучащим словом в каком-то другом языке, здесь быть не может. Нередкие случаи злоупотребления топонимическими данными в исторических исследованиях заставляют нас, рискуя высказать общеизвестные истины, остановиться на вопросах методики использования данных подобного рода.

Этимологическое сопоставление с терминологией другого языка допустимо только там, где имеются многочисленные и систематические примеры схождений. Таково положение со скифским языком; многие десятки собственных имен, сохранившихся главным образом в греческой передаче, содержат характерные, повторяющиеся элементы: arta-, pharn-, -ksarth или -ksatr, asp и т. д., которые нельзя не сопоставить со столь же характерными и не менее часто повторяющимися элементами мидийских, авестских и персидских собственных имен: arta, farna, xšaθra, aspa (они же значащие слова);[1] это позволяет выдвинуть гипотезу об иранском характере языка скифских имен, и эта гипотеза подтверждается тем, что и для большинства остальных элементов этих имен удается не только подобрать древнеиранские соответствия, но и показать их систематический, закономерный характер.

Если же речь идет о небольшом количестве терминов, на которых трудно установить массовый и систематический характер соответствий, или о случае, где родство языков слишком отдаленно, чтобы его можно было непосредственно установить, то на таком методе базироваться уже нельзя. Единственный метод, с помощью которого можно установить значение слов неизвестного языка (после чего только их и можно сравнивать со словами других языков, так как это даст гарантию того, что мы сравниваем не просто сходно звучащие фонетические комбинации, а сходные как по звучанию, так и по значению и закономерно расходящиеся между собой слова), – это метод комбинаторный. Он заключается в сравнении употребления слова в различных контекстах и установлении такого значения, которое удовлетворяет всем имеющимся налицо контекстам. Очевидно, что при отсутствии контекстов и малочисленности известных словосочетаний этот метод неприменим. Но невозможность применения комбинаторного метода не должна толкать на применение метода псевдоэтимологического. История древне-

[1] Aspa значит «лошадь».

восточной филологии знает ряд попыток переводить тексты на древних, неизвестных языках с помощью псевдоэтимологического метода, т. е. путем подбора сходно звучащих слов из уже известных языков. Подобные переводы всегда являются нагромождением бессмыслиц.[1]

Очевидно, что при анализе отдельных слов, каковы собственные имена и названия местностей, абсурдность псевдоэтимологического метода не будет столь явной, так как не будет контроля контекстом; тем не менее нет никакого сомнения в том, что от отсутствия проверки метод не становится лучше; сравнение со случаями применения этого метода к связному тексту показывает, что почти все без исключения толкования, добытые путем применения псевдоэтимологического метода без учета систематичности схождений, явятся ошибочными. Поэтому любые сопоставления подобного рода не имеют никакой научной ценности.

Иное дело, если перед нами два очень близких между собой языка, с множеством примеров схождений, причем фонетические различия в каждом данном случае носят повторяющийся, систематический характер, раскрывающий действие определенного фонетического закона; расхождения могут в таких случаях быть представлены в виде таблицы. Здесь с осторожностью можно применять и этимологический метод; во всяком случае можно с уверенностью говорить о принадлежности данных слов к языку определенной семьи и ветви языков.

При этом, однако, следует соблюдать известные методические положения. Так, не следует непременно во всех названиях местностей искать отражения племенных названий; эту ошибку нередко делают историки, спеша выявить этнический состав населения. Но анализ топонимики там, где языковые и исторические условия полностью ясны (например, по современному этнографическому материалу), показывает, что названия племен крайне редко, отражаются в названиях местностей (если не считать, конечно, обозначения целых стран и областей), и притом почти исключительно на стыке разных этнических территорий; так, населенный пункт может быть назван «Русское», «Арменикенд» только там, где это – достаточно определительное обозначение, т. е. где не все населенные пункты русские или армянские, где, следовательно, основная масса населения не принадлежит к тому этносу (племени, народности или нации), который дал имя данному населенному пункту.

---

[1] Ср., например, перевод урартского текста И. Я. Марром (И. Я. Марр и И. А. Орбели. Археологическая экспедиция 1916 г. и Ван. Пгр., 1922, стр. 47–48) с установленным по комбинаторному методу современным переводом того же текста Г. А. Меликишвили: Урартские клинообразные надписи. ВДИ, 1953, № 4, стр. 191.

Следует также среди этнонимов различать самоназвание и названия, которые даются соседями. Последние могут быть нейтральными, бранными или шутливыми; очень часто они будут нерасчлененными, охватывающими разнообразные племена и народности, – по принципу религиозной принадлежности (так, в старом русском употреблении «татарин» часто было обозначением всякого мусульманина, в Авесте агуа- часто не столько «человек иранского языка», сколько «зороастриец») или по принципу непонятности языка (*«немец»*=«вообще иностранец»; ср. Wloch – по-польски «итальянец», *«валах»* – на Балканах «румын», Welshman – по-английски «кельт»). Наконец, одинаковость даже самоназвания говорит часто лишь о принадлежности к одной языковой семье, но не о тождестве племени; например, словене ильменские, словаки и словинцы – разные славянские племена и народности, а не одно какое-нибудь племя; лужицкие сербы по языку и происхождению ближе к чехам и полякам, чем к балканским сербам!

Этнические названия могут меняться со временем.[1] Все эти обстоятельства необходимо учитывать при определении вообще этнического

[1] Примером изменения значения географических и этнических терминов с течением времени может служить история использования более древней терминологии и клинописной литературе I тысячелетия до н. э. Географические термины III тысячелетия были известны в I тысячелетии до н. э. из ряда специфических источников – эпоса, царских надписей и т. д., и налет старины придавал этим терминам некоторую торжественность; лексика этих текстов в I тысячелетии стала лексикой высокого стиля. Один тип текстов из этой группы продолжал в I тысячелетии сохранять «практическое» значение – это были записи гадателей. Жрецы-гадатели имели обыкновение записывать явления, наблюдавшиеся в природе или во внутренностях жертвенных животных, истолковывавшиеся ими как знамения, стоящие в связи с какими-либо выдающимися событиями. Сохранилось значительное количество записей такого, например, рода: «Если внутренность совсем охвачена желчным пузырем, то это знамение Саргона, который, по этому оракулу, отправился на Элам, покорил эламитов, окружил их и отрезал от пропитания» (Речь идет о Саргоне Древнем, царе Аккада около 2300 г. до н. э.; пример взят из: B. M e i s s n e r. Die babylonisch-assyrische Literatur. Potsdam, 1928, стр. 64).

В записях подобного рода упоминались все страны и племена, с которыми сталкивались цари Шумера и Аккада конца III тысячелетия, в том числе и кутии. Мы знаем из обширной переписки ассирийских царей, что в I тысячелетии до н. э. эти записи усердно изучались; перед каждым важным мероприятием царя производилось гадание по внутренностям жертвенных животных, и результаты его сравнивались древними записями для того, чтобы выяснить предполагаемое значение «предзнаменования». Но для этого было необходимо отождествлять древние географические названия, имевшиеся в старых текстах, с названиями, современными гаданию: ведь в старых текстах нельзя было найти, например, Урарту, Мидии, киммерийцев, скифов и других государственных образований и племен I тысячелетия, т. е. совсем другого времени, чем то, в которое составлялись первоначальные записи. Предзнаменование, которое грозило, по мнению древних гадателей, стране Субарту, считалось новыми гадателями опасным для Ассирии; наоборот, предска-

и особенно племенного состава населения. Следует также учитывать, что смена языка не означает, по большей части, изменения физического состава населении, его традиций, культуры и т. д., так как в истории крайне редко встречаются случаи действительного истребления целого народа захватчиками.

Для определения этнического состава на какой-либо территории в каждый данный момент важнее материал собственных имен, чем материал топонимических названий. Топонимика часто сохраняется от прежнего языка населения, особенно если смена языка, как чаще всего и бывает, происходила не путем вытеснения самого населения, а посте-

---

зание, направленное, согласно древней записи, против кутиев, могло быть отнесено к врагам Ассирии на востоке или севере (поскольку древние кутии жили к северо-востоку от Двуречья); предсказание, касавшееся племен Умман-манда, могло быть отнесено к племенам киммерийцев или мидян, и т. д. Таким образом, создался целый репертуар условных географических терминов, параллельный реальным названиям стран и племен – нечто вроде псевдоантичных названий, употреблявшихся в XVIII в. в Европе (Галлии вместо Франции, Сарматия вместо Польши и т. п.), или псевдобиблейских названий, применявшихся со времен средневековья у евреев (Ашкеназ, т. е. Скифия, вместо Германии, Сефарад, т. е. Лидия, вместо Испании, и т. д.). Почти регулярно применялись названия такого рода в царских надписях Вавилонии, где в VII–VI вв. вообще официально насаждался архаизм в языке, письменности и во всей культуре. Но и в Ассирии в высоком стиле довольно часто применялись термины этого репертуара. Так как нам придется еще не раз возвращаться к этой терминологии, то мы приводим таблицу таких условных географических терминов, с их древними и поздними значениями:

Название	Древнее значение (III тыс. до II. э.)	Позднее значение (I тыс. до II. а.)
Шумер.	Крайний юг Двуречья.	Крайний юг Двуречья.
Аккад.	Северная часть Южного Двуречья.	Вавилония, изредка и Ассирия.
Элам.	Бассейн рек Керхи и Каруна.	Бассейн рек Керхи и Каруна.
Аншан (Анзан, эламск. Анчан).	Часть Элама.	Персия(?), может быть, также и часть Элама.
Субарту.	Верхняя Месопотамия и Армянское нагорье.	Ассирия.
Гутиум (собственно Кутиум), Кутии	Племя или группа племен в совр. Иранском Азербайджане.	Урарту, Манна (в ассирийских текстах); Мидия; может быть. Персия (в вавилонских текстах).
Умман-манда.	Какое-то северное племя.	Киммерийцы; скифы; мидяне.
Амурру.	Сирия.	Сирия.Сирия называется иначе «Хатти», что обозначает также восточную Малую Азию.
Маган.	Заморская область, куда плавали по Персидскому заливу.	Египет.
Мелухха.	То же.	Эфиопия.

пенно, через этап двуязычия. Напротив, собственные имена, – если только они, как обычно бывало в древности, сохраняют свою значимость, – свидетельствуют часто о том, что население говорило на том языке, к которому принадлежат имена. Однако догматические религии часто несут с собой и имена на языке этой религии; так, в Армении вместе с зороастризмом распространились иранские имена, например, Арташес, Ваграм, Нерсес и т. п., а вместе с христианством – еврейские, латинские и греческие: Согомон, (И)ованес, Петрос, Геворк и т. д.; общеизвестно, что распространение арабских имен в мусульманских странах вовсе не обязательно связано с распространением арабского языка.

С другой стороны, имена, не принесенные вместе с учением какой-либо догматической религии, а возникшие на основе древней общинной религии, как правило, свидетельствуют о сохранении у населения языка, на котором составлено это имя; например, имя «Митрадат», хотя и иранское, свидетельствует лишь о принадлежности его носителя к митраизму или зороастризму; но имя «Кутер-Нанхунте» (эламск. «[бог] Нанхунте–повелитель»), будучи эламским, свидетельствует также и о том, что его носитель говорил по-эламски, а имя «Ари-жана» (хурр. «[бог] дал брата») – что его носитель был по языку хурритом.

Применяя строго научную методику к языковому материалу, несомненно или возможно происходящему с территории Мидии IX–IV вв. до н. э., мы обнаружим несколько языков, которые могут претендовать на название мидийского.

Во-первых, имеется значительное количество имен и топонимических названий, сохраненных главным образом ассирийскими источниками, которые пока не поддаются ясной этимологии из известных языков и принадлежат, следовательно, каким-то неизвестным местным языкам (или языку) коренного населения. Такие имена были широко распространены по всей территории Мидии в течение IX–VIII вв. до н. э., а также – во всяком случае на территории северной и северо-западной Мидии (ныне Иранского Азербайджана) – еще и в VII в., после чего наши источники иссякают. Но вполне вероятно, что этот тип имен и язык или языки, которые они представляют, были здесь распространены и позже.

Ассиро-вавилонские источники называют поименно несколько языков, которые были распространены на этой территории – кутийский, луллубейский, маннейский (разновидность кутийского или луллубейского), мехрайский, касситский. Характер этих языков (условно называемых «каспийскими») и степень их родства между собой и с другими, лучше известными языками остаются пока не вполне ясными. Но по

ряду причин, о которых речь будет идти в своем месте, можно полагать, что все или часть из этих языков были родственны, с одной стороны, языку одной из древних областей цивилизации – Элама, а с другой стороны, – языкам каспиев, албанов и других народов Северного Азербайджана и юго-западного Прикаспия.

Раскрытие характера этих языков и значения имен и отдельных слов, из них происходящих, представляет труднейшую научную задачу. Трудность состоит, во-первых, о том, что у нас нет никаких контекстов, которые позволили бы применить комбинаторный метод, а во-вторых, даже если обратиться за поисками этимологий, другая трудность заключается в том, что один из возможных языков, с которыми древнейшие языки Мидии могут, с известной долей вероятия, быть связаны, а именно язык закавказских албанов,[1] пока еще не изучен; другой же язык, с которым намечаются определенные связи, а именно эламский, изучен еще совершенно недостаточно, как с точки зрения словарного состава, так и с точки зрения грамматики. Для эламского языка характерным приемом образования морфологических формантов слова является агглютинация, т. е. последовательное нанизывание отдельных морфологических элементов, каждый из которых имеет свою особую функцию. Этот принцип характерен также для алтайских (тюрко-монгольских), тунгусо-маньчжурских, финно-угорских языков, для японского и многих других, а также распространен в кавказских языках, в дравидических языках Индии, а из древневосточных – еще в хурритском, урартском и шумерском языках. Поэтому неоднократно делались попытки увязать эламский язык то с той, то с другой из этих языковых семей. Вероятность наличия подобной связи с какой-либо из них значительна, хотя пока еще не найдено этому доказательств. Но хотя эламский язык состоит, возможно, в известном родстве, скажем, с тюрко-монгольскими языками, однако, из одного только родства, если бы оно и было доказано, еще не вытекает прямое происхождение.[2] Во всяком случае эламский язык нам достаточно известен для того, чтобы

[1] Язык албанов был, почти несомненно, кавказским языком северо-восточной группы, близким к языкам дагестанских народов; возможно, что остатком его является язык удинов.

[2] Как это конструирует, например, проф. Ширалиев (М. А. Ш и р э л и е в. И.В.Сталинин дилчилийэ даир эсэрлэри вэ Азэрбайчан дили тарихинин мэсэлэлэри. Изв. АН Аз. ССР, 2, 1953, стр. 67), опираясь на работу И. Г. Алиева. В общем виде «финно-татарским»– называл эламский язык Вейсбах (F. H. W e i s s b a c h. Die Achämenideninschriften Zweiter Art. Leipzig, 1890, стр. 11), а также Рост и Хоммель; Генрих Винклер, Борк, Хюзинг и многие другие искали связи эламского языка с кавказскими и отчасти с дравидическими. Наиболее вероятно родство эламского с дравидическими.

сказать, что основной словарный фонд и грамматический строй тюркомонгольских языков не может быть возведен к нему.[1]

Впрочем, в каком бы соотношении ни стоял эламский язык с тюркомонгольскими, так или иначе, эламский язык – это еще не мидийский. Даже родство некоторых языков древней Мидии с эламским – более или менее вероятное, но еще не доказанное предположение.

Вопрос этот имеет свою историю. Когда в начале XIX в. западноевропейская наука познакомилась с надписями ахеменидских царей древней Персии, то оказалось, что эти надписи имеют параллельный текст на трех языках. Первая категория была отождествлена как древнеперсидский язык; несколько позже было установлено, что третья категория представляет вавилонский диалект ассиро-вавилонского (или, как теперь точнее принято говорить, аккадского) языка. Но вторая категория долго не поддавалась отождествлению. Исходя из агглютинативного характера данного языка, его называли «туранским», что свидетельствовало о недифференцированном подходе к языкам Азии; термин «туранские языки», как слишком неопределенный, ныне вообще оставлен; далее было предложено обозначение «скифский», крайне неудачное по существу, так как скифы говорили на индоевропейском языке, и невероятное исторически; наконец, известный французский востоковед Ж. Опперт предложил понимать вторую категорию ахеменидских текстов как представляющую мидийский язык.[2]

Основой для такого определения явилось априорное предположение, что персидские цари должны были составлять надписи на языках политически важнейших составных частей своей державы. Об Эламе в то время почти ничего не было известно, но о Мидии, как о центре большого царства, предшествовавшего образованию Ахеменидской державы, наука того времени имела представление. Конкретные доказательства выдвинутого Оппертом положения крайне слабы и были полностью опровергнуты Делаттром[3] и Вейсбахом.[4] В силе остается

[1] Сходство между эламским языком и тюрко-монгольскими является типологическим. Так, например, множественное число и в том и в другом выражается с помощью самостоятельного суффикса; в этом их принципиальное сходство. Но в эламским соответствующий суффикс звучит «-и», а в азербайджанском «-лар», и т. д. Отдельные похожие слова можно найти в эламском и тюркских языках, как и в любых других языках, но закономерность этого сходства не доказана.

[2] J. O p p e r t. Le Peuple et In Langue des Medes. Paris, 1879.

[3] A. D o l a t t r e. Le Peuple et l'Empire des Modes jusqu'a la fin du regne de Cyaxaro. Memoires couronnes et memoires des savants etrangers publies' par l'Academie Royale des Sciences, des Lettres el des Beaux-Arts de Belgique, XLV, Bruxelles, 1883. стр. 28.

[4] F. H. W e i s s b a c h. Die Achämenideninschriften Zweiter Art. . . , стр. 12 и сл.

только один его аргумент – указание на то, что термин māda «мидянин» не этимологизируется из индоевропейских языков.[1]

Смертельный удар по теории Опперта нанесли раскопки в Сузах – столице Элама (область на юго-западе Ирана, в бассейне рек Керхи и Каруна). Найденные здесь многочисленные надписи и документы, начиная с III тысячелетия до н. э. и кончая VI в. н. э., показали, что развитие как языка Элама, так и его письменности от форм III тысячелетия до н. э. до форм, засвидетельствованных во второй категории ахеменидских надписей, может быть наглядно прослежено. Дальнейшие исследования показали, что эламский язык был распространен и в самой Персиде (Фарсе) до персидского, и был еще и при Ахеменидах языком государственных канцелярий в Персиде.

Теорию Опперта пытался впоследствии возродить Н.Я.Марр. Занимаясь эламским языком в порядке поисков всесветных «яфетических» аналогий, Н.Я.Марр отказался называть его эламским, главным образом потому, что так его называла враждебные Н.Я.Марру сторонники сравнительного языкознания; не приводя каких-либо аргументов, сначала осторожно, с оговоркой,[2] а потом уже без всяких оговорок Н.Я.Марр стал называть этот язык «мидским». К сожалению, за ним вплоть до самого недавнего времени следовал в этом и ряд азербайджанских ученых, тем самым сильно упрощая проблему.

Таким образом, несмотря на большой интерес, который вызывают у исследователя Мидии материалы местных, древнейших языков этой страны, и важность разрешения проблемы, мы до сих пор не можем почти ничего сказать о них. Как исторический источник материал топонимики, этнонимики и ономастики этих языков может быть использован пока только негативно – как свидетельство того, что в данный период и до данного места не распространился какой-либо иной, более ясный нам язык.

С другой стороны, начиная с VIII в. до н. э. (или даже с конца IX в.), ассиро-вавилонские источники дают, особенно для Восточной Мидии,

---

[1] Однако сопоставление Оппертом этого термина с шум. ma-da – «страна» не выдерживает критики: во-первых, шумерский язык, повидимому, не родствен эламскому или в лучшем случае родствен чрезвычайно отдаленно, а во-вторых, шум. ma-da – заимствование из аккадского (семитского) mâtu(m). Впрочем отсутствие этимологии у этнонимических названий – явление распространенное.

[2] Н. Я. Марр. Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных подписей по данным яфетического языкознания. ЗВО, 1913, XXII, стр. 31 и сл. (Избранные работы, I, стр. 50 и сл. и особенно стр. 57 и сл.); ср.: Н. Я. Марр. Новый поворот в роботе по яфетической теории. Избранные работы, I, стр. 343.

значительное количество имен, имеющих довольно явную индоевропейскую, точнее, иранскую этимологию.[1]

Греческие авторы сообщают для мидян, как на западе, так и на востоке Мидии, почти исключительно имена этого рода. Имеется и довольно значительное количество топонимических названий того же происхождения. Греческие авторы приводят в своих сочинениях также несколько мидийских слов; эти слова – индоевропейские, точнее – иранские. Таковы приводимое Геродотом мидийское слово spaka – «собака» и приводимое Страбоном мидийское слово tigris – «стрела».[2] В языке Авесты, словарь которого хорошо изучен и словарный запас которого – чисто иранский, spaka–означает «собачий», а tiγriš – «острие», «наконечник стрель», «стрела». Соответствующие корни имеются и в других иранских языках. Есть и ряд других слов, случайно сохраненных из мидийского античными авторами. Все они, как правило, иранские.

Географ I в. до н. э. Страбон указывает на сходство языков мидян, персов и бактрийцев.[3] Далее, есть указание на близость языков скифов и мидян. Все это подтверждает то положение, что язык, который древние называли мидийским, принадлежал к числу иранских языков, подобно тем языкам, на которых в древности (вплоть до первых веков нашей эры) говорили все без исключения оседлые и по крайней мере большинство кочевых народов Средней Азии, потомки которых сейчас в подавляющем большинстве случаев говорят на языках тюркской семьи. Поскольку в древности «мидийским» назывался именно этот язык из группы иранских, мы будем, как это и принято в современной специальной литературе, придерживаться того же употребления, памятуя, однако, что в рассматриваемую нами эпоху не все мидяне и не изначально говорили на этом языке. Неиранские языки Мидии мы будем для различения условно называть «каспийскими».

---

[1] Для той ветви индоевропейских языков, куда входят языки осетинский, афганский, таджикский, персидский, курдский, татский, талышский и др., и из древних также язык Авесты, согдийский, хорезмийский, скифский и мн. др., укоренялось название «иранские языки». Термин этот в настоящее время не может быть заменен, хотя является весьма неудобным: применение прилагательного «иранский» создает ложное впечатление, что речь идет о языке государство Иран, т. е. персидском (фарси). Как известно и как подробно будет освещено ниже, подавляющее большинство так называемых «иранских» языков – это языки Средней Азии и других частой территории Советского Союза. Самый термин «Иран» в его древней форме – «Ариана» – первоначально не охватывал Фарса, см.: Strabo, XI, 2, 1 и 8.

[2] Her., I, 110. – Strabo, XI, 14, 8.

[3] Strabo, X, 2, 8 и 14.

Обстановка исторически сложилась так, что почти непосредственны за периодом существования мидийского племенного союза, после всего лишь 50–70-летнего промежутка, образовалась Мидийская держава, как слабо экономически связанное военно-административное объединение, внутри которого отдельные, слабо тяготевшие друг к другу области и племена должны были в значительной мере сохранять и свои старые племенные языки. Поэтому здесь не было условий для создания языка мидийской народности, а продолжали существовать разные языки: лишь в III в. до н. э., когда Мидия распалась на Нижнюю Мидию и Мидию Атропатену и когда Мидия Атропатена получила независимость, создались условия для начала сложения мидийско-атропатенской народности.

Если верна теория мидийского происхождения Авесты, то, очевидно, и язык Авесты следовало бы рассматривать как мидийский. Язык Авесты, прекрасно изученный, представленный богатым словарным запасом, – как уже указывалось, индоевропейский, иранский. Но у нас есть основания предполагать, что язык Авесты, хотя, возможно, и был близок к тому иранскому языку, который источники называют мидийским, все же отличался от него.

Помимо тех сведений, которые мы можем почерпнуть о мидийском языке из собственных имен, мы имеем о нем сведения также из слов, заимствованных из мидийского в другие языки, в частности в древнеперсидский. Такие слова легко обнаруживаются вследствие того, что они, будучи явно индоевропейскими и даже иранскими, тем не менее не подчиняются внутренним фонетическим законам самого персидского языка. Значение этого факта особенно велико, если учесть, что слово обычно заимствуется вместе с соответствующим предметом или понятием; это позволяет получить некоторое представление о роли более высокой культуры мидян в историческом развитии персов.

Достигнутые иранистикой результаты позволяют представить определенную таблицу соотношений между фонетическими системами отдельных иранских языков, и в том числе мидийского, а также отношение этих фонетических систем к системам других индоевропейских языков, например русского (табл. 2).

Таблица 2

Восстанавливаемая индоевропейская фонема или группа	Русская фонема или группа	Мидийская фонема или группа	Авестская фонема или группа	Парфянская	Согдийская	Хорезмская	Скифская фонема или группа	Персидская фонема или группа
				(более поздние формы)				
Перед гласными k_I	с	s	s	s	s	s	s	ϑ>h[1]
g_I, g_Ih	з	z	z	z	z	z	z	d[2]
$k_Iγ$	св	sp	sp	sp	sp	sp	sp>fs	s[3]
tr (не после спартанов)	тр	ϑr, tr	ϑr>hr	dr, š	š	š	tr, ϑr>rϑ, rt	ϑ>s[4]
ti	ть	ϑy	ϑy	š	š	*ti>ts	ti>ts	š(i)y[5]
su	св	f	hv, χv	χv>vχ	γw	χw	χw, χo	(h)u>hv[6] χv

Мы приводим здесь эту таблицу не полностью, а только те ее части, которые дают наиболее характерные расхождения между отдельными иранскими языками.[7]

[1] Мидийское заимствование в персидском asā-daruv– «каменное дерево», «черное дерево» (?); авест. asəngа - – «камень», saŋh–«сказать»; др.-перс. aϑanga- – «камень», a-ϑah-am –«я сказал» и др.

[2] Мидийские заимствования в персидском vazɾka- – «большой», «великий», zūra- – «обида», «насилие»; авест, vazra- – «палица», zūra- –«обида», zān- – «знать», zaranya- – «золото»; парф. и хорезм zird – «сердце»; скифск. zarina– «золотая»; др.-перс. dān–«знать», daraniya- – «золото», новоперс, dil<*dird- – «сердце»; ср. русск. «золото» и т. п.

[3] Мидийское в греческой передаче spaka (ср. талышск. sjpa) – «собака», в греческой и ассирийской передаче aspa- – «лошадь»; авест. spaka- – «собачий», aspa- – «лошадь»; парф., скифск. asp, позднее скифск. afs – «лошадь»; др.-перс, asa-bāra- –«конник», *saka новоперс. sag – «собака».

[4] Мид. Miϑra, Xšnϑrita, Ćiϑranlaχma и различных передачах; авест. Miϑra- – «Митра», χšnϑra- –«власть», ćiϑra- – «потомство»; парф. Mihr, (χ)šahr; скифское в греческой передаче -ksarth =-χšaiϑ < *χšuϑra; др.-перс. *Miça-, χšaça-, *ćiça-. Ср. русск. «три» с авест. ϑraya-, осет. ærlæ из скифск. *ϑray- и новоперс. se «три» и т. п.

[5] Мидийское заимствование в персидском χšayaϑiya- «царь», др.-перс. hašiya- – «правда» из *hatyam, ср. авест. haϑiya-, др.-инд. satyá-; др.-перс. (h)uvā-inɾšiyu- – «самоубийца» при авест. mɾϑyu-, др.-инд. mɾtyu -, ср. русск; «мертвый». и т. п.

[6] Мидийское в греческой передаче -pharn-, -phern- (у Ктесия -bern-) в ассирийской передачу– -parna и др., в персидских заимствованиях -farna; в авест. hvarona–«сияние славы»; авест. hvala- – «свой», парф. vχaδ, согд. γwδ, скифск. xōd-, осет. χvæd, др.-перс. (h)uva- – «само-»; ср. русск. «свой» и имя солнечного божества «Сварог».По мнению Херцфельда, греч. -pharn-, -bern- передает мид.-парф. * vharna-.

[7] Следует заметить, что наряду с приводимыми выше фонетическими особенностями иранского мидийского языка в нем, невидимому, имелись и другие, в частности такие фонетические особенности, которые не имеют аналогии в других иранских языках и поэтому, вероятно, восходят к «каспийскому» субстрату. Здесь мы имеем в виду переход начального b>in, засвидетельствованного как греческими передачами (перс. Bagabuχša – греч. Megabuzdos). так и вавилонскими (перс. Bagabuχša – акк. Magabudišu: Beh., строка 111). Последнее особенно важно, так как вавилонская версия надписи систематически передает персидские имена в индийском звучании, например, Barzija при перс. B(a)rdiya, Artamarzî при перс. Artavardiya и др.

И так, один из важнейших языков, распространенных в древней Мидии, – именно, тот язык, который известен нам из греческих и клинописных передач, главным образом, собственных имен и названий местностей, а также отдельных слов, и который древние источники и называют «мидийским», – принадлежал к иранской ветви индоевропейских языков, а к той же ветви принадлежал и язык Авесты. Но эти языки ни в коем случае не следует смешивать с наиболее известным из иранских языков – персидским.

Из табл. 2 явствует, что в фонетическом отношении древнеперсидский язык стоит особняком среди иранских. Что касается мидийского языка, то он в области фонетики резко отличается от древнеперсидского,[1] примыкая к таким языкам, как авестский, затем согдийский, хорезмийский – древние языки народов Средней Азии – и скифский – древний язык народов, живших на территории Украины и Северного Кавказа. При этом из шести контрольных случаев мидийский расходится с авестским в одном случае, с парфянским и раннескифским – не более чем в двух, с согдийским и хорезмийским, даже учитывая большое временное различие между сравниваемыми в данном случае языками, – в трех, а с древнеперсидским – в шести случаях, несмотря на одновременность памятников древнеперсидского и мидийского языков.

Разумеется, историческая фонетика является не единственным показательным фактором для сравнения языков. Большое значение имеет также словарный состав и грамматическая структура. К сожалению, наши сведения о словарном составе мидийского языка более чем скудны, а о грамматической структуре мы ничего не знаем. Возможно, что его словарные расхождения со скифским, хорезмийским, согдийским и т. д. были и более значительными, чем фонетические. Однако несомненно, что в целом близость этих языков была довольно велика.

Общий итог сравнительного анализа иранских языков приводит к следующему выводу. Иранские языки делятся на три подгруппы: 1) скифско-средиеазиатскую, или так называемую «восточноиранскую», 2) мидийско-парфянскую, или так называемую «северо-западную», и 3) «юго-западную», единственным пока известным древним представителем которой является древнеперсидский.

Обычно две последние подгруппы объединяют вместо под названием «западноиранской»; основанием для этого является значительная лек-

[1] Так, Б. В. Миллер говорит о «северо-западной группе иранских языков в ее противопоставлении юго-западной, представителями которой являются новоперсидский и таджикский языки» (Б. В. Миллер. Талышский язык. М., 1953, стр. 227)

сическая и грамматическая близость главным образом более поздних языков «северо-западной» и «юго-западной» подгрупп (парфянского и персидского), а также общность в более поздний период некоторых фонетических сдвигов в этих языках. Но, вероятно, эта близость является вторичной и объясняется громадным взаимовлиянием мидийского, парфянского и персидского языков в условиях военно-административных объединений конца рабовладельческой эпохи и начала средневековья. Как известно, сейчас на всем протяжении государства Ирана (Персии) господствует одни общий литературный язык–фарси, или новоперсидский (хотя остатки прежних языков продолжают еще существовать, либо влившись в персидский в виде территориальных диалектов, либо самостоятельно). Но этот новоперсидский язык не является только потомком древнеперсидского языка. Он складывался как литературный язык в IX–X вв. н. э. в восточных областях, в значительной мере на основе говоров, вошедших в таджикский язык и, кроме того, в течение различных периодов еще своей доистории воспринял громадные пласты мидийской, а позже – особенно парфянской лексики (по подсчетам В.И.Абаева – до двух третей).[1]

Громадное культурное влияние, в частности, мидийского языка, как языка народа, стоявшего в то время выше по своему развитию, на древнеперсидский видно из приведенных в примечаниях к табл. 2 и многих других материалов: в результате лингвистического анализа мидийскими оказываются такие термины государственного управления, как «царь» (χšayaϑiya), «сатрап» [χšaϑrapāvā(n)], термины культурного обихода, как «черное дерево» (?–asā-daruv), и идеологии, как «магическая сила и слава царя», «счастье» (farna), имя бога Митры, застывший оборот с религиозным значением «aniyāha bagāha»; мидийскими или бактрийскими являются такие термины, как «священный» (brazman-), «обида», «притеснение» (zūra), «камень лазурит» (kasāka) и т. д.[2]

Особенно любопытно, что мидийскими оказываются названия некоторых персидских племен: таковы во всяком случае имена двух из

[1] В.И.Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М.–Л., 1949, стр. 142. Скептическое отношение, которое В. И. Абаев выражает к выделению мидийских форм в древнеперсидском языке, не кажется оправданным; само выдвигаемое автором наложение о сложении новоперсидского языка не на основе дальнейшего развития одного лишь древнеперсидского, но на осново различных племенных языков требует признать и попытаться выделить лексический вклад мидийского языка в персидский, в том числе и в древнеперсидский.

[2] См.: A. Meillet et E. Benveniste. Crammaire du Vieux-perse. Paris, 1931, стр. 6–14; P. Tedoseo. Dialektologie der westiranischen Turfantexte. MO, XV, 1921, стр. 184 и сл.; E. Herzfeld. Medisch und Parthisch. AMI, VII, 1934; R. Kent. Old Persian Grammar Text Lexicon. New Haven, 1950, стр. 8 (§§ 7–11).

этих племен, а именно маспиев и сагартиев (в одном, случае мы встречаем неперсидское сочетание -sp-, в другом – мидийскую форму «asagartiya» – «камнероец», «пещерный житель» вместо ожидаемой персидской формы «*aϑagartiya»).

Но самое интересное, что само название «Персия» (Фарс, древнее «Pārsa-») является мидийским;[1] мы ожидали бы в древнеперсидском форму «Pārϑa-». Наоборот, Парфия, которая по-парфянски и по-мидийски должна была бы называться «*Parsava»,[2] называлась «Parϑava», а «Парсава» (или в ассирийской закономерной передаче «Парсуа»)[3] называлась другая область – на западной окраине Мидии, хорошо известная нам по ассирийским и урартским данным. Это совершенно не случайно: термины эти восходят к иранск. *pars-, *parsav- – «ребро», отсюда «бок», «край»;[4] и Персида, и Парсуа, и Парфия находились на окраинах Мидии: на южной находилась Персида, на западной – Парсуа, на восточной – Парфия (а к северу от Мидии в числе прочих племен отмечаются «парсии»). Все три названия означают «край», «окраина», «украйна», причем для Парсуа и Персиды как центр мыслится Мидия, а Парфия была, повидимому, «краем» для племен, говоривших на юго-западных диалектах.

На основании приведенных в таблице и других данных видно также отношение между мидийским языком и языком Авесты. Близость между ними очевидна и весьма значительна, однако она не доходит до тождества. Имеются существенные отличия – фонетические (мид. farna–, авест. hvarəna-) и словарные (мид. baga, авест. yazata- – «бог»). Авестский язык – видимо, не мидийский, а другой язык. Целый ряд фактов, на которые здесь пока нет возможности указать, связывают авестский язык со скифо-среднеазиатской подгруппой. Как известно, большин-

[1] R. K e n t, ук. соч., §§9, III и 87.

[2] Эламская версия (Dar. NR; 17; Beh., II, 69 и др. сохранила форму Parsuma, Parsumaš (эламское -m- передает -v-). В эламском ϑ обычно передается как t; встречающиеся передачи ϑ как s, может быть, соответствуют мидийским формам.

[3] В ассирийском не было звука [v]. Объяснение ассир. Parsya- из индо-иранск. parçva- (откуда мид. *parspa- и др.-перс. *parsa- с прилагательным pārsa), принадлежащее Херцфельду, не выдерживает критики по хронологическим соображениям: переход -çv->-sp- должен был произойти гораздо раньше, чем IX–VII вв. до н. э., от которых до нас дошел этот термин. На связь терминов Parϑava и Parsua указал уже Рост [MVAG, 1897, 2, стр. 75 (177)], однако он в корне неправильно считал обитателей Парсуа парфянами, так как действительная причина связи терминов ему не была ясна.

[4] Др.-инд. parçu-h – «ребро», pārçvá-h – «бок»; авест. parəsu- – «ребро», pərəsu- «бок»; осет, fars – «сторона», «край». См.: A. W a l d e . Vergloichendes .Wörterbuch der idg. Sprachen, herausg. v. J. Pokorny, II. Berlin–Leipzig, 1926, стр. 44 (и, -e. *perki-).

ство советских и зарубежных исследователей относит возникновение Авесты к Средней Азии – к Бактрии (Гафуров, Джексон, Гейгер, Альтхейм), Согду (Тревор), Маргиане (Струве), Хорезму (Толстов, Хеннинг) и т. п. Однако имеются и сторонники мидийского происхождения Авесты (Маковельский, Херцфельд); число сторонников мидийского происхождения Авесты было значительно большим в XIX в. (Юсти, отчасти Шпигель и др.).

Учитывая все приведенные выше обстоятельства, не следует отнюдь упускать из виду тот важнейший факт, что до ее разделения Мидия в древности не представляла собой прочного единства. Являясь вначале племенным союзом, потом военно-административным объединением разных племен и стран, затем временно поглощенная ахеменидским военно-административным объединением, она в конце IV в. до н. э. распалась на две части: Мидию Атропатену и Нижнюю Мидию. Больше они уже но соединялись в единое целое в пределах эпохи рабства, и внутри каждой из этих частей шел самостоятельно процесс образования народностей. В то время как народ Мидии Атропатены является одним из предков народа Азербайджана, население Нижней Мидии, имевшее совершенно другую судьбу, не вошло в его состав. Между тем, до начала процесса образования народностей в Мидии Атропатене и смежных областях, в пределах мидийского объединения должны были продолжать господствовать племенные языки, которые предшествуют языкам народностей; таким образом, в период, предшествующий образованию Мидии Атропатены, о д н о г о какого-либо языка (либо иранского, либо «каспийского») в Мидии, строго говоря, не было. «Мидийский язык» источников (иранский) оставался еще племенным языком и, несмотря на свое значение и распространение, все же, как можно предполагать по ряду данных, был лишь одним из племенных языков Мидии (в особенности восточной). В пределах Мидии Атропатены в рассматриваемый нами период, во всяком случае, имелись и другие племенные языки, иного, не иранского происхождения.

Общеизвестно, что почти ни один из народов Ближнего Востока, да и других областей, не говорит сейчас на том языке, на котором говорили его прямые предки несколько тысяч лет тому назад. В Египте древнеегипетский сменился коптским и греческим, потом арабским, хотя население отнюдь не изгонялось и не истреблялось, а осталось неизменным; также в Ираке шумерский и хурритский сменились последовательно ассиро-вавилонским (аккадским), арамейским и арабским; в Средней Азии иранские языки хорезмийцев, согдийцев, бактрийцев и

парфян сменились тюркскими языками узбеков, кара-калпаков и туркмен: аналогичная смена языков имела место и в Мидии. Но смена языка вовсе не означает обыкновенно вытеснения коренного населения, и поэтому современные народы – в своей массе прямые потомки древних жителей страны, хотя и говоривших на других языках, чем в настоящее время, но создавших сохраняющуюся по сие время культурную, историческую и антропологическую преемственность, доходящую до современных народов.

4. Изучение истории Мидии в современной науке[1]

Историю изучения Мидии в новое время можно разделить на два периода – до появления подлинных восточных источников, особенно клинописных, и после их появления.

В первый период – до последней четверти XIX в. – изучение истории Мидии ограничивалось пересказом античных авторов и попытками, поразному переворачивая их скудные данные, домыслить то, чего непосредственно в них не содержалось. Особенно важным считалось по возможности согласовать данные Ктесия, которые обычно брались за основу, сданными Геродота и Библии.

Начальный период изучения древневосточных стран был периодом установления критического текста античных авторов по рукописям. Это была громадная и кропотливая работа, начатая еще гуманистами эпохи Возрождения и в основном завершенная в XIX в.

Позже, с развитием иранистики, делались попытки увязать переданную античными авторами историю Мидии с зороастрийской легендарной традицией.[2] В самом понимании задач истории европейские историки древнего мира XVIII и начала XIX в. недалеко ушли от греческих и римских историков, которым они нередко сознательно подражали; история для них была историей династий и войн. Из того, что было написано о Мидии до последней четверти XIX в., почти ничто не сохранило значения до настоящего времени, за исключением отдельных положений, как, например, объяснение хронологической системы Ктесия Вольнеем в 1814 г. или определение даты заключения мира между Мидией и Лидией (окончательно лишь у Нельдеке в 1887 г.) по упоми-

[1] Мы не касаемся здесь общих вопросов историографии Древнего Востока, истории иранистики и изучении зороастрийской религии.

[2] Сводку см. в книге: F. Spiegel. Eranische Altertumskunde, I–II. Leipzig, 1871, 1873.

наемому в связи с этим событием затмению.

Первые данные древневосточных источников, появившиеся с середины XIX в., были еще сравнительно скудны и не всегда правильно поняты; их рассматривали как дополнение и пояснение к данным Библии и античных авторов, поэтому первые работы, привлекающие этот круг источников для истории Мидии, еще в принципе мало отличаются от работ предшествующего периода.

Впервые указал на необходимость привлечения клинописного материала к истории Мидии и дал кое-какие наметки в этом направлении Франсуа Ленорман в 1871 г.[1] Начиная с этого времени появляется еще несколько исследований, посвященных Мидии. Накопление материалов, происходившее в истории других стран Древнего Востока, было еще не столь значительным, чтобы оставить позади Мидию и отвлечь от нее внимание исследователей.[2] В числе появившихся в последней четверти XIX в. сочинении нужно упомянуть работу Опперта, основаниую на предположении о тождестве языка «2-й категории ахеменидских надписей» с мидийским и построенную на мысли о борьбе между «туранским» и «арийским» элементом в истории Мидии; главное место Опперт отводит «туранскому» элементу. Несмотря на отдельные интересные мысли, работа эта безнадежно устарела и мало основательна по материалу в аргументации; к тому же сам Опперт занимал в вопросах истории Мидии очень шаткую и неустойчивую позицию. Доводы Опперта были строго логически разрушены Делаттром; но достижения Делаттра носили преимущественно негативный характер, поскольку разбивали необоснованные построения, содержавшиеся в работах Опперта, а также Генри и Джорджа Раулнисона и других. Положительного Делаттр внес в историю Мидии мало, но заслуга его в том, что он отделил достоверное и вероятное от недостоверного и невероятного. Однако он внес в историографию Мидии то пренебрежение к роли неиндоевропейских этнических элементов, которое стало столь характерным для работ конца XIX и начала XX в.

---

[1] F. Lenormant. Lettres assyriologiques sur l'histoire et les antiquités de l'Asio antérieure, t. I. Paris, 1871, Premiére lettre: Sur la monarchie des Médes.

[2] G. Rawlinson. 1) The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World. London, 1862–1867; 2) The History of Herodotus. London, 1880, 4-th. ed. (статьи Дж. и Г. Раулинсонов). – J. Oppert. Le Peuple et la Langue des Médes... Paris 1879. – A. Delattre. Le Peuple et l'Empire des Médes... Bruxelles, 1883. – J. v. Prášek. Medien und das Haus des Kyaxares. Berlin, 1890. – P. Rost. Das sogenannte Mederreich und das Emporkommen der Perser (Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte). MVAG, 1897, 2, стр. 272 и сл., и др.

Ряд наблюдений по истории Мидии был сделан Гуго Винклером[1] и Ростом. В этот период, как и в последующие, специальных работ по истории Мидии было немного. Значительно чаще ей посвящали несколько страниц в начале работ по истории ахеменидской Персии, вступлением в которую представлялась ученым конца прошлого века история Мидийского царства.[2] История Мидии затрагивалась также и общими работами, посвященными Древнему Востоку.[3]

Достижений в области изучения истории Мидии к началу нашего столетия по сравнению со временем Ленормана и Делаттра было сделано все еще сравнительно немного. Важная предварительная работа была проделана по исторической географии Мидии IX–VII вв. до н. э.[4] Некоторый прогресс был достигнут в области выяснения источников греческих авторов благодаря работам Маркварта,[5] Прашека,[6] Якоби[7] и других. Большое значение имело опубликование Кнудтцоном в 1893 г. и Клаубером в 1913 г. фрагментов ассирийских запросов к оракулу, делавшихся в связи с восстанием Каштарити в Мидии; но истинный характер событий, отраженных в этих запросах, – именно, образование Мидийского царства – остался нераскрытым.[8]

---

[1] H. Winckler. 1) Altorientalische Forschungen. Folge I–III. Leipzig, 1893 и сл. (ряд статей); 2) Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte. Leipzig, 1889; 3) Geschichte Babyloniens und Assyriens. Leipzig, 1892. Интересные и меткие наблюдения чередуются у Винклера с фантастическими построениями в духе «панвавилонизма» и многочисленными поспешными умозаключениями.

[2] Таковы работы: F. Justi. Geschichte des alten Persiens (Onckens Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen). Berlin, 1879; Th. Nöldeke. Aufsätze zur persichen Geschichte. Leipzig, 1887; см. также исторический очерк Ф. Юсти: Grundriss der iranischen Philologie, II, Strassburg, 1896–1904, стр. 395 и сл., и др.

[3] В научном отношении наиболее важные из них: G. Maspero. Histoire ancienne des peuples d'Orient classique. [Том III]. Les Empires. Paris, 1908; E. Meyer. Geschichte des Altertums (переиздавалась неоднократно).

[4] Наиболее важны здесь работы: Streck, ZA, XV, для более позднего периода: J. Marquart. 1) Untersuchungen zur Geschichte von Eran, 1–2, Göttingen, 1896–1905; 2) Ērānšahr nach der Geographie des Moses Xorenac'i. Abh. der Ges. der Wiss. zu Göttingen, Ph.-h. Kl., N. F., 3, 1899–1901, Berlin, 1901; J. Markwart. Wehrot und Arang. Leiden, 1938 (посмертное изд. под ред. Шедера).

[5] J. Marquart. Die Assyriaka des Ktesias. Philologus, Zeitschrift für das classische Alterthum, Göttingen, 1893, стр. 503 и сл.

[6] J. v. Prášek. Hekataios als Herodots Quelle zur Geschichte Vorderasiens. «Klio», IV, 1904, стр. 193 и сл.

[7] F. Jacoby. Über die Entwicklung der griechischen Historiographie. «Klio», IX, 1909, стр. 80 и сл. – Pauly–Wissowa, Suppl, s. v. Herodotos, и др.

[8] См. у Прашека: «Возникновение Мидийского царства скрыто завесой, непроницаемой для наших средств, так как о ней не дошло до нас никаких прямых известий» (J. v. Prášek. Geschichte der Meder und Perser, 1. Gotha, 1906. стр. 103).

В целом история Мидии все еще строилась преимущественно на различных более или менее хитроумных домыслах и комбинациях на материале данных Геродота и Ктесия.

Трудность заключалась, во-первых, в том, что, казалось, не было никакой связи между сообщениями ассирийских источников и сообщениями греческих авторов. Первые рисовали картину полной политической разрозненности территории Мидии, вторые рисовали нам целостную Мидийскую державу. Никак не удавалось обнаружить в ассирийских памятниках упоминания Мидийского царства.[1] Далее, сбивали некоторые терминологические моменты, например термин «умман-манда», применявшийся то к киммерийцам, то явно к мидянам; отсюда разнообразные теории, превращавшие мидийских царей в киммерийских и скифских, и наоборот.[2] Смущало также отсутствие ясных клинописных известий о разрушении Ассирии мидянами. Пока таких известий не было, можно было колебаться между версиями Геродота, Ктесия и различными более или менее вероятными домыслами.[3] Неясно было (и остается неясным), каково соотношение Мидии и той страны, где создалась Авеста.

Наконец, что особенно важно, всем исследованиям по истории Мидии придавило односторонний характер то обстоятельство, что история этой страны интересовала буржуазных ученых почти исключительно с точки зрения проникновения туда «арийцев». Под влиянием предвзятой реакционной идеи о неспособности народов Востока, кроме некоторых «избранных», к самостоятельному историческому развитию и об исключительности исторической роли народов, говоривших на индоевропейских языках (что приобретало у наиболее реакционных представителей буржуазной науки форму восхваления мифической «арийской расы»), буржуазные ученые всячески раздували признаки раннего присутствия в древней Мидии индоевропейского языка и пре-

---

[1] Это удалось впервые Форреру, см. комментарии к переизданному им в 1921 г. ассирийскому списку провинций и царств: E. F o r r e r. Die Provinzei nteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1921. Его наблюдение осталось незамеченным. См.: АВИУ, № 71, прим. 39, стр. 235.

[2] Так, у Винклера Астиаг – не мидянин, а скиф (H. W i n c k l e r. Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte. Leipzig, 1889, стр. 124). Значение термина «умман-манда» было выяснено Ландсбергером и Бауэром в 1926 г. (ZA, N. F., III стр. 1 и сл.).

[3] Сводку имевшихся данных см.: Assurbanipal, I, стр. CDV и сл.; см. об этом также ниже, стр. 303, прим. 2. Долгожданная вавилонская хроника была найдена в Британском музее и издана Гэддом в 1923 г., но сам Гэдд в своих комментариях еще оставался до некоторой степени под впечатлением старых домыслов (C. J. G a d d. The Fall of Nineveh. London, 1923).

уменьшали значение того, что на ее территории уже существовала высокая культура и развитая государственность до прихода кочевников-индоевропейцев (например, в государстве Манна), что не могло не оказать влияния на историческую эволюцию самих пришельцев, стоявших на более низком уровне развития.

Индоевропейцы индоиранской («арийской») ветви играли в Мидии очень большую роль, и в Нижней Мидии население индоевропеизировалось уже в довольно раннее время. Индоевропейские племена вложили свой вклад в культуру страны, ни в чем не уступая другим племенам и народам, побывавшим на этой территории. Начиная с середины I тысячелетия до н. э. на большей части просторов Ирана возобладали индоевропейские, иранские языки, и народами – носителями этих языков была создана в дальнейшем вся великая культура Ирана. Даже там, где языки индоевропейских племен были впоследствии вытеснены, эти племена оставили немаловажный след в истории. Их проникновение в Мидию и постепенное продвижение с востока на запад было правильно замечено западной наукой этого времени.[1] Но дело в том, что буржуазная наука абсолютизировала значение этих племен в истории, замалчивала древность и высоту местной культуры, которую они должны были воспринять, и декларировала обреченность всех остальных народов на «внеисторическое существование». Такая постановка вопроса являлась по существу апологией угнетения колониальных народов империалистами.

В этот период более других работал в области истории Мидии чешский исследователь Прашек.[2] Его история Мидии представляет наиболее полную для своего времени сводку материала и сыграла в историографии Мидии важную роль. Однако она ни в коей мере не может удовлетворить читателя – и не потому только, что материал ее частично устарел, но и потому, что Прашек оказался под влиянием распространявшихся в то время реакционных теорий.

Подход к истории Мидии Прашека определяется его основными установками: «Как только... арийцы прочно утвердились на мидийской почве, местные жители были оттеснены ими на задний план, и политическое руководство досталось крепкому, свежему арийскому началу.

---

[1] Наиболее важна работа: E. Meyer. Die ältesten datierten Zeugnisse der iranischen Spache. Kuhn's Z. f. vgl. Spr., XLII, 1908, стр. 14

[2] Обобщающая работа: J. v. Prášek. Geschichte der Meder und Perser, I. Gotha, 1906. Она сохраняет значение главным образом для библиографии более старых работ. Кроме того, Прашеком написан ряд отдельных исследований.

Туземцы были мало пригодны для самостоятельной исторической жизни».[1]

Это утверждение не соответствует действительности, так как «туземцы» обладали «исторической жизнью» тогда, когда никаких индоевропейцев и в помине не было; Прашек не объясняет также, чем же «туземцы» Мидии так печально отличались от своих соседей к югу и западу, создавших великие цивилизации, не будучи арийцами. Не случайно Прашек, вслед за Марквартом,[2] не считает Атропатену областью Мидии[3] – иначе пришлось бы признать концепцию несостоятельной.

Хотя еще Ленорман отметил наличие двух элементов в составе населения Мидии, однако, по Прашеку, местный элемент был оттеснен в горы и недоступные долины и имел значение один только индоевропейский элемент. Точке зрения Прашека противоречит материал собственных имен из Мидии, приводимых ассирийскими источниками, который показывает полное преобладание местного языкового элемента на западных, центральных и северных территориях Мидии. Не имея возможности объяснить соответствующие имена из иранских языков, Прашек ограничивается указанием на то, что названия «Бит-Затти», «Бит-Таззакки» и т. п. – индоевропейские потому лишь, что вообще в индоевропейских именах встречаются звукосочетания «зат» и «тас», совершенно не входя в рассмотрение вопроса о том, что эти звукосочетания значат. В других случаях он просто объявляет то или иное имя иранским без дальнейших объяснений (например, имя «Митаки»). Стремясь продвинуть индоевропейских мидян на всю территорию Мидии, вплоть до крайнего ее запада, он обращает внимание на распространенную в области гор Загроса группу топонимических названий, начинающихся с «кинги-»,«кин-», «кинди-» и т. д., и связывает этот элемент с авестским словом Kaŋha «название мифического города», несмотря на весьма отдаленное сходство и явно не индоевропейский характер следующей за этим элементом части соответствующих названий. Плохое издание и неправильное чтение некоторых источников, которыми он пользовался,[4] еще более умножают число псевдоиндоевропейских имен у Прашека. Все это затемняет действительную картину и мешает здравой и беспристрастной оценке как действительно

[1] Там же, стр. 3.

[2] J. Marquart. Untersuchungen zur Geschichte von Eran, II. 1905, стр. 20.

[3] J. v. Prášek. Geschichte der Meder und Perser, I. стр. 9.

[4] Например «смитовского» списка областей, завоеванных Саргоном II (J. v. Prášek. Geschichte der Meder und Perser, I. стр. 101 и сл.).

индоевропейских, так и неиндоевропейских элементов в составе населения Мидии.

И в остальном, несмотря на полноту привлеченного литературного и источниковедческого материала, работа Прашека страдает рядом недостатков. Ассирийский материал приведен у него суммарно, географически не дифференцирован, историческое значение ассирийских походов не показано. Что же касается истории собственно Мидийского царства, то она построена на чистейших домыслах, основанных на переиначивании данных Геродота, а иногда на явных недоразумениях.[1] Список царей у Прашека не имеет ничего общего ни с Геродотом, ни с Ктесием. Он имеет примерно такой вид: Дейок I (?), Киаксар I, Мамитиаршу=Дейок II (?), Тукдамми, Астиаг I,[2] Киаксар II, Астиаг II (ср. выше, о списках царев у Геродота и Ктесия, стр. 22 и сл. и стр. 29).

Другие авторы заходили еще дальше в своих домыслах на материале мидийской истории. Вполне понятно, что более серьезные ученые, как, например, Масперо (который в своей «Древней истории народов классического Востока» дает много интересного общего материала по Мидии), отказались от построения подобных концепций и, не мудрствуя лукаво, излагали известия Геродота и Ктесия, как они дошли до нас.[3]

---

[1] Так, например, киммериец Тугдамми превращается у него в мидийского царя.

[2] Откуда взялся этот загадочный Астиаг I? В известном армянском переводе Евсевия, восходящем к Бероссу, говорится о брачном союзе между домами «Буссолосора» (вавилонского царя Набоналасара) и Астиага (?) и о нашествии из приморья на Ассирию. Речь идет, очевидно, об известной войне мидян и халдеев с Ассирией, приведшей к ее разрушению (для вавилонского автора «Приморье» – māt tāmti – это Халдея, юг Вавилонии), причем Астиаг здесь помещен либо по ошибке, либо как фактически действовавший сын престарелого, правившего в то время царя мидян Киаксара (см. ниже, стр. 306, прим 1.). Нельзя конструировать на основании этого позднего и искаженного известия особого Астиага I и какое-то особое нашествие из приморских стран (у Кенига оно превращается даже в нашествие. . . греков – они же «умман-манда» – и покорение ими всей Передней Азии!).

[3] Масперо пишет при этом (G. Maspero, ук. соч., стр. 454, прим. 5): «История Мидии остается наиболее темной в пределах истории народов Азии. . . К тому же это период, в отношении которого современные археологи и филологи самым беспорядочным образом дали волю критике, – а по преимуществу фантазии – в течении последних тридцати лет. Изучив большую часть систем, предложенных одна вслед за другой, я остановился на решениях, которые, более всего приближаясь к античной традиции (la legendo classicque), лучше всего согласуются с хронологическими рамками. . . которые надписи нам дают для последних лет Ниневии; не то, чтобы все эти решения казались мне равно вероятными, но. . . они по крайней мере имеют то достоинство, что воспроизводят во многих случаях представлении, распространенные в древности народов, находившихся в прямых сношениях с мидянами и с последними из их государей».

После Прашека история Мидии длительное время не являлась в западной науке предметом специального монографического изложения. В то же время делались отдельные частные наблюдения, уточнялись отдельные факты, делающие возможным пересмотр фактической стороны мидийской истории. Открытие Форрером в 1921 г. ассирийского упоминания Мидии как независимого царства сделало возможным отождествление восстания Каштарити в начале VII в. до н. э. с моментом образования Мидийского царства, а самого Каштарити–с «Фраортом» Геродота. В 1923 г. была опубликована вавилонская хроника о падении Ассирии и вскоре после этого разъяснен термин «умман-манда». Таким образом, целый ряд созданных историками мифов в области истории Мидии умер естественной смертью.

Некоторое накопление знаний происходило и в области изучения неиндоевропейских языков Мидии и Элама. К сожалению, скудость материала и трудность применения к нему строгой методики отпугивала от этой области древневосточной филологии наиболее серьезных ученых, а те исследователи, которые, как Борк, Хюзинг, Кениг, занимались данным кругом вопросов,[1] слишком часто допускали малообоснованные и поспешные заключения. Наиболее существенны работы Хюзнига,[2] нередко содержащие интересные наблюдения, хотя методологически они не выдерживают критики и отличаются произвольностью обращения с источниками. Для более ранних периодов истории народов Нагроса важны работы одного из основателен хурритологии, Шпейзера.[3]

Ни один исследователь истории Мидии ни сможет обойтись без многочисленных и разнообразных иранистических, археологических, историко-географических и иных работ Э. Херцфельда.[4] Широко образованный и разносторонний автор, Херцфельд оставил множество раз-

[1] Мы не касаемся в данном случае ученых, занимавшихся только собственно эламским языком. Здесь нужно было бы назвать, помимо указанных лиц, также Морриса, Опперта и других, и в первую очередь Шейля, Вейсбаха и Камерона. Всеми ими проделана ценная работа.

[2] Обобщающая работа: G. H ü s i n g. Der Zagros and seine Völker, eine arclăologisch-ethnographische Skizze. Der A. O., IX, 3/4. Ср. также серию статей по истории Мидии о «Orientalistische Literaturzeitung» за 1915 г.

[3] См. особенно его раннюю работу: E. A. S p e i s e r. Mesopotamian Origins. Philadelphia, 1930.

[4] Наиболее важные из них о серии «Archaeologische Mitteilungen aus Iran», а также: E. H e r z f e l d. 1) Iranische Denkmäler. Berlin, 1932 и сл.; 2) Archaeological History of Iran. The Schweich Lectures of the British Academy, 1934. London, 1935; 3) Iran in the Ancient East. London, 1941; 4) Zoroaster and his World, I—II. Princeton, 1947.

личных исследований по частным вопросам, содержащих большое количество ценных наблюдений и замечаний, сопоставлении и маленьких открытий. К сожалению, все это обесценивается не только общими его неприемлемыми установками (к чему мы вернемся), но и неуместной решительностью и докторальностью самого изложения. Не дрогнувшим голосом говорит он как о твердо установленной вещи равно и о том, что действительно установлено и доказано (им или его предшественниками), и о том, что отнюдь не доказано, совершенно недостоверно или в лучшем случае является гипотезой. С повествовательными источниками он обращается с удивительной легкостью, «исправляя» и изменяя дошедший до нас текст в угоду своим догадкам и теориям (хотя иногда эти догадки и теории бывают остроумными).[1] Поэтому весьма опасно полагаться на положения, выдвигаемые им как факты. Иранисты считают Херцфельда слабым филологом, но отличным историком и археологом, археологи признают в нем блестящего филолога и историка, но считают посредственным археологом. В самом деле, хотя его этимологии часто не выдерживают строгой филологической критики, однако иногда они интересны и действистельно бросают свет на положение вещей; а его археологические конструкции, хотя нередко фантастичны, однако иной раз содержат ценные сопоставления, и наблюдения. Работы Херцфельда важны также и тем, что в них впервые опубликованы многочисленные ранее неизвестные археологические и письменные памятники.

Но, как сказано, пользоваться работами Херцфельда можно лишь с величайшей осторожностью и осмотрительностью, прежде всего учитывая глубокую реакционность пронизывающей их исторической «теории».

Если западные ученые предимпериалистического периода и начала XX в. ограничивались тем, что писали историю «по старинке» – как череду военных походов и царских имен,–то буржуазная наука эпохи им-

[1] Характерный пример его метода работы – статья «Smerdis und Pseudo-Smerdis» (AMI, V, 3, 1933, стр. 125 и сл.). Разбирая вначале с большим остроумием дошедшие до нас известия греческих авторов о восстании мага Гауматы и показывал их детальную историческую подоплеку, он затем неожиданно делает логически абсолютно неоправданный вывод, что имя Сфендадат, которое, по Ктесию, носил восставший маг, есть, на самом деле, имя. . . его убийцы Дария I! Каков механизм такого перенесения имени, Херцфельд, конечно, не объясняет. Декларируя неизменность и абсолютную правильность только тех собственных имей, которые сохранены Авестой, он позволяет себе как угодно переиначивать и перетолковывать имена, сохраненные надписями и греческими авторами, объявляя их как бы псевдонимами авестских персонажей. Все это подводит к выводу о «безнравственности» «незороастрийского» и «неарийского» восстания Гауматы против господствующего «арийского» слоя иракских «феодальных баронов».

периализма пытается выдвинуть различные собственные «теории» истории, в противовес научной теории исторического материализма, разработанной классиками марксизма.

«Теории» истории, созданные буржуазной наукой, многообразны. В применении к истории Мидии наибольшим распространением пользовалась концепция, восходящая к теории циклизма Эдуарда Менера. Согласно этой теории, в то время как история Европы вращается в кругу поочередной смены феодальных и капиталистических эпох (к последним относится и античное общество Греции и Рима), Азия находится в состоянии вечного феодализма, выше которого его народы якобы никогда не смогут подняться. История здесь сводится к поочередной смене «народовгосподи», поставляющих слой «феодальных баронов», среди каковых ведущее место, разумеется, принадлежит «арийцам» или вообще индоевропейцам. Эта «теория» прочно укоренилась в сознании буржуазных ученых всех направлений; тот же Херцфельд, вынужденный покинуть в 1934 г. «арийскую» Германию, был, однако, рьяным проповедником этой именно «теории».[1]

В течение XX в. работ, специальио посвященных истории Мидии, становится все меньше. Методом домыслов и растягивания скудных известий античных авторов более ничего нельзя достигнуть: эта линия явно зашла в тупик. Создать подлинно научную историю Мидии западная наука не может ввиду полной несостоятельности ее теоретических основ. Число новых фактов по истории Мидии очень медленно увеличивается. Да и само накопление материалов отвлекают исследование в другие области.

За последние двадцать пять лет можно назвать лишь две-три работы, хотя не целиком, но во всяком случае в значительной мере посвященные специально истории Мидии. Это брошюра Кенига «Древнейшая история мидян и персов»,[2] книга Камерона «История раннего Ирана» и книга Гиршмана «Иран от древнейших времен до ислама».[3]

Кениг посвятил свои многочисленные исследования главным образом ахеменидской Персии и Эламу. Для его работ наиболее характерным является безудержный полет фантазии. В этом отношении его упомянутая брошюра оставляет особенно тяжелое впечатление. Подобно Херцфельду, Кениг обо всем говорит с величайшей уверенностью;

[1] Так, для Херцфельда, как и для большинства современных западных иранистов, др.-перс, (и мид.) kāra – «народ-войско» означает только «арийскую феодальную верхушку!

[2] F. W. K ö n i g. Altesle Geschichte der Meder und Perser. Der A. O., XXXIII, 3/4.

[3] G. G. C a m e r o n. History of Early Iran. Chicago, 1936. – R. G h i r s h m a n. L'Iran des origines a l'Islam. Paris, 1951.

но если у Херцфельда попадаются интересные мысли и остроумные, основательные наблюдения, то этого нельзя сказать о высказываниях Кенига. Наихудшие стороны буржуазных работ предшествующего периода живо восприняты Кенигом, их безосновательные домыслы доведены до грандиозных размеров, концепция громоздится на концепцию – и все это на самых шатких основаниях. Например, несмотря на то, что термин «умман-манда» давно уже правильно разъяснен, Кениг продолжает фантазировать вокруг этого слова. Из условного поздневавилонского обозначения мидян и других северных (по отношению к Вавилонии) народов «умман-манда» превращаются в таинственных выходцев из моря – сиречь культуртрегеров-греков, а то и германцев, созидающих великое индогерманское[1] царство; мидийские собственные имена, не поддающиеся иранской этимологии, объясняются из. . . германских языков.[2] Попутно дается попытка реабилитировать Ктесия.[3]

Гораздо более серьезной является книга Камерона «История раннего Ирана». Собственно говоря, это история Элама, – в этой области Камерон, базирующийся на полной картотеке контекстов всех эламских надписей, составленной в Чикагском Восточном институте, и на написанной им самим (но не опубликованной) эламской грамматике, является наиболее крупным специалистом. Но в его книге имеются и главы, специально посвященные Мидии. Книга содержит краткую, но трезвую и фактически обоснованную сводку клинописного, археологического и отчасти антич-

[1] Термин «индогерманцы» употребляется обычно в немодной науке как синоним термина «индоевропейцы», и в него не вкладывается никакого одиозного смысла. Но в работах, подобных этой работе Кенига, вместо понятия «индогерманцев» подставляется уже понятие «германцев».

[2] Например, мидянин Išteliku – это якобы тезка. . . германского полководца времен переселения народов IV–V вв. н. э. Стилихова (F. W. K ö n i g. Altesle Geschichte der Perser und Meder, стр. 31). Вообще этимологии и объяснения имен у Кенига самые невероятные – например, имя «Мамитиаршу» делится на имя «Мамити» и титул «арша»; имя Теушна почему-то объявляется «халдским» (урартским) и т. д. Есть даже этимологии, заимствованные у Н.Я.Марра (например, упоминаемый урартскими надписями в Закавказье Диуцини объясняется как грек Диоген!).

[3] Метод работы таков: в «Хронике Гэдда» в одном месте перед титулом «царь Уммана-манды» (т. е. царь Мидии) – разрушенное место, и сохранился остаток знака. К этому остатку можно по форме его подобрать не менее полудесятка разных восстановлений (наиболее логически вероятное [ta]r, конец имени [^{m}Ú-ma-kiš-ta]r «Киаксар»). Кениг останавливается на восстановлении -[g]u(?). Допустим, что так. Дальше оказывается, что это не что иное, как имя, сохраненное Ктесием в форме Arbakēs (мы уже говорили, откуда в действительности это имя у Ктесия). Однако греч. Arbakēs предполагает мид. *Arbaka – какое это имеет отношение к окончанию -[g]u? Конечно, Кениг не снисходит до объяснения таких «мелочей». А далее строится сложная концепция о вторжении «умман-манда», греков, скифов, переменяются места и имена царей и т. д. и т. п.

ного материала по внешнеисторическим событиям от древнейших времен до падения Мидийского царства около 550 г. до н. э. – сводку, тем более полезную, что она частично базируется на неопубликованных материалах, предоставленных автору рядом американских ассириологов. Автор не претендует на глубокое историческое осмысление событий а, помимо истории походов и смены царей, у него трудно найти что-либо. В общеисторических вопросах он зависит от своего учителя, американского историка древнего Востока А.Т.Э.Олмстеда.[1]

Некоторые факты истории Мидии впервые получили правильное освещение в книге Камерона.[2] Как первичная сводка материала, эта книга, принадлежащая одному из наиболее серьезных западных ученых, имеет несомненное значение, хотя история мидян изложена в ней слишком сжато и, по существу, только с точки зрения военных событий.

Автор третьей книги – Р. Гиршман – ведущий французский специалист по археологии Ирана. Его книга носит популярный характер, но содержит полезную сводку материала в области непосредственной специальности автора – археологии; в области собственно истории Мидии Гиршман следует за Камероном.

В дореволюционной русской науке истории Мидии не уделялось серьезного внимания, и значительных работ, связанных с мидийскими проблемами, не появлялось, если не считать слабой компиляции З.А.Разозиной.[3] В «Истории Древнего Востока» Б.А.Тураева истории Мидии уделено несколько страниц, в которых излагаются основные известные нам факты.

В советской литературе история Мидии также в основном упоминалась вкратце в общих курсах по истории древнего Востока,[4] как часть древней истории Ирана. Ряд ценных для истории Мидии положений выдвинут в работах акад. В.В.Струве, посвященных ахеменидской Персии.

Впервые историей Мидии как самостоятельной темой, тесно связанной с историей азербайджанского народа,[5] в советской науке занялся

---

[1] Книга самого Олмстеда (A. T. B. O l m s t e a d. History of the Persian Empire. Chicago, 1948) также содержит сводный материал по Мидии. Ср.: A. T. K. O l m s t e a d. History of Assyria. New York–London, 1923.

[2] Например, Камероном окончательно установлено тождество Каштарити с геродотовым Фраортом, хотя речь об этом шла еше и у Прашека и Кенига.

[3] З. А. Р а г о з и н а. История Мидии, второго Вавилонского царства и возвышения Персидской державы. СИб. (без года).

[4] См. также макет «История СССР» (над. АН СССР, 1941), раздел «Средняя Азия и Кавказ под властью древневосточных государств».

[5] В. В. С т р у в е. 1) Родина зороастризма, стр. 5; 2) Восстание в Маргиане. . . стр. 10 и сл.; 3) Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота. ВДИ, 1952, № 2,стр. 60, и др.

азербайджанский историк Играр Алиев. Ему же принадлежит первая попытка построить цельную социально-экономическую историю мидийского общества.[1] К сожалению, работы И. Алиева были не свободны от вредного влияния ошибочных языковых теорий И.Я.Марра,[2] содержали некоторые фактические неточности и несколько небрежны в филологическом отношении. И. Алиев продолжает разработку насущных проблем мидийской истории, преодолевая существовавшие в его первых работах недостатки, и можно надеяться, что в его трудах найдут освещение важнейшие проблемы истории Мидии в увязке с историей древних народов советского Азербайджана.

Важным вкладом в историю древней Мидии в широком смысле является работа Г. А. Меликишвили, посвященная истории государства Манна, процветавшего и VIII –VII вв. до н. э. на будущей северномидийской территории.[3] Завоеваниям Мидийской державы на западе и северо-западе посвящена статья автора настоящей книги.[4] Косвенный свет на проблемы мидийской истории бросает ряд работ советских археологов. Таким образом, в советской науке положено начало изучению истории Мидии на основе марксистско-ленинской теории, и надо полагать, что исследование проблем, связанных с мидийским обществом, будет развиваться.

---

[1] Пока опубликованы статьи: 1) Играр А л и е в. О мидийском обществе. Изв. АН Аз. ССР, окт. 1948, № 10, стр. 85 и сл.; 2) Играр Ə л и е в. Мидия тарихи. Труды Инст. истории и философии АН Аз. ССР, 1, Баку, 1951, стр. 33 и сл.; 3) И. А л и е в. О некоторых вопросах древнейшей истории мидийских племен. Там же, V, Баку, 1954, стр. 156 и сл. Некоторые работы указанного автора не опубликованы. Работа И. Алиева «Мидия–древнейшее государство на территории Азербайджана» (в кн.: Очерки по древней истории Азербайджана. Баку, 1956. стр. 57–169) уже не могла быть учтена в нашей монографии, с которой И. Алиев ознакомился в рукописи.

[2] И. Я. Марр, как мы упоминали, отождествлял эламский язык с мидийским и делал на этом основании различимо ошибочные этнолингвистические выводы относительно поселения Мидии.

[3] Г. Л. М е л и к и ш в и л и. Некоторые вопросы историк манейского царства. ВДИ, 1949, № 1, стр. 57 и сл. Большое значение для истории территорий западной Мидии до VIII и. до н. э. имеет труд: Г. А. М е л и к и ш в и л и. Наири-Урарту. (Древновосточные материалы по истории народей Закавказье, 1). Тбилиси, 1954. К сожалению, выводы, делаемые автором в этой книге, вышедшей в момент, когда настоящая работа была уже подготовлена к печати, не в полной мере могли быть нами учтены.

[4] И. М. Д ь я к о н о в. Последние годы урартского государства. ВДМ, 1951, № 2, стр. 29. См. также отдельные замечании в комментариях к ряду текстов «АВИУ».

5. Географические условия

Мидия как историческая область в широком понимании этого термина охватывала в древности территорию, ограниченную на севере рекой Араксом и хребтом Эльбурс к югу от Каспийского моря, на востоке соляной; пустыней Дешт-и Кевир, на западе и на юге горными цепями Загроса.

Географически – как, впрочем, и исторически – эта территория разделяется на три четкие части. Первая часть, которую мы будем называть Западной, или Атропатенской Мидией, простиралась от реки Аракс на севере до горы Эльвенд на юге, включая бассейн озера Урмия (ныне Резайе) и впадающих в него с юга реки Джегету и параллельных ей речек, а также бассейн реки Кызыл-узен (Сефидруд), прорезающей горы Эльбурс и впадающей в Каспийское море у современного Решта.

Эта область (ныне Иранский Азербайджан и Иранский Курдистан) занята продольными, тянущимися с севера на юг или с северо-запада на юго-восток горными цепями.

Западная часть Атропатенской Мидии занята широкой (до 200 км) полосой параллельных горных цепей, носящих в совокупности название гор Загроса. Эти горы отличаются исключительно правильной складчатостью; между тянущимися с северо-запада на юго-восток хребтами расположены параллельные, замкнутые долины; кое-где течение непересылающих рек прорывает узким ущельем стену гор и дает сообщение между отдельными долинами; но эти ущелья чрезвычайно узки и часто неудобны для движения, и караванные пути пролегают по большей части не через них, а через самый хребет – там, где имеется более или менее подходящая седловина. Таким образом, горная страна Загроса разбита на мелкие отдельные долины, сообщение между которыми затруднительно и еще более осложняется густыми зарослями леса и кустарника, в древности сплошь покрывавшими на известной высоте поверхность западных горных склонов. Зимой оно затрудняется также снежным покровом.

К востоку от Загроса параллельные гряды гор и группы древних вулканов располагаются уже на большом расстоянии друг от друга. Они в среднем выше хребтов Загроса.

Наиболее широкая равнина в этой области примыкает с юга к озеру Урмии и прорезывается рекой Джегету и параллельными потоками.

Высота горных цепей – около 2000–2500 м над уровнем моря и около

1000 м над уровнем долин; наивысшие вершины – гора Камки в хребте Кара-даг на южном берегу реки Аракса (3358 м); гора Херем-даг (Сахенд) к востоку от озера Урмии (3722 м); гора Савалан-даг, замыкающая с юга долину реки Кара-су, притока Аракса (4822 м), Ак-даг – северо-западное продолжение цепи Эльбурс (ок. 4000 м), и др.

Наверху горных гряд, ниже линии вечных снегов, расположены горные пастбища, под ними, на западной стороне Загроса, – дубовые и кленовые леса, орешники, миндаль и т. д. или густые, непроходимые заросли кустарников. В долинах, там, где имеется достаточное орошение, климат благоприятен для садовых культур – винограда, гранатового дерева, смоковницы. Значительная часть населения издревле живет здесь, однако, скотоводством – кочевым или полукочевым. Скотоводы-кочевники современного Курдистана откочевывают на зиму в центральные и южные районы Ирана, полукочевники ограничиваются летним выходом на горные пастбища. Земледельческое население загросских провинций нынешнего Ирана никогда не чувствовало себя в безопасности от нападений горцев-кочевников; поля и сады располагаются под защитой укрепленных поселений.

Значительным земледельческим районом с давних пор являлся приурмийский. Само озеро Урмия – соленое, безжизненное, бесполезное для прошения; бесплодны и его берега. Гипсовые отложения, содержащиеся в земле многих районов Иранского Азербайджана, делают даже многие реки горько-солеными н непригодными для орошения, кроме весенних месяцев (такова, например, река Аджи-чай). Необходимую влагу стране доставляют главным образом ручьи, сбегающие с гор и образующиеся от таяния обильных зимних снегов и вечных снеговых шапок наиболее высоких горных конусов – Сахонда, Савалана, Эльвенда. Климат здесь резко континентальный, сухой. Там, где есть вода, страна необычайно плодородна и уже в древности давала большие урожаи пшеницы, ячменя, винограда и т. д.; тополя п платацы как в древности, так и теперь украшают эти зеленые оазисы. Но остальные части страны покрыты сухой степной растительностью, все более скудной и сухой, чем дальше двигаться на юго-восток.

В областях, где возможно использование горных вод, очень рано – еще в период неолита – возникало земледелие на основе орошения полей водой горных ручьев путем устройства запруд и т. д. (ручьевое орошение). Позже развиваются и более сложные оросительные сооружения (подземные «кяризы» и т. п.). Но нигде не требовалось создания крупных объединенных оросительных систем, как те, которые возникали в

Вавилонии и Египте и влекли за собой необходимость в раннем создании организационного единства сооружающих и эксплуатирующих эти системы общин. Это имело существенное влияние на конкретные пути развития исторических судеб Мидии в рамках рабовладельческой, а позже феодальной формации.

Вторая часть Мидии, которую мы будем называть Нижней Мидией, – это холмистая страна, замкнутая между двумя горными хребтами: на севере – идущим в широтном направлении вдоль Каспийского моря Эльбурсом (наиболее высокая точка – гора Демавенд к северу от Тегерана, 5604 м), а на юге – хребтом Кух-и Руд, идущим параллельно цепям Загроса, т. е. с северо-запада на юго-восток. С юго-востока эту область замыкает район соляных пустынь Дешт-и Кевир.

Эта область, орошаемая мелкими речками, стекающими к соленым озерам Хауз-и Султан и Дарья-и Немек между современными Тегераном и Кашаном, а также ручьями, сбегающими в южном направлении с Эльбурсского хребта далее к востоку, соответствует северной части исторического округа Ирак-Аджами.

Над всей областью доминирует снежная громада горы Демавенд. Отрезанная крутой стеной Эльбурса от влажной и лесистой полосы Прикаспия, а горами Фарса – от Персидского залива, Нижняя Мидия представляет собой безрадостное серо-желтое пространство сухих степей, замерзших зимой, знойных летом, переходящих на востоке в солончаки и пустыни. Лишь на склонах гор имеется достаточно влаги и осадков, чтобы возникали цепочки земледельческих районов.

Третья часть, древняя Паретакена, замкнута между параллельными хребтами, идущими в направлении с северо-востока на юго-запад, – Кух-и Рудом на севере и продолжающими Загросские хребты южнонраискими горными цепями на юге. Паретакена орошается речкой Заенде-руд, на которой в настоящее время стоит город Исфахан в южной части округа Ирак-Аджами.

Природа Паретакены сходна с природой Нижней Мидии, но еще скуднее ее.

Древняя Мидия граничила на северо-западе с Урарту (позже с Арменией), на севере с Албанией; затем, вдоль Каспийского побережья с севера Мидию окаймляла расположенная по ту сторону Эльбурса полоса влажных субтропиков – лесные области каспиев, кадусиев, гелов и других мелких племен – ныне Талыш, Гилян и Мазандеран. На востоке от Средней Азии Мидию отделяет горная область Хорасана с хребтом Копет-даг–древняя Парфия; приморская ее часть и долины рек

Гургена и Атрека назывались Гирканией. Южнее Парфии восточную границу Мидии составляют пустынные пространства центральной части Иранского нагорья.

С юга к Паретакене примыкает тянущаяся до Персидского залива горная страна–древняя Персида, ныне Фарс, а с юго-востока – долины рек Каруна и Кирхи, расположенные среди продолжения загросских хребтов. Это – древний Элам, или Сузиана, один из районов древнейших цивилизаций. Наконец, на западе Мидия граничит с Ассирией.

Территория Мидии богата разнообразными ископаемыми, но трудно сказать, что именно добывалось здесь уже в древности. Несомненно во всяком случае, что в горах Загроса и восточнее очень рано добывали медь, а позже и другие металлы.

На западных склонах Загроса и в других местах в Мидии издревле была известна нефть,[1] которую в античное время в Европе даже называли «мидийским маслом». Однако, разумеется, в древности она не имела промышленного значения и употреблялась лишь в светильниках и т. д., и только «кир» (асфальт) – в строительном деле.

Через территорию Мидии проходили пути, связывавшие цивилизации Передней Азии с Закавказьем, со Средней Азией и, быть может, с Индией.

В частности, через Мидию в Переднюю Азию из Средней поступало оактрийское золото и лазурит (лапис-лазули). Ассирийцы считали гору Демавенд местом добычи лазурита – синего камня, очень ценившегося на всем древнем Востоке для художественных поделок, амулетов от «сглаза» и т. п.; по мнение ассирийцев было ошибочным: весь известный на Древнем Востоке лазурит – бадахшанского происхождения, т. е. вывозился (через Мидию) из древней Бактрии.

Такова территория Мидии в том объеме, как она понималась во времена владычества персидской династии Ахеменидов и при Александре Македонском и как это понятие вошло в круг географических воззрений древних греков и римлян. Но за время своей истории термину «Мидия» придавалось то более широкое, то более узкое значение, то охватывавшее значительно меньше указанной территории, то больше. В конечном счете историческая область Мидии разделилась надвое: северо-западная ее часть получила название Атропатены; она имела долгий самостоятельный путь развития, тесно связанный с историей

[1] Она была также известна в Месопотамии, в Эламе (Herodot., I, 119) и, несомненно, в Албании. По-аккадски она называлась naptu. Персы, по словам Геродота, называли эламскую нефть «раднинака».

развития лежавшей за рекой Араксом Албании, близкой Атропатене этнически и культурно. Южная же и восточная части Мидии прочно вошли в состав сначала Парфии, а затем Персии, и население ее слилось в этническом и культурном отношении с персами. Ныне все части Мидии входят в состав Иранского государства.

Для понимания истории Мидии, в особенности более ранних ее периодов, когда страна еще была политически расчленена, совершенно необходимо иметь ясное понятие о ее исторической географии, принадлежащей к наиболее сложным проблемам древневосточной историографии. Ряд западных ученых (Биллербек, Рост, Штрек, Тюро-Данжэн, Форрер, Райт и др.) специально занимался проблемой исторической географии Мидии IX–VII вв. до н. э., но далеко не во все вопросы внесена здесь достаточная ясность. Также и более поздняя историческая география Мидии, как она освещена античными, иранскими и армянскими географами и историками исследовалась многими учеными, из которых в особенности следует назвать Маркварта и Херцфельда. Но состав географических названий очень сильно изменялся от одного исторического периода к другому, и данные античной и средневековой иранской топонимики мало дают для освещения географии более ранних периодов.

Трудности установления древнейшей исторической географии Мидии двояки: с одной стороны, положение каждой области или города, упоминаемых в источниках (главным образом в описаниях походов ассирийских царей), определяется по местоположению упоминаемых рядом с ней или с ним областей или населенных пунктов, ранее отождествленных; крайние к западу, находящиеся уже в пределах собственно Ассирии и Вавилонии, определяются наиболее точно – на основании данных раскопанных городищ и т. д.; но чем дальше на восток, тем больше возрастает возможная ошибка в определении данной местности, так как это определение зависит от правильности предшествующих, и, таким образом, происходит накопление ошибок. Поэтому вполне твердо установленными можно считать локализацию только западных областей Мидии – не далее 48° в. д.

С другой стороны, многие исследователи исходили только из текста источников, когда пытались увязать вероятные маршруты походов ассирийских царей с картой; но так как в источниках лишь редко упоминаются отождествимые названия рек, а отождествление гор всегда особо затруднительно, то такой метод является мало надежным, тем более что топонимика Мидии в корне изменилась, и лишь в очень ред-

ких случаях имеется возможность предположить сохранение в измененной форме древнего названия на современной карте. Исследователи в достаточной мере не учитывали до сих пор того обстоятельства, что в горной местности расселение племен и размещение первичных государственных образований часто зависит от природного распределения гор и долин, что ассирийские названия областей и «стран» необходимо должны в основном соответствовать долинам и что невозможно размещать историко-географические названия поперек горных хребтов, как делается на исторических картах даже такого солидного западного ученого, как Масперо. Поэтому ключом к исторической географии Мидии является изучение ее рельефа и орографии.[1]

Так как совершенно невозможно разобраться в экономическом, стратегическом и политическом значении внешних событий истории любой древней страны (событий по преимуществу военных), не понимая расположения ее отдельных частей и направления военных походов, то мы ниже должны будем подробнее остановиться на естественном делении рельефа Мидии. При этом мы будем указывать расположение древних областей, упоминаемых ассирийскими анналами, по отношению к этому естественному делению страны. Преимущественно речь будет идти о политико-географической терминологии IX–VII вв. до н. э., как наиболее сложной и более всего требующей разъяснении. Таким образом, исходя из деления мидийской территории на естественные районы, названия которых в течение столетий менялись, мы сочли необходимым дать этим районам постоянную нумерацию, которая будет в дальнейшем использоваться для ориентировочной локализации сменяющих друг друга политико-географических и этногеографических терминов.

Территория исторической области Мидии делится водоразделами долин на 12 основных географических районов.

[1] Следует также отметить, что исследователи в недостаточной мере учитывали возможность охвата одним термином, обозначающим более крупную территориальную единицу, единиц более мелких, а также изменения политико-географической номенклатуры от века к веку.

А. Атропатенская Мидия

I. От реки Аракс до горных массивов Аврин-даг и Кара-даг – район современных городов Котур–Хой–Маранд. Этот район назывался у ассирийцев Сангибуту и начиная с IX по конец VIII в. прочно входил в состав Урарту. Дальнейшая судьба его, вплоть до периода падения Ассирии и Урарту, не ясна.

Равнина Сангибуту была плодородным земледельческим районом. Горы, отделявшие ее от долины Аракса, а также долготный горный хребет (с Котурским перевалом), отделявший этот район от Армянского нагорья, были в древности покрыты сплошным густым лесом.

II. Долина реки Карасу (южного притока Аракса). Об этом районе мы ничего не знаем из ранних источников. Позднее он был населен кадусиями.

III. Бассейн озера Урмия и впадающих в него рек. Этот район делится на три подрайона:

а) западное побережье озера Урмия – древний Гильзан (?). В IX в. это – самостоятельный район; позже, повидимому, он пошел в состав Урарту или Манны или же был разделен между ними;

б) южное побережье озера Урмия и бассейн реки Джегету и параллельных речек. Этот район в IX в. назывался Внутренней Замуа и делился на ряд самостоятельных политических единиц (Харрана, Манна, Месси и др.); позже составил ядро государства Манна; начиная с VII в. этот район можно рассматривать как экономический центр Мидии – сначала в целом, и потом Атропатенской Мидии;

в) восточное побережье Урмии делится массивом горы Сахенд на две части: южная – Уишдиш – относилась к Манне, северная – долина р. Аджи, район современного Тебриза,– были, повидимому, независимой; здесь жило племя далийцев.

Район III с его тремя подрайонами был экономически самым развитым. Здесь во многих местах и сейчас может широко развиваться полеводство и садоводство. В Гильзане, повидимому, добывалась медная руда.

IV. Долины реки Кызыл-узен (Сефид-руд) и ее притоков. Река Кызыл-узен отличается исключительно извилистым течением. В ее долине следует различать несколько отдельных подрайонов.

а) Если подыматься навстречу течению от устья реки в лагуне у современного города Решти, то мы направимся вначале прямо на юг. Пересекая область Гиляна, река прорывается через высокогорный хребет

Эльбурс по узкому ущелью. Это область субтропических лесов. Выше этого места Кызыл-узен течет с северо-запада на юго-восток между хребтами Ак-даг (продолжение Эльбурса) и Ак-гедук. Образуемая здесь Кызыл-узеном долина в древности называлась Андиа.

б) В северо-восточной части этой долины река Кызыл-узен принимает слева приток: речку, сбегающую с горы Сахенд, на которой стоит современный город Мианэ. Долина этой речки и впадающих в нее ручьев составляла в древности область Зикерту.

в) Выше впадения этой речки Кызыл-узен течет с юга на север. Верховья его отделены от района III (Манны) горными массивами Кафелан-Кух (древней Гизильбундой). Эту часть долины Кызыл-узена ассирийцы чаще всего и называли собственно Мидией («Мадай»).

г) Отдельную долину образует здесь правый приток Кызыл-узена Зенджии-руд (ныне область Хамсэ вокруг города Зенджан).

V. Верховья реки Малый Заб. Области, расположенные юго-западнее районов III и IV, по ту сторону поперечных горных хребтов, тяготели уже более к Ассирии и Вавилонии. Тесно связана была географически с Ассирией область Замуа, или Луллу. В широком смысле так называлась вся территория от озера Урмии до верховьев реки Диялы (район современных городов Миандуаб–Банэ–Сулеймание–Зохаб–Сенендедж), но в узком смысле Замуа – это верхняя часть долины Малого Заба, одного из притоков Тигра, пересекавших в нижнем течении коренную ассирийскую территорию.

VI. Верховья реки Диялы. Что касается района верховьев реки Диялы и ее разветвленных мелких притоков (в треугольнике современных городов Сулеймание–Зохаб–Сенендедж), то он начиная с середины IX в. до н. э. носил название Парсуа. Наиболее плодородной и населенной здесь является долина Шехризор около Сулеймание.

Оба района – V и VI (Замуа и Парсуа) – имели исключительное значение, так как долины Малого Заба и Диялы врезаются глубоко внутрь Загросских гор, позволяя сравнительно легко пересечь несколько параллельных горных цепей. Ведущие отсюда на восток перевалы открывали доступ в Мидию с запада (нынешние караванные пути Банэ – Санендедж – Хамадан и Сулеймание – Зохаб – Керманшах–Хамадан). В особенности долина Диялы всегда была основным путем для сношения Вавилонии с глубинными районами Ирана и расположенными далее к востоку странами. Этот путь шел через «Мидийские ворота» (ныне перевал, ведущий в долину Махидешт) на древнюю Экбатану (ныне Хамадан).

VII. Среднее течение реки Диялы (около современного города Ханокин) занимала область Намар, еще с середины II тысячелетия до н. э. полностью подчиненная политическому влиянию

Схематическая карта районов Мидии.

Вавилонии. Южнее долины Диялы, на ее притоках, была расположена область Бит-Хамбан (Камбадена античных географов; впрочем, к Камбадене относили и следующий, VIII район).

VIII. Долины верховьев реки Керхи. Этот район, расположенный восточнее водораздела между Диялой и Керхой, в верховьях Керхи – долинах Гамаз-аб, Сенимерре и Махидешт – географически тяготеет уже к Эламу, но исторически он был связан с Мидией. Через него проходили важные торговые пути на восток, в сторону Экбатаны–Хамадана.

Долина довольно многоводна, а следовательно, плодородна. Повидимому, ее надо отождествить с древней страной Эллипи и позднейшей Элимандой. Здесь, недалеко от современного города Керманшаха, находится знаменитая скала Бехистун с высеченной на ней гигантской грехъязычной надписью персидского царя Дария I.

Южнее Бит-Хамбана и вокруг Эллипи, в горах современного Луристана, жили родственные, вероятно, жителям Элама горцы-касситы, сыгравшие большую роль в истории Вавилонии.

Б. Нижняя Мидия

IX. Район Хамадана расположен на стыке Атропатенской и Нижней Мидии. Это район вокруг горы Эльвенд (3270 м), питаемый ручьями, берущими воду из ее снегов. Большинство ручьев составляют верховья речки Кара-су, принадлежащей уже к бассейну озера Хауз-и Султан, т. е. собственно к району X, но гряда гор Кух-и Руд, отграничивающая Нижнюю Мидию, начинается юго-восточнее, поэтому этот район можно считать промежуточным между Атропатенской и Нижней Мидией. С Атропатенской Мидией его связывают удобные караванные пути; другие пути ведут отсюда на запад–на Керманшах (Эллипи) и далее а Вавилонию, на восток – в район около Тегерана (древнюю Рагу), и на юг – в Элам н Паретакену.

Не случайно центр этого района–современный Хамадан, Экбатана древних греков, назывался по-мидийски «Хангматана» – «место собрания».[1] Здесь находилась столица Мидийской державы.

X. Бассейн озер Хауз-и Султан и Дарья-и Немек и рек Абхар-чай, Кара-су и Кум-руд. Этот район был центральным для Нижней Мидии. Три речки текут к сторону озер Хауз-и Султан и Дарья-и Немек – с северо-запада (Абхар-чай, в долине которого стоит город Казвин), с запада (Кара-су, текущая от Хамадана-Экбатаны) и с юго-запада (Кум-руд, на котором сейчас стоит город Кум). Этот район назывался у ассирийцев «Областью речки (или речек)». Наиболее

[1] Другое объяснение этого названия – из эламск. *Hal.mata.na – «страна мидян».

благоприятны здесь для обитания и для земледелия склоны гор – Эльбурса, ограничивающего этот район с севера, и Кух-и Руда, довольно близко подходящего к озерам с юга. На южных склонах Эльбурса сейчас стоит город Тегеран, а в древности недалеко отсюда стоял один из главных городов Мидии – Р а г а: на северных склонах Кух-и Руда расположен ныне город Кашан.

Восточное Раги, недалеко от снежной вершины Демавенда, имеется перевал, ведущий в Мазандеран (древнюю страну каспиев, гелов и амардов) – так называемые Каспийские ворота.

XI. Район к северу от пустыни Дешт-и Кевир расположен также на южных склонах Эльбурса, но восточнее Каспийских ворот, а с юга ограничен соляной пустыней. В древности этот район назывался Хвар, или Х о а р е н а: через него (а ныне через города Семнан и Дамган) проходит караванный путь в Среднюю Азию. В восточной части Хоарена сливается с нагорьем современного Хорасана – южной частью древней П а р ф и и.

В. Паретакена

XII. Район Паретакены. К югу от района XI вытянута в направлении с северо-запада на юго-восток широкая сухая долина, сообщающаяся на северо-западе с районом IX (Экбатана), на юго-западе отделенная горами от Элама, а на юго-востоке – пустыней от нагорья Персиды (Фарса).

В северо-западной части по долине течет речка Заенде-руд, на которой стоит город Исфахан (древняя Аспадана). Речка впадает в соленое озеро; параллельно, восточнее, за главным хребтом Кух-и Руда, проходит еще одна долина (район современного города Иезд). Этот район в древности часто относили уже к Персиде.

Помимо указанных 12 районов, к Мидии тяготели и другие области, за пределами собственно Мидии. Таковы области Каспийского побережья, сообщавшиеся с внешним миром только через Мидию или Албанию. Здесь, в густых субтропических лесах, жили племена главным образом охотничьи, обычно более отсталые, чем мидийские и албанские. Здесь в то время и позже обычно сохранялись остатки языков, исчезнувших в собственно Мидии и в Албании, и это создавало видимость этнического различия между населением этих последних областей и населенном Каспийского побережья. Еще и в настоящее

время таты, талыши, гилаки и мазандеранцы говорят на диалектах, представляющих остатки индоевропейского языка, первоначально бывшего языком восточной Мидии.[1] Эти диалекты отличаются архаичностью звукового состава,[2] причем в ряде случаев они расходятся с персидским и сходятся с мидийским и парфянским, а также с авестским;[3] поэтому в корне неправильно рассматривать татов и талышей как албанцев или мидян, подвергшихся насильственной персизации.[4] Хотя пласт персидского по происхождению словарного запаса в этих диалектах чрезвычайно велик (что и понятно, ввиду политического и литературного преобладания персидского языка), однако они полностью сохранили свою мидийскую основу.

Но проникновение в каспийские области мидийского индоевропейского языка было явлением вторичным. В период Мидийского царства каспии и другие прикаспийские племена сохраняли, повидимому, более древние неиндоевропейские говоры, которые были распространены также и в Западной Мидии.

Тесно связанной в древности с Мидией мы должны представить себе и Албанию, отделенную от Мидии Араксом. Находясь в стороне от основных направлений завоевательных походов и племенных передвижений начала I тысячелетия, она дольше сохранила условия, характерные для Мидии еще предшествующего периода. К сожалению, состояние археологических и письменных источников не позволяет точнее установить характер связей между Мидией и Албанией.[5]

---

[1] К остаткам мидийского языка относится также некоторые другие диалекты, например говор сивенди, а также семианский говор на территории древний Ховрены, на котором в конце прошлого века говорило до 5000 человек. Этот говор отличался от персидского настолько, что взаимопонимание было затруднено.

[2] Например, талышск. vak, мазандер. vark, семианск. verk – «волк», отражают др.-иранск. vo(h)rka ср. др.-перс. (и мид.?) varka– лучше, чем новоперс. gurg: ср. также талышск. žen – «женщина» с др.-иранск. janay- при новоперс, zan, и др. См.: Grundriss der iranischen Philologie, Bd. 1, 2, Strassburg, 1898 –1901, стр. 351 и сл. (статьи В. Гейгера), и, в особенности: Б. В. М и л л е р. Талышский язык. М., 1953, стр. 17, 65 и др.

[3] Например, сохраняется s (<и. е. k_1), где в персидском возникло ϑ>h: татск. pas, pez – «мелкий скот» при авестск. pasu- и новоперс. pah; сохраняется z (и.-е.g_1 или g_1h); талышск. az – «я» при авестск. azəm и др.-перс, adam; гилакск. zil – «сердце» при др.-иранск. zird- и новоперс. dil. Ср. мид. zuna- – «люди», «племя» при перс. *dan(a)-; парф. zird – «сердце» при перс, dil; парф. das – «десять» (также в семианском) при перс, dah, и т. д. Сохраняются также многие грамматические и, повидимому также лексические особенности северо-западной группы иранских языков.

[4] См., например: История Азербайджана. Краткий очерк. Баку, 1941, стр.44

[5] З. И. Ямполский (К вопросу об одноименности древнейшего населения Атропатены и Албании. Тр. Инст. истории и философии АН Аз.ССР. IV, Баку. 1954. стр. 104 и

Несомненно весьма тесными были также связи Мидии с более южными районами, особенно в древнейшее время, когда ее население, по всей видимости, было близко этнически и по языку к касситам и жителям Элама. Через Паретакену Мидия была связана также с Персидой, в древнейшее время тоже населенной эламитами: но, в то же время, расстояния и пустынные пространства разобщали Мидию с югом и юго-востоком Ирана.

Через территорию Мидии, как уже указывалось, шел караванный путь, связывавший Среднюю Азию с Передней Азией. Этот путь, шедший через район Экбатаны (IX) и далее по южным склонам Эльбурса через районы X и XI, имел в истории Мидии совершенно исключительное значение. Если учесть к тому же, что скотоводческое население по восточному берогу Каспийского моря и по его западному берегу, исторически тесно связанному с Мидией, было, всегда в культурном и большей частью в этническом отношении однородным, то станет понятным, что исторические судьбы Мидии всегда были связаны с судьбами Средней Азии.

Восточные и южные связи Нижней Мидии, а также разница в природных условиях, в силу чего Нижняя Мидия обычно несколько задерживалась в развитии по сравнению с Атропатенской Мидией, обусловили непрочную связь этих двух частей страны, благодаря чему начиная IV в. до н. э, они имели различную историческую судьбу, причем, в частности, по-разному сложился в них и процесс образования народностей.

сл.) указал на идентичность этнонима гелов (кадусиев, ныне гилаков) с гелами, жившими на севере от Албании, в горах Кавказа, а также этнонима уйтиев, живших в том же районе (S t r a b o, XI, 7, 1), с уйтиями– утиями– удами–удинами, жившими на берегу Каспийского моря севернее каспиев (S t r a b o, XI. S, S; У Плиния, вероятно, неправильно – «севернее албанов»: Nat. Hist., VI. 15, по изд. Littre, Paris, 1865), и с отенами, живщими в долине Куры (A s i n. Q u a d r. Hzptzź FGH, HA, fr. 8). Как известно, более поздние авторы прямо отождествляют утиев с албанами. Последние, по всей видимости, говорили на языке или языках северо-восточной кавказской группы; остатком их языка является, возможно, говор удин в Варташене, Нидже и др.

Глава I

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННАЯ ЭПОХА НА ТЕРРИТОРИИ МИДИИ

I. Каменный век и энеолит

Мы не знаем, к какому времени относится первое заселение Мидии человеком, однако уже во времена палеолита человек обитал в этой области. В настоящее время имеется уже целый ряд археологических находок предметов, восходящих к ангельскому, мустьерскому и ориньякскому периодам (стоянка и пещеры около Сулеймание, пещеры у Бехистуна, в Тамтаме на юго-востоке Иранского Азербайджана и целый ряд других памятников).[1] Палеолитические памятники засвидетельствованы также для соседних стран – Ассирии и Средней Азии. Однако сведения о населении Мидии в течение каменного века до сих пор скудны и дают недостаточно материалов для историка. Можно лишь сказать, что общие пути развития человека каменного века и Мидии были в основном теми же как и повсюду в странах, не затронутых непосредственно продвижением ледника. Мы можем поэтому отослать читателя к общим работам по истории человека древнекаменного века.

Новокаменныи век (неолит) на территории собственно Мидии пока с уверенностью не засвидетельствован памятниками; также и соседних странах (кроме Ассирии, Месопотамии и т. д.) неолит до сих пор слабо представлен.[2] Более определенные археологические данные имеются

---

[1] Garleton S. Coon. Cave Explorations in Iran. Philadelphia. 1951. – Ra. S. Solecki. A paleolithie site in the Zagros Mountains of Northern Iraq. «Sumer» . XI, 1, 1953, стр. 63 и сл. – R. T. Braidwood. A preliminary note on prehistori excavations in Iraqi Kurdistan, 1950–1951. «Iraq», VII. 2. 1951, стр. 99 и сл.

[2] В советском Азербайджане известны пока немногочисленные неолитические памятники: см. сводку у Б. Б. Пиотровского: Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 30. Ср.: JNES, XII, 1, 1954. стр. 65.

для периода медно-каменного века (энеолита).

В Мидии еще недостаточно обследованы энеолитические поселения такой древности, как в лучше изученной соседней Персиде (Фарсе): однако можно полагать, что характер поселения, найденного там (в Персеполе) и относящегося к нижней грани энеолита,[1] дает довольно хорошее представление об уровне развития общества этого времени таже и в соседних странах, в том числе и в Мидии.

Поселение, о котором идет речь, найденное Херцфельдом, состояло на коллективных родовых глинобитных жилищ, по своей структуре свидетельствующих о наличии группового брака и материнского рода.[2] Изображения свиней, коз и овец на расписной посуде (изготовленной на примитивном гончарном круге) и фигурки быков и коров, имевших, вероятно, религиозное назначение, свидетельствуют о наличии скотоводства, вероятно, оседлого.

Об обществе Мидии энеолитического периода мы можем судить по раскопкам на Тене-Хисаре около Дамгана (на крайнем востоке XI района нашей классификации, на границе с Парфией),[3] на Тепе-Гияне около Нихавенда (наш VIII район),[4] на Тепе-Сиялке около Кашана (наш X район)[5] и на Гёй-тепе около Резайе, на западном побережье оз. Урмия (наш район III а).[6] Все это – окраинные районы Мидии: наиболее интересующие нас районы северной и центральной Мидии систематическими раскопками до сих пор не освещены.[7]

Наиболее ранние слои этих тепе – Хисар Ia. Гиян V и особенно Гёй-тепе «М» и «К» – могут быть (учитывая новейшую передатировку месопотамских слоев, составляющих ключ к датировке всех остальных археологических культур западной Азии) отнесены ко времени конца IV– начала III тысячелетия. В этот период Мидия при-

[1] E. Herzfeld. Steinzeitlicher Hügel in Persepolis. Iranische Denkmäle Lief, 1 2. Berlin, 1932: SPA. I. стр. 48 (статья Э. Херцфельда и А. Киса).

[2] Ср.: Л. Г. Морган. Дома и домашная жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 89 и сл.

[3] F. G. Schmidt. Tepe Hissar Excavations. The Museum Journal. XXIII. 1933, стр. 323 и сл.; SPA. 1, стр. 151 и сл. (статьи Роджерса Уоррена).

[4] G. Contenau et R. Chirshman. Fouilles du Tepe-Giyan pres de Nehavend, 1931, et, 1932, etc. Paris, 1935 (Musee du Louvre, Serie archeologique, vol. III).

[5] R. Chirshman. Fouilles de Sialk pros do Kashan 1933, 1934. 1937, vv. I–II. Paris. 1938 (Musee du Louvre, Serie archeologique, t. IV–V).

[6] T. Burton Brown. Excavations in Azarbaijau, 1948. London, 1951.

[7] Отдельные находки, указывающие на распространение культуры крашеной керамики в Мидии, сделаны также в Динавере, в долине Кум-руд, у Рея, в районе озера Урмия и др. См., например: E. Herzfeld. Deutsche Forschung, Heft 5, стр. 33 и сл.

надлежала к полосе так называемых культур крашеной керамики, распространявшихся в Сирии и Палестины до Средней Азии и Китая. Первое крупное общественное разделение труда – между пастушескими и земледельческими племенами уже наметилось. На горных склонах уже использовались для орошения ручьи: высевались впервые одомашненные злаки, вероятно, ячмень, эммер и пшеница.[1] Многочисленные изображения крупного рогатого скота и овец на сосудах указывают на большое значение скотоводства. В земледельческих районах создавались постоянные, пока еще, как правило, не укрепленные поселения. Появляются отдельные медные изделия, а потом и орудия. Все это позволяло поднять на значительную высоту ремесло – ткацкое, гончарное; постепенно создаются условия для перехода, несколько позже, ко второму крупному общественному разделению труда – между ремеслом и земледелием. Замысловатый геометрический орнамент расписных сосудов (и, вероятно, также тканей) характерен для этого периода, когда гончарное и ткацкое ремесло были основными областями художественного творчества.

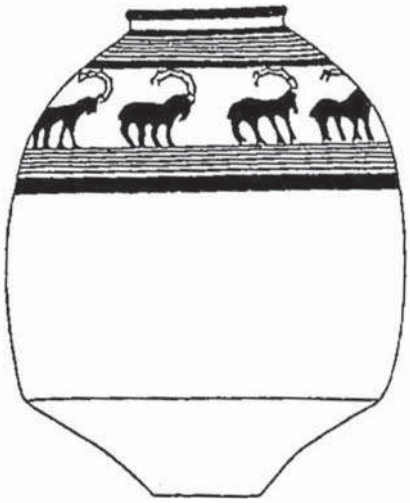

Рис. 6. Расписной сосуд из Тепе-Сиялка III тысячелетия до н. э.

Следует заметить, что, несмотря на ряд общих черт, культура каждого из исследовавшихся городищ все же несводима к культуре другого; все они имеют черты большой самобытности, что и понятно при территориальной разобщенности и экономической несвязанности отдельных земледельческих родов и племен.

Несмотря на это, керамика Тепе-Гияна и Тене-Хисара находит общие аналогии о керамике городищ Сирии, Ассирии и Месопотамии культур «Самарра», «Телль-Халаф» и «Убайд», с одной стороны, и Средней Азии культуры «Анау I» – с другой, а также с эламской керамикой культуры «Сузы Iб» и «Сузы I», и позже (в слое Гиян IV) – «Сузы II». Все соответствующие культуры датируются IV и началом III тысячелетия. Имеются также связи с Кавказом и Закавказьем; так, слой

[1] См. соображения, приводимые в книге Камерона (G. G. C a m e r o n. History of Early Iran. Chicago, 1936, стр. 8). Он же указывает на то, что дикий эммер по сей день растет на юге Мидии. Пшеница (Triticum vulgare) найдена в слое «К» на Гёй-тепе.

«К» на Гёй-тепе дает определенные и близкие связи с энеолитическими поселениями центрального и восточного Закавказья и Кавказа – таким, как Шреш-блур (около Эчмиадзина, Арм. ССР) и Каякент (Дагестан; например, очковидний спиральный рельефный узор на керамике), а также другими. Указанные поселения датируются, по Б. Б. Пиотровскому, III тысячелетием до н. э. Исходя из этих связей, культуру энеолита Мидии и можно предположительно датировать 3000–2500 гг. до н. э. Пока трудно сказать, связана ли близость культур также и с этнической близостью их носителей или же обусловлена только общностью причин, вызвавших эти культуры к жизни.[1]

В Средней Азии создатели крашеной керамики и антропологическом отношении принадлежали к средиземноморской расе[2] (как и нынешние обитатели Туркмении, Ирана и значительной части Азербайджана); и предгорьях Загроса, и Ассирии и Месопотамии – повидимому, к «ассироидам» («арменоидам»), подобно нынешнему населению этих же мест, а также Армении, Сирии, Палестины и т. д.[3] Что касается Мидии и нагорья Ирана, то здесь древнейшим антропологическим типом также являлся тип смуглого, длинноголового европеоида-средиземноморца,[4] распространенный в Хорасане, и в Азербайджане и ныне.[5]

Рис. 6. Расписной сосуд на Тепе-Гияна (Мидия). II тысячелетие до н. э.

[1] Как известно, в Закавказье вполне аналогичная культура энеолита и раннего бронзового века обычно датируется не IV–III, а III–началом II тысячелетия до н. э. и, следовательно, не обязательно свидетельствует об этнической близости ее создателей к создателям крашеной керамики IV–III тысячелетий. См.: Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 32 и 40.

[2] См.: Л. В. Ошанин. 1) Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. Изв. АН Туркм. ССР, № 4, 1952, стр. 30 и сл.; 2) Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен. Изв. Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926; U. Sergi. Gil Arii in Europa e in. Asia. Torino, 1913 (цит. по: G. Contenau. Manuel d'archeologie orientale, I. Paris, 1927, стр. 417).

[3] «Ассироиды» (или «арменоиды», и по языку, вероятно, хурриты) проникают за предгорья Загроса довольно поздно. См. обстоятельный разбор древнего антропологического материала Мидии: H. V. Vallois. Les ossements humains de Sialk. в кн.: R. Ghirshman, Fouilles de Sialk... II, стр. 113 и сл. и особенно стр. 180.

[4] Такой антропологический тип древнейших жителей Тепе-Хисара и Тепе-Сиялка (см. предыдущее примечание), а также ср. тип жителей Гёй-тепе III –II тысячелетий до н. э.: T.Burton Brown, ук. соч., стр. 206 и сл. (Статья А. Дж. Э. Кейва).

[5] См.: Л. В. Ошанин и В. М. Зезенкова. Вопросы этногенеза народнов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953, стр. 12, 21–22, 40–47.

Единая линия развития погребальных и других обычаев, засвидетельствованных на Тепе-Хисаре, не позволяет искать здесь следов значительных миграций; однако возможно, что антропологически население было неоднородным. В слоях, относящихся к середине II тысячелетия, на Тепе-Хисаре обнаружены короткоголовые черепа, отнесенные некоторыми антропологами еще до окончательной публикации к монголоидному типу, а также черепа якобы «нордического» типа.[1] И то и другое определение более чем сомнительно.

На юге Ирана, вплоть до долины рек Каруна и Керхи в его юго-западном углу (древний Элам с его высокой земледельческой культурой), был, повидимому, распространен связанный, вероятно, с дравидическим этносом негроидный тип, но он не проникал в Мидию и другие северные районы.

2. Древнее население западной Мидии в III тысячелетии до н. э. Хурриты, эламиты

В сферу, освещаемую письменными источникоми, часть территории Мидии попадает в третьей четверти III тысячелетия до н. э. Из памятников на шумерском, аккадском и хурритском языках мы узнаем, что на западных предгорьях Загроса и в будущей западной Мидии жили племена хурритов, луллубеев и кутиев, а также, повидимому, племена, близко, родственные эламитам.

Племена, говорившие на хурритском языке (хурр. hurrohe), были во II тысячелетии до н. э. распространены в Северной Месопотамии и отчасти в Сирии, а по ряду данных топонимики и ономастики – также на всем Армянском нагорье. Здесь они сохранялись вплоть до середины I тысячелетия до н. э. наряду с племенами другого происхождения.[2] Язык хурритов был в ближайшем родстве с урартским.[3] От третьей четверти III тысячелетия до н. э. до нас дошла надпись аккадским письмом, на хурритском языке некоего Тишари, царя Уркиша и Навара. Местоположение Уркиша спорно,[4] но Навар – это бесспорно позднейший Намар или Намру, т. е. долина реки Диялы, наш VII район. К востоку

[1] Мнение голландского антрополога Капперса, цитированное в «SPA» (I, стр. 52).

[2] Повидимому, хурритами были матиены Геродота и других античных авторов.

[3] См., например: И. М. Дьяконов; Заметки по урартской эпиграфике, П. ЭВ, VI, 1952, стр. 110; Г. А. Меликишвили, УКН, стр. 292 и сл.

[4] Первоначальная локализация Уркиша к востоку от Тигра оспаривается О'Каллаганом, который помещает его в Месопотамии [см. рецензию Р. Дюссо в журнале «Syria» (XXVIII, 1951, стр. 281) на книгу R. T. O'Callaghan «Aram Naharaim».

от Тигра; хурритское население засвидетельствовано (на основании собственных имен) в III тысячелетии до н. э. в Ассирии, а во II тысячелетии – в районе современного Керкука (древняя Аррапха).[1] Мы не имеем твердых данных о проникновении хурритов далее на восток, хотя

Приблизительное расселение этнических групп на территории Мидии в III тысячелетии до н. э.

высказывались предположения о хурритском характере населения наших III и IV районов[1] вплоть до, I тысячелетия до н. э.

[1] C. H. Gordon. The Dialect of the Nuzu Tablets. Orientalia, VII, 1938.

Основной территорией обитания эламитов была долина рек Карун и Керхи – древний Элам, ныне Хузистан на юго-западе Ирана. Но в древнейшее время расселение эламитов и распространение эламского языка было значительно более широким. Так, в Бушире на Персидском заливе (древний Лиян) найдена эламская надпись, датируемая серединой III тысячелетия до н. э.;[2] также и в других местах Фарса обнаружены эламские клинописные надписи и рельефы; что касается эламской иероглифической письменности, употребление которой предшествовало употреблению клинописи и продержалось до конца III – начала II тысячелетия до н. э., то семь документов, написанных этим видом письма, были обнаружены на Тепе-Сиялке и Мидии в слое IV (конца III тысячелетия до н. э. ?).[3] Отдельные топонимические названия еще I

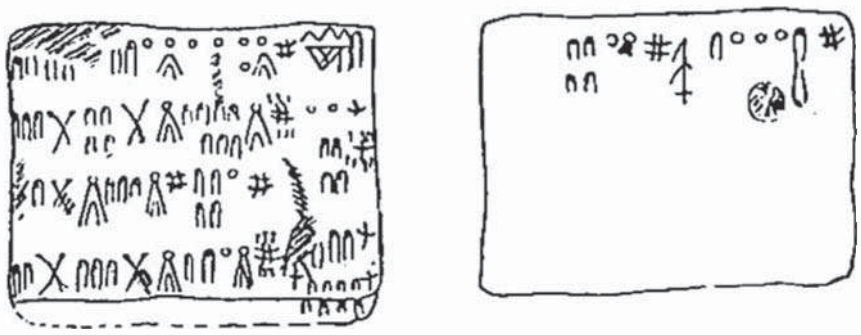

Рис. 8. **Протоэламский хозяйственный документ (счетная запись) из Тепе-Сиялка (Паретакена – южная Мидия). Конец III тысячелетия до н. э. (?).**

тысячелетия, может быть, свидетельствуют о наличии и глубокой древности эламоязычного населения в восточной и центральной Мидии. К этому следует добавить, что касситы и другие горные племена, жившие во всяком случае со II тысячелетия до н. э. на рубеже Мидии и Элама,

[1] На основании имен: Эрпсинни в Манне (ср. хурр. Ari-žena – «[бог] дал брата») и Телусина в Андии. Однако их явно недостаточно для решительных выводов, так как это сопоставление может быть основано на случайном сходстве. Хурритский характер многочисленных имен на -ukku сомнителен. Что касается поисков хурритов в Средней Азии (С. П. Толстов) и в Индии (Б. Грозный), то нам аргументы указанных ученых не кажутся ни в коей мере убедительными.

[2] F. Lenormant. Choix do textes cuneiformes. Paris, 1873, стр. 127, № 41. – C. Hüsing. Die oinheimischen Quellen zur Geschichte Elams, I. Leipzig, 1916, №: 31 (последняя работа мне была недоступна).

[3] R. Chirshman, ук. соч., I. Херцфельд датирует их значительно раньше – серединой IV тысячелетия до н. э., но вряд ли основательно. См.: E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London, 1941, стр. 180.

возможно, были близки к эламитам по языку. К сожалению, конкретные лингвистические связи эламского языка пока не установлены (были попытки увязать его с языками хурритов, горного Кавказа, дравидов Индии, с урало-алтайскими и т. д.); к тому же и сам словарный запас эламского языка изучен еще очень слабо, поэтому мы до сих пор не можем с полной уверенностью говорить ни об эламских связях касситского языка, ни об эламском характере старомидийской топонимики.

Мелкие государства эламитов образуются почти одновременно с первыми государствами Шумера – в III тысячелетии до н. э. Мы знаем многие из них по названиям: Аван, Адамшуль, или Адамдун (может быть, то же, что собственно Элам–эламск. Haltamli, Ha̲lamli), Симаш, Барахсе и мн. др.; но только Сузы (эламск. Šušen) хорошо известны нам по раскопкам, и возможно, что другое важное эламское государство – Анчан – может быть локализовано у тепе Дерре-и Шахр в долине Сеинмерре. Элам находился издавна в тесных, то дружественных, то враждебных, отношениях с Шумером; он подчинился в XXIII в. до н. э. царям династии Аккада; к сожалению, об его отношениях с областями более северными мы почти совершенно не осведомлены.[1]

3. Луллубеи

Племена луллубеев занимали, повидимому, обширную полосу гор и предгорий от верховьев Диялы до озера Урмии (или даже дальше к северо-западу). В хурритской Аррапхе nullu, lullu означало горцев, из числа которых захватывались рабы.[2] В урартском lulu означает «чужестранец», «враг». Аккадский термин Lulluhum или Lullupum (позже в Ассирии – Lullumê) состоит из основы lullu и эламского показателя множественного числа -b или -p плюс аккадское падежное окончание -um или из той же основы и эламского показателя имени собирательного-me.[3] Термин lullu известен в аккадском и без этих окончаний.[4] Все это указывает на то, что луллубеи не принадлежали этнически к хуррито-урартским племенам, а скорее были родственны эламитам.[5]

[1] Подробно внешнии история Элама изложена в кн.: G. G. Cameron. History of Early Iran. Chicago. 1936; RLA, s. v. Elam.

[2] E. A. Speiser. Mesopotamian Origins. Philadelphia, 1930, гл. IV.– E. R. Larheman. Nuzi Geographical Names. BASOR, № 78, 1940, стр. 23 и сл. (здесь из 15 случаев упоминания lullu по кранней мере в 10 имеются в виду рабы).

[3] Streck. ZA, XV. стр. 290. со ссылкой на Ф. Хоммеля.

[4] Например, в надписях Ашшурнасирапала: AKA. стр. 303, 332, стлб. II. строки 34 и 77.

[5] Ср.: G. Hüsing. Der Zagros und seine Völker. Der A. O., IX, 3/4, стр. 19 и сл.; E. A. Speiser, ук. соч., стр. 88.

Луллубеев впервые упоминает надпись Нарам-Суэна, внука Саргона Древнего из династии Аккада (XXIII в. до н. э.), на его знаменитой победной стеле. Полустертая надпись на ней гласит: «Сидур[ру (?), который] собрал горцев Луллубума. . . »[1] (это относится, вероятно, к изображению повергаемого Нарам-Суэном врага). Поход на Луллубум был логическим завершением целой группы походов этого царя в предгорья Загроса – на Навар в долине реки Диялы, Симуррум на реке Малом Забе, Мархаши в Эламе и др.[2]

Когда власть Нарам-Суэна и его сына Шаркалишарри ослабела и эламит Пузур-Иншушинак попытался создать свое собственное «царство четырех стран света», эламские войска совершили поход или ряд походов на Му-Турран (около Багдада), Шильван, Гуту (страну кутиев), Кашшен (страну касситов), Ху(му)ртум, Хухунури, Кимаш (около совр. Керкука) – все по большей части хурритские и луллубеиские области и поселения.[3]

Приблизительно к тому же времени (XXII в. до н. э. ?) относится, вероятно, надпись луллубейского правителя Анубанини на скале Сарипуль около города Зохаба (район VI). Имя этого царя – аккадское,[4] и на староаккадском же языке составлена эта его краткая надпись, сопровождающая рельефную сцену приведения пленников к царю богиней Иштар. Эта надпись должна, казалось бы, указывать на то, что луллубеи уже но второй половине III тысячелетия до н. э. имели государство, а следовательно, и классовое общество. Но этому противоречит тот факт, что процесс складывания государства у этих племен прослеживается, как видно из ассирийских источников, только в начале I тысячелетия до н. э. Надо полагать, что либо в надписи Анубанини речь идет

[1] Si-dur-[ru (?) su] sa-dū-i Lu-lu-bi-im^{ki} ip-ḫu-ru-[ma.]. Место битвы – перевал Дербенд-и Гяур через горы Кара-даг на дороге Сулеймание–Рубат, где также имеется рельеф Нарам-Суэна, см.: E. H e z r f e l d. Iran in the Ancient East, стр. 184, рис. 298; ср.: S. S m i t h. Early History of Assyria. London, 1928, стр. 97.

[2] См.: A. B o i s s i e r. Inscription de Narām-Sin. RA, XVI, 1919, стр. 157. О местоположении Навара см.: F. T h u r e a u - D a n g i n. Tablette de Samarra. RA, IX, 1912, стр. 1 и сл.; Симурру (ныне Алтын-Кёпрю): A. H. S a y c e. The New Babylonian Chronological Tablet. PSBA, XXI, 1899, стр. 20. прим. 2; Мархаши: JAOS, XLV, 1925, стр. 232 (статья Олбрайта).

[3] G. G. C a m e r o n. ук. соч., стр. 36.

[4] V. S c h e i l, Mem. Del. en Perse, XIV, стр. 9 и сл. E. H e r z f e l d. Iran in the Ancient East, стр. 183. Написание AN-nu-ba-ni-ni вместо AN-ba-ni-ni или A-nu-um-ba-ni-ni заставляло подвергать это сомнению. Но отсутствие «мимации» (окончания) в староаккадских собственных теофорных именах – явление обычное: что же касается удвоенного написания An-nu, то его, конечно, нужно читать AN^{nu}, т. е. идеограмма AN для имени божества Ану плюс фонетическое дополнение -nu. Имя значит «бог Ану – создавший нас». Ср.: G. G. C a m e r o n. ук. соч., стр. 36 и сл.

о государстве, созданном в долине Диялы хурритами или аккадцами[1] с помощью вооруженных сил луллубейских племен, оказавшихся по той или иной причине в распоряжении его основателя, либо Анубанини просто лишь претендовал на власть над луллубеями.[2] Надо отметить, что скала Сарипуль, на которой высечены изображения и надпись, по-видимому, находилась уже за пределами владений Анубанини или определяла их границу. В надписи указано, что «Анубанини, царь Луллубума, сделал свое изображение и изображение Иштар на горе Надир».[3] Подчеркивание названия местоположении надписи указывает, как кажется, на особое значение этого названия, может быть, как места победы или как границы владений Анубанини.[4] Если бы надпись находилась в центре его владений, вряд ли имело бы смысл сообщать читателю надписи, как называется гора,– она была бы всем известна.

Два упомянутых изобразительных памятника – стела Нарам-Суэна и рельеф Анубанини – дают нам некоторое представление о внешнем облике и одежде древнейших жителей территории Мидии. На стеле Нарам-Суэна[5] луллубеи изображены в легких туниках или препоясаниях, с наброшенной на одно плечо косматой шкурой – еще в I тысячилетии до н. э. характерное одеяние маниеев, западных мидян[6] и каспиев (по Геродоту).[7] Луллубеи стелы Нарам-Суэна носят также короткую

---

[1] Судя по имени, Анубанини происходил из города Дера на нижнем Тигре.

[2] Отчасти аккадскими и шумерскими, отчасти хурритскими были и другие государства предгорий Загроса этого времени: таковы Кимаш (откуда мы знаем правителя Хуинини – надпись на печати в Государственном Эрмитаже, изд. в SAKI, стр. 176. XVIII), Ганхар (откуда нам известен правитель с хурритским именем Кишари). Навар (ср. хурритскую надпись царя Арисена, или Арижэна), Тугриш и др.; хурритский литературный текст, посвященный царям династии Аккада, называет Ауталуммаша царем Элама, Иммишкуша царем луллубеев и Киклинаталлиша царем Тугриша, имена эти – неясной этимологии (хурритские или кутийско-луллубейско-эламитские?), но сам текст лишен исторической достоверности. См.: BOTU. II. 2 (WVDOG, XLII. 2), Leipzig, 1926, стр. 25=KUB, XXVIII, Berlin. 1934, № 38, IV.

[3] Pa-di-ir так, вероятно, надо читать по нормам староаккадской орфографии BA.TI.IR текста. См.: J. de M o r g a n. Mission scientifique en Perse, IV. Angers. 1896. pl. XI; SAKI, стр. 172, XIII. Формант -ir здесь эламский, основа Pad-.

[4] Анубанини, повидимому, сохранился в памяти вавилонян как царь кутиев и враг Двуречья (F. H o m m e l. Assyriological Notes. PSBA. XXI, 1899, стр. 115; G. G. C a m e r o n. ук. соч., стр. 41).

[5] V. S c h e i l, Mem. Del. en Perse, I, стр. 144 и сл.; II стр. 53 и сл., pl. II.

[6] Множество изображений на рельефах времени Саргона II на Хорсабада: E. B o t t a et E. F l a n d i n. Monument de Ninive. Paris, 1849; см. также рис. 22, 35, 38, и 64 в этой книге.

[7] «Каспии же были одеты в овчины (sisurnas) и вооружены туземными тростниковыми луками и акинаками» (Her., VII, 67). Каспии (из •kaš.p, •kaš.b, ср. lullu-p-, lullu-b-), подобно своим тезкам касситам, говорили (как и луллубеи), по всей вероятности, на языке эламской группы. Однако, по мнению ряда исследователей, у Геродота здесь имеются в виду не прикаспийские, а припамирские каспии (каспиры).

бородку и волосы, заплетенные в длинную косу (менее вероятно, что это плотно прилегающая шапка с длинной кистью). На рельефе Анубанини царь изображен в аккадской одежде [войлочная (?) шапка с круглым кантом, бахромчатое препоясание с вышитым поясом, сандалии], а его пленники – нагими, в одних головных уборах. Из девяти фигур пленных восемь имеют шумеро-аккадские шапки, девятая же (передняя в нижнем ряду изображений)– головной убор («тиару»), характерный дли восточных мидян[1] еще в I тысячелетии до н. э. и позже перенятый также и персами. Все это указывает, что между III и I тысячелетиями до н. э. обычаи и самый этноантропологический состав населения[2] будущей Мидии изменились мало.

Рис. 9. Скальный рельеф Анубанини, царя луллубеев. Вторая половина III тысячелетия до н. э. Схематическая зарисовка.

4. Кутии

Четвертая племенная группа данной области – кутии – жила, по всей вероятности, восточнее луллубеев.[3]

[1] См. изображении персидских и мидийских воинов ахеменидской гвардии под изображением царя, и также сцену прихода данников в Персеполе (издавались неоднократно, см., например: E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, pl. LXXV– LXXVI; SPA, IV, pl. 90 и сл., и др.). Название «тиары» принадлежит Геродоту (VII, 61), он же указывает, что одежда персидских воинов заимствована у мидян (I, 135; VII. 62).

[2] Антропологический тип луллубеев стелы Нарам-Суэна неясен ввиду плохой сохранности фигур. Что касается изображений на стеле Анубанини, то, насколько можно судить по воспроизведенным де-Моргана и Херцфельда, антропологический их тип скорее чисто «средиземноморский», чем «ассироидный» («арменоидный»).

[3] Крепость Хархар (в шумерское время она называлась Бад-Тирикан) находилась, с точки зрения жителей Двуречья, «перед страной кутиев», см.: V R, 12, № 6, строка 7. Как далеко на восток простиралось расселение кутиев,–как и других упоминавшихся этнических групп, – сказать трудно.

О термине «кутии» следует сказать несколько слов особо.

Анализ текстов показывает, что только в III и во II тысячелетиях до н. э. термин «кутии» имеет конкретное значение определенной этнической группы, жившей где-то к востоку, северу и северо-западу от луллубеев, возможно, в современном Иранском Азербайджане и в Курдистане. Впоследствии этот термин мог означать разные народы, жившие к северу и к востоку от Вавилонии, и обыкновенно не означал какой-либо конкретной территориальной единицы.[1] В I тысячелетии кутиями безразлично назывались и урарты, и маннеи, и мидяне. Лишь в надписях Саргона II ираноязычные мидяне иногда отличаются от «кутиев».

На исторической арене кутии появляются в конце XXIII в. до н. э., в правление аккадского царя Нарам-Суэна, державшего тогда в своих руках всю Месопотамию вплоть до предгорий Загроса, Армянского и Малоазийского Тавра; в зависимости от него находились также Элам[2] и частично, вероятно, Сирия.

Судя по позднему аккадскому преданию, Нарам-Суэну,– повидимому, в конце его правления – пришлось воевать с кутиями, в битве с которыми он, очевидно, и пал.[3]

Как полагает датский шумеролог Якобсон, вождь кутиев Энридавазир, опрокинув войска Нарам-Суэна, сумел проникнуть далеко вглубь Южного Двуречья и овладеть священным городом шумерийцев Ниппуром, где им была водружена надпись, составленная для него ак-

---

[1] Весьма распространенное, особенно в старой литературе, отождествление племени «гутиев» с горами Джуди-даг к северу от Ассирии [S t r e c k. ZA. XV, стр. 272 и сл.; «Klio». VI, стр. 212, прим. 2; Enzyklopedie des Islam. 1, стр. 1106 и сл.; V. S c h e i l. I) Une nouveile dynastie sum ero-accadienne. Le rois «guti». CRAI, 1911, стр. 318 и сл.;. 2) Anciennes dynasties de Sumer-Accad. CRAI. 1911, стр. 606 и сл.] основано на ошибочном звуковом сопоставлении (g>ğ) и географически невозможно. Как показывают ассирийские тексты II тысячелетия, правильное название племени не «гутии» а «кутии» (kutî): написание через знак gu объясняется отсутствием знаков для эмфатических согласных в староаккадской орфографии (GU.TI.UM^{ki}) читай (Ku-ti-um^{ki}). Те же ассирийские тексты показывают, что кутии не могли жить так близко; к северу от Ассирии. Отожествление термина «Гутиум» д л я I т ы с я ч е л е т и я с «четырехугольником между Нижним Забом. Тигром, горими у Сулеймание и Диялой» у Делича (F. D e l i t z s c h. Wo lag das Paradies, Leipzig, 1881, стр. 27 и сл.), Хоммеля (F. H o m m e l. Grundriss der Geographie und Geschichte des Alten Orients» München, 1904, стр. 252 и сл.), Кэмбелл-Томсона (CAH, III, 1925, стр. 218, 224) и т. п. как явно противоречащее достаточно полным данным ассирийских источников об этом районе, должно безусловно быть также отброшено.

[2] См. «союзный» договор эламских царьков с Нарам-Суэном на эламском языке: V. S c h e i l. Mem .. Del. en Perse. XI. I и сл.

[3] H. G. G ü t e r b o c k. Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung; bei den Babylonieru und Hethitern bis 1200. ZA, XLII, 1934, стр. 47 и сл.

кадскими писцами.[1] Каким образом кутии, несомненно стоявшие еще на относительно низком уровне развития производительных сил, – очевидно, представители раннеземледельческой, вероятно, еще матриархальной, культуры «крашеной керамики» – могли тем не менее подвергнуть разгрому войско едва ли не сильнейшего государства своего времени? В этом нет ничего особенно удивительного, так как хотя Двуречье, благодаря исключительному плодородию почвы, и продвинулось гораздо дальше по пути развития классового общества, однако переживало еще только период ранней бронзы, а аккадское войско, бывшее в своей массе войском ополченцев, вооружено было очень примитивно (медные шлемы, луки, секиры – и только). Это вооружение не могло сильно отличаться от вооружения кутиев. Сила аккадского войска была в его численности,[2] значительно уменьшившейся, вероятно, ко времени последних царей этой династии. Если вторгающиеся горцы были достаточно многочисленными, то успех им был обеспечен. Повидимому, вождям кутиев удалось сплотить для нашествия на Аккад целый значительный племенной союз. К тому же они были, вероятно, поддержаны и изнутри государства династии Аккада.

Тем не менее, сын Нарам-Суэна, Шаркалишарри, сумел выправить положение в свою пользу, во всяком случае на территории собственно Двуречья, и взять в плен кутийского вождя Сарлагаба.[3] Однако по смерти Шаркалишарри начинается ожесточенная борьба между претендентами на аккадский престол. «Кто был царем, кто не был царем?», – пишет в этом месте составитель шумерского царского списка. В этой борьбе принял участие и кутийский вождь Элулумеш.[4] В результате в Аккаде восстанавливается государство, но несомненно уже только местного значения, а кутии приобретают верховное господство над Двуречьем.

---

[1] Энридавазир не включен в официальный список кутийских царей Двуречья, а в своей надписи он подражает Нарам-Суэну, принимая титул «царя четырех стран света» (наряду с титулом «царя кутиев»). Это и заставляет Якобсона (SKL, стр. 117, прим.) относить его ко времени Нарам-Суэна, так как Шаркалишарри несмотря на то, что его имя означает дословно «царь всех царей», такого титула уже не решался принимать. Надпись Энридавазира (Эрридунизира) известна по более позднему списку нее, см.: H. V. Hilprecht. Earliest Version of the Deluge Story. BE, Ser. D, V, I, стр. 20 и сл.

[2] В отличие от малочисленных войск-дружин правителей Шумера до династии Аккада, состоявших из тяжеловооруженных профессиональных воинов.

[3] Датировочная формула Шаркалишарри (SAKI, стр. 225, с; RLA, II, стр. 133) называет его Сарлагом. О тождество Сарлага и Сарлагаба см.; SKL, стр. 207.

[4] В царском списке он упомянут дважды – как «Элулу» в списке династии Аккада и как «Элулумеш» в списке кутийских царей. На вероятное тождество этих двух лиц указал тот же Якобсев: SKL, стр. 207.

Несмотря на относительную скудость материалов, у нас есть некоторые данные, позволяющие предположительно установить характер кутийского завоевания и затем – кутийского владычества в Двуречье.

Список царей Шумера, скомпилированный вскоре после падения кутийской власти[1] из различных источников и имевший целью возвеличить идею извечности деспотической государственной власти, включает, ради создания видимости непрерывной линии царей в Двуречье, также и кутиев. Но перечень кутийских царей обладает двумя отличительными особенностями: исключительной кратковременностью почти всех правлений и особой припиской в начале их перечня. Эта приписка гласит: «Племя кутиев не имело царя»[2] (хотя сейчас же вслед за этим идет перечень «царей» кутийской «династии»).

Эта приписка вызывала в древности недоумение писцов, а в настоящее время вызывает недоумение западных ученых, однако в ней нет ничего удивительного: удивительно было бы, напротив, если бы племя или племенной союз кутиев, живших еще, без малейшего сомнения, первобытнообщинным строем, имело царей. Конечно, странно то, что, сде-

[1] По Якобсену – при царе Утухегале (о котором см. ниже), но во всяком случае не позже правления царя Шульги (2103–2056 гг. до н. э.).

[2] Ugnim ku-ti-um^{ki} lugal nu-tuku – это место в царском списке вызвало недоумение писцов, которые предполагали, повидимому, здесь ошибку в тексте, и почти в каждой из известных нам версий списка имеются в этом месте разночтения. Так, группа рукописей «А» (по классификации Якобсена) дает: текст WB – ugnim ku-ti-um^{ki} lugal mu nu-tuku – «(у) племени кутиев царь имени не имел» (или: «царь, не имеющий имени», т. е. бесславный). Группа рукописей «В» дает: текст L_1: ugnim ku-ti-um^{ki} lugal nu-ub-tuku – «племя кутиев царя не имели»; текст Su_{3+4} (писец его пользовался испорченным оригиналом) дает: [ma-d]a ku-tu-um^{ki} [u-g]u-<ba>-an-dé – «(в) стране Кутум – кто-то пропал», так как писец, очевидно, понял разбираемое место в том смысле, что его предшественник просто не знал или не мог прочесть на поврежденном оригинале имени царя в соответствующем месте, что и вызвало данную его приписку; текст P_4 опускает это место совсем, не поняв его. Якобсен ошибочно полагает, что правильный, первоначальный вариант дает текст WB (SKL, стр. 117), ссылаясь на то, что аналогично понимает это место и текст Su_{3+4}, восходящий к другой клинописной рукописи – прототипу. Как думает Якобсен, данное выражение означает, что имя какого-то царя в списке выпало, и предполагает, что это – имя Энридавазира. Но такое предположение неосновательно, так как заставляло бы считать, что имя исчезло уже в самом древней оригинале, явившемся прототипом рукописей как группы «А», так и группы «В», что трудно было бы объяснить. Далее, формула «стал царем», которая в списке прибавляется всегда только к именам основателей династии, применена во всех версиях (кроме L_1) не к предполагаемому царю, имя которого исчезло, а к первому из царей, имя которого дается списком (Имта). Это показывает, что он с самого начала рассматривался как первый царь перечня. Мы полагаем поэтому, что правильна версия L_1; Энридавазир – не единственный из царей Двуречья, опущенный в шумерском царском списке; вероятно, по той или иной причине он не признавался официально.

лав это замечание, автор списка сейчас же начинает перечислять «царей» кутиев; но это вполне в духе его, вообще довольно неуклюжей, методы.[1] Однако самый список этих «царей» лишь подтверждает наш вывод.[2]

В самом деле, чем объяснить кратковременность правлений кутийских царей? Западноевропейские ученые обычно объясняют это тем, что кутии находились в состоянии непрерывной междоусобицы и цари их свергались, не успев процарствовать. Но каким же образом в таком случае они смогли бы владычествовать над таким хозяйственно высокоразвитым по тем временам государством, как Шумер и Аккад, в тече-

[1] Так, он разрывает одну династию на две части и вставляет между нами другую, если только какой-либо царь этой второй династии воевал с каким-либо царем первой; ставит последовательно династии, существовавшие одновременно, и т. д. – все это способы выразить синхронизм,– конечно, более чем неуклюжие и вводящие читателя в заблуждение. Этот образ действия автора шумерского царского списка настолько запутал шумерскую и вавилонскую хронологию, что до сих пор исследователи не могут до конца в ней разобраться.

[2] Вот этот список:

«Племя кутиум не имело царя.
(1) Имта стал царем, правил 3 года (вариант: 5 лет),
(2) Ингешуш правил 6 лет,
(3) Сарлагаб правил 6 лет,
(4) Шульме (вариант: «Иарлагаш») правил 6 лет,
(5) Элулумеш правил 6 лет,
(6) Инимабагеш правил 5 лет,
(7) Ингешуш (текст здесь лает «Игешауш») правил 6 лет.
(8) Иарлагаб правил 15 лет,
(9) Ибате правил 3 года,
(10) Иарлагаб (вариант: «Иарлангаб») правил 3 года,
(11) Курум (вариант: |. . .|би) правил 1 год,
(12) Хабилькин правил 3 года,
(13) [Лаз]рабум правил 2 года,
(14) Ирарум правил 2 года,
(15) Ибранум правил 1 год,
(1С) Хаблум правил 2 года,
(17) Пузур-Суэн правил 7 лет,
(18) [Иа]рлаганд(а) правил 7 лет,
(19) [Си]ум правил 7 лет,
(20) Тирика(п) правил 40 дней,
21 царь правил |91 год| и 40 дней.»

Некоторые варианты дают другую сумму лет, так как повторяющийся несколько раз в конце имен знак «eš» был принят за цифру «30» и присчитан к сумме лет соответствующего правления. Цифра «21» основана на том, что в начало перечня считается пропавшим имя неизвестного царя. Однако сумма лет правления всюду исходит из числа 20 правлений. В L_1 итоги искажены. Упоминаемый обычно в литературе кутийский царь «Саратигубисин» не существует: речь идет о царе с аккадским именем «Муатикуббиссин» (SKL, стр. 120).

ние 91 года, причем были изгнаны только с величайшим напряжением сил всей этой страны?[1]

Мало того, В. К. Шилейко доказал,[2] что владычество кутиев было прочным: правители шумерских городов посылали им обременительную дань, и в то же время во всей стране господствовал полный мир. Значит, объяснить кратковременность правлений кутийских царей междоусобицами нельзя. Заметим также, что эти короткие правления имеют вполне регулярные сроки своей продолжительности: «цари» со второго по седьмой правили по 6 лет (кроме Инимабагеша, который мог умереть до истечении своего срока). Затем следует Иарлагаб, правивший 15 лет. Затем, «цари» правят: с девятого по двенадцатый не свыше 3 лет, с тринадцатого по шестнадцатый – не свыше 2 лет, с семнадцатого по девятнадцатый – по 7 лет (за исключенном отдельных, правивших меньше, чем обычно для данного отрезка перечня и, возможно, умерших или павших в битвах раньше своего срока).

Похоже, что эти сроки не случайны. Все недоумения могут быть легко разрешимы, если мы предположим, что «цари» или, вернее, военные вожди кутиев, как это обычно и бывало в первобытном обществе, выбирались на определенный срок. Поэтому-то, хотя «племя кутиев не имело царей», можно было все-таки привести поименно его «царей», т. е. выборных вождей племени или племенного союза. Возможно даже, что колебания в сроках правлений отражают борьбу среди самих кутиев. Первоначальным сроком было 6 лет (если Имта, первый «царь», правил только 3 года, то, очевидно, потому, что стал считаться правителем Двуречья не с первого года своего срока)[3] Затем восьмой «царь», Иарлагаб, попытался править бессменно и «процарствовал» 15 лет. В дальнейшем мы видим не только возвращение к порядку выбора вождя на срок, но еще и сокращение самого этого срока сначала до 3, а потом и до 2 лет. Нельзя ли это объяснить реакцией среди массы рядовых членов племени на нарушение обычая Иарлагабом?

Правители кутиев третьего поколения аккадизовались:[4] верхушка

---

[1] См. надпись Утухегаля: F. Thureau-Dangin. La fin de la domination gulienne. RA, IX, 1912, стр. 111 и сл.

[2] ВНШИ, стр. XXIX и сл.

[3] Впрочем, если вместо IM-ta читать ni-ta, что тоже возможно, то получаем перевод для первых двух строк перечня: «племя кутиев цари не имели, само стало царем, правило 3 года» (ugnim ku-ti-um^{ki} lugal nu-ub-tuku, ni-tá lugal-am, mu 3 i-ag). В варианте L_1 слова lugal-am – «стало царем» отсутствуют.

[4] Четыре «царя» носят аккадские имена (Хабилькин – № 12, Ибранум – № 15, Хаблум – № 16, Пузур-Суэн – № 17) и четыре аккадизованные (Курум – № 11, Лаэрабум – № 13,

кутийской племенной знати стала к этому времени срастаться с шумероаккадскими рабовладельцами; власть вождя кутиев все более становилась фактически царской властью, – не с этим ли связано удлинение сроков правления последних «царей»?

Есть еще один довод в пользу нашего предположения. На древнем Востоке, особенно в это раннее время, когда каждое имя представляло обычно целое предложение с благопожеланием его носителю или его отцу, чрезвычайно редко встречается повторение одних и тех же имен, особенно в пределах разных родов (а наши кутийские «цари» не обозначены, в отличие от других царей шумерского царского списка, как состоящие друг с другом в родстве). Поэтому повторение одних и тех же имен в перечне может указывать на то, что одно и то же лицо было избираемо вождем вторично. Таковы: Ингешуш[1] (№ 2 и – через 23 года – № 7), Иарлагаб[2] (№№ 8 и 10), Хабилькин [3] (№№ 12 и 16).

Конечно, все это не более как предположения, но вряд ли можно отстаивать точку зрения, что кутийские «цари» правили такие короткие (и регулярные) сроки потому, что они находились в состоянии непрерывной междоусобицы. Это по всяком случае противоречит логике фактов.

Кто были кутии по своей этнической принадлежности? Имена их не поддаются истолкованию из известных нам древневосточных языков. Ранее такие имена относились к числу хурритских; но теперь, когда мы довольно хорошо уже знаем грамматический строй хурритского языка, до некоторой степени знаем его лексику и прекрасно знаем ономастику, мы можем с уверенностью сказать, что и из хурритского языка (как и из шумерского, эламского, семитских, индоевропейских) кутийские имена не получают удовлетворительного объяснения. Следует обратить

Ирарум – № 14, Сиум – № 19). От четырех дошли аккадские и шумерские надписи или датированные по их имени документы (Энридавазир – № 9, Лаэраб – № 13, Иарлаган – № 18, Сиум – № 19). Как мы видим, эти данные указывают на явную шумеро-аккадизацию кутийских вождей к концу времени кутийского господство. По имени последнего «царя» кутиев, Тирикана, были названы три укрепленных поселения, возможно, созданные им или приписывавшиеся ему позднейшей традицией (для которой Тирикан был очень популярной фигурой вроде, «Аждахака» или «Искандера» средневековых легенд).

[1] «Игешауш» –лишь вариант того же имени, и различные версии списка дают здесь разную степень их близости: правильное чтение обоих имен, вероятно, Ингешауш или Ингешош (SKL. стр.119, прим. 301).

[2] С вариантом «Иарлангаб» во втором случае.

[3] Имена №№ 12 и 16 (оба аккадские): Habil-kîn(um) значит «жалко настоящего (сына)» – имя, дававшееся сыну, родившемуся после смерти первенца. Имя Hablum, дословно «жалкий», – сокращение того же имени.

внимание на характерное i- в начале этих имен, и на окончания -ab/p и -š. Последнее окончание было широко распространено еще во II и вначале I тысячелетия в топонимических названиях области Загросоких гор (районов III–VII по нашей классификации), т. е. в коренной области обитания кутиев.[1] На своеобразие фонетической системы кутиев, трудно воспринимавшейся шумерийцами и аккадцами, указывает разнообразие вариантов в передаче кутийских имен.

По всей видимости, кутийский язык был самобытным и, быть может, в какой-то мере был близок языкам эламской группы, распространенной, как мы указывали, поводимому, во всей Загросской области (эламиты, касситы, луллубеи, может быть каспии). С другой стороны, вероятная сложность фонетического состава кутийского языка в противоположность исключительной простоте эламской фонетической системы указывает, быть может, на родство кутийского с другими языками, обладавшими столь же сложной фонетикой. Такими языками были, с одной стороны, хурритский, с другой стороны, засвидетельствованный, правда, гораздо позже, но безусловно древний, автохтонный язык албанов.[2]

З.М.Ямпольский высказал автору вполне вероятное предположение, что в имени кутиев мы имеем то же этническое название, которое гораздо более поздние источники сохраняют нам в форме «утии», «уйтии»[3], «уды», «удины», «отены», что, повидимому, как замечает он же, было самоназванием албанов. Если бы это предположение подтвердилось, то данный факт указывал бы по крайней мере на вероятность родства кутиев с албанами.

История кутийского завоевания Двуречья может быть восстановлена в следующем виде.

Как уже указывалось, первое крупное поражение Аккаду кутии нанесли еще при Нарам-Суэне, когда их вождь Энридавазир, повидимому временно сумел завладеть основными центрами Южного Двуречья,

---

[1] Эти окончания нельзя возводить к хурритскому. В хурритском окончание -š – это показатель эргативного падежа, т. е. одного из косвенных, -še – показатель имен абстрактных. В тонопимические названия эти элементы вряд ли могут входить.

[2] Сложность фонетики языка албанов засвидетельствована средневековыми источниками; большинство исследователей считает албанский язык принадлежавшим северо-восточной группе кавказских языков Заслуживали бы внимания приводимые иногда в аккадских словарных текстах глоссы из языка gu (возможно – гутийского || кутийского?). К сожалению, работа по их собиранию не проделана.

[3] Звук k легко отпадает, чему свидетельством является история, например, живых арабских диалектов.

причем Нарам-Суэн, как кажется, погиб в бою (2202/2201 г. до н. э.).[1] Борьба продолжалась затем и течение правления Шаркалишарри (2201– 2177 гг. до н. э.) и кутийских вождей Имты (?), Ингешауша, Сарлагаба, Иарлагаша и Элулумеша. Если Сарлагаб был взят и плен, то зато Элулумешу (2178–2173 гг. до н. э.) и его преемникам Инимабагешу и Ингешаушу (второму или выбранному вторично?) удалось, повидимому, установить окончательно кутийскую гегемонию в Двуречье.

Ожесточенный враг кутиев, царь города Урука Утухегаль в своей надписи[2] называл впоследствии кутиев «жалящей змеей[3] гор, насильником (против) богов, унесшим царственность Шумера в горы, наполнившим Шумер враждой,[4] отнимавшим супругу у супруга, отнимавшим дитя у родителей, возбудившим вражду и насилие в Стране»[5]. Слова о том, что кутии возбудили «вражду и насилие» в Двуречье, нельзя понимать иначе, как таким образом, что они восстанавливали одну часть населения против другой (т. е., надо полагать, класс против класса). Такое предположение вполне вероятно, так как известно, что именно во второй половине аккадской династии происходит значительное усиление рабовладельческой эксплуатации, а широкие массы свободных политически угнетаются усиливающейся деспотической властью царей. Весь период владычества аккадской династии был занят кровопролитными войнами аккадских царей с городами Шумера и Аккада, причем если в начале эти войны носили характер подавления сопротивления местной знати бывших «городов-государств», то впоследствии они вылились в почти поголовное истребление населения непокорных городов вообще.[6] В этих условиях вполне вероятно, что угнетенные массы Аккадского государства могли воспользоваться кутийским вторжением для того, чтобы сделать попытку к своему освобождению. Как известно, рабы, не имея собственной классовой идеологии и своей революционной программы, ориентируются обычно в своей борьбе на

[1] Датировки для III тысячелетия до н. э. основаны на неопубликованном исследовании автора.

[2] F. Thureau-Dangin. La fin de la domination gutienne. RA, IX, стр. 112.

[3] muš-gir – «змея острия», т. е. жала, ср. gir-tab – «двойное острие (жало)» = «скорпион».

[4] Sumer-ra nig-a-erem bi-in-si-a.

[5] Nig-a-erem nig-a-zi(g) Kalam-ma mi-ni-in-gar-ra. «Страной» (Kalam) по-шумерски называлось Южное Двуречье в целой.

[6] Так, например, во время одного только похода дяди Нарам-Сузпа, цари Римуша, была произведена расправа над пятью крупными центрами Шумера –Лагаше, Уммой, Дером, Адабом и Халлабом. Из них только в Умме и Дере было убито 9000 человек и казнено 3600 человек.

«варварскую» периферию рабовладельческих обществ и ставят в таком случае себе идеалом возвращение к бесклассовому обществу первобытно-общинной формации.

Таким образом, роль кутиев на первом этапе могла быть освободительной. Но то была эпоха, когда в Двуречье рабовладельческое общество было на подъеме, когда рабовладельческие производственные отношения были новыми, способствующими развитию производительных сил, а первобытно общинные производственные отношения отживали, не обеспечивая дальнейшего роста производительных сил.

Объединение всего бассейна Двуречья, осуществлявшееся деспотическим рабовладельческим государством династии Аккада, было объективно прогрессивным, так как позволяло создать в стране рациональную единую оросительную систему и обеспечить значительный рост производительных сил.[1] Разрушение этого государства могло только затормозить дальнейшее развитие. Поэтому, если имело место освободительное движение, возглавленное кутиями, то оно не могло иметь длительных результатов и неминуемо должно было в тех условиях переродиться: разумеется условий для разрушения рабовладельческих производственных отношений в то время не было никаких.

Мы видим, действительно, что вторжение кутиев быстро превратилось в опустошение Двуречья, сопровождавшееся грабежами и разорением населения. Были разрушены города Аккад, Акшак, Хурсагкалама, Дер, Ниппур, Адаб, Урук, Лараг, а также их храмы и храмовые хозяйства.[2] Кутийская племенная верхушка вовсе не стремилась к освобождению широких слоев населения Двуречья, а лишь желала перехода властин в стране от верхних слоев шумеро-аккадских рабовладельцев в собственные руки, желала заменить аккадских царей-деспотов кутийскими. Как мы видели, уже Энридавазир пытался подражать Нарам-Суэну, принял его титулатуру и сооружал надписи в шумерских храмах по примеру своих предшественников – шумерских и аккадских царей. Царскую надпись оставил также кутийский вождь Лаэраб.[3] Восьмой вождь кутиев, Иарлагаб, возможно, пытался присвоить себе пожизненную царскую власть. Уже со второго поколения кутийская знать начинает давать своим детям аккадские имена. Население Двуречья

[1] Вот почему народные массы поддерживали основателя аккадской династии Саргона Древнего, и о нем сложились легенды как о «человеке из народа».

[2] К сожалению, текст «плача», упоминающий разрушение этих городов и храмов, мне остался неизвестен, и я пользуюсь лишь его изложением у Лэнгдона: CAH, I, стр. 421.

[3] SAKI, стр. 170. XI; с поправками и: SKL, стр. 119.

облагается поборами, более тяжкими, чем поборы аккадских царей.[1] Поэтому власть кутийских царей стала ощущаться не только знатью, но и всем населением Двуречья как тяжелое иго.[2]

Этому немало содействовала система управления страной, введенная кутийскими царями. Кутии не имели людей, которые могли бы взять на себя административные функции и довольно развитом государственном аппарате, существовавшем в государстве Шумера и Аккада. Поэтому за богатую дань кутийские цари перепоручили управление страной крупнейшим представителям местной рабовладельческой знати. Под общей гегемонией кутиев возникают различные местные династии. В самом Аккаде продолжают править собственные цари Дуду и Шу-Дуруль (около 2172– 2137 гг. до н.э.): повидимому, позже, создается династия и на юге, в Уруке (2142–2108 гг. до н. э.). На первое место в Шумере выдвигается в это время город Лагаш. Памятники из Лагаша для этого периода весьма многочисленны и являются путеводной нитью для историка. Начало нового подъема политического значения Лагаша относится ко времени его правителя «энси» (PA-TE-si) Ур-Бау (или Ур-Бабы) – вероятно, современника окончательного падения Аккада после Шу-Дуруля. Ур-Бау вел в Лагаше обширное храмовое строительство и был, надо думать, богатым и могущественным правителем. Можно полагать, что под верховным владычеством кутиев он осуществлял гегемонию в Шумере. По смерти Ур-Бау власть в Лагаше переходит, повидимому, к его зятю Гудее, который правил длительное время и, уже несомненно,[3] властвовал над весьма значительной частью Двуречья. Он титуловал себя не только «энси Лагаша», но и «благим пастырем (хотя и не царем) Страны» в целом. В то же время, как блестяще доказал В.К.Шилейко,[4] он не был независимым государем, а платил дань кутиям. Это не мешало ему[5] вести исключительно крупное и дорогостоящее строительство не только в Лагаше, но и в Уре, привлекать для строительства работников из Элама и ввозить строительные материалы с берегов Персидского залива, со Среднего Евфрата и из северной

[1] Дело в том, что доходы аккадских царей основывались на их собственных громадных хозяйствах и земельных владениях, а кутии оставили земли в управлении местных шумерских и аккадских правителей и храмов и своего хозяйства не вели; поэтому их поборы с населения в виде продуктов, ремесленных изделий, драгоценных и других металлов, были больше. См. о характере кутийских ноборов: ВНШИ, стр. XXX.

[2] Упомянутый выше «плач» называет страну кутиев «обиталищем чумы».

[3] См.: ВДИ, 1950, № 2, стр. 81–82.

[4] ВНШП, стр. XXX.

[5] См. многочисленные надписи Гудеи в «SAKI».

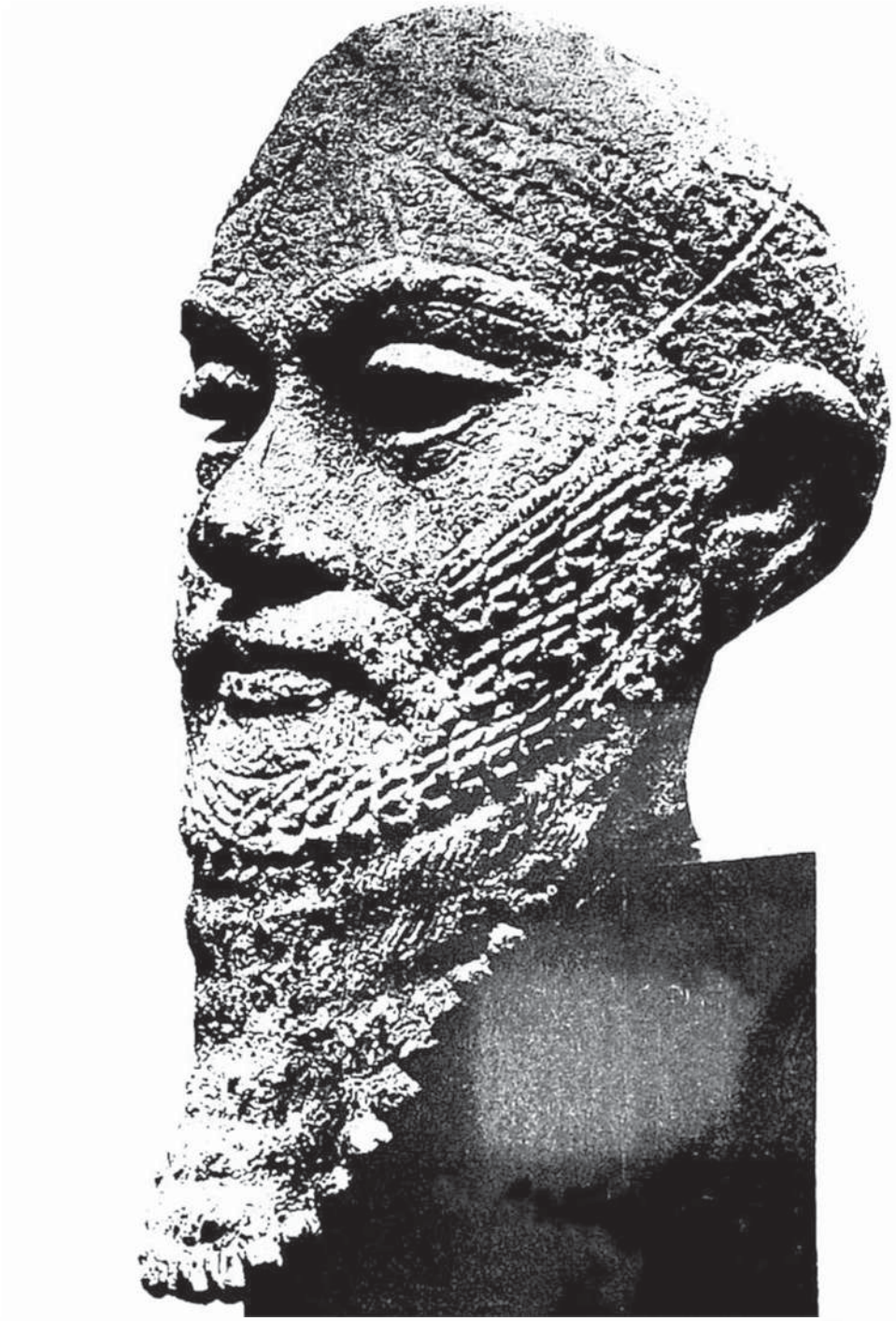

Рис. 10. Скульптурная голова, изображающая кутийского царя (?). Бронзовая скульптура аккадской или эламской работы конца III тысячелетия до н. э. (?).

Рис. 11. Архаический бронзовая скульптурная голова. Из Салмаса (?)
Дата неизвестна.

Сирии. Это указывает на большое территориальное распространение и силу его власти, а также на мирные в основном условия в стране.

Все это можно объяснить лишь в том случае, если признать, что Гудеа не только зависел от кутиев, но и был – формально или фактически – их наместником в Двуречье. То же верно и в отношении Ур-Бау и преемника Гудеи (также зятя Ур-Бау) – Наммахани.

В конце этого периода гегемония над Двуречьем уходит, повидимому, из рук лагашских правителей. Однако систему управления страной через представителей местной знати кутии, как мы увидим, не изменили. Кутии сохраняют до конца контроль над югом Двуречья; до нас дошла надпись из соседней с Лагашем Уммы, датированная еще правлением 19-го кутийского «царя» Сиума.[1]

Власть кутиев была свергнута царем города Урука[2] Утухегалем. О его войне с кутиями сообщают два дубликата копии с его стихотворной надписи.[3]

Выступление Утухегаля было приурочено к моменту смены правителей у кутиев (согласно данным традиции, отраженной в шумерском царском списке, последний кутийский правитель, Тирикан, успел процарствовать всего 40 дней). Политика кутийских царей до крайности ожесточила шумерское население, и Утухегаль получил широкую общенародную поддержку. Войско, выступавшее против Утухегаля, было уже не тем демократическим племенным ополчением, которое когда-то нанесло поражение непобедимому Нарам-Суэну. Во главе кутийского войска стояли теперь представители шумеро-аккадской рабовладельческой знати: аккадец Наби-Энлиль и шумериец Ур-Ниназу – вероятно, подчиненные кутиям правители каких-либо ведущих центров севера и юга Двуречья, осуществлявшие под их контролем гегемонию над страной вместо правителей Лагаша. Вряд ли в составе этого войска были сколько-нибудь многочисленные собственно кутийские отряды. Сплотить значительные массы племен для захвата богатого Двуречья, как это сделали первые кутийские вожди, было несомненно гораздо легче, чем совершить то же самое в целях удержания захваченной чужой территории, доходы с которой к тому же вряд ли доставались массе членов кутийских родов. Поэтому борьба Утухегаля к Тирикана должна была

[1] V. S c h e i l. 1) Une nouvelle dynastio suméro-accadienne. Les rois «guti». CRAI, 1911, стр. 318; 2) Anciennes dynasties do Sumer-Accad. Там же, стр. 619.

[2] Урук был, возможно, незадолго до этого разгромлен кутиями, что должно было усилит ожесточение урукитов.

[3] F. T h u r e a u - D a n g i n. La fin de la domination gutienne. RA, IX, стр. 111 и сл.

свестись к борьбе двух однотипных по культуре и вооружению войск, но теперь уже не сторонники кутиев, а сторонники Утухегаля были воодушевлены борьбой против своих местных и иноземных угнетателей. В происшедшей битве (2109 г. до н. э.) Утухегаль одержал легкую победу. Тирикан бежал с поля боя, пытался укрыться в солении Дубрум, но был выдан жителями Утухегалю и казнен.

Таким образом, Утухегаль восстановил «царство Шумера и Аккада», но воспользоваться плодами победы поддержавшим его народным массам не удалось. Вскоре после победы над Тириканом (в 2103 г. до н. э.) Утухегаль утонул, и власть в Двуречье перешла к наместнику Ура, Ур-Намму, основателю III династии Ура, для которой характерны установление режима самого жестокого и неприкрытого деспотизма и резкое усиление рабовладельческой эксплуатации.

Разумеется, что из всего кутийского предприятия по завоеванию Двуречья ничего прочного не могло получиться. Кутийские вожди и племенная знать вовлекли племенную массу в авантюру. Если вначале кутийское завоевание могло быть поддержано народными массами Двуречья, то далее, как кажется, кутийская знать превратила все предприятие в погоню за захватом богатств. Этим объясняется разграбление городов Двуречья, этим же объясняется и передача управления Двуречья в руки шумеро-аккадской знати, которая могла оплатить предоставленную им власть наиболее богатой данью. Племенная знать кутиев стала быстро срастаться с верхушкой шумеро-аккадских рабовладельцев, угнетая народные массы Двуречья и предавая интересы самих кутийских племенных масс, на которые она лишь навлекла ненависть покоренных. В результате кутии были отброшены обратно в горы современного Иранского Азербайджана, понеся потери, и весь почти столетний эпизод кутийского владычества в Двуречье остался лишь эпизодом, не имевшим особо сильного влияния на развитие общества на родине кутийских племен. Он даже, как кажется, не ускорил процесса классообразования у кутиев. Обогатившаяся, превратившаяся в рабовладельцев кутийская знать была, очевидно, истреблена победителями. Рядовые же кутии ничего не выиграли в имущественном отношении от завоевания, а поэтому имущественное расслоение в среде кутиев после падения их власти в Двуречье оказалось, по всей вероятности, все еще относительно незначительным.

До нас дошло некоторое количество памятников искусства, которые можно отнести ко времени кутийского владычества в Двуречье. В числе их безусловно первое место занимает скульптура из Лагаша времени

Гудеи, продолжающая традиции искусства аккадского времени и представляющая собой вершину достижений шумеро-аккадского изобразительного искусства. Но рассмотрение чисто шумерских и аккадских памятников не может, конечно, входить сейчас в нашу задачу. Остановимся вкратце лишь на тех памятниках, которые происходят с собственно кутийской территории.

Если правильна предложенная нами датировка,[1] то безусловно первое место среди этих памятников принадлежит бронзовой портретной голове, случайно найденной около Хамадана, в Мидии, и поступившей впоследствии в американский музей Брэммер Гэллери в Нью-Йорке. По всей видимости, эта скульптура, изображающая, как мы предположили, одного из царей кутиев, принадлежит аккадскому или эламскому мастеру или, по крайней мере, мастеру аккадской выучки, так как обнаруживает наличие длительной и развитой художественной традиции. Этот памятник, с нашей точки зрения, явно занимает определенное место среди скульптуры Двуречья второй половины III тысячелетия до н. э. Вместе с бронзовой портретной головой аккадского царя из Ниневии (так называемой «головой Саргона Древнего») и скульптурой времени Гудеи скульптурная голова Брэммерской галереи принадлежит к небольшой группе памятников портретного искусства древней западной Азии; как известно, это искусство, с укреплением деспотического строя, приведшего к подавлению личности в странах Древнего Востока, не получило дальнейшего развития.

Скульптура изображает бородатого человека, принадлежащего к антропологическому типу, и сейчас распространенному в Загросских горах.[2] На голове – плотно лежащий тюрбан, немного похожий на тюрбан эламитов,[3] из-под которого видна прядь волос. Миндалевидные глаза (в древности инкрустированные из другого материала) видны из-под тяжелых нависших век. Нос толстый, округлый по форме, сильно выраженная переносица. В лице переданы явно индивидуальные черты, что делает скульптуру одним из наиболее ярких памятников древневосточного искусства.

---

[1] И. М. Дьяконов. Об одной древне-восточной скульптуре. ТОВЭ, IV, Л., 1946, стр. 107 и сл. Ряд исследователей датирует данный памятник значительно более поздним временем.

[2] Кэссон сравнивает с типом, передаваемым этой скульптурой, антропологический тип курдов Загроса; ср.: SPA, стр. 356 и сл.

[3] Ср. золотую и серебряную статуэтки Луврского музея из Суз: Mém., Dél. en Perse, VII, табл. XXIV. Тюрбаны (mitrē) носили эламиты («киссии») еще и во времена Геродота (VII, 62).

Тот же антропологический тип передан, повидимому, на скальном рельефе из Шейх-Хана в районе верховьев Диялы. Французский антрополог Э.Т.Ами[1] сравнивает с ним антропологический тип, засвидетельствованный в настоящее время среди азербайджанцев района Шуши. Этот же тип был распространен и среди касситов и других горцев Загроса.[2]

Рельеф изображает человека, одетого в одно препоясание и тюрбан (или шапку вавилонского типа); на шее его – ожерелье с большой круглой подвеской, за поясом – топорик; в левой руке он держит лук, а правой вынимает стрелу из колчана (?). Ногами он попирает павшего врага; еще один враг перед ним молит о пощаде. Рельеф сопровождается надписью на староаккадском языке, упоминающей поход на страну Забан (?), и имя изображенного – Лишир-пир'ини. Страна Забан находилась на реке Нижний Заб около современного Алтын-Кепрю; имя изображенного, если оно правильно прочтено нами, – аккадское.[3]

Рис. 12. Скальный рельеф Лишир-пир'ини. Конец III тысячелетия до н. э. Схематическая зарисовка.

Стела из Шейх-Хана выдает руку мастера, не имеющего за собой большой художественной традиции: фигуры непропорциональны, рисунок нечеток и неправилен. Однако изображение достаточно ясно, чтобы адэк-

[1] E. T. Hamy. La figure humaine dans les monuments chaldeons. Bull, et Mém. de la Société Anthropologique de Paris 21 III 1907, стр. 125 и сл.

[2] G. Contenau. Manuel d'archeologie orientale, I. Paris, 1927, стр. 101.

[3] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, стр. 186 и сл. Имя царя, которое Камерон вслед за Шейлем читает «Тардунин, сын Икки», повидимому, аккадское: Лишир-пир'ини – «да процветет наш отпрыск», но имя его отца – хурритское(?) – Иккиб-шахмат. Надпись, прочтенная до сих пор не полностью, читается нами так: (I, 1) Li(!)-ší-ir-(2)pí-ri-ni (3) mâr Ik-ki-(4)-ib-ša-ah(?)-ma-at(II, 1)salmam uš-zi-iz (2)i-nu ma-at Za(!)-ba-an (3)ú-te-ru (4)ša salmam i-ru(?)-kú(!) (III, 1) pí-ri-šu (2)ú šu-um-šu(3) dŠamaš dAdad (4)i-hal(??)-lí-kú – «Лишир-пир'ини, сын Иккиб-шахмата (?), установил изобряжение, когда вернул (под свою власть) страну Забан (?). Кто удалит (?) изображение, того отпрысков и имя истребят (?) (боги) Шамаш и Адад».

ватно передать антропологические черты. Надпись, по палеографическим и филологическим данным, не моложе 2000 г. до н. э., скорее значительно старше. Изображенный на рельефе человек не носит царского титула и был, вероятно, подобно Гудее, каким-либо фактически независимым наместником или полководцем. Вполне возможно, что этот памятник надо отнести к кутиям, тем более что самое ими изображенного – скорее всего перевод на аккадский язык какого-то иноязычного имени: хотя оно понятно по-аккадски, но несвойственно аккадской ономастике.

К кутийскому искусству, быть может, следует отнести вторую бронзовую голову Брэммерской галереи.[1]

Перечисленные памятники, если они действительно относятся к числу кутийских изделий, указывают и на существование у них попыток создания своего искусства, и на привлечение традиций шумеро-аккадских мастеров; это должно было бы привести к созданию искусства, соответствующего значению государства и уровню развития производительных сил в классовом уже обществе. Но настоящего классового общества – общества, основанного на антагонизме классов – у кутиев III тысячелетия до н. э. не создалось; они не втянулись в орбиту классового общества Двуречья, а в горах Загроса для его создания не было еще предпосылок.

В дальнейшем наши сведения о кутиях и вообще о племенах Загросских гор становятся чрезвычайно отрывочными. Цари III династии Ура вели непрерывные войны в предгорьях Загроса. Мы знаем о внешних событиях истории этой и нескольких последующих династий по так называемым датировочным формулам: так как определенной эры для отсчета лет в Шумере и Аккаде не было, то датировка велась по выдающимся событиям; по каждому такому событию давалось название либо году, в котором оно произошло, либо следующему. В датировочных формулах III династии Ура нередко встречаются упоминания походов на Урбиллум (Арбела, ныне Эрбиль), Симуррум (иначе Забан, ныне Алтын-Кёпрю на р. Нижний Заб), Шашрум или Ша-Ашшурум (? – позднее Ашшур, ныне Кала'ат-Шеркат ?); затем говорится также о походах на Луллубу, Харши, Кимаш, Хумурти и Ганхар[2] – преимуще-

[1] SPA, 1, стр. 356 и IV, табл. 107, *A, B* (статьи С. Кэссона). Относительно места ее находки существуют противоречивые данные, но, повидимому, она происходит из района между озерами Урмии и Ван. Датировка ее также неясна.

[2] Штрек (S t r e c k, ZA, XV, стр. 344 и сл.) отождествляет Ганхар (Штрек читает «Кархар?») с позднейшим Хархаром в западной Мидии; однако, судя по хурритскому имени его царя Кишари и по тому, что Ганхар при III династии Ура включался в провинцию Лагаш, видно, что он должен был находиться недалеко от реки Тигра.

ственно хурритские города дальних предгорий Загроса; местоположение области Луллубу нам уже известно; Кимаш находился, повидимому, недалеко от современного Керкука, а Хумурти – где-то между Кимашем и Харши. Эта последняя область, может быть – ассирийская «гора Харси» на границе VI района по нашей историко-географической классификации, урартская 'Арсита, повидимому, близ современного Туз-Хурматлы. В этом же районе или ближе к Ассирии надо искать Забшали, Хухунури и другие «города», покоренные различными царями этой династии.[1]

В конце периода господства III династии Ура большинство территории по Тигру и за Тигром были подчинены «энси» (наместнику)[2] города Лагаша на нижнем течении этой реки. Так, Арад-Наннар, наместник Лагаша при царе Шу-Суэне (2046–2038 гг. до н. э.), носил в числе прочих титулы «энси» Сабума[3] и страны Кутиум,[4] правителя Димат-Энлиля, Аль-Шу-Сина, Урбиллума, «энси» Хамази и Ганхара, правителя Ишара, народа Су (субарейцев=хурритов?), страны Гардака и т. д.[5]

У нас нет никаких данных о том, чтобы жители этих областей представляли какую-либо угрозу для Двуречья, которую цари III династии

[1] Вот перечень соответствующих датировочных формул: «Ганхар разорен» – 25-й год Шульги; «Луллубу и Симуррум разорены» – 26-и год Шульги; «Симуррум вторично разорен» – 27-й год Шульги; «Харши разорен» – 28-й год Шульги; «Ганхар вторично разорен» – 32-й год Шульги; «Симуррум в третий раз разорен» – 33-й год Шульги; «Шашрум разорен» – 43-й год Шульги; «Симуррум и Луллубу разорены в 9-й раз» – 45-й год Шульги; «Урбиллум, Симуррум, Луллубу и Ганхар разорены» – 46-й год Щульги; «Кимаш, Хумуртум и страна разорены в 1 день» – 47-й год Шульги; «Харши, Кимаш, Хумурти и страна разорены в 1 день» – 49-й год Шульги; «Бур-Суэн разорил Урбиллум» – 2-й год Бур-Суэна; «Шашрум разорен» – 6-й год Бур-Суэна; «Хухнури разорен» – 7-й год Бур-Суэна; «Шиманум разорен» – 3-й год Шу-Суэна; «Шу-Суэн, царь Ура, разорил страну Забшали» – 7-й год Шу-Суэна; «Симуррум разорен»– 3-й (?) год Ибби-Суэна; «Сузы, Адамдун (?) и страну Аван он затопил (?), как непогода, согнул в 1 день и взял в плен Энбилуа [эламск. Энинлуххан(?), имя царя Элама]» – ? год Ибби-Суэна; «На Хухунури... страны Аншан он двинулся с тяжкой силой.. .» – ? год Ибби-Суэна. См. RLA, s. v. Datenlisten. Вероятные абсолютные даты царей III династии Ура: Ур-Намму – 2121–2104 гг. до н. э., Шульги – 2103–2056, Бур-Суэн – 2055–2047, Шу-Суэн – 2046–2038, Ибби-Суэн – 2037–2012 гг. до н. э. Весь Элам был в большей или меньшей степени подчинен III династии Ура, за исключением области Симаш.

[2] «Энси» (PA-TE-si) – этот термин при III династии Ура обозначает назначаемого; царем областного наместника.

[3] Область в Эламе (?).

[4] В тексте GU-TE-BU-UM^{ki}, что, вероятно, передает произношение *kutiwum, или же, может быть, эламо-каспийское множественное число – *kuti-p/b-, с аккадским падежным окончанием -um.

[5] SAKI, стр. 148 и сл. 22а. См. о значения этой титулатуры: CAH, I, стр. 458 и сл. (статья С. Лэнгдона).

Ура пытались бы устранить своими походами. Особых богатств, манивших бы завоевателя, в этих областях в то время также не было. Не исключена возможность, что в долине Диялы еще тогда проходил путь, соединявший Двуречье с областями индийской культуры Мохенджо-Даро и Хараппы.[1] Но главной причиной походов шумеро-аккадских царей в горы было, очевидно, стремление захватить пленников для обращения в рабство. Уже в то время, как и во II тысячелетии до н. э., вероятно, славились в Двуречье рабы-луллубеи и кутии.[2]

Акад. В. В. Струве издал[3] интереснейшие документы, посвященные учету довольствия, выдававшегося в лагере пленных женщин, обращенных в рабство при одном из царей III династии Ура (документы датированы 5-м годом царя Бур-Суэна, т. е., вероятно, 2051 г. до н. э.). Учетные списки, разделенные друг от друга временем всего в четыре месяца, показывают ужасные условия, в которых находились пленные женщины, в том числе беременные и с маленькими детьми – голод и чудовищную смертность в лагере.

Акад. В. В. Струве полагает, что женщины, упомянутые в этих документах, по крайней мере частично – хурритки. Но хотя среди перечисляемых имен есть даже шумерские[4] и аккадские,[5] наряду с некоторыми хурритскими,[6] однако, большинство имен не может, с

[1] Индийские вещи типа культуры Мохенджо-Даро были найдены в Эшнуине (Телль-Асмаре) на нижней Дияле и в Лагаше на нижнем Тигре.

[2] В числе рабов упоминаются и «светлые (namrúti) кутии», что вызвало у некоторых буржуазных ученых легенду об «арийском» их происхождении. Но этот термин не имеет никакого отношения к окраске кожи или волос, что правильно было объяснено Шпейзером: E. A. S p e i s e r. Mesopotamian Origins, гл. IV.

[3] Акад. В. В. С т р у в е. Лагерь военнопленных женщин в Шумере. ВДИ, 1952. № 3, стр. 12 и сл.

[4] К шумерским именам акад. В. В. Струве относит имена Мама, Пуш (вариант Пушушу) и Урбабилуру, однако это сомнительно, особенно в отношении последнего имени: элемент «Ур-» никогда не входил и не мог входить в шумерские женские имена. С другой стороны, можно указать еще на имя Лалла и некоторые другие, вероятно или даже несомненно, шумерские. Шумерским является имя «Бур-Суэн-хегаль», которое носят два младенца, повидимому, родившиеся и лагере; очевидно, это имя, носящее в данной обстановке издевательский характер («Бур-Суэн богат» или «Бур-Суэн – эти изобилие»), было дано им не родителями, а надзирателями лагеря, где они родились. Безусловно шумерское имя – Гим-Нинурра («Рабыня богини Нинурры») – также, вероятно, дано надзирателями (Нинурра – местное шумерское божество в районе лагеря).

[5] Таковы имена Аинитум (кличка?), Ахати, Бузатум, Или-Мштар, Арбитум. Иллассу, Закнитум, Белум-Иштар, Эшме-Аштар (так!) и, возможно, некоторые другие. Теофорные имена с «Иштар» подтверждают гипотезу акад. В. В. Струве о происхождении пленных из района Арбелы – одного из центров культа Иштар.

[6] Акад. В. В. Струве относит сюда имя «Баланна». Особо характерных хурритских имен в списке не заметно (может быть, Эбаниа и еще некоторые с окончанием «-на»?).

нашей точки зрения, быть объяснено из хурритской ономастики. Акад. В. В. Струве указал на вероятность того, что большинство пленных было захвачено во время похода на Урбиллум (Арбелу);[1] это был район стыка аккадского (ассирийского), хурритского и кутийского этносов, и возможно, что многие имена женщин в данных документах – кутийские.[2] Эти документы дают яркое представление о характере взаимоотношений между рабовладельческим государством Двуречья и племенами Загросских гор. Каким бы значительным достижением во всемирной истории ни была культура тогдашнего Двуречья, но для кутийских и луллубейских племен шумерийцы к аккадцы выступали в роли поработителей, глядевших на их горную родину как на свой питомник рабской силы.

5. Население западной Мидии во II тысячелетии до н. э. Касситы[3]

Положение несколько изменилось в начале II тысячелетия до н. э.

Это тысячелетие было свидетелем существенных сдвигов в производстве и общественной жизни населения будущей Мидии и окружавших ее областей Закавказья и Ирана. К этому времени полностью было освоено производство бронзы, все большее применение получал гончарный круг; меняются типы посуды и ее орнаментация; вообще, в материальной культуре наблюдаются довольно значительные изменения, что заставляет западных ученых видеть здесь очередную этническую миграцию.[4]

В недрах еще первобытно-общинного строя все чаще начинают иметь место случаи эксплуатации рабов. Захват иноплеменников был частым явлением, еще начиная со времени кутийских завоеваний. В могильнике на Гёй-тепе из 12 раскопанных могил (4 каменных ящика и 8 грунтовых) во всех четырех каменных ящиках и по крайней мере в трех грунтовых могилах было обнаружено по два и более скелетов. Можно было бы думать о коллективных местах захоронения отдельных родов;

---

[1] Акад. В. В. Струве. Лагерь военнопленных женщин в Шумере, стр. 13.

[2] Характерные имена на -ša, -na и -bi, возможно, соответствующие именам на -š, -eš, -un и -ab перечня кутийских царей. Из эламского имена в этих документах непосредственно тоже вряд ли могут быть истолкованы.

[3] К сожалению, мне еще не могла быть доступна фундаментальная работа о касситах: Kemal Balkan. Die Sprache der Kassiten (Kassitenstudien, 1, American Oriental Series, vol. 37). New Haven, 1954. См. рецензию: L. Matous. Ar. Or., XXIV, 1956, стр. 145.

[4] T. Burton Brown, ук. соч., стр. 69. – SPA, I, стр. 154 и сл. (о слое Хисар II, статья Роджерс Уоррена).

но некоторые могилы (в особенности в раскопанном Брауном погребении «А», где один скелет лежал в вытянутом положении, с чашей под головой, а четыре были погребены в скорченном положении и два – в сидячем положении по углам могилы) почти несомненно являются погребениями хозяина и рабов.[1] Возможно также, что в некоторых случаях жена должна была следовать в могилу за мужем; если так, то это свидетельствуст о смене матриархального строя патриархальным.

Рис. 13. Инвентарь погребения из Тепе-Сиялка. Конец III тысячилетия до н. э.

О росте богатств говорит появление оборонительных стен вокруг поселений (Гёй-тепе, Туренг-тепе близ совр. Астрабада на территории древней Гиркании). Главным богатством – при сохранении земледельческого производства – является в это время скот; и, что особенно важно, мелкий скот – свиньи, козы и особенно овцы – начинает явно преобладать над крупным скотом; в связи с увеличением поголовья скота встает вопрос об обеспечении его пастбищами, и население начинает, вероятно, переходить на полуоседлое скотоводство, с выгоном скота на лето в горы.

В этот период окончательно оформляется первое крупное общественное разделение труда – между пастушескими и земледельческими племенами. Происходит также специализация отдельных племен, в зависимости от района их обитания, на добыче различного вида сырья (например, металлов) и на различных видах ремесла. Исключительно высокого мастерства в области металлургии бронзы достигли, например, горные племена и районе между Мидией и Эламом (в совр. Луристане).

Письменные источники свидетельствуют о сохранении во II тысячелетии до н. э. прежней пестроты населения будущей Мидии. Население это остается, повидимому, неоднородным и в культурном отношении. Так, археологическая культура Тепе-Гияна (слои IV–II) тяготеет к

[1] Аналогичные явления в Закавказье эпохи бронзы см.: Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 52 и сл. Луллубеи, повидимому, иногда захватывали в рабство хурритов (один такой факт приведен у Э. Р. Лейчмэна: BASOR, № 78, стр. 23 и сл.), хотя чаще бывало наоборот.

Эламу; культура Гёй-тепе (слои «D» и «C»), вероятно, принадлежащая кутиям, стоит особняком, но дает некоторые черты сходства с Закавказьем; культура Тепе-Хисара (слой II) и Тепе-Сиялка, а также Туренг-тепе, как кажется, имеет связи со Средней Азией.[1]

Письменные источники дают нам более всего данных о касситах, как о наиболее важных в это время племенах гор Загроса, – района, соприкасавшегося с областью распространения вавилонской культуры.

Местом обитания касситов (аккадск. kaššî) от древнейших времен и вплоть до завоевания Ирана греко-македонцами была горная страна, расположенная в VIII районе по нашей классификации, т. е. в верховьях рек, долины которых образовывали в древности страну Элам, – в современном Луристане. Об этнической принадлежности касситов свидетельствуют полсотни слов и собственных имен, сохраненных, с переводом на аккадской язык, в ассиро-вавилонских лексикологических текстах, а также еще некоторое количество собственных имен, сохранившихся в вавилонских хозяйственных и деловых документах, в царских надписях и списках, восходящих ко II тысячелетию до н. э. В настоящее время можно считать вероятным, что касситы составляли племя горцев-скотоводов, говоривших на родственном эламскому языке.[2]

В свое время выдвигалось мнение, что касситы были индоевропейцами или, по крайней мере, что они находились в столь тесном соприкосновении с индоевропейскими этническими элементами, что оно заметно сказывалось на их языке и культуре.[3]

---

[1] Старая культура Тепе-Сиялка обрывается и середине II тысячелетия до н. э. и вслед за тем идут слои уже начала I тысячелетия. Литературу о раскопках указанных городищ см. на стр. 105.

[2] См.: C. Hüsing. Die Sprache Elams. Breslau, 1908. Этот вывод, однако, оспаривается. Многие слова совершенно различны в эламском и касситском, например: «бог» – эламск. пар, касс. mašḫu [так, уе baššu, как у Делича, ср.: Mém., Dél. en Perse. XI, 1911, стр. 37 – имя Burna- mašḫu(m)]; «царь» – эламск. sunki-, касс, janzi, и др. Но следующие сопоставления указывают на возможную связь между элимским и касситским; в области лексики: касс, miri- в miri-jas– «земли» и miri-zi.r– имя богини-матери (богини земли) = эламск. muru – «земли»; касс. Gidar – бог войны = эламск. kute.r–«владыка»; касс, da-gigi или da-gilgi– «небо» (ср. da-kaš – «звезда») = эламск. kik(i) – «небо». Касс. burna – «привилегированное лицо» встречается, возможно, и в эламском. Ср. также эламский суффикс инфинитива -ma.na с касс. kadaš.man – «помощь». С эламским касситский язык связывается также отсутствием склонения (падежных окончании): в эламском их заменяет система послелогов, к ахеменидскому времени превращающихся во вторичную систему падежей.

[3] Этого мнения придерживался, например, Шефтелович: Kuhn's Z. f.Vgl.Spr., XXVIII, 1902, стр. 272 и сл. Оно основано на сопоставлении касс. Šurijaš–бог солнца, с санскр. suryah – «солнце»; касс. Ubrijaš, вариант Burijaš– переведено как «владыка стран», или «бог дождя и грома» – с греч. Borēas – «северный ветер», русск. «буря»; касс. Šîmalija, Sûmalija – «богиня горных вершин» с санкр. himālaya; касс. Bugaš – имя одного из богов, с

Однако данные в пользу индоевропейских связей касситов настолько слабы, что надо признать касситов либо вовсе не имеющими отношения к индоевропейцам, либо имеющими лишь самое косвенное отношение.

Касситы жили в указанном районе, надо полагать, с незапамятных времен, подобно тому, как и их соседи и вероятные родичи – эламиты – жили на своей территории во всяком-случае с начала III тысячелетия до н. э. Касситы жили в том же месте и позже; занимаясь горным полукочевым скотоводством; по всей вероятности, их иранизованными по языку потомками являются современные племена горных скотоводов-луров, обитающие ныне на этой же территории, которая соответственно носит теперь название Луристана. Однако во второй четверти II тысячелетия до н. э. часть касситов была вовлечена в племенные передвижения и проникла из гор в долину Диялы, откуда начала предпринимать набеги на Вавилонию. Такая активизация касситов ставится большинством исследователей в связь с появлением лошади как транспортного животного.

Лошадь была хорошо известна в западной Азии с давних времен; так, она была уже известна шумерийцам, которые называли ее «горным (восточным) ослом» – anšu-kur-ra.[1] Но она не была еще тогда одомашнена. В Шумере повозки и боевые колесницы запрягались ослами. Впрочем, имеются изображения запряженных животных, слишком больших, чтобы быть ослами;[2] повидимому, это мулы: быть может, небольшое количество лошадей содержалось в неволе для скрещивания с

др.-перс, baga, др.-слав, bogŭ – «бог». Но сходство здесь сомнительно: himālaya должно было бы звучать *imālaja, *zimālaya или даже *gimālaya но только не šimalija; наряду с Šurijaš мы встречаем чисто касситское наименование «солнца» – saḫi; наряду с Burijaš встречаем слова buri – «владыка» и jaš – «земля» и т. д.; вполне вероятно, что buri-jaš есть прозвище божества грома –«владыка земли», и что šuri-jaš означает что-нибудь вроде «озаритель земли».

[1] Изображения лошади имеются еще в пиктографической иероглифике времени Джемдет-Насра (не позже 3000 г. до н. э.), см: S. Langdon. The Herbert Weld Collection in the Ashmolean Museum. Pictographic, Inscriptions from Jemdet Nasr. OECT, VII, Oxford Univ.Press, 1928, список знаков, № 129 и сл. Название ANŠU. KUR.RA– «восточный осел» употребляется впервые как идеограмма в начале II тысячелетия до н. э., но самое применение шумерской идеограммы в период, когда господствовал уже аккадский язык, указывает на то, что эта идеограмма является наследием более раннего периода и возникла еще до 2000 г. – скорее всего не позже периода окончательной выработки репертуара идеограмм, т. е. середины III тысячелетия до н. э. См. также лошадь в эламской иероглифике и т. п.: E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, стр. 65.

[2] Колесницы с ослами, например: V. Christian. Die Altertumskunde des Zweistromlandes, Bd. I. Tafeln. Leipzig, 1940, Taf. 224–226 (медные и глиняные фигурки из Телль-Акраба и Киша); с мулами: там же, Taf. 201 («штандарт» из Ура) и, может быть, 273 (жертвенные плакетки из Хафаджи и Ура).

ослами.[1] В вавилонских документах домашние лошади упоминаются вскоре после времени Хам-мураби (XVIII в. до н. э.).[2] Б. Б. Пиотровский[3] ставит развитие коневодства в связь с развитием полукочевого скотоводства, так как «верховой конь служил целям постоянных связей летних пастбищ, кочевок, с основными поселениями». В этой связи становится понятным развитое коневодства именно во II тысячелетии до н. э. В дальнейшем оно сделало возможным большую подвижность для пастушеских племен, а впоследствии – и переход их общества в некоторых областях к чисто кочевому скотоводству с миграциями отдельных племенных групп кочевников.

Во второй четверти II тысячелетия до н. э. лошадь как домашнее животное включается в обиход многих государств Передней Азии. В Малой Азии мы встречаем изображение колесницы, запряженной лошадьми, уже в ассирийской колонии Канес в XX в. до н. э.[4] В третьей четверти II тысячелетия в Хеттском государстве лошадь применялась широко не только как упряжное животное для боевых колесниц (жеребцы), но и для пахоты (кобылы).[5] В Египте лошадь и колесница появились с гиксосами в XVIII–XVII вв. до н. э.

Широко распространена была лошадь, запрягавшаяся в колесницу, в хурритском государстве Митанни, охватывавшем в середине II тысячелетия до н. э. Северную Месопотамию, а также южную часть Армянского нагорья, часть Сирии и области к востоку от реки Тигра. Возможно, что Митанни было даже центром коневодства, так как с хурритского языка трактаты о коневодстве переводились как в Хеттском царстве, так и в Ассирии.[6]

[1] Так, в аккадском эпосе о Гильгамеше, восходящем к последней четверти III тысячелетия до н. э., богиня Иштар, соблазняя героя, сулит ему славу, богатство и почести, равные божественным; в числе прочего она обещает, что в его колесницу будут впрягаться kudâni rabûti – «большие мулы» (R. Campbell T h o m p s o n. The Epic of Gilgamish. Oxford, 1930, VI, 12). Позже мулы обозначаются в аккадском языке как parû, а слово kudânu не употребляется. Повидимому, аккадск. kudânu можно возвести к эламск. kutu – «лошадь» (?), см. ниже, стр. 154, прим. 2.

[2] OLZ, X, стр. 638 и сл. (статья А. Унгнада). B. M e i s s n e r. Assyriologische Studien, IV. MVAG, 1913, 2, стр. 1 и сл.

[3] Б. Б. П и о т р о в с к и й. Археология Закавказья, стр. 50–51.

[4] Th. P i n c h e s. The Cappadocian Tablets of Liverpool. LAAA, I, стр. 19 и сл., pl. 17, 8.

[5] Хеттские законы, табл. 1, § 68: F. H r o z n y. Keilschrifttexte aus Boghazköi, VI. WVDOG, № 36, Leipzig. 1921; ВДИ, 1953, № 4 (перевод И. М. Дунаевской), стр. 268 и прим. 7. Еще и в I тысячелетии до н. э. кобылы не применялись для колесничной и верховой езды; ездить на кобыле считалось для воина зазорным (см.: АВИУ. № 43, прим. 2 и № 49, стр. 125 и сл.).

[6] Известный трактат митаннийца Киккули. См. статьи Грозного, Зоммера и Эелольфа в Boghazköi-Studien. III, стр. XII, и X, стр. 38 и сл. См. также: E. E b e l i n g. Bruchstücke einer mittelassyrischen Vorschriftensammlung für die Akklimatisierung und Trainierung von Wagenpferden. B., 1951.

При этом чрезвычайно любопытно, что терминология конских ристаний, сохраненная трактатом митаннийца Киккули, – индоевропейская, точнее индо-иранская (еще точное, может быть, индийская).[1] Этот факт наряду с фактом наличия значительного количества индо-иранских имен среди хурритской знати этого времени[2] заставил исследователей предположить, что колесница, запряженная лошадьми, была введена в Передней Азии вторгшимися племенами индо-иранского происхождения; эта гипотеза подтверждалась и тем фактом, что в течение II тысячелетия до н. э.[3] индийская ветвь индо-иранских племен появляется и в Индии, причем также с конями и колесницами, и около того же времени гибнет старая дравидическая (?) цивилизация Мохенджо-Даро.

Повидимому, в начале II тысячелетия до н. э. в связи с одомашнением лошади и применением ее для колесницы индо-иранские народы начинают довольно быстро распространяться из мест своего первоначального обитания. Этими местами следует признать уже для того времени Среднюю Азию.[4] Надо предположить, что первыми сдвинулись индийские племена, отдельные ответвления которых попали затем в Иран и оттуда в Переднюю Азию, основная же масса – в северо-западную Индию. Но это означает, что носители индийского языка должны были на своих колесницах спуститься на равнины Месопотамии по долинам Малого Заба и Диялы.[5]

---

[1] Эти термины: «айкавартанна» – «один поворот», ср. санскр. ēка, др.-перс., авест. aiva (aēva-) – «один», санскр. vartani, vartana – «поворот»; «т(е)равартана» – «три поворота», ср. санскр.tri – «три»; «нанцавартана», ср. санскр. pañca – «пять»; «саттавартана» – «семь поворотов», ср. санскр. sapta, позднее satta, авест., др.-перс. bapta – «семь»; «наввартана» – «девять поворотов», ср. санскр. nava – «девять». Вопрос о том, имеем ли мы здесь чисто индийские термины, или индо-иранские (периода до разделения этих двух групп) спорен, но первое, повидимому, вероятнее.

[2] Они встречаются не только в Митанни (в частности, в царском роде), но и в Сирии и особенно в Палестине;. весьма характерен элемент Arta-, который заставлял исследователей связывать эти имена скорее с иранской группой языков, чем с индийской; однако и индийское ṛta вряд ли может быть иначе передано клинописью, чем как ar-ta-; ср. также чисто индийские имена некоторых митаннийских божеств: Ind(a)ra, Waruna. Nasatja(-nna); напротив, термин marjanna – «воин», «знатный», в противоположность старым указаниям, не индоевропейский, и хурритский, так как встречается, например, и Угарнте, где индоевропейский языковой элемент не наблюдается. См., например: М. Л. Г е л ь ц е р. Материалы к изучению социальной структуры Угарнта. ВДИ. 1952, № 4, стр. 37.

[3] Дата эта спорна; однако речь идет скорее всего о периоде 2000–1500 гг. до н. э.

[4] В советской археологии распространена гипотеза, связывающая первоначальных носителей индо-иранских языков с андроновской культурой Казахстана и Южной Сибири.

[5] Пути проникновения этих племен в Переднюю Азию – одна из очень трудных исторических проблем. У нас нет никаких документальных данных о их передвижениях, и они

Однако, как мы уже видели, знакомство с лошадью отнюдь не было монополией индоевропейцев и, в частности, индо-иранцев. Ее знали в какой-то мере уже шумерийцы. На равнинах и низинах лошади в древневосточные времена, правда, не разводились;[1] но в нагорьях переход к использованию лошади мог произойти одновременно у различных этнических групп,[2] и возникшее у одного племени изобретение быстро передавалось другим; придти в движение должны были не только индоиранские, но и другие племена – одним из таких племен и были касситы. Что одомашнение лошади связано было именно с касситами, видно из того, что лошади начинают упоминаться часто в вавилонских документах касситского времени, и в камнерезном искусстве изображения мифических чудовищ, образ которых навеян образом коня, появляются тогда же, наряду с типично касситскими изобразительно-орнаментальными мотивами.

Основатель касситской династии Гандаш был, как сейчас принято считать, современником Самсуилуны, сына вавилонского царя Хаммураби. В 9-м году Самсуилуны (1741 г. до н. э.) вавилонские источники отмечают войну с касситами; судя по находке копии с надписи Гандаша, стоявшей в главном вавилонском святилище бога Энлиля в Ниппуре, Гандашу удалось не только проникнуть в центральную Вавилонию, но и продержаться там некоторое время. С этого момента считается начало касситской династии. Однако Самсуилуне удалось вернуть себе власть над большей частью территории Двуречья; касситское царство охватывало в это время, вероятно, в основном долину

не оставили следов в топонимике ни Армянского нагорья и Закавказья, ни гор Загроса и Ирана. По гипотеза происхождения их из-за Кавказа, из Северного Причерноморья, и период общего продвижения индо-иранцев из этих областей в Среднюю Азию (что ранее казалось мне вероятным), кажется, должна быть оставлена, так как у нас нет, повидимому, данных о коневодство в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе ранее конца II тысячелетия до н. э.

[1] Еще ассирийцы получали своих лошадей преимущественно из Малой Азии, Армянскою нагорья и Мидии.

[2] Указанием на это являются термины, употреблявшиеся для «лошади» у различных народов. Если большинство индоевропейских народов обозначает ее общим индоевропейским термином (лат. equus» греч. hippos < *hikʷos, др.-инд. açva, мид. и авест. aspa-, др.-перс. *asa-), то семиты и египтяне называли «лошадь» песемитским, по во всяком случае вряд ли индоевропейским термином (аккадск. sîsû, ханаан. и др.- евр. sûs, арам. sûsyā, егип. šš m). Хурритский термин, к сожалению, не известен. Что касается эламского, то в нем «лошадь», повидимому, называлась kutu, что Шейль (V, S c h e i l, Mem., Del. en Perse, V. стр. 74) сопоставляет, с одной стороны, с ассирийским kudānu – «мул»), с другой – с андийским kotu (?) – «лошадь». Эламский термин почти наверное следует считать заимствованным из языков горцов.

Диялы, нижняя часть которой (древное царство Эшнунна, или Ашнуннак) получает теперь касситскоо название «Туплияш».

Мы знаем поименно первых касситских царей и примерные годы их правления (Гандаш – около 1741–1726 гг., Агум Большой – около 1725–1704 гг., Каштилиаш I – около 1704–1683 гг.,Ушши–около 1682–1674 гг., Абиряташ – около середины XVII в. до н. э., Уршигурумаш – конец XVII в. до н. э.), но ничего но знаем об их делах и событиях их правлений. Некоторые сведения дает впервые лишь надпись Агума II по прозвищу kak rême, что,вероятно, означает «меч милости» или нечто в этом роде,[1] бывшего, вероятно, современником хеттского разгрома Вавилона, который привел около 1595 г. к падению династии Хаммураби.

Рис. 14. Образец оттиска с вавилонской цилиндрической печати касситского времени. Третья четверть II тысячелетия до н. э.

В своей надписи Агум II называет себя «светлым потомком бога Шукамуны..,[2] царем касситов и аккадцев, царем обширной страны Вавилона, заселившим Ашиуннак многочисленными людьми, царем Падана и Альмана, царем кутиев – неразумных людей» и т. д. Он сообщает также, что он возвратил в Вавилон статуи богов из Ханы на Среднем Евфрате, где они, вероятно, были оставлены хеттами при их отходе после разрушения Вавилона. Таким образом, Агум II выступает в роли наследника и продолжателя царей Вавилона. Он не мог занять этот город, пока там правили цари династии Хаммураби, т. е. до 1595 г, по хронологии Струве–Смита,[3] но поскольку он был сыном Уршигурумаша, мы не можем отнести его царствование и к более позднему времени, чем самое начало XVI в. до н. э., если согласиться с датой 1741–1726 для Гандаша. Очевидно, он занял Вавилон по следам отступающих хеттов[4] и был, таким образом, действительным основателем новой, касситской династии вавилонских царей.

Однако Агум II был не только вавилонским царем. Мы видим, что он называет себя «царем Падана и Альмана, царем кутиев». Альман (позже обычно – «Хальман») – это Хольпан, продгорье Загроса на до-

[1] Ср. kak dāme – «меч крови», «кровавый меч» (ARU, № 16; ср: РЗОА, стр. 130).

[2] О касситском божестве Шукамуне см. ниже, стр. 148.

[3] См.: акад. В. В. Струве. Датировка I Вавилонской династии. ВДИ, 1947, № 1, стр. 9 и сл.

[4] Это решает в отрицательном смысле спорный вопрос о том, правила ли когда либо династия Приморья и Вавилоне (до занятия этого города касситами и после падения династии Хаммураби).

роге вверх по реке Дияле;[1] Падан[2] же, вероятно, надо отождествить с Падиром царя Анубанини и с Питану, засвидетельствованным, как мы увидим ниже, в VII в до н. э. на северных горных окраинах Элама. Что касается кутиев, которых Агум с высоты своего новоприобретенного рабовладельческого величия называет «неразумными людьми», то они являются в его титулатуре представителями обширной территории будущей северо-западной Мидии, заселенной племенами, живущими еще первобытнообщинным строем. Таким образом, касситский царь претендовал на власть или по крайней мере на гегемонию над значительной частью будущей мидийской территории.

Имел ли он для этого основание? Несомненно, что реальной власти над племенами «кутиев», живших и условиях доклассового общества, он не мог иметь; дело, вероятно, ограничивалось набегами на их селения, сопровождаюшиеся захватом рабов и скота в виде «дани». Но в некоторых районах будущей Мидии касситы осели, и эти районы должны были довольно прочно входить в состав нового касситского государства, получившего название «Кар-Дуньяш».[3] Это в первую очередь территория по долине Диялы. Мы уже видели, что низовья Диялы, древний Ашнуннак, был в это время заселен касситами (?) и получил касситское название Туплияша. Такое же положение сложилось и на среднем течении Диялы – в Намаре (Намру, древний Навар). В III тысячелетии Навар был хурритской территорией (как уже упоминалось, самая древняя хурритская надпись принадлежит Тишари, царю Уркиша и Навара), позже население его аккадизовалось; в касситское время этот район был захвачен касситской племенной знатью.[4]

[1] См.: RI.A, s. v. Alman.

[2] Уже Делич (F. Delitzsch. Die Sprache der Kossäer. Leipzig, 1884, стр. 32 прим. 1) указал на тождество этого Падана с территорией Padin, которую текст V R (12, № 6) связывает с городом Арман; в свою очередь Арман, возможно, то же, чго Хальман– Альман. Арман находился в касситской области Ясубу (= касс. jaš(u)-p – «страны» с аккадским падежным окончанием -u?).

[3] Аккадская орфография этого названия (Kar-^{d}Dun-já-áš) показывает, что оно состоит из двух слов; первое, может быть, аккадск. kárи – «колония», второе – имя божества Дуньяш, которое в свою очередь также, повидимому, состоит из двух элеметов – dun (ср. эламск. t/dun- – «давать», «вручать») и характерного касситского слова -jaš – «земля» (ср. имена божеств Šuri-jaš, Ubrijaš, т. е. «колония божества, вручившего землю?»).

[4] В конце II тысячелетия и в I тысячелетии мы видим, что территория Намара и управление им обычно принадлежало несемитским (и нехурритским) родам Вит-Каринибку и Бит-Хамбан; в I тысячелетии, в период независимости Намара, мы встречаем в нем царя народа Бит-Хамбан с касситским титулом «янан» (с аккадским падежным окончанием -u этот термин передан в ассирийских надписях закономерно как janzû). Багиней Намара считалась касситская богиня гор Шималия. Подробное см.: F. Delitzsch. Die Sprache

Память о касситских поселениях в глубине Мидии сохранялась еще в I тысячелетии до н. э. (см. об этом ниже). Таким образом, касситский этнический элемент, восходящий ко временам касситского владычества и свидетельствующий о нем, был довольно широко распространен на юго-западных окраинах Мидии.

Следует особо обратить внимание на широкое распространение применившегося касситами царского титула janzi. Он засвидетельствован не только для самих касситов (в сохранившемся касситско-аккадском словарике и в собственных именах),[1] а также для территории Намара и соседнего с ним Бит-Хамбана,[2] но и для области Аллабриа к юго-западу от озера Урмии[3] и для области Хубушкиа в долине реки Бохтан к югу от озера Ван.[4] Обе последние области трудно поставить в связь с касситами, зато обе они могут быть связаны с кутиями;[5] таким образом, выясняется, что этот термин для вождя или царя – «янзи» – был, очевидно, распространен не только среди касситов, но и среди кутиев. Говорит ли это об-их языковом родстве? Конечно, возможно, что подобный термин мог быть просто заимствован, либо касситами у кутиев, либо кутиями у касситов, но не исключена возможность, что эти две этнические группы могли быть относительно близкими по языку; ср. характерные для касситского окончания на -š,-aš и характерные для

der Kossäer, стр. 29–36. С мнением Долича о семитском характере имени Хамбан трудно согласиться.

[1] F. Delitzsch. Die Sprache der Kossäer, стр. 29 и сл.

[2] Черный обелиск Салманасара III под 16-м и 24-м годами (KB, I, стр. 140–142 = ARAB, I, §§ 573 и 584). – KAH, I, 30 – ARAB, I, § 682.

[3] Аллабриа находилась в верховьях Малого Заба, у перевалов, ведущих на равнину к югу от озера Урмии, как это видно из описания в реляции о войне Саргона II, царя Ассирии, против Урарту, см.: 8CS, стр. 8, строка 31–38; АВИУ, № 49. Янзи, «царь» Аллабрии, упоминается в надписи Салманасара III: KAH, II, об. IV, под 16-м годом (=ARAB, I, § 639).

[4] См., наприм. 8 CS, стр. 46–48, строки 306–307.

[5] Область к югу и юго-западу от озера Урмии была, как мы уже видели, кутийской или кутийско-луллубейской. Что касается Хубушкин, то эта область относится собственно к территории распространения хурритов и урартов (данный термин, однако, не хурритский или урартский: по-хурритски «царь» – ewri, по-урартски – e̯uri и ereli); но у нас есть данные о распространении на этой территории и кутиев, по крайней мере во II тысячелетии до н. э.: так, согласно надписи Салманасара I (KAH, I, № 13; АВИУ, № 2, стр. 266), кутии обитали, между прочим, на территории от Уруатри (племенной союз на Армянском нагорье, к западу от озера Ван и у этого озера) до Кут-мухи (верхней части долины реки Тигра); таким образом, долина реки Бохтан входила тогда в их территорию. Позже, уже в I тысячелетии до н. э., ассирийцы называют «кутиями» без разбора все племена к северу и востоку от своей территории, в том числе и урартов: но в надписях царей XIV–XIII вв. кутии еще достаточно четко отличаются от «уруатри» (урартов), «шубарийцев» (хурритов), луллубеев, касситов и т. д.

кутийского окончания на -uš, -eš.[1]

Касситские цари после Агума II быстро превратились в настоящих вавилонских царей, хотя касситские имена в царском роде и среди частных лиц встречаются в Вавилонии еще очень долго – вплоть до XI в. до н. э.[2] До тех пор, пока долина Диялы была в их руках, касситские цари Вавилонии могли продолжать поддерживать связь со своей горной родиной, и касситский этнический элемент мог еще сохраняться, не растворяясь в массе местного вавилонского населения. Начиная с XV в. ассирийцы стремятся проникнуть в область Аррапху (ныне Керкук), прикрывавшую подступы к Намару. В XIV в., после поражения, нанесенного касситскому дарю Назимаратташу ассирийским завоевателем Ададнерари I, между Ассирией и Вавилонией была проведена граница «от места напротив Пиласки (?) на том берегу Тигра (через) гору Арман (в) Угар-салли[3] до лулумеев»[4]. Это уже непосредственно угрожало долине Диялы; однако, несмотря на попытки ассирийцев проникнуть южнее, даже после падения касситской династии в XII в. этот район

[1] Если исключить часто встречающееся в касситском слово jaš – «страна», «земля», то в большинстве случаев это конечное-(a)š является, видимо, глагольным окончанием, как и в эламской, например: в прошедшем времени эламск. hutta.š – «сделал»», tiri.š – «сказал», talla.ša – «написал»; в повелительной форме: alpi.š– «убей!» и т. д. (также в собственных именах, где первый элемент – имя божества: эламск. Šimut-warla.š, Lila-irta.š, Hunpannuka.š, Temti-rapta.š, Kuk-kirwa.š, – вспомним, что большинство древневосточных имен собственных представляют собой целые предложения); значение окончаний -uš, -eš в кутийских личных и топонимических именах нам неясно. Уже из чисто хронологических соображений их нельзя связывать с индоевропейским окончанием именительного падежа -š, столь распространенным впоследствии в языках Авесты, персов и др. Не следует также привлекать для сравнения хурритские окончания -š и -še; первое из них является окончанием эргативного падежа, который, хотя и выражает подлежащее переходного глагола, все же ощущается в языке как косвенный, а потому, как правило, опускается при иноязычной передаче имен; второе – окончание имен абстрактных и частица, указывающая на придаточное предложение, чего здесь трудно ожидать.

[2] Последний вавилонский царь с касситским именем – Симмаш-Шиху, во второй половине XI в.; собственные имена частных лиц – касситов (Кашактиянзи, Улам-Хала и др.) упоминаются, например, в дарственной царя Мардукнадинаххе о начале XI в. (L. W. King. Babylonian Boundary Stones and Memorial-Tablets in the British Museum. London, 1912, № VIII, стр. 45 и сл.). Аккадские имена начинают встречаться в касситской царской дниастии с XIII в. до н. э.

[3] [al]Ar-ina-an A.GAR-sa-li – дословно «г. Арман (местности) Угар-салли». Этим дополнительным обозначением данный Арман отмечается как отличный от одноименного Армана (=Хольвана?) в горах, на одном из притоков Диялы. «Угар-салли» – дословно «нива» или «общинная территория» Саллу – так назывался район у впадения реки Адема в Тигр, находившийся на непосредственных подступах к устью Диялы.

[4] См. «Синхроническую историю» (KB, I, 1889, стр. 196, строка I, 23–31).

оставался за Вавилонией.[1] С другой стороны, у нас нет данных о владычестве касситских царей этого времени над широкой территорией в восточных горах, как это было во времена Агума II.

Касситские воины оставались в течение всего времени существования династии ее опорой; они образовывали даже своего рода военное сословие, которое, повидимому, продолжало называться «касситами» и тогда, когда в этническом отношении совершенно слилось с аккадцами-вавилонянами; по крайней мере мы слышим о вавилонских воинах-«касситах» еще и IX в. до н. э.[2] Касситские боги Шукамуна, Шималия и Кашшу (аккадск. kaššû–«кассит») пользовались почитанием также еще долгое время после падения касситской династии (около 1171 г. до н. э.).

Все перипетии внешней истории касситско-вавилонского государства Кар-Дуньяш – его сношения с Египтом и хеттами, его переменные успехи в борьбе с Ассирией и т. п. – относятся, собственно, к истории Вавилонии, и мы не будем на всем этом останавливаться. Нам остается сказать несколько слов о культуре касситов.

По всей вероятности, культуре горных племен касситов мы обязаны так называемой «луристанской бронзой».[3] Это бронзовые изделия, по-

Рис. 15. Часть большой бронзовой декоративной булавки (?) из Луристана. Середина II тысячелетия до н. э.

[1] См., например: L. W. King. Babylonian Boundary Stones. . ., № VII,стр. 37 и сл.

[2] Например: Анналы Ашшурнасирапала. III, 17 и сл.: AKA. стр. 351 –ARAB. 4, § 470.A.

[3] A. Codard. Les bronzes du Luristan. Paris, 1931. – SPA, I стр. 254 и сл. (статья Р.Дюссо). – Ph. Ackermann. The Luristan Bronzes. New York, 1940, и др. Впрочем, например, Аккерман колеблется признать луристанскую бронзу касситской.

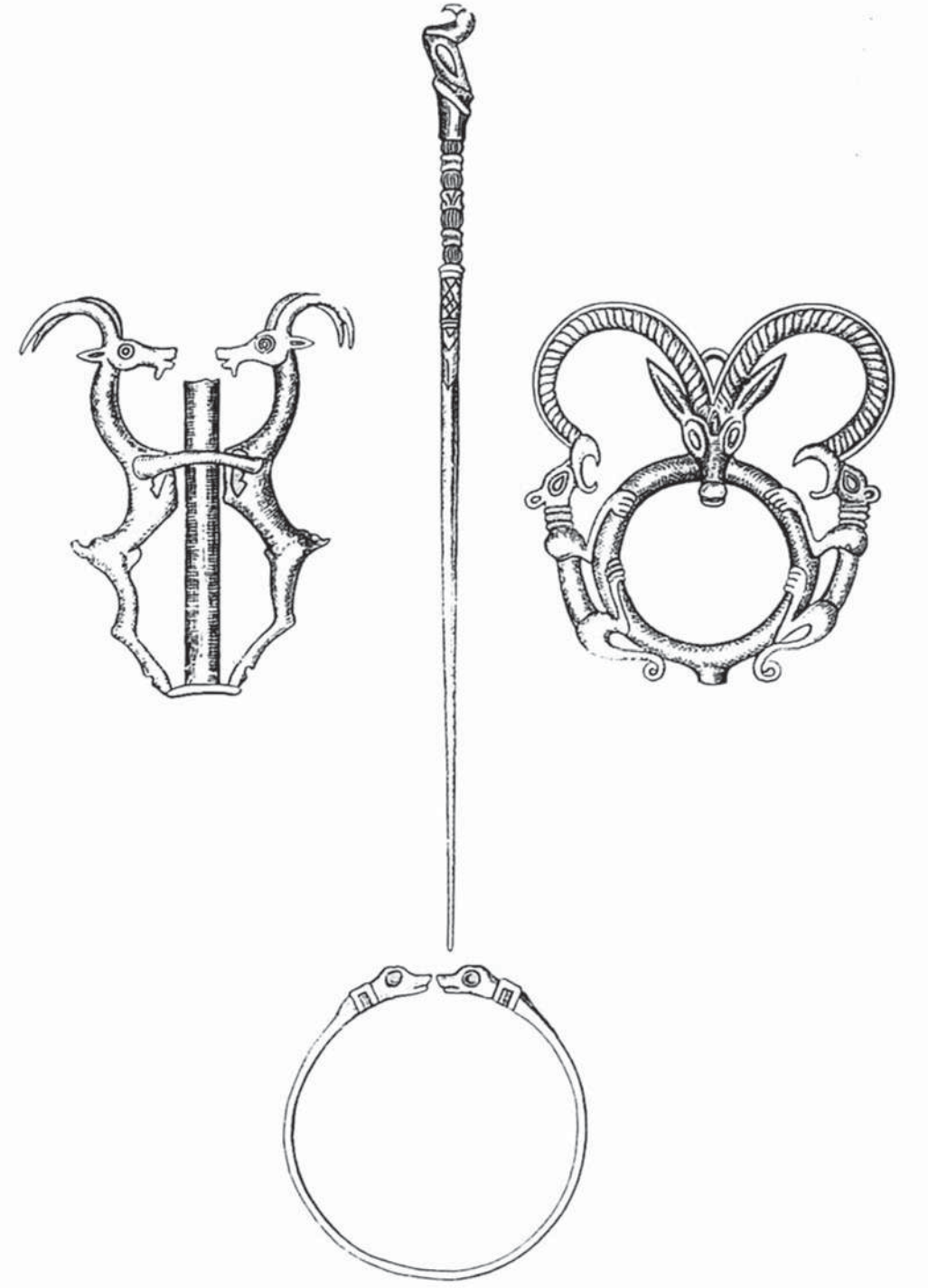

Рис. 16. Бронзовые изделия из Луристана. Середина II тысячелетия до н. э. Государственный Эрмитаж.

павшие в Европу почти исключительно из хищнических раскопок 20-х и начала 30-х годов нашего столетия в области Луристан в современном Иране, главным образом из района южнее города Харсин, на дороге из Керманшаха в Хурремабад. Когда луристанские находки привлекли внимание европейских археологов, оказалось, что почти все могильники уже были совершенно опустошены.[1] После длительных споров наукой было признано, что большинство памятников «луристанской бронзы» относится ко времени от середины II до начала I тысячелетия до н. э.

Большая часть вещей – это части конской упряжи: кольца для вожжей, удила со псалиями и т. п., затем также оружие, украшения и культовые предметы (магические жезлы и т. п.). Уже то обстоятельство, что луристанская упряжь – колесничная упряжь, указывает в основном на II тысячелетие до н. э. как на дату находок: в I тысячелетия до н. э. колесница в значительной мере выходит на боевого употребления. Повидимому, луристанская колесничная упряжь была однотипна по своему устройству с древней колесничной упряжью Передней Азии вообще и в частности – Шумера.

Наиболее интересная характерная черта луристанских изделии – сложная система украшений магического и мифологического содержания в виде стилизованных человеческих и звериных фигур (горные козлы пантеры, львы, быки, кони, крылатые грифоны и сфинксы и мн. др.). причудливо переплетающихся и сделанных с большим чувством

Рис. 17. Оттиск цилиндрической печати касситского времени.

формы. «Луристанская» бронза свидетельствует о большом мастерстве древних металлургов. Исключительный интерес представляет анализ отраженных и памятниках мифологических сюжетов. В то время как

[1] См., например: E. S c h m i d t. The Second Holmes Expedition to Luristan. Bull, of the American Institute for Iranian Art and Archaeology, V, 3, June 1938, стр. 205 и сл.

ряд из них имеет много аналогий в древнем Двуречье (например, сцены единоборства героя со зверьми), недавно было указано на то, что ряд сюжетов может быть связан со среднеазиатско-иранской мифологией, нашедшей отражение, в частности, в Авесте.

Некоторые черты касситской мифологии получили отражение также и камнерезном искусстве Вавилонии времен господства касситской династии. В это время на печатях вавилонян появляются излюбленные касситские мифологические символы и изображения: крест (символ солнца, встречающийся также на луристанской керамике и иногда – на бронзе), ромбовидный символ женского начала, крылатые грифоны и др.

Что касается религии касситов в том виде, как она представляется нам по письменным памятникам, то здесь мы знаем немного – главным образом собственные имена божеств. Это бог Кашшу (так это имя звучало по-аккадски, касситская форма нам не известна),[1] повидимому, племенной бог-предок касситов,[2] затем Шималия, богиня горных вершин,[3] иначе называемая Шибарру; бог Шукамуна, или Шуму,[4] – божество подземного огня[5] и покровитель царской династии. Высоко

[1] Быть может, с Кашшу надо отождествить бога Дуньяш?

[2] Возможно, что в Вавилонии богу Кашшу («Касситу») придавалась супруга с именем Кашшиту («касситка»), см.: F. Delitzsch. Die Sprache der Kossaer. стр. 51, прим. 1. Эта богиня пользовалась культом в Уруке и, по мнению Даймеля, тождественна с богиней опьяняющего напитка Гештинной: A. Deimel. Pantheon Babyloniacum. Roma, 1914, №№ 478 и 1687.

[3] L. W. King. Babylonian Boundary Stones. . ., № VI, II, стк. 46 и сл.; Шималия (Шумалия) была, повидимому, супругой Шукамуны; странным образом в известном лексикологическом тексте, посвященном истолкованию неаккадских имен царей, II R, 44 (ср.: F.Delitzsch. Die Sprache der Kossaer, стр. 19 и сл.), «Шималия» трактуется как аккадский эквивалент касситского «Шибарру», и также «Шукамуна» – как аккадский эквивалент касситского «Шуму» (вместо «Шугаб»?); может быть, речь идет о двух касситских диалектах – равнинном и горном. Неаккадский и вообще несемитский характер имен «Шималия» и «Шукамуна», с точки зрения ассириологии, очевиден. В иммунитетной грамоте Навуходоносора I (L.W. King, там же) богиня Шималия, покровительница Намара, названа «владычицей светлых гор, обитающей на высотах, попирающей вершины».

[4] Форма Šugab, приводимая касситско-аккадским словариком (F.Delitzsch. Die Sprache der Kossaer, стр. 25, строка 12) наряду с Šugamuna (в текстах чаще Šukamuna) – вероятно, диалектная разновидность этого последнего. Об имени Šumu см. предыдущее примечании.

[5] В касситско-аккадском словарике Šugab объяснен как «бог Нергал», а Šugamuna – как «бог Нергал-Нуску». Нергал – в шумеро-аккадской мифологии царь подземного мира мертвых, бог смерти и войны; его тотемическое животное –лев, Нуску – бог огня, «везирь» верховного бога Энлиля, его символ – светильник (см.: A. Jeremias. Handbuch der altorientalischen Geisteskultur. Berlin–Leipzig, 1929. стр. 378, 383 и сл.). Отсюда наше толкование Шукамуны как бога подземного огня. Но что под этим имеется в виду? Быть может, горячие пары нефти, которая хотя и не известна в настоящее время в Луристане, но добы-

чтимыми божествами были Харбе и Шиху, отождествленные с вавилонскими Энлилем, царем богов и божеством земли, и Мардуком, богом Вавилонского государства.[1] Оба имени, может быть, принадлежали одному и тому же божеству. Божество солнца называлось Сах, или Шурияш: последнее имя – либо эпитет, либо, как полагают некоторые, индоевропейское имя солнечного божества, проникшее к касситам. Таково же соотношение между именами «Хутха»[2] и «Убрияш» (Бурияш) – двумя названиями божества дождя и грома, а также между именами «Гидар» и «Маратташ» (Маруташ) – двумя названиями божества войны.[3] Как божеств плодородия надо рассматривать бога Камулла и богиню Миризир,[4] а также бога Дур.[5] Божеством-покровителем царского рода был Иммирия.[6]

Рис. 18. Расписной сосуд из Луристана. Конец II–начало I тысячелетия до н. э.

Касситский пантеон совершенно отличен от эламского,[7] и точно так же в кутийских именах, часть которых несомненно должна была быть

вается «в окрестных областях – и Керкуке, древней Арраихе и в Хузистане – древнем Эламе. Нефть была хорошо известна в Вавилонии; самый термин через арабск. naft и арамейск. *naphtā – восходит к аккадск. naptu – «нефть» (от napâtu – «светиться», «возгораться»), дословно «горючее (масло)». Шукамуна отождествлялся также с одной из ипостасей бога Мардука (A. D e i m e l. Pantheon Babyloniacum, № 3176).

[1] Отождествление Harbe = Enlil и Šiḫu – Marduk основано на толковании имен V R, 44, но в касситско-аккадском словарике с Мардуком (или Ададом – в ипостаси ^{d}Šuš-diri(g)-ja) сопоставлено божество Шугурра, а Ši[hu(?)] сопоставлен с богом луны.

[2] Hu-UD-ḫa; точное чтение не известно, так как знак UD многозначен: он имеет значения ud, uṭ, ut, tú, tam, par, pir, laḫ, liḫ, ḫis, hiš, hiz и др.; однако в данной комбинации можно скорее всего ожидать лишь значении ud (uṭ, ul) или laḫ (liḫ). Чтение Ubrijaš принадлежит касситско-аккадскому словарику; равенство Burijaš=dAdad (бог дождя и грома) следует из текста II R, 65, № 2 и других источников.

[3] См. касситско-аккадский словарик: F. D e l i t z s c h, ук. соч., стр. 25. При «индоевропейской» теории для объяснения имен Šurijaš, Burijaš и Bugaš можно было бы и имя Marattaš (Marutaš) отождествить с индийскими марутами – божествами ветра, воинами Индры.

[4] Камулла отождествлялся с вавилонским Эа, богом земных вод и мудрости. Миризир – с богиней-матерью Нинлиль, супругой Энлиля; подробнее о ней см.: F. D e l i t z s c h, ук. соч., стр. 53.

[5] Дур подобно Шугабу переводится касситско-аккадским словариком как «Нергал»; возможно, его также нужно отождествлять с Шугабом и Шукамуной.

[6] Mem., Del. en Perse, X, стр. 85.

[7] Ср., однако, эламское божество Тиру, быть может соответствующие касситскому богу Дур (Mem., Del. en Perse, V, стр. 37, № 75, строка 15; XI, стр. 21 и сл., №92, лиц. I, 9); эламск. божество Хурби=касс. Харбе (Договор Нарам-Суэна с эламскими царями: Mem., Del. en Perse, XI, № LXXXVIII, I, 15) и др.

теофорными (т. е. содержащими наименование божества), не заметно элементов, которые можно было бы отождествить с именами касситских божеств. В этом, впрочем, нет ничего удивительного: в условиях племенного строя общие религиозные представления (мифология) и культовые обряды характерны, как известно, именно для племени,[1] а у соседних племен могли быть часто совершенно другие божества, хотя мифы, связанные с ними, могли быть очень сходными, почти тождественными, так как вызывались одинаковыми природными, социальными и культурными условиями, в которых жили эти племена.

6. Походы ассирийцев и эламитов во II тысячелетии до н. э.

За то время, как создалась, возвысилось и пало касситское царство, дальше к северу, в глубину луллубейско-кутийской территории, не раз проникали ассирийские цари. Данные об их походах очень скудны; мы можем судить о них по тому только, что некоторые из ассирийских царей называют себя «победителями кутиев».[2] Этих данных достаточно

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. ОГИЗ–Госполитиздат, 1949, стр. 94.

[2] Так, упоминавшийся уже выше (стр. 144) Ададнерари I называет себя «истребителем мощных племен (или «воинов») касситов (=Вавилонии), кутиев, луллумеев и шубарейцев (=Митанни)» и говорит о своем отце Арикденилу (начало XIV в. до н. э.), что он покорил «(страну) Турукки и Нигимхи до пределов ее, всех правителей гор и холмов обширных пределов кутиев», а также «(страну) Кутмухи и всех ее союзников» и т. д.; Кутмухи – это верхняя часть долины Тигра; Нигимхи (название хурритское) и Турукки следует искать к востоку от Ассирии; далее, Салманасар I (XIII в. до н. э.) также упоминает о своей победе над кутиями (см. об этом выше, стр. 143, прим. 5). Наконец, Тукульти-Нинурта I в середине XIII в. (последний ассирийский царь, надписи которого упоминают о кутиях как о реальных племенах) называет себя «царем вселенной, царем Ассирии, царем четырех стран света. . . царем Кар-Дуньяша (он временно овладел было касситской Вавилонией, – *И. Д.*), царем Шумера и Аккада, царем моря Верхнего и Нижнего, царем шубарейцев (=Митанни) и кутиев и всех стран Нанри». Он сообщает также, что в первый (неполный) год его правления его «рука покорила кутиев, укуманиев, страны Элхуниа, Шарнида и Мехри» и что он ежегодно получал дань с этих стран в своей столице – Ашшуре. Об укуманиях, упомянутых здесь, мы знаем, что они жили в долине реки Большой Заб; локализация остальных терминов неясна, но, несомненно, «страны» Элхунна, Шарнида и Мехри – имея в виду, какие маленькие территории ассирийцы в это время именовали «странами» (насчитывая, например, на одном Армянском нагорье около 80) – составляли лишь небольшую часть территории кутиев. Кроме того, Тукульти-Нинурта перечисляет в одной из надписей еще целый ряд «стран», не поддающихся локализации, часть из которых, возможно, относится к территории кутиев. См.: АВИУ, стр. 269 и прим. 11. После Тукульти-Нинурты I Ассирия испытала временный упадок и надолго потеряла всякое влияние в горах Загроса. Цитируемые документы, изданные в КАН, I–II, собраны в АВИУ, стр. 265 и сл.

лишь для того, чтобы определить, что термин «кутии» в течение II тысячелетия до н. э. оставался еще реальным этническим термином, обозначавшим племена, жившие к северо-востоку и востоку от Ассирии. Так или иначе, ассирийцы во II тысячелетии совершали лишь отдельные набеги на горы, населенные кутиями, луллубеями и т. д., и не пытались закрепить там свою власть.

В конце II тысячелетия начинаются завоевательные походы царей еще одного рабовладельческого государства – Элама, и мы получаем еще одну серию источников по истории будущей территории Мидии – эламские надписи. К сожалению, мы до сих пор еще не особенно хорошо понимаем одноязычные эламские тексты; все же в общих чертах ход событий ясен.

Создание государства в Эламе, одном из древнейших обществ, основанных технически на ирригационно-речном земледелии, восходит, как уже упоминалось, еще к первой половине или к середине III тысячелетия до н. э.; эламиты неоднократно оказывались для Шумера и Аккада опасными и беспокойными соседями. Так, эламиты приняли активное участие в разрушении государства III династии Ура около 2000 г. до н. э., а позже, в XIX в. до н. э., правитель одной из окраинных областей Элама, Кутурмапук, сумел посадить своих сыновей (сначала Варад-Сина, а затем Рим-Сина) на престол сильнейшего из царств Двуречья – царства Ларсы, завоеванного впоследствии Хаммураби. Приблизительно одновременно с консолидацией касситского царства в Вавилонии аналогичный процесс происходит и в Эламе; к середине II тысячелетия до н. э. Элам представлял могущественную державу. Уже в XIV в. до н. э. эламские цари делали попытки захватить Вавилонию, и то время как касситские пытались захватить Элам; но основные завоевания эламитов падают на XII в. до н. э. – правление царей Шутрук-Наххунте I и Шильхак-Иншушинака.

Шутрук-Наххунте I нанес решающее поражение касситской Вавилонии (около 1175 г. до н. э.), за которым там последовала смена династии. Но о его военных деяниях мы знаем не столько из его собственных надписей, сколько по похищенным им и свезенным в Сузы различным памятникам вавилонской письменности и культуры.[1] Нам известно, что он нанес поражение городу Ашнуннаку («Ишнунуку») у устья Диялы, который имел теперь уже отдельного царя;[2] кроме того, он добывал со своими войсками в горном Падане, ранее находившемся в касситских

[1] В том числе стела Нарам-Суэна, стела с законами Хаммураби и мн. др.

[2] Упомянуто Шейлем: Mem.. Del. en Perse, V, стр. XV.

руках.[1] Поводимому, он парализовал продвижение ассирийского царя Ашшурдана I в этот же район. Надписи Шутрук-Наххунте I[2] упоминают также горы Хашмар, находившиеся за пределами касситской территории,[3] и Каринташ – возможно, современный город Карнид.[4]

Шильхак-Иншушинак (около 1165–1151 гг. до н. э.) – второй сын Шутрук-Наххунте I – совершил ряд походов в сторону Загроса и Ассирии, что означало овладение долинами Диялы и Адема;[5] однако эламитам не удалось закрепиться в этих местах надолго. Новому вавилонскому царю Навуходоносору I удалось разбить следующего эламского царя на берегах реки Керхи и, повидимому, снова завладеть долиной Диялы вплоть до Хашмара, так как до нас дошел документ, в котором Навуходоносор освобождает расположенные в Намаре земли своего полководца Ритти-Мардука из касситского (?) рода Карзиябку от всех повинностей,[6] а несколько позже мы видим на престоле Вавилонии некоего Эамукинзери, происходящего из Хашмара.[7]

Навуходоносор I сообщает также о своей победе над луллубеями и касситами.

---

[1] Отсюда происходит дарственная на землю одного из касситских царей (Каштилиаша III) митаннийскому беженцу Агабтахе (Mem., Del. en Perse, II, стр. 95). Ср. область Бит-Милишху (по имени касситского цари Мелишиху) в перечне покоренных областей у Шильхак-Иншушинака.

[2] Mem., Del. en Perse, V, стр. 16, № LXX, II, 13.

[3] «Перевал Хашмар» ограничивал страну Замуа на востоке, как «перевал Бабите» – на западе, и находился недалеко от дороги от Нижнего Заба к Намару, а впоследствии, в VIII в.до н. э., был одной из границ обитания мидян. Отсюда следует, как мы увидим ниже, что Хашмар нужно искать где-либо на водоразделе между Диялой и Кызыл-узеном или между Диялой и Керхой. Слово ḫašmar упоминается в касситско-аккадском словарике, как касситское в значении «сокол» (аккадск. kasûsu, см.: A. Deimel. Akkadisch-Šumerisches Clossar. Rom, 1937, s. v.).

[4] Mem., Del. en Perse, IV, 163 и сл. – G. G. Cameron, ук. соч., стр. 109.

[5] В числе захваченных им населенных пунктов надпись Шильхак-Иншушинака (Mem., Del, en Perse, XI, стр. 35–40) упоминает Угар-салли (→ú-ká-ur-si-il-la-am) у устья Адема, Ялман, горы Эбех, Мадгу (Туз Хурматлы), Аррапху (Керкук), Нузу, «мост через Заб (?)» (ti-tú-[ur-ru ša narZa-ba-an(?)]). поселение с кутийским (?) названием «Муратташ», завоеванное позднее Тиглатналасаром I, а также множество мельчайших поселений, названных по именам владельцев или их родоначальников, с характерными для этой местности названиями, начинающимися на Bît- – «дом», например, упоминаемые и в I тысячелетии до н. э. Бит-Иштар и Бит-Таззакки (в эламском тексте pi-it-), Dunnu- и Dimtu «башня», «усадьба» (в эламском тексте tu-un-ni-, ti-in-tu-). В другой надписи упоминается постройка храма в ассирийском городе Экаллате (Mem., Del. en Perse, V, стр. 20 и сл., № 71).

[6] L. W. King. Babylonian Boundary Stones. . ., № VI, ср. № VII. – F. Thureau-Dangin. Notes assyriologiques. RA, X, J913, стр. 97.

[7] L. W. King. Chronicles concerning Early Babylonian Kings, II. London, 1907. стр. 52 и 145. Имя – аккадское.

XI век был веком наибольшего до тех пор возвышения Ассирии: царь Тиглатпаласар I овладевает в это время Вавилонией, которая надолго после этого выходит из строя в качестве великой державы; но и в Эламе нам в течение долгого времени неизвестны цари-завоеватели. А так как к концу XI в. и сама Ассирия в результате борьбы с наступающими из Сирийской степи кочевниками-арамеями и еще в большей мере в результате тяжелого внутреннего социального положения испытывает значительное ослабление, то на несколько столетий завоевательные походы и набеги, с разных сторон направлявшиеся до сих пор в горы будущей Мидии, прекращаются. Внутренние процессы развития общества в этой области идут тем временем своим чередом, и к началу I тысячелетия общество вступает в новую эпоху – начинается период классообразования и создания рабовладельческого общества – процесс, уже и ранее, как мы видели, затронувший наши V, VI и VII районы.

Начальные этапы этого периода – по той самой причине, что походы царей рабовладельческих государств в горы Загроса в это время прекратились – к сожалению, не освещены никакими письменными источниками, так как единственные наши источники – это описания походов. Мы вынуждены начать следующую главу истории Мидии почти тремя столетиями позже – с IX в. до н. э. Поэтому правомерно будет подвести некоторые итоги и посмотреть, в каком положении, в смысле этнического состава населения, развития производительных сил и уровня производственных отношений, застает будущую Мидию конец II тысячелетия до н. э.

7. Этнический состав населения Мидии около 1000 г. до н. э.

Этнический состав населения Мидии, по крайней мере западной, для этого времени нам достаточно ясен. Хотя отдельные этнические термины могли изменяться, но у нас нет данных о значительных перемещениях этнических масс и мы имеем право считать состав населения в целом неизменным с III по начало I тысячелетия. Это население на всем протяжении от района озера Урмии (включая, вероятно, отдельные этнические островки по направлению к озеру Ван[1]) до верховьев Диялы было к у т и й с к о - л у л л у б е й с к и м, причем, вероятно, луллубеи располагались полосой в более западных, а кутии – в более восточных районах.[2] В качестве третьего этнического элемента можно предполагать,

[1] См. выше, стр. 143, прим. 5.

[2] По крайней мере III, V и VI районы нашей классификации (см. выше, стр. 97 и сл.),

на той же приблизительно территории, мехранцев.[1] Юго-западные районы – верховья Диялы и верховья Керхи – были заняты касситским этническим элементом.[2] К касситско-эламской группе принадлежали, вероятно, и обитатели приморской полосы, которых античные авторы позже именовали каспиями, и др.

Наконец, возможно, что в некоторых из районов, прилегавших к Урмийскому озеру (особенно с запада и с севера), а также кое-где в западных долинах Загроса имелся и хурритский этнический элемент.[3]

т. е. наиболее западные, по ясным указаниям ассирийских текстов I тысячелетия, были заняты именно луллубеями.

[1] Надписи Тукульти-Нинурты I упоминают страну Мехри (тексты КАН II, №№ 58, 60, 61; СТ, XXXVI, №№ 8–12 = АВИУ, №№ 3, 6В, стр. 267 и сл.; позже,уже в VII в. до н. э., упоминается, что какая-то часть населения западной Мидии говорила по-«мехрански» (см. об этом ниже). Пожалуй, было бы рискованно связывать термин mehri, mehrâni с самоназванием аварцев Дагестана – ma'ar, ma'arulal, хотя передача в аккадском звука ' с помощью ḫ является вполне закономерной, равно как и переход a>e перед ḫ.

[2] К луллубейскому, кутийскому или мехранскому языку следует отнести извлеченные из топонимических названий термины -lar – «гора» (почти несомненно луллубейский) и kin-, gin-, kingi- – «крепость», «поселение (?)», а также эламское (заимствованное?) kutu – «лошадь (?)».

[3] Для III и II тысячелетий до н. э., о которых собственно и шла речь до сих пор, у нас нет никаких данных о хурритах на рассматриваемой нами территории; наиболее восточные точки, где они в это время зарегистрированы, – это район Керкука (Аррапха, Нузу) и средняя часть долины Диялы (Навар-Намар). Совершенно неубедительной следует признать попытку С. П. Толстова (По следам древне-хорезмийской цивилизации. М.–Л., 1948, стр. 80) связать хурритов с термином «Хорезм», что якобы означает «земля хурритов»: термин Hvārizem (так в Авесте, Яшт X, 14; в позднем I фаргарде Видевдата иначе; др.-перс. (H)uvārazmi-) имеет очень отдаленное внешнее сходство с наименованием–хурритов; большее, но тоже случайное – с названием латышской Курляндии – Kurzeme; наилучшая этимология дана Гейгером (W. G e i g e r. Ostirānische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882, стр. 29): он производит Hvārizem от hvāra— «пища» и переводит этот термин как «плодородная земля». Возможна также этимология от hvar- – «солнце». Во всяком случае, для того, чтобы противопоставить существующим этимологиям названия «Хорезм» действительно более убедительную, нужно эту этимологию обосновать вескими аргументами.

Хотя нет прямых указаний, восходящих к III и II тысячелетиям до н. э., о хурритском этническом элементе на будущей территории Мидии, делались попытки этимологизировать некоторые собственные имена I тысячелетия и приурмийском районе из хурритского. Кроме того, матиены – народность, по имени которой озеро Урмия обозначалось античными писателями как озеро Матиена или Мантиана, – были, вероятно, хурритами. Термин matiēnoi давно уже сопоставляют с Mitanni (варианты: Mitāni, Maitēni), – название государства хурритов в Месопотамии II тысячелетия до н. э. Само сходство этих имен не является доказательством, но ряд соображений заставляет нас и независимо от сходства названий отождествлять матиенов с хурритами. При всем том, имея в виду ясные указания ассирийских источников, что южная приурмийская равнина входила в состав л у л л у б е й с к о й страны Замуа, и тот факт, что луллубеи этнически в корне отличались от хуррито-урартских племен, следует полагать, что матиены–хурриты населяли только западные к северные побережья озера Урмии.

Сколько-нибудь достоверные данные о языках этих народов мы имеем только для эламитов и хурритов.

В начале I тысячелетия, как мы увидим ниже, на востоке Мидии наблюдается еще один, совершенно новый языковой и этнический элемент – и р а н с к и й, происходящий, видимо, из Средней Азии.

Приблизительное расселение этнических групп в начале I тысячелетия до н. э.

Данные о степени развития производительных сил у всех этих племен имеются у нас довольно скудные. Однако мы можем с уверенностью сказать, что у них было весьма развито скотоводство (особенно

коневодство) и на склонах гор – земледелие,[1] что они хорошо освоили металлургию бронзы, но что железо начало проникать сюда только в начале I тысячелетия (как, впрочем, и в большинстве других районов Передней Азии): кремневые орудия еще не вышли из употребления (кремневые наконечники стрел на Тепе-Хисаре).

О социальном строе этих племен можно строить более или менее вероятные предположения. Степень экономического развития их была несомненно неравной. Наибольшего развития достигли луллубеи, издавна соприкасавшиеся с районами, где уже сложились классовые отношения. Уже в IX в. ассирийские источники сообщают о наличии у них высокоразвитого ремесла (металлургии), предполагающего достаточно старую традицию его развития. Эти же источники указывают на наличие земледелия у луллубеев. Среди западных луллубеев было сильно влияние вавилоно-ассирийской культуры и языка; многие лица носили здесь издавна аккадские собственные имена.[2]

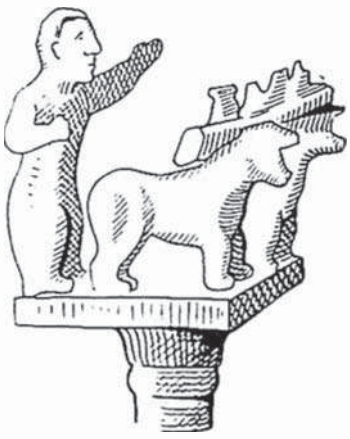

Рис. 19. Пахота на быках. Неоконченное скульптурное навершие магического жезла. Медь или бронза. Тепе-Хисар, ок. 2000 г. до н. э.

В силу своей тесной связи с Вавилонией на относительно высоком уровне развития стояли и более передовые из касситских племен: и у них, вероятно, началось сложение классов. Следует, впрочем, отметить, что если так называемая «луристанская бронза» действительно принадлежит касситам, то влияние вавилонской культуры на них не следует преувеличивать, так как памятники «луристанского» искусства удивительно самобытны.

Что касается кутиев, то их самостоятельное существование более не засвидетельствовано памятниками I тысячелетия до н. э. Однако следует отметить, что ассирийские источники этого времени обычно дают указание на дробные политико-географические единицы, но, как правило, опускают указание на более широкую племенную принадлежность населении упоминаемых ими местностей, за исключением тех случаев, когда они имели дело с кочевниками или когда племенная структура уж слишком ясно бросалась в глаза и имела важное полити-

[1] См. статуэтку быков, впряженных в плуг на «жезле начальника», найденном в III слое Тепе-Хисара.

[2] Анубанини – в третьем тысячелетии. Нур-Адад – в первом, и др.

ческое значение. Все же характерно, что ассирийские источники упоминают, например, лишь в целом индийский союз – madâi, но не отдельные племена мидян, названия которых известны нам уже только от Геродота. Сам мидийский племенной союз появляется в источниках лишь во второй половине IX в. и локализуется в это время, как мы увидим, на востоке будущей Мидии и отчасти в центральной Мидии. В более западных областях упоминаются отдельные мелкие округа или даже только населенные пункты, а именно – там, где для населения, по-видимому, ведущее значение начинало приобретать территориальное

Рис. 20. Фигурный сосуд из Ровандуза (у западных рубежей Мидии). Ок. 1000 г. до н. э.

Рис. 21. Фигурный сосуд из Зинне (Манна). Начало I тысячилетия до н. э.

(а не племенное) деление, что, как известно, свидетельствует о сложении классового общества.

В северо-западных – кутийско-хурритских – районах первые признаки классового расслоения наблюдались, как мы помним, уже раньше (судя по данным могильника из Гёй-тепе); к описываемому сейчас времени развитие рабовладения зашло уже далеко: так, в погребении типа каменного ящика из слоя «B» на Гёй-тепе, относящемуся, вероятно, уже к началу I тысячелетия до н. э., найдено целых 12 скелетов, по всей вероятности, в большинстве – рабов.[1]

Распространение некоторых типов изделий (например, появляющихся в это время на широкой территории «чайниковидных» сосудов, сердоликовых бус и т. п.) говорит о все большем развитии межплеменных

[1] См.: T. Burton Brown, ук. соч. Ср. аналогичные погребения приблизительно того же времени из Карабаха и Армении: Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 58. Браун находит также связь между слоями «C» и «B» Гёй-тепе и культурой Кизилванка в Закавказье, близ Нахичевани.

сношений; однако признаков завершившегося уже разделения труда между ремесленниками и земледельцами внутри отдельных племен – необходимой предпосылки возникновения элементов товарности и резкого имущественного расслоения – пока не замечается; имущественное расслоение происходит пока только по первичным линиям использования неравномерностей земледельческого и скотоводческого производства.

Повидимому, второе общественное разделение труда (отделение ремесла от земледелия), обычно предшествующее возникновению классового общества, в большинстве районов еще только намечалось. Если металлургия Луристана (которой пока нет соответствующих аналогий из других частей Мидии) свидетельствует о профессионализации в этой области ремесла, то, с другой стороны, например, гончарный круг – необходимая принадлежность самостоятельно существующего гончарного ремесла – еще не получил всеобщего применения.

Мы не очень ошибемся, если скажем, что к концу II–началу I тысячелетия до н. э. в западной Мидии общество было на пороге создания классовых отношений; в наиболеее развитых районах они уже сложились или слагались; в горных и других более отсталых районах они только намечались или вообще еще господствовал первобытно-общинный строй. Что касается восточной Мидии, то о ней до конца IX в. до н. э. у нас почти совершенно нет данных (если не считать раскопок Тепе-Хисара за пределами Мидии в узком смысле этого термина), но по аналогии с позднейшим временем мы можем предположить, что эта область была значительно более отсталой по сравнению с западной, и в ней, следовательно, должны были еще полностью господствовать первобытно-общинные социальные отношения.

Тем не менее и здесь в отдельных районах развивалось земледелие, причем не только примитивное мотыжное, но, еще с III тысячелетия до н. э., и плужное, с упряжным скотом; археологические находки свидетельствуют; об усовершенствовании оборонительного и наступательного оружия (медные кинжалы, наконечники копий, шлемы) и о расширении межплеменного обмена (находки янтаря, сердолика, бирюзы, лазурита, серпентина, халцедона). В могильниках выделяются крупные погребения вождей среди мелких рядовых могил, что свидетельствует о начавшемся имущественном расслоении.

Глава II

ПЕРИОД СЛОЖЕНИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ НА ТЕРРИТОРИИ МИДИИ

1. Манна и Мидийский племенной союз

После пробела в триста лет мы получаем вновь известия о будущей территории Мидии начиная с IX в. до н. э. Вопреки распространенному мнению об исключительной скудости источников по истории Мидии, ассирийских источников IX–VII вв. до н. э. вполне достаточно, чтобы реконструировать историю Мидии этого времени не только в общих чертах, но и в главнейших частностях.[1]

Среди государственных образований, впервые слагающихся на будущей территории Мидии в тот период, к рассмотрению которого мы приступаем, ведущая роль принадлежала вначале мелким государствам луллубейско-кутийской области Замуа. Позже, как мы увидим, среди них на первое место выдвинулось государство Манна, центр которого находился в нынешнем Иранском Азербайджане, на равнине к югу от озера Урмия. Государство Манна, начиная с VIII в. до н. э., нередко вступало в борьбу с Ассирией и Урарту и не было по-настоящему по-

[1] Трудность заключается в том, что при чтении этих источников читателя запутывают многие десятки, если не сотни, мелких и мельчайших топонимических названий. Совершенно ясно, что, не разобравшись в географии ассирийских походов, невозможно ни понять их смысл и значение, ни понять характер этнической, политической, а в конечном счете и социально-экономической ситуации в Мидии этого времени. Между тем, при некоторой затрате сил и времени в данных ассирийских источников разобраться вполне возможно. Эти источники почти всегда приводят маршруты походов, а это дает возможность установить взаимное соотношение отдельных упоминаемых текстом областей; в сочетании же со знанием физической географии – положения долин, горных хребтов и перевалов – это дает полную возможность локализовать ассирийские походы, а тем самым раскрыть их значение. Поэтому все последующее следует рассматривать, держа в памяти деление территории Мидии на естественные районы, приведенные выше, в последнем разделе введения.

беждено ни одной из этих держав; однако оно известно значительно менее, чем другие крупные государства того же времени – Урарту, Элам, Фригия. Это объясняется главным образом тем, что до нас не дошло пока наскальных или иных надписей маннейских царей, подобных надписям царей урартских: ни один из маннейских городов не раскопан; все сведения об этом государстве мы вынуждены черпать из ассирийских и урартских анналов, которые рисуют нам государство Манна в периоды ассирийских или урартских побед (часто сильно преувеличенных), т. е. в периоды маннейских неудач и поражений.[1]

Все же и имеющиеся источники позволяют реконструировать до известной степени историю Манны – весьма интересного государственного образования, сыгравшего, как мы увидим, далеко не последнюю

Рис. 22. Типы мидян и маннеев. С ассирийского рельефа в Дур-Ширрукине. Конец VIII в. до н. э.

роль в истории Востока I тысячелетия до н. э. Страна Манна явилась впоследствии культурным и экономическим ядром Мидийской державы VI в. до н. э.

Но в самом начале I тысячелетия до н. э. Манна, тогда еще бывшая одним из мельчайших луллубейско-кутийских государственных обра-

[1] Так и об Урарту, его силе, значения и протяжении его границ мы почти совершенно не имели бы представлении, если бы урартские цари не оставляли на скалах надписей с сообщением о своих победах и строительстве. Другой характерный пример – Хеттское царство в Малой Азии, одна из крупнейших держав древнего Востока. До находки ее государственного архива господствовало мнение, на основании египетских известий, что это было небольшое царство. . . в Сирии.

зований, существовала отдельно от племенного союза, уже сложившегося к IX в. до н. э. в более южных и юго-восточных районах и носившего название мидийского.

О том, какие племена входили и состав этого племенного союза, мы не узнаем из ассирийских источников, которые часто игнорируют племенное деление в районах, где проходили описываемые ими походы. Они упоминают только «мидян» как целое,[1] хотя их территория и была разбита на мелкие независимые и подробно перечисляемые ассирийскими источниками области. Такой характер упоминания мидян, а также постоянно применяемый к ним эпитет «сильные» показывает, что мидий-

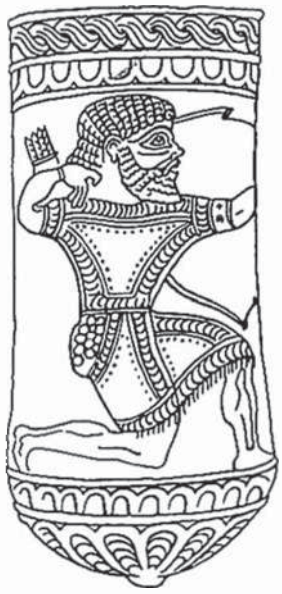

Рис. 23. Маннейский стрелок. Изображение на бронзовой ситуле. VIII в. до н. э. (?).

Рис 24. Маннейский музыкант в вавилонской одежде. Изображение на бронзовой ситуле. VIII в. до н. э. (?).

Рис. 25. Маннейский царь в ассирийском наряде. Изображение на бронзовой ситуле. VIII в. до н. э. (?).

ский племенной союз в своей совокупности представлял собой фактор, который ассирийцы вынуждены были учитывать. Именно это обстоя-

[1] Восходящее к Прашеку (J. v. Prasek. Ceschichte der Meder u. Perser, I. Gotha, 1906, стр. 17) разделение мидян на отдельные группы «сильных мидян» (madâi dannûti), «далеких мидян» (madâi rûkûti) и тому подобные, на основе применения к ним в ассирийских текстах разных эпитетов, но оправдывается анализом текстов. Например, нет такого случая, когда указывалось бы в анналах, что ассирийские войска прошли бы, скажем, из страны «сильных мидян» в страну «далеких мидян». Между тем, только контексты такого рода способны доказать, что это – разные вещи.

тельство и заставляет нас считать несомненным существование племенного союза мидян. «Сила» их была именно в существовании племенного союза, так как экономически они не были особо могущественны.

Но все племена Мидии входили в состав мидийского племенного союза и соответственно этому не все носят у ассирийцев название «мидян» («Мадай»). Объем этого термина вообще колеблется в довольно значительных пределах, что, видимо, соответствует колебаниям в реальном племенном составе союза. При этом факт включения или невключения территории того или иного племени в состав понятия «Мадай» не имеет определяющего значения для суждения об этнической принадлежности племени.

Для того чтобы определить названия племен, входивших в состав мидийского племенного союза, мы должны прибегнуть к авторитету Геродота, который сообщает (I, 101), что мидяне делились на шесть племен – бусов, паретакенов, струхатов, аризантов, будиев и магов (bousai, parētakēnoi, stroukhates, arizantoi, boudioi, magoi). Из них одно племя,

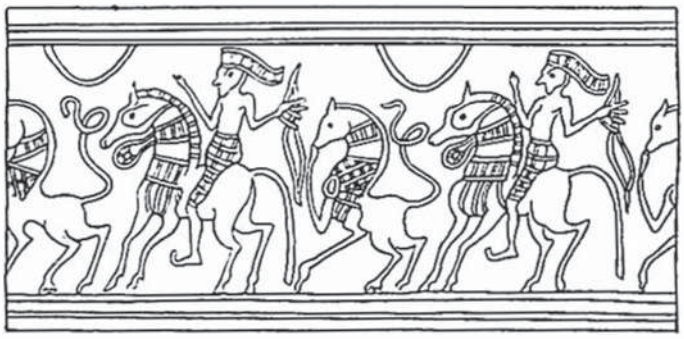

Рис. 26. Мидийские конники-аризанты или паретакены. Оттиск цилиндрической печати из Тепе-Сиялка (Паретакена). Начало I тысячелетия до н. э.

а именно паретакены, обитавшие в районе современного Исфахана и далее на восток,[1] имеет название с хорошей иранской этимологией,[2]

[1] На границе Мидии и Персии; центром Паретакены был город Габы (Gabai, ошибочно Tabai у Полибия: XXXI, 11; у парфян С 'В, Gay сасанидского времени, в 3–5 км к востоку от Исфахана; см.: W. B. Henning. Gabae. Asia Major, N. S., II, pt. 1, 1951, стр. 144). Кроме как у Геродота, Паретакена (Paraitakēnē) упоминается и у других античных авторов, например: Strabo, XI, 13, 6 и др.; Arr. Arab. III, 19, 2; Curt., V, 13, 2.

[2] Наилучшую этимологию дал Маркварт (J. Marquart. Ērānšahr nach der Geographie des Moses Xorenac't. Berlin, 1901, стр. 28): para-ita-ka–«омываемая (рекой область)», как совр. перс, rūdbār. Другие возможные этимологии: para-taka- «бегущие впереди»+окончание -ān- или окончание прилагательного местности -kān- (ср. аккадск. Partakka); или pariy-taka- с подобным же значением. Термин сохранился в долине реки Заенде-руд до сих пор (в форме Ферейдан). Вероятно, иранскую этимологию имеет и название племени

встречающееся также и в Средней Азии.[1] Паретакены стояли, видимо, особняком от остальных мидян и не всегда к ним причислялись.[2] Что касается названий прочих мидийских племен, то из них ясную иранскую этимологию имеет только одно – аризанты. В самом деле, это, очевидно, иранское arya-zantu – «племя ариев».[3]

В этой связи необходимо подробнее остановиться на термине arya – термине, которым злоупотребляли реакционные ученые, как ни одним другим.

В свое время, когда санскритский язык считался прародителем всех индоевропейских языков,[4] а Индия – прародиной индоевропейских народов,[5] самоназвание древних индийцев arya было перенесено на все народы-носители индоевропейских языков. Позже было установлено,[6] что Индия – не прародина индоевропейцев, что они, напротив, попали туда сравнительно поздно и что санскрит никоим образом не может считаться праязыком всей индоевропейской языковой семьи. В связи с этим термин «арийские языки» и тем более «арийские народы» в применении ко всем носителям индоевропейских языков был оставлен как ненаучный: впоследствии он был подхвачен германским фашизмом, придавшим ему расовый смысл, которого он в науке никогда не имел.

Единственное допустимое употребление термина «арийский», но и то нежелательное, поскольку термин дискредитирован его ненаучным использованием, – это применительно к тем народам, для которых arya было самоназванием.

Arya как самоназвание засвидетельствовано для индийцев,[7] персов,[8]

---

stroukhates, так как сочетание str- для других языковых семей, кроме индоевропейской, мало характерно. Такой этимологией могло бы быть stra-uχta- – «крепкие словом».

[1] A r r. Anab., IV, 21, 1; IV, 22, 1; C u r t., VIII, 14, 17.

[2] A r r. Anab., III. 19. 2.

[3] Кениг (F. W. K ö n i g. Die alteste Geschichte der Meder und Perser. Der A. O., XXXIII, 3/4, стр. 6) предлагает исправить arizantoi на thrizantoi, имея в виду, что в I фаргарде Видевдата область Раги названа θrizantu – «трехплеменной»; но в таком исправлении текста Геродота нет никакой необходимости: можно назвать о б л а с т ь «трехплеменной», но так трудно назвать п л е м я!

[4] В немецкой науке был принят термин «индогерманские языки».

[5] А. М е й е. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.–Л., 1938, стр. 448.

[6] После открытия во второй половине XIX в. вторичного характера санскритского вокализма (там же, стр. 461–462).

[7] Обычно в Ведах и т. п.

[8] Царь Дарий I говорит в Накши-рустемской надписи «а», что он «Ахеменид перс, сын перса, арий, от семени ариев».

мидян,[1] скифов,[2] аланов,[3] а также для иранских по языку народов Средней Азии,[4] но не известно ни у одного народа других языковых групп и семей. Весьма вероятно предположение, которого придерживается, в частности, И. Алиев,[5] согласно которому тот же термин скрывается в обозначении «арабы (aribi) востока», один раз примененном к какой-то части населения Мидии в ассирийском тексте. Aribi может быть объяснено как ari+ эламское окончание множественного числа -pe. Но если это так, то, разумеется, отсюда следует лишь, что ассирийцы познакомились с этим термином через эламоязычное посредство, но не следует, что сами «арии» были эламоязычными.[6] Итак, arya – «арии» – это самоназвание всех племен и народов, принадлежавших к обеим подгруппам индо-иранской группы языков – индийской и иранской. Это бесспорное доказательство того, что аризанты («племя ариев») принадлежали по языку к этой группе, в данном случае к иранской подгруппе.

Но отсюда со всей очевидностью следует также, что если аризанты выделялись среди прочих племен как «племя ариев» и это являлось достаточно определяющей их характеристикой, то остальные племена мидян не могли быть изначально «племенами ариев», т. е. не были иранцами! Другими словами, как и следовало ожидать, основная масса мидян состояла из кутийских, эламоязычных, – вообще «каспийских» племен, перенявших лишь язык индоевропейских пришельцев, а полной смены населения не было. Этому вполне соответствует то обстоятельство, что для племенных названий «бусов», «будиев» и «магов» до сих пор не найдено вполне убедительных индоевропейских этимологии, а также и то, что более половины собственных имен мидян, дошедших

[1] Her., VII, 02: «В древности все называли их ариями»; следует обычная греческая этиологическая легенда, производящая мидян (mēdoi, форма ионийского диалекта вместо *mādoi) от героини греческого мифа Медеи (Medeiē).

[2] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М.–Л., 1949, стр. 156: arya- – «скифское племя»; в именах собственных: Ariantas<*Arya-vanta, Ariapeithes<*Arya- paiϑa, Ariaramnēs<Arya-rāmna (имя, известное также у персов в роде Ахеменидов), Aripharnes<*Arya-farna и в более позднем имени собственном Aleksarthos<*Alye-χšarϑ<* Arya-χšaϑra.

[3] al(l)ān<*alyān<aryāna- (A. A. Freiman. Ossetica. Rocznyk Orientalistyezny, III, стр. 159 (3); В. И. Абаев, ук. соч., стр. 246).

[4] На это указывают многочисленный у этих народов собственные имена с элементом arya- – «арийский»; см., например, у парфян (в документах из Нисы около Ашхабада) – Aryabarzān, Aryaniyāstak (И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Парфянский архив из Нисы. ВДИ. 1953, № 4, стр. 116) и мн. др.

[5] И. Алиев. О Мидийском обществе. ИАН Аз. ССР, 1948, № 10, стр. 86, 90.

[6] Ср., например, русское «осетины», «Осетия» из грузинск. Os-eti с грузинским суффиксом -eti, откуда, однако, не следует, что осетины говорят по-грузински!

от IX–VIII вв. до н. э., очень плохо этимологизируется из иранских языков.[1] Постепенно, однако, иранский языковой элемент возобладал и у ряда других мидийских племен; маги, из которых сложилось сословие жрецов во всем Иране, проповедовали свои религиозные учения на иранском языке;[2] начиная с VII в. до н. э. почти все мидийские имена, дошедшие до нас, имеют ясную иранскую этимологию,[3] и такую же этимологию имеют, помимо названия племени аризантов, также, повидимому, и племенные названия паретакенов и струхатов. Этих данных достаточно, чтобы сказать, что мидийский язык иранской группы стал общим межплеменным языком мидийского племенного союза.[4]

Сам термин «мидяне» (ассир. madâi, âmadâi, matâi, новоэламск. mata.pe, др.-евр. mâdaj, др.-перс, mâda, др.-греч. mēdoi<*mâdoi, др.-арм. mar-k'<парф.*mâδ) – один из тех этнонимкческих и топонимических терминов, которые не поддаются ясной иранской этимологии. Однако он бытовал среди населения, говорившего на иранском языке уже в IX в. до н. э., что видно из варианта âmadâi, сохраненного ассирийскими источниками наряду с madâi; это типичный для иранских языков случай вариантного словообразования с префиксом â- и без него, известный,

---

[1] Индейские союзы племен, которые можно привлечь для сравнения, всегда образовывались в пределах родственных диалектов, и лишь очень редко неродственное по языку племя могло быть принято в племенной союз. См.: Л. Г. М о р г а н. Древнее обшество. Л., 1934, стр. 73. Итак, если нельзя, по приведенным в тексте основаниям, предполагать, что мидийский племенной союз сложился как союз иранских по языку племен «ариев», то трудно предполагать и что этот союз мог изначала сложиться как союз р а з л и ч н ы х по языку племен: «племя ариев», arya-zantu, поэтому, вероятно, было первоначально чужеродным в союзе.

[2] Об этом свидетельствует религиозная терминология, связываемая с учением магов; например, у Плутарха (Do Isido . . , 46–47) и Страбона (XV, 3, 13 и сл.) священный напиток omomi из иранского словосложения с термином hauma-; божества Hōromazdēs, Ōromasdēs и т. п., Ōmanos, Mithra(s) – иранск. Ahuramazda-, Vahumanah-, Miθra-; и т. д.

[3] Однако и здесь есть исключения: таковы, например, у Геродота имена мидян Harpagos (I, 108 и сл.), Tithaios (VII, 88); сомнительна этимология имен Astuagēs, Mondanē (I, 107 и сл.). Mazarēs (I, 156), Paktuēs (I, 153). Бесспорно иранские этимологии имеют имена Artembarēs (I, 114 и I сл.; IX. 122). Dutis (VI, 94 и сл.), Dēiokēs(I, 96 и др.), Harmamithrēs (VII, 88), Kuēksarēs (I, 40 и др.), Mitradatēs (I, 110 и сл.), Patizeithēs(III, 61), Phraortēs (I, 90, 103 и др.), Spakō (I, 110). К этому следует добавить значительное число имен персов явно мидийского происхождения.

[4] Трог Помпей (J u s t ., XLI, 2) указывает, что язык парфян был средним между мидянским и скифским; это указывает также на близость двух последних языков. О том, что языки мидян и парфян были исключительно близки друг другу, см.: E. H e r z f e l d . Medisch und Parthisch. AMI, VII, 1934. В одной из надписей персидского царя Дарий I говорится: «Персия, Мидия, а также страны другого языка» (Dar. Pers. g, § 1: Parsa, Madâ û mâtâte šanîtimâ lišânu).

между прочим, также и для названий племен (греч. mardoi и amardoi, ср. авест. marəδa- – «разбойник», «убийца»; может быть pasianoi и apasiakoi[1] и т. д.).[2]

По всем приведенным данным, вполне возможно, что мидийский племенной союз существовал еще как союз неиранских племен и что иранская часть мидийского населения была лишь позже конституирована в отдельное «племя ариев».[3] Высказывалось мнение, что древнейшее название мидян мы встречаем в новоэламском этническом термине makta.p,[4] сравниваемом с новоэламским же mata.p – «мидяне», «Мидия».[5]

Эламо-каспийская этимология термина «мидяне» далеко не исключена.

Наряду с формами madâi, âmadâi мы встречаем как название мидийского племенного союза в ассирийских источниках и форму matâi – по-видимому, эламского происхождения. Это также, быть может, указывает на то, что термин «мидяне» уже давно бытовал на данной территории.

Во всяком случае иранский этнический элемент, который постепенно играл все большую роль в мидийском племенном союзе, не принадлежал к автохтонным элементам. Об этом говорит нам мидийская топонимика, в течение длительного времени на всей территории Мидии сохранявшая в основном неиранский характер (в отдельных случаях – видимо, эламоязычный). Это обстоятельство само по себе не указывает на то, что на данной территории в то время жило неиранское по языку население, так как вполне обычно, что при смене языка населения

---

[1] Из pasi-ānam и ā-pasi-ak со среднеиранским характернейшим суффиксом -ak.Распространенная этимология, производящяя апасиаков от *āpa-saka – «водные саки», не представляется нам убедительной, так как не может объяснить гласного -i- в основе и формы pasianoi.

[2] Обратное, но аналогичное явление – параллельное существование форм asa- gartiya- (др.-перс.) и sagartioi (греч.) – «камнеройцы(?)». название персидского кочевого племени.

[3] Вероятность вторичного происхождения этого племени видна из его названия: arya – самоназвание не отдельного племенн, а целого этноса. Вливаясь в племенной союз, чуждый по этносу, племя сохранило бы свое собственное имя, а не называлось бы arya: отдельное племя так не могло называться; но это могло быть сборным названием для вторично образованного племени, куда вошли лица разной племенной принадлежности, по признаку чужеродности; иначе говоря – все те, кто этнически относился к группе arya.

[4] Речь идет о мидийской одежде «сарапис» (saharpi makta.ppe.na; см.: V. Scheil, Mem., Del. en Perse, IX, стр. 21, 100, 157, 176, №№ 14, 111, 176, 227).

[5] Следует также еще раз подчеркнуть, что термин māda – «мидянин» нельзя связывать ни с термином matiēnoi, которым обозначаются у античных авторов соседи мидян – хурриты (?) западного Азербайджана и Армянского нагорья, ни с термином Manda, о котором см.: АВИУ, стр. 35.

топонимика сохраняет прежний характер. Но, с другой стороны, это обстоятельство определенно указывает не только на то, что иранскому по языку населению на этой территории предшествовало иное, но и на то, что проникновение иранского языка происходило здесь постепенно, без истребления или изгнания местного населения, путем слияния носителей обоих языковых элементов, и при численном преобладании коренного населения, ибо в противном случае топонимическая традиция не могла бы быть передана от одних к другим и автохтонная топонимика сразу сменилась бы иранской.

Как по топонимическим терминам, так и по именам собственным в Мидии IX–VII вв. до н. э. явственно можно видеть продвижение иранского языкового элемента с востока на запад. Имея в виду связи мидийского языка с языками Средней Азии, трудно сомневаться в среднеазиатском происхождении этноса «ариев».

В пределах периода, охватываемого ассирийскими источниками, иран-

Рис. 27. Мидийский конник-аризант. Изображение с эламской печати VII–VI вв. до н. э.

ский языковой элемент почти не переходит за грань между районами IV и III; в районах VII, VI, V, IV, а–б и III нашей классификации иранский элемент почти совершенно не ощущается. Зато в районах X, XI и XII

(данные о которых у нас есть, правда, лишь со второй половины VIII в. до н. э.) иранский языковой элемент является единственно преобладающим. Другими словами, районы нынешнего Иранского Азербайджана и Иранского Курдистана в течение IX–VII вв. до н. э. оставались по языку не иранскими, а луллубейско-кутийскими и тому подобными; лишь восток Мидии, район нынешних Тегерана и Исфахана, был уже полностью охвачен иранским языковым элементом, занесенным коневодческими племенами из Средней Азии.

Что это были действительно коневодческие племена, видно из ряда обстоятельств, прежде всего из того, что связанная с коневодством терминологии у окружающих народов – иранская мидийская, подобно тому, как во II тысячелетии до н. э. она была индо-иранской (может быть, индийской).[1] Так, перс.*asa – «лошадь» уже, видимо, в древнеперсидском начало вытесняться мид.-парф. aspa; в Вавилонии новая для Двуречья луговая культура люцерны носила мидийское название aspastu [*asp(a)- asta – «лошадиная еда»: засвидетельствовано впервые еще в VIII в. до н. э.[2] Особо славились в древнем мире кони, разводившиеся на Нисейской равнине в Мидии,[3] и ассирийцы получали с мидян дань почти исключительно конями. Быть может, именно будучи конниками или, скорее, колесничими, аризанты смогли приобрести в мидийском племенном союзе такое значение, что их язык стал межплеменным языком союза.

Места расселения отдельных племен этого союза остаются неясными; можно лишь предположить, что аризанты жили на крайнем востоке Мидии и там же, вероятно, жили маги (около Раги, средневекового Рея, под нынешним Тегераном). Если бусы названы Геродотом первыми в перечне по той же причине, почему при перечислении персидских племен (I, 125) он на первое место ставит пасаргадов, – а именно потому, что к последним принадлежал царский род Ахемени-

[1] См. выше, стр. 138.

[2] Именно, в описи растений из садов Мардукапалиддина (Меродахбаладана), цари Вавилона конца VIII в. до н. э., см.: B. Meissner. Babylonische Pflanzennamen. ZA, VI, 1891, стр. 291–296. Родина люцерны, как известно, в Средней Азии, причем эта культура искони связана с коневодством. Из Средней Азии ее заимствовали, например, китайцы: семена люцерны были специально вывезены из Ферганы китайским путешественником Чжан Цянем в 126 г. до н. э. вместе с особой породой «небесных» лошадей, для которой люцерна служила кормом. См.: Иакиф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, г. И. М.–Л., 1950, стр. 150 и сл. Греки называли люцерну «мидийской» травой, mēdikē (современное название – Medicago sativa L.).

[3] См. об этом: Her., III, 106; IV, 40; IX, 20; Diod., XVII, 10; Strabo, XI, 13. 7; 9; Arr. Anab. VII, 13, 1.

дов, – то их следует, очевидно, помещать в районе современного Хамадана, где впоследствии находилась столица Мидии. Паретакены, как мы знаем, жили около современного Исфахана. Будии, быть может, были самым западным из мидийских племен.

Какова могла быть причина создания этого племенного союза? О

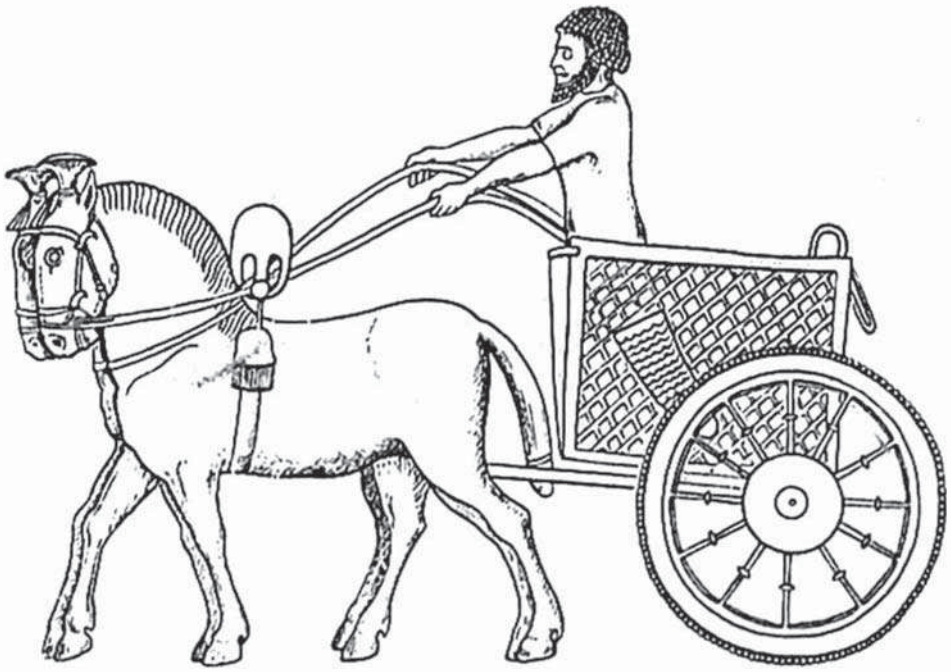

Рис. 28. Мидийская колесница, запряженная нисейскими конями. По рельефу V в. до н. э. из Персеполи.

возникновении подобных образований Ф. Энгельс пишет: «Союзы между родственными племенами заключались местами в случае временной нужды и с ее устранением распадались. Однако в отдельных местностях первоначально родственные, но разобщенные племена вновь сплачивались в длительные союзы, делая, таким образом, первый шаг к образованию нации».[2] Об ирокезах он говорит: «Так как область эта была ими недавно завоевана, то естественным являлось вошедшее в обычай сплочение этих племен против племен, вытесненных ими». Эта племенная федерация «в сознании приобретенной ею силы немедленно приняла наступательный характер и. . . завоевала окружавшие ее значительные пространства, частью прогнав, частью обложив данью их население».[2] Но такой характер мидийский племенной союз мог иметь

[1] Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 96.

[2] Ф. Энгельс, там же.

лишь в самом начале своего существования, – безразлично, был ли это союз местных племен, направленный против шедших из Средней Азии коневодов, или, наоборот, союз этих последних, направленный против местных племен. По уровню своего развития мидяне уже в IX в. до н. э. стояли значительно выше ирокезов, поскольку, как будет видно из дальнейшего, у них уже начиналось территориальное деление общества и первые начатки государственности. В связи с этим и самый характер племенного союза мидян был, повидимому, несколько иным, чем у ирокезов. Энгельс подчеркивает, что ирокезский союз был союзом кровнородственных племен и имел общий язык, как единство близких диалектов. Таковы были и все остальные племенные союзы североамериканских индейцев, за исключением криков, в федерацию которых входило одно неродственное племя.[1] Ближе к мидийскому союзу по уровню развития стоял союз ацтеков. Этот союз носил вначале оборонительный, а затем наступательный характер,[2] причем в него входили и неродственные по языку племена, однако не в качестве органических членов союза, так как разница в языке мешала им принимать участие в общих советах, обрядах и т. п.[3] Единственное, что могло бы преодолеть это препятствие, – это введение одного из племенных языков в качестве межплеменного, что, повидимому, и имело место у мидян: в то время как имена собственные еще VIII в. показывают, что иранский мидийский был не единственным языком в Мидии, мы можем наглядно видеть, как с распространением пределов Мидии в VII–VI вв. распространяется и иранский мидийский язык, засвидетельствованный, в частности, и расширением ареала распространения иранских мидийских имен.

Ф. Энгельс подчеркивает, что племенные союзы строились на основе равенства входивших в них племен.[4] С созданием государства племенные союзы обычно распадаются: государство, как показывают исторические аналогии, редко возникает на базе племенного союза – гораздо чаще как его отрицание. Наиболее древние государства обыкновенно представляют собой единицы гораздо меньшего масштаба, чем племенной союз.[5] Однако в Мидии племенной союз, повидимому, сохранялся в какой-то форме и в начальный период складывания государств, как один из пережитков институтов позднего первобытного общества.

Хотя нам сейчас трудно указать первоначальные причины соз-

[1] Л. Г. Морган. Древнее общество, стр. 34.

[2] Статьи акад. В. В. Струве в кн.: Дж. Вайян. История ацтеков. М., 1949, стр. 9.

[3] Л. Г. Морган, ук. соч., стр. 111–112.

[4] Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 96.

[5] А именно, они выступают в виде «городовых» пли «номовых» государств-общин.

дания мидийского союза и, в частности, решить вопрос, носил ли он вначале оборонительный или же наступательный характер, – в целом, однако, вряд ли подлежит сомнению, что его длительное сохранение уже в период начавшегося образования государств объясняется необходимостью солидарности мидийских племен какого бы то ни было происхождения в борьбе с ассирийской агрессией 834–788 гг. до н. э.

Рис. 29. Фигурный расписной сосуд. Тепе-Сиялк (Паретакена, юго-восточная Мидия). Начало I тысячелетия до н. э.

Наряду с Манной и мидийским племенным союзом в будущей западной Мидии имелось множество независимых мелких общин и мельчайших царств – обычное явление в период, когда племенное единство распадается, а крупное государственное объединение еще не создано. Итак, западная Мидия в IX–VII вв. находилась на самой начальной ступени развития классового общества и государства.

2. Первый период ассирийской агрессии

Возобновившиеся в IX в. до н. э. ассирийские походы в эти места первоначально носили, как и раньше, характер набегов, имевших целы главным образом захват скота и рабов. При приближении ассирийского войска (о чем население соседних долин, по всей вероятности, оповещалось, как и в Урарту, кострами, зажигавшимися на горных вершинах), жители по большей части покидали свои поселения и угоняли скот на труднодоступные горные вершины, и враг обычно не смел следовать за ними. Отсиживаться в своих поселениях-крепостях жители, как правило, не решались, так как эти крепости, хотя и обнесенные стенами, достаточными для обороны в войне с соседним поселением или

мелким царством, не были настолько мощны, чтобы выдержать регулярную осаду оснащенной блестящей по тому времени техникой[1] ассирийской армии. Укрытие и горах давало надежду на сохранение людей и скота; но с ростом производительных сил создавались такие богатства, которые унести с собой было нельзя, и уж во всяком случае такая тактика не могла предотвратить дальнейшую агрессиню, особенно когда ассирийцы впоследствии перешли к завоеванию горных территорий с целыо их постоянной эксплуатации.

Рис. 30. Мидийская крепость на месте современного городища Сиялк. Реконструкция.

Первым объектом ассирийских нашествий стала Замуа (страна «лулумеев», как теперь обычно стали называться луллубеи) – термин, под которым в то время понимали всю территорию от озера Урмии до верховий реки Диялы включительно (наши III, V и VI районы). Уже ассирийский царь Ададнерари II (911–890 г. до н. э.) и самом конце X в. прошел «от той стороны Нижнего Заба на границе страны лулумеев, по Хабхи[2] и Замуа до перевалов страны Намар»,[3] а еще раньше, подни-

[1] Ассирийцы обладали стенобитными таранами, сооружали осадные насыпи, сапы, подкопы, защищали стрелков специальными осадными щитами, поджигали крепости с помощью стрел с горящей наклей, пропитанной нефтью, и метательных зажигательных снарядов и т. и. Тактика осады была у них блестяще разработана. См.: И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флиттнер. Очерки по истории техники Древнего Востока. М.–Л., 1940, стр. 116; B. Meissner. Babylonien und Assyrien, H. Heidelberg, 1920, стр. 97 и сл.

[2] Хабхи в это время назывались горные области к северо-западу от Замуа.

[3] КАН, II, № 84.– ARAB. I, § 360. – АВИУ, № 21.

маясь вверх по Большому (Верхнему) Забу, добрался до «страны Мехри», где-то около западных берегов озера Урмии.[1] Походы на эту территорию продолжались и при следующих ассирийских царях – Тукульти-Нинурте II (поход 885 г. до н. э.)[2] и Ашшурнасирапале II (походы 883, 881, 880 гг. до н. э.).[3]

Наиболее серьезными были походы Ашшурнасирапале II. Поход 883 г. мало затронул территорию Замуа: пройдя через Киррури в бассейне Верхнего Заба, ассирийский царь быстро ушел на северо-запад; однако окрестные горные округи Киррури, Симеси, Симера, Ульмания, Адауш, Харга и Хармаса не только принесли ассирийскому царю дань, состоявшую из лошадей, мулов, рогатого скота, вина и бронзовых сосудов, но и были обложены повинностями в пользу Ассирии. Умилостивительные дары в виде коней, серебра, золота, олова, меди и бронзовых изделий прислали, в числе прочих, жители области Гильзан (повидимому, на западном берегу Урмии).[4]

Этот поход был совершенно правильно расценен луллубеям и как начало планомерного порабощения их страны, и они решились в 881 г. на ожесточенное сопротивление, во главе которого встал племенной вождь (nasiku) округа Дагара, носивший аккадское имя Нур-Адад.[5] Ему удалось объединить вокруг себя всю Замуа, и войска его воздвигли стену, преграждавшую перевал Бабите (совр. Дербенд-и Базиан на дороге от Алтын-Кёпрю на Нижнем Забе к Сулеймание).[6] Однако, повидимому, Ашшурнасирапал не дал Нур-Ададу закончить работы, превосходящими силами прорвал дефиле и проник в центр Замуа. Нур-Адад прибегнул к старой тактике укрытия в горы. Ашшурнасирапал дошел до горы Нисир (по-луллубейски–Киняпа), на которой, по ассиро-вавилонской легенде, остановился ковчег после потопа (эту гору специально связывали с кутиями),[7] разгромив по дороге три маленьких замуанских царства – Дагару, царство Нур-Ададa, затем царство Му-

[1] КАН, II, № 83. – W. Andrae. Festungswerke von Assur. WVDOG, 23, Leipzig, 1913, Taf. XCVI. – ARAB, I, § 382. – АВИУ, № 20.

[2] V. Scheil. Les annales de Tukulti Ninip II, roi d'Assyrie. Bibiotheque de l'Ecole des Hautes Etudes, sc. phil. et hist., CLXXVIII, Paris, 1909, заключение.

[3] E. A. W. Budge and L. W. King. Annals of the Kings of Assyria. I. London, 1902, стр. 269 и сл. (Анналы, I, 43 – II, 85) – ARAB, I, §§ 440–458.

[4] Анналы, год 1-й, столб. I, строка 43 и сл. АКА, I, стр. 268.– ARAB, I, §§ 440–441.

[5] Анналы, год 3-й, столб. II, строки 23–49. – АКА, I, стр. 302 и сл. – ARAB, I, §§ 448–451.

[6] E. Forrer. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1921, стр. 43. – Streck, ZA, XV, стр. 276–277.

[7] Streck, ZA, XV, стр. 272.

сасины[1] с центром в крепости Бунаси, или Бунаис, и царство Киртиары с центром в крепости Ларбуса.[2] Было угнано некоторое количество скота (большая его часть была, видимо, укрыта в горах). Царьки Замуа прекратили затем сопротивление. Ашшурнасирапал оставил их на царствах, но включил эти завоеванные царства в созданную им ассирийскую провинцию, обложив население тяжелой данью лошадьми, золотом и серебром. Помимо этого, он ввел здесь обычные ассирийские натуральные налоги и строительные повинности.[3] Именно только эта, завоеванная в 881 г. Ашшурнасирапалом провинция и фигурирует обычно впоследствии (со второй половины IX в.) под названием Замуа или Мазамуа; северная же часть страны впоследствии получила название Манны, а южная (в верховьях реки Диялы) – Парсуа.

Два южнозамуанских царька, Амека и Араштуа, не уплатили в следующем году обещанной ассирийцам дани, что вызвало ассирийскую карательную экспедицию.[4] Ашшурнасирапал, желая предупредить военные приготовления замуанцев, двинулся в поход с одной конницей и колесничими, не ожидая подхода пехоты и саперов, взял штурмом Аммали, крепость Араштуа на восточном берегу Диялы, и начал погром не только царства Араштуа, но и соседних царств Киртиары (на этот раз с центром в Баре), Сабини (с центром в Худуне) и Мусасины (с центром в Бунаси) – «до перевалов Хашмара». Лишь Дагара отделалась принесением дани; в остальных округах поселения стирались с лица земли, взрослое население уводилось в рабство, дети сжигались на кострах. Затем ассирийцы продолжали поход на царство Амеки.[5] Амека

---

[1] Царство Мусасины (Musasina) и царство Киртиары были самыми северными из замуанских (если не считать «Внутренней Замуа» у озера Урмии); здесь находилаеь крепость Бара (Тиль-Бари, Бит-Бари), в конце IX в. – крайняя северо-восточная точка ассирийско-вавилонской границы «выше страны Забан» (по Нижнему Забу); см. «Синхроническую историю» (KB, I, стр. 220, III, 20 и сл.; ср.: S t r e c k, ZA, XV, 278–279).

[2] Из других населенных пунктов в Замуа анналы-Ашшурнасирапала упоминают Узе, Бируту, Лагалага (в Дагаре), Бара, Дур-Лулуме. Дур-Лулуме, однако, ассирийцам, повидимому, не удалось взять, так как анналы говорят лишь о захвате и уничтожении неукрепленных поселений, принадлежавших к округам (взятых ранее) Ларбусы, Бары и Бунисы (= Бунаси), а также Дур-Лулуме, о взятии которого специально не упоминается (АКА, стр. 30 и сл., строка II, 39 и сл. – ARAB, I, § 450).

[3] Именно, дань в виде лошадей, серебра и золота, затем натуральные поземельные налоги: «зерно (исторжения)» и «солома», а также строительную повинность «кудурру» (АКА, стр. 316, II, 61 и сл.–ARAB, I, § 454). См. об этих налогах и повинностях: РЗОА, стр. 130–133.

[4] АКА, стр. 311–325. – ARAB, I, §§ 452–453.

[5] При этом ассирийцы пересекли две реки – Лаллу и Эдир, очевидно, притоки Диялы. Повидимому, ассирийцы попали во время этого похода на границы современного Лури-

и его люди укрылись в горах, но ассирийцам удалось захватить и его крепости Замру и в других брошенных поселениях[1] большое количество разного имущества, в том числе многочисленные бронзовые (хозяйственные и художественные) изделия. Несколько десятков бойцов Амеки было захвачено ассирийцами и подвергнуто различным варварским казням. Поход был затем продолжен в царство некоего Аты, не имевшего к сопротивлению замуанцев никакого отношения. Это царство лежало на северных склонах гор Нишпу, на южных склонах которых лежала Дагара, т. е., вероятно, где-нибудь в районе Сехнэ (Сенендеджа). Оно было подвергнуто такому же разгрому, как и остальные. Здесь Ашшурнасирапал получил умилостивительные дары в виде бронзовых изделий из страны «Сипирмена; (жители) которой лепечут как женщины» (т. е., вероятно, на непонятном, фонетически чуждом языке). К сожалению, местоположение этого округа, который нигде более в источниках под этим названием не упоминается, неизвестно.

На обратном пути из Замру Ашшурнасирапал остановился в крепости Аракди, куда к нему снова прибыли с данью замуанские царьки. Ежегодная дань, наложенная на Замуа, была теперь увеличена; к прежним видам дани были прибавлены крашеные шерстяные ткани, бронзовые сосуды, вино, крупный и мелкий рогатый скот. Замуанцы (очевидно, ремесленники) были привлечены в порядке повинности к царскому строительству в городе Кальху в Ассирии. Помимо замуанских царьков, дань прислало также царьки Гильзана, Хубушкин (к югу от озера Ван) и касситской крепости Хартиш.[2]

Ашшурнасирапал не удовлетворился этими результатами, но попытался еще захватить замуанское население, укрывшееся в горах.[3] Затем он восстановил принадлежавшую когда-то касситским царям крепость Атлила, сделав ее центром сбора натурального налога с но-

---

стана, может быть, в более позднее «Эллини» в районе Керманшаха? Эллини упоминается подробно ассирийскими источниками впервые под 16-м годом Салманасара III, но на полуразрушенной бронзовой обшивке ворот Ашшурнасирапала II на Имгур-Энлиля (Балавата; не смешивать с лучше сохранившимися воротами Салманасара III оттуда же) также уже упомянут «город Элини», см.: ARAB, I, § 542 = L. W. King. Bronze Reliefs from the Gates of Shalmaneser. Pl. LXXIX (эта работа мне была недоступна).

[1] Анналы называют крепости Замру, Аммару, Парсинду, Ириту и Суриту.

[2] Хартиш, вероятно, тождествен крепости Хардишпи, упоминаемой анналами Синахериба на северных границах Элама (Цилиндр Рассама, A L_8, стр. 64, I, 70). Четвертый царек, упомянутый здесь же анналами Ашшурнасирапала, – замуанен.

[3] Горная крепость Месу (Месси), в которой оно укрылось, находилась, вероятно, на водоразделе между V и III районами и впоследствии относилась к Манне.

вообразованной провинции и складом фуража и продовольствия для дальнейших походов на восток. В дальнейшем часть замуанцев (опять-таки, вероятно, в первую очередь ремесленники) была уведена и поселена в новой столице Ашшурнасирапала – Кальху.[1]

Первоначально, как мы видели, Ашшурнасирапал оставил в Замуа мелких царьков, поставив над ними лишь своего чиновника с гарнизоном для взимания податей и повинностей. Но вскоре Замуа была сделана обычной провинцией Ассирии: впервые мы встречаем «наместника Мазамуа» в 828 г. до н. э.[2] Впрочем, провинция Замуа (Ма-

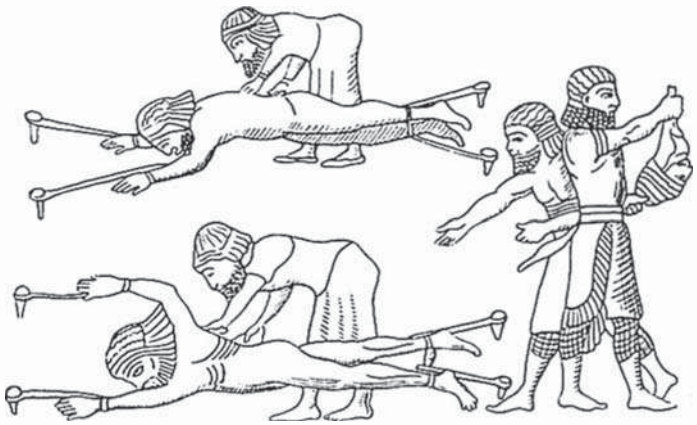

Рис. 31. Казнь пленных вождей, оказавших сопротивление ассирийцам. Рельеф из Ниневии. VII в. до н.э.

замуа) не охватывала южных частей страны, которые, очевидно, вскоре после похода 880 г. вернули себе независимость. Так, на эту территорию[3] совершил поход Салманасар III в 859 г. до н. э.

Мы подробно остановились на походах Ашшурнасирапала, так как, детально описанные в анналах, они дают яркое представление, с одной стороны, о характере военных действий, предпринимавшихся ассирийскими завоевателями, а с другой стороны – о характере общества в крайних западных областях будущей Мидии в начале I тысячелетия до н. э. Общество Замуа, как оно рисуется нам анналами Ашшурнасирапала, – это уже классовое общество (хотя Нур-Адад и назван не царем, а лишь nasiku – «племенным вождем»), с высокоразвитым, ценимым в Ассирии профессиональным ремеслом, следовательно, с отделением ре-

[1] Анналы: АКА, стр. 380 и сл., III, 133–135= ARAB. I, § 484 и др.

[2] См.: АВИУ, № 39.

[3] Царство Нинни с центром в крепости Ариду у перевала Симеси (KB, I, стр. 150, I, 14 и сл.); местоположение, повидимому, на южной периферииМанны,см.: Streck, ZA, XV, стр. 302 и сл.

месла от земледелия,[1] а потому, вероятно, и с известным развитием товарного производства. Но это общество раннеклассовое, со слабо развитой еще государственностью, с мельчайшими государственными образованиями, не способными противостоять ассирийской агрессии. Образование классового общества здесь следует отнести еще ко второй половине II тысячелетия до н. э.; вероятно, процесс классообразования был форсирован временным господством здесь касситской Вавилонии.

До правления Ашшурнасирапала II включительно ассирийцы не ходили через периферийные хребты Загроса и глубинные районы. Но, создав себе плацдарм в Замуа, ассирийцы в дальнейшем стали совершать глубокие рейды в направлении мидийских областей и Каспийского моря. Если обитатели различных районов Мидии хотели сохранить свою свободу и независимость, необходимо было противопоставить агрессорам более мощные объединения, чем имевшиеся на территории Замуа в конце X– начале IX в. до н. э. Это могли быть государственные образования, как слагавшиеся в это время во Внутренней Замуа, у берегов озера Урмия, или сильные племенные объединения, каков был мидийский племенной союз.

После разгрома мелких царств Внешней Замуа наиболее значительным замуанским царством было одно время государственное образование, во главе которого стоял Никдиара (или Мектиара) во Внутренней Замуа; однако Никдиара имел многочисленных соперников. В 855 г. до н. э. ассирийские войска Салманасара III (Šulmân-ašarêd) совершили рейд через перевал Бунаис на территорию Никдиары,[2] и когда последний пытался уйти от ассирийцев через озеро на лодках, плетеных из ивовых прутьев, то Салманасар последовал за ним и дал ему бой на озере.[3] Большого успеха он, однако, не добился, и в целом в течение первых трех четвертей IX в. процесс образования государств в бассейне Урмии и реки Джегету происходил без больших помех, хотя царство Никдиары должно было уступить ведущее место

[1] Особые поселки ремесленников (кузнецов, плотников) существовали в областях, примыкавших с запада и северо-запада к Эламу еще при Шильхак-Иншушинаке (поселения Bit-nappâhi, Bit-nangâri, Ša. . .nangâri в его большой надписи).

[2] В тексте она названа «Мазамуа»; см. надпись на монолите из Кархa: KB, I. стр. 170, II, 75.– ARAB, I, § 609.

[3] Совершенно невозможно высказывавшееся Биллербеком и поддержанное Форрером предположение, что эта битва на воде происходила на крошечном озере Зерибор в верховьях Диялы: вряд ли такая битва была бы возможна, да и целесообразно. Несомненно, что имеется в виду озеро Урмия; из данного сообщения можно заключить о наличии мелкого судоходства на этом озере (но в целях рыболовства, так как рыба в Урмии не водится).

другим. Что касается мидийского племенного союза, то он до середины 30-х годов IX в. также не имел столкновении с Ассирией.

В 842 г. Салманасар III подавил волнения в Намаре, который, как мы помним, был расположен по среднему течению реки Диялы, и поставил там царем «янзи» из соседнего Бит-Хамбана. В 834 г. этот «янзи» отказался от повиновения Ассирии, что и послужило поводом для первого похода Салманасара в Мидию.

Ассирийские войска спустились в Намар с северо-востока, через перевалы гор Хашмар (Хашимур). После разгрома намарских крепостей[1] и захвата укрытого в горах имущества, что было осуществлено быстро и оставило время для дальнейших военных действий в ту же кампанию, ассирийцы двинулись грабить вглубь Мидии. Возможно, в Мидию бежал намарский «янзи», что и послужило поводом для ассирийского набега на нее. На первом этапе похода ассирийское войско вступило в страну Парсуа, где получило дары от 27 «царей» этой маленькой страны.

Мы уже указывали выше, что аккадск. Parsua передает *Parsava[2] – «край», «окраина». Местоположение страны Парсуа соответствует южным частям страны Замуа в текстах времени Ашшурнасирапала.[3]

---

[1] Анналы называют Сихишалах, Бит-Тамуль, Бит-Сакки (=Бит-Санги, повидимому, около Ханекина) и Бит-Шеди. Последние три крепости названы, повидимому по намареким родам, которым они принадлежали. См. надпись «Черного обелиска» L a y a r d. Inscriptions, pl. 87 и сл., строка 110 и сл. – ARAB. I, § 581.

[2] Напомним, что звука «v» в аккадском этого времени не было и он обычно передавался либо через «m», либо через «u».

[3] Парсуа была расположена южнее Малого Заба и на верхней Дияле, гранича с вавилонскими областями Намаром и Туплиашем на средней и нижней Дияле, с одной стороны, с Манной и различными тяготевшими к Манне районами (Месси, Шурдирой, Аллабрией, Никсаммой: KB, I, стр. 142, строки 110–126, стр. 190, строка 8. –ARAB, I, §§ 581, 739 и др.; KS, стр. 108, строка 58.–ARAB, II, § 56; S GS, строки 35–51.–ARAB, II, §§ 146–148; HABL, 165 и др.) – с другой, и, наконец, с различными мидийскими областями– с третьей (KS, Анналы Саргона II, строки 9 и 90. – ARAB, II, § 118; KTP. стр. 44, строки 17–18.–ARAB, I, § 784). Также и из урартских надписей (К А. М е л и к и ш в и л и, УКН, № 24, стр. 313, лиц. 6, 20, 36, также на обороте; И. В. А р у т ю н я н. Хорхорская летопись Аршити I. ЭВ. VII, 1953, стр. 98, III, 12) видно, что Парсуа (в закономерном для урартского написания ^{ma}Pársú-a, где š, как обычно в урартском, соответствует s) находилась между Манной и вавилонской территорией (Babilu), т. е. Намаром. Из всего этого ясно вытекает, что Парсуа следует искать в нашем VI районе, т. е. около современного Сулеймание, см. также: E. F o r r e r, у к. соч., стр. 90 и др. (ряд исследователей помещает Парсуа слишком далеко к северу, не учитывая ее близости к Намару; см., например: S t r e c k, ZA, XV, стр. 311). Но это означает, что Парсуа совпадала территориально с царствами Араштуа, Амеки, Аты и т. д., которые анналы Ашшурнасирапала относят к Замуа.

Это изменение названия означает, что хотя население данной территории оставалось «каспийским» по языку, за истекшие 40–45 лет носители иранского мидийского языка продвинулись на запад, вплотную подойдя к VI району нашей классификации, и оказывали уже влияние на местную географическую терминологию. Следует подчеркнуть, что, в противоположность довольно распространенному мнению, Парсуа имеет с Персидой лишь то общее, что оба термина означают «окраину»; никакого основания полагать, что Парсуа была родиной персов, будто бы выселившихся отсюда в промежутке между концом VIII и серединой VII в. до н. э., не имеется. Необходимо иметь в виду, что Парсуа являлась земледельческим районом с оседлым населением, и очень трудно допустить, чтобы это население могло уйти и переселиться за 600 км отсюда, в Персиду. Топонимические и личные имена с территории Парсуа – отнюдь не иранские.

Перевалив через горы, ассирийцы спустились в область Месси (в верховьях реки Джегету),[1] а затем, по другую сторону хребта, в округа Аразиаш и Хархар, принадлежавшие уже к стране мидийского племенного союза, который здесь впервые упоминается в ассирийских источниках под названием «Амадай». На местоположении этих округов мы остановимся подробнее ниже; пока достаточно сказать, что ассирийцы прошли через IV район нашей классификации (верховья долины реки Кызыл-узен около Биджара) и, может быть, проникали и в долину нынешнего Хамадана.

Анналы Салманасара III называют четыре крепости, занятые им в стране мидян; названия их не принадлежат к иранскому языку и сходны с топонимикой Замуа и Парсуа.[2] Ассирийцам удалось угнать некоторое количество людей в рабство.[3] Большая часть населения и скот по обыкновению были укрыты в горах, так что в долине ассирийцы некоторое время чувствовали себя хозяевами и даже успели высечь на камне изображение Салманасара в Хархаре. Затем, однако, ассирийцы ушли, уведя

[1] Область Месу (Мессу, Месси) обычно упоминается в связи с Замуа, областью Мадам и особенно Гизильбундой (надпись Шамши-Адада V; KB, I, стр. 178 и сл.– ARAB, I, § 718; Ашшурнасирапал, анналы под 880 г.; надпись Ададнерари III, KB, 1.стр. 190.–ARAB, I, §739); она граничила также с областью маннейского племени таурлийцев и позже была пограничным районом Манны на границе с Парсуа (8 CS, строка 51 и сл.).

[2] Куакинда, Тарзанаби (?), Эсамуль, Кинаблила. Следует заметить, что в древних иранских языках не было «l»; поэтому ясно, что указанные и другие подобные топонимические названия не только были созданы не иранским по языку населением, но и были слышаны ассирийцами не из уст иранцев.

[3] Употребленный здесь термин šallatu («полон») означает именно такого роде добычу.

с собой пленного намарского «янзи», и не попытались удержаться в Мидии прочнее.[1]

Во время следующего похода, в 828 г.,[2] Салманасар был уже очень стар и лично в походе не участвовал; ассирийскими войсками командовал «туртан» (полководец) Дайан-Ашшур. Поход был на этот раз направлен против мелких «царств» приурмийской равнины (Внутренней Замуа). Вначале Дайан-Ашшур двинулся из долины Верхнего (Большого) Заба в расположенную южнее озера Ван Хубушкию, затем, через территорию некоего «Магдубу малхисского», повернул на юго-восток и вторгся на территорию Уалки, царя Манны.[3]

Уалки укрылся в горы, но ассирийцам удалось угнать много скота и захватить пустые поселения, в том числе Изирту (или Зирту), его крепость-резиденцию.[4] Далее поход шел через царство Харруна, где правил Шулусуну;[5] последний изъявил покорность Ассирии, и царство, его было обложено постоянной данью в виде упряжных лошадей. Единовременную дань ассирийцам принес Артасару,[6] царь Шурдиры;[7] затем ассирийцы ушли в Парсуа, где с части царьков получили дань, а часть «царств» разграбили.

С небольшими отклонениями тот же поход был повторен Дайан-Ашшуром и в следующем, 837 г. до н. э. Ассирийцы поднялись вверх

[1] «Черный обелиск»: KB, I, стр. 142, строка 125 и сл.–ARAB, I, § 581.

[2] Там же, стр. 146, строка 159 и сл.–ARAB, I, § 587.

[3] Здесь, единственный раз в ассирийских источниках, Манна названа не «Страной маннеев» (Māt Mannâi), а «Манаш». Окончание -aš не следует здесь этимологизировать из иранских языков, где оно существует как окончание именительного падежа (однако не в основах на -a); мы уже указывали, что это окончание было распространено в кутийском и других языках Загроса; менее вероятно, что это хурритско-урартское окончание эргативного падежа -s̄, -s̄e: хуррито-урартские собственные имена, как правило, передаются по-аккадски не в форме эргативного, а в форме абсолютного падежа. Заметим, что для эламского характерна передача иноязычных (конкретно, иранских) имен с окончанием -š в том числе и при основах на -a.

[4] Годар локализует Изирту в тепе Капланту, южнее Саккыза; однако маршрут похода Дайан-Ашшура 828 г.,казалось бы, заставляет искать Изирту в северо-западной части Манны. Скорее совр. Капланту – это Бушту. A. G o d a r d. Le Tresor de Ziwiye (Kourdistan). Haarlem, 1950, стр. 6.

[5] В тексте упоминается взятие крепости Масашуру.

[6] Имя «Артасару» поддается этимологизации из древнеиранского, например: ṛta-sar- – «объединенный с праведностью» (ср.: AIrWB, стр. 1564) плюс аккадское падежное окончание -u; менее вероятно, но мыслимо случайное созвучие.

[7] По мнению Штрека – то же, что Шурда других текстов (возможно также чтение Паддира); быть может, Шимерихадири урартских текстов? (см.: S t r e c k, ZA, XV, стр. 315). Шурда, согласно надписи «Анналов XIV зала» Саргона II (KS, стр. 80, строка 7), лежала на пути из Караллы (в верховьях Малого Заба, выше Сордешта?) в Кишессу, т. е., очевидно, в верховьях Джегету и его притоков.

по Большому Забу, затем перевалили на территорию Гильзана на западном побережье Урмии;[1] получив здесь дань рогатым скотом и лошадьми, как с самого Гильзана, так и с окрестных «царств» и племен, вплоть до Андии на нижнем течении реки Кызыл-узен,[2] Дайан-Ашшур прошел через Внутреннюю Замуа и Парсуа и спустился в Намар. По дороге он захватил горную крепость Бушту на границе Манны и Парсуа[3] и другие маннейские (?)[4] и парсуанские крепости,[5] а Намар подверг разгрому огнем и мечом. В конце похода войско вышло на территорию ассирийской провинции Замуа.[6]

Походы 834–827 гг. рисуют нам приурмийские и парсуанские земли управляемыми множеством мелких царьков; это царства Упу (Гильзан), Уалки (Манна), Шулусуну (Харруна), Артасару (Шурдира), Никдиары (Ида?), Никдимы (?), Нинни (Ариду) и др.; однако начинает выкристаллизовываться гегемония определенных царств, прежде всего, повидимому, царств Уалки и Никдиары, и в просторечии вся приурмийская территория, Внутренняя Замуа, начинала уже называться «Страной маннеев» по племени, населявшему одно из этих государств.[7]

С другой стороны, ассирийские походы, сохраняя характер походов грабительских, погони за добычей и рабами, в то же время ставят себе в какой-то мере целью более прочное подчинение данной территории и создание возможности для взимания постоянной дани. Пока, однако, это плохо давалось ассирийцам; лишь в редких случаях (например, Шулусуну, царем Харруны) им удавалось облагать «царства» постоянной данью; в остальных случаях местные вожди и царьки присылали дань лишь в виду приближения ассирийских войск или даже предпочитали укрывать скот и население в горах, оставляя ассирийским грабителям пустые крепостные стены.

---

[1] Эта страна, которой правил в середине IX в. Асау (он же Суа), а потом Упу, подвергалась ассирийским нападениям неоднократно – в 885, 856 гг. и др. Она платила от случая к случаю дань Ассирии еще со времен – Тукульти-Нинурты II и Ашшурнасирапала (см. выше).

[2] В том числе с Манны, Харруны, Шашганы и др. («Черный обелиск», строка 174 и сл. – ARAB, I, § 588).

[3] Бушту неоднократно упоминается как важный центр в связи с Манной и Парсуа в урартских надписях.

[4] Перри и Шитпуарпа. Текст поврежден, неясно, к какой стране эти крепости относились. Шитпуарпа, может быть, соответствует крепости «Шатирарага» (читать «Шатирарайа»?) урартских надписей.

[5] Кинихаману и Шалахаману.

[6] Через перевал Симеси «на границе Хальмана» – дословно «в начале Хальмана».

[7] Так (для краткости) в списке эпонимов обозначена территория, подвергшаяся нашествию в 828 г. до н. э.

В 827 г. в Ассирии началась серьезнейшая гражданская война; лишь в 823 г. новому ассирийскому царю Шамши-Ададу V удалось вновь установить единую власть на всей территории царства; его надпись сообщает в этой связи, что восточная граница Ассирии преходила при нем через Шурдиру и Ариду, т. е., по видимому, по восточным склонам гор, окаймлявших с запада Манну и Парсуа. За время гражданской войны в Ассирии урартский царь Ишпуини вышел на побережье Урмийского озера и включил царство Гильзан в Урарту.[1] Он нанес также, повидимому, тяжелое поражение царю Манны, так как в 20-х годах IX в. в качестве гегемона приурмийских царств и племен выступает не маннейский царь, а Шарсина,[2] сын Мектиары (Никдиары).

Немедленно по упрочении положения в Ассирии, Шамши-Адад V возобновляет походы на восток – отчасти для того, чтобы противодействовать урартам. Поход 821 г.,[3] направленный, согласно ассирийскому списку эпонимов,[4] «[против Сиг]риса»,[5] возглавлял полководец Мутаррис-Ашшур.

Главными противниками ассирийцев явились на этот раз Шарсина и урартский царь Ишпуини. Надпись Шамши-Адада V сообщает, что Мутаррис-Ашшур дошел до «Моря захода солнца»: не вполне ясно, имеется ли в виду Урмийское озеро или Каспийское море, но последнее кажется вероятнее.[6]

---

[1] Страна эта в его надписях ни упомянута, но с этих пор Гильзан исчезает из ассирийских источников. Включение этой области в Урарту видно также из того, что одновременно урарты овладели соседним Мусасиром (ср. Келяшинскую билингву Ишпуини и Минуи: Г. А. М е л и к и ш в и л и, У КН, № 19, стр. 302) и начиная с правления Минуи, сына Ишпуини, приступили к походам на юг от Урмии. Если понимать «Море захода солнца» в надписи Шамши-Адада V как Урмию, то, поскольку рядом с ним упоминаются поселения «Ушнины», это может быть еще одним подтвержденном занятия Ишпуини территории на западном берегу Урмии.

[2] Šarṣina; acc. ṣ может-передавать «ц»,«ч» и «дж»; acc. š обычно равно русскому «с».

[3] Надпись Шамши-Адада V: KB, I, стр. 178, II, 16 и гл. –ARAB, I, § 717; АВИУ, № 34, стр. 301.

[4] АВИУ, № 39, стр. 305.

[5] Это, может быть, и было названием царства Шарсины и Никдиары; главная их крепость называлась Идой. При Саргоне Сигрис находился, однако, южнее, где-то в современной провинции Ардилян. В эллинистическое время область Сигриана находилась, повидимому, на западном берегу Урмии (устное сообщение С. Т. Еремяна).

[6] При последнем понимании термина «Море захода солнца» в этом контексте приходится признать, что ассирийцы считали Каспийское морс сообщающимся с Черным и Средиземным к отличным от Персидского залива. Подобные воззрения о природе Каспийского моря господствовали, как известно, еще в эллинистическое время, хотя уже Геродот знал об их ошибочности.

Решив, что их положение в приурмийском районе является уже достаточно прочным, ассирийцы предприняли в следующем, 820 г. крупный поход против мидян. Перевалив через гору Куллар[1] и приняв дань, присланную царем Хубушкии (к югу от Ванского озера) и Шарсиной, а также племенами маннеев, сунбийцев, теурлийцев (позже влившихся в Манну) и жителей Парсуа, Шамши-Адад V прошел через землю мессийцев в верховьях Джегету. Здесь ему удалось захватить и свои руки большое количество скота, принадлежавшего мессийцам, в том числе не только крупный и мелкий рогатый скот, ослов и лошадей, но и множество двугорбых бактрийских верблюдов, появившихся в Мидии лишь незадолго до того (вероятно, с иранскими племенами, пришедшими из Средней Азии). Было сожжено большое количество деревень и поселений; мессийцы понесли большие потери. Затем ассирийцы вступили в горы Гизильбунды, отделявшие приурмийский район от собственно мидийской территорий.

После взятия первой горной крепости в этом округе[2] два гизильбундских вождя[3] прислали умилостивительную дань в виде упряжных лошадей. Третий, Пиришати, которому ассирийская надпись приписывает титул «царя гизильбундцев», решил оказать сопротивление. Все жители Гизильбунды сошлись в его крепость Ураш, однако архаическая крепость не могла устоять против высокой осадной техники ассирийцев. Ураш и окружающие мелкие крепости были взяты, причем, по ассирийским данным, 6000 воинов пало в битве, а 1200 воинов вместе с самим Пиришати захвачены в плен. Еще один гизильбундский вождь, Энгур, выразил покорность Шамши-Ададу, и в его крепости Сибаре[4] ассирийский царь воздвиг стелу со своей надписью и изображением.

[1] Гора Куллар – это, повидимому, основной хребет Загроса, как следует из надписи Салманасара III на «Черном обелиске», строка 50 и сл.; ср. также текст: KAH, II, №№ 112–114, IV, 5 и сл., и др.; она отделяла Внешнюю Замуа от Внутренней. Верховья долины Хубушкии примыкали к этому хребту. В Хорхорской летописи Аргишти I (III, 5) также, вероятно, надо читать (šadû) Ku-la-ari-ni. Речь идет, как заметил И. В. Арутюнян (Хорхорская летопись Аргишти I, стр. 97, прим. 20), и в этом контексте о Хубушкии. Элемент -lar на местном языке означал, повидимому, «гора»; ср., кроме Kullar, еще гору Ṣilar и др. Название Kullar сохраняется, повидимому, в названии одной из вершин Загроса – Колларадаг.

[2] Килаки, перед перевалом через «гору камня bišbizlda» – вероятно, гору Тахт-и Балкис.

[3] Титамашка из крепости Сассиашу на юго-западе области (см. ниже о походах Тиглатпаласара III) и Киара из крепости Кар-Сибуту.

[4] Acc. Ṣibaru, позже, у Саргона II – Ṣibar (неправильно Ṣimašpatti) и Ṣiburâ- Эту крепость надо искать в районе восточного берега верхнего Кызыл-узена или около Зенджэна, так как далее ассирийцы оказались у подножия Эльбурса.

Повидимому, к этому моменту ассирийцы находились уже к востоку от реки Кызыл-узена. Путь на земли мидян оказался открытым.

В среде западных соседей мидян, не вошедших еще в состав союза, как мы видели, господствовали разногласия и корыстная, недальновидная политика отдельных царьков, несмотря на то, что народные массы были объединены стремлением к отпору. Напротив, собственно мидяне находились, повидимому, под единым руководством военного вождя всего племенного союза. Это был Ханасирука,[1] имевший резиденцию в крепости Сагбиту.[2] Он пытался укрыться в снежных горах Эльбурса, но Шамши-Адад вынудил мидян к сражению. По словам ассирийской надписи, захватчикам удалось нанести мидянам большие потери людьми (2300 убитых) и разорить 1200 поселений, в том числе и крепость Сагбиту. 140 конников было взято в плен. Однако сопротивление мидян не было сломлено. На обратном пути, когда ассирийцы перевалили через горы между Казвином и Хамаданом,[3] им преградил дорогу Мунсуарта,[4] правитель Аразиаша – округа, лежавшего, повидимому, недалеко от Хамадана. Однако и этому отряду мидян был нанесен тяжелый удар (согласно надписи, они потеряли 1070 убитых); было захвачено много людей в рабство, а также скота под видом «дани».

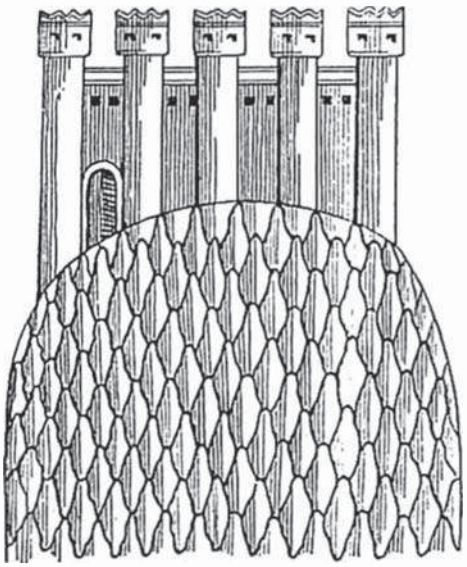

Рис. 32. Мидийская горная крепость. По ассирийскому рельефу из Дур-Шаррукина. Конец VIII в. до н. э.

Никогда еще племенам Мидии не наносилось такого поражения. Сказались результаты раздробленности и внутренних войн. Отчаяние и растерянность царили, повидимому, некоторое время среди правителей на всей территории от Урмии до Соляной пустыни. 27 или 28 правителей самых различных округов Мидии и Парсуа принесли дары ассирийскому царю перед его возвращением в Ассирию через перевалы горы Куллар. Надпись перечисляет их поименно, как и названия их

[1] Ḫanaṣiruka: KB, I, стр. 180 и сл., строка III, 26 и сл. – AKAB, I, § 720 и сл.

[2] Возможно, то же, что Бит-Сагбат, вероятно, в долине Абхар-чая или южнее, в горной области Карагана (к югу и юго-западу от Казвина).

[3] «Гора камня musi»: KB, I, стр. 180 и сл., строка III, 37.

[4] Munṣuarta, KB, I, стр. 180 и сл., строка III. 38; ARAB, I, § 721.

округов: все округа носят древние местные имена, и то же верно относительно большинства правителей; однако некоторые из них носят, быть может, и иранские имена; это по преимуществу правители наиболее восточных областей.[1]

Этот поход имел для Ассирии тройное значение: предотвращение возможных союзов между маннеями и мидянами, с одной стороны, и усиливавшимся Урарту – с другой; захват рабов и грабеж; подготовка к походу против Вавилонии, которая тем временем успела подчинить своему господству Намар. Следующая кампания (819 г.) была направлена против Вавилонии и в значительной мере протекала на территории Намара. Последующие годы были для ассирийцев заняты внутренними месопотамскими делами, однако о Мидии они не забывали.

В 810 г. Шамши-Адад V умер, оставив ассирийский престол малолетнему Ададнерари III. Фактически царством правила вдовствующая царица Саммурамат, вошедшая в историю под именем Семирамиды. Правление женщины произвело сильнейшее впечатление на все окрестные, привыкшие к патриархальным порядкам народы, и легенды о «Семирамиде» или «Шамирам» долго пользовались широкой известностью и сохраняются кое-где даже до нашего времени.[2]

---

[1] Список их таков (звездочкой отмечены имена с возможной – но во всех случаях ненадежной – иранской этимологией):

1. Сирашме бабарурец
2. Амахар хармешандец
3. Заришу парсанец
4. Заришу хундурец
5. Санашу кипабарутакен
6. Ардарай ушташшаен
7. Шума кинукец
3. Татай гингибирец
9. Бисирани арамец
10. *Парушта кибарушец
11. *Ашиашгатаук унлец
12. Амамащ кингиштилензахец
13. Тарсиху (?) масираушец
14. Маманши луксец
15. Занзар димамец
16. Сирашу симгурец
17. Гишта абданец
18. *Ададану асатец
19. Урси гинхухтец
20. *Бара гинзинец
21. Аруа киндутаушец
22. Кирнакуш кибриец
23. Забану зузарурец
24. *Иртисати гингирдец
25. *Барзута таурлаец
26. Шуа пани[. . .]ец
27. Сатирнай
28. *Артасирару

Быть может, вместо «Сатируай (и) Артасирару» надо читать «сатириеу Артасирару».

См. также: АВИУ, № 34, стр. 301 и сл.

[2] Подробный анализ легенды о Семирамиде, передаваемой Ктесием, см.: Hildegard Lewy. Nitokris-Naqi'a. JNES, XI, 4, 1952, стр. 264–265. Ср. также древнеармянские легенды о Шамирам в первой книге «Истории Армении» Моисея Хоренского, а также современные легенды: И. Я. Марр и И. А. Орбели. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пгр., 1921, стр. 7.

На правления Семирамиды и ее сына Ададнерари III (который начал править самостоятельно с 805 г., хотя и позже Саммурамат продолжала играть большую роль[1]) падает много походов против мидян и Манны – в 809, 807 (против Манны), 806 (против Манны), 800, 799, 797 (против Намру), 793, 792, 788 гг. Повидимому, ассирийцы задались целью прочно покорить Мидию. К сожалению, об этих походах мы знаем лишь из их краткого перечня в «Списке эпонимов» и из одной немногим более пространной торжественной надписи:[2] анналы Семирамиды и Ададнерари III до нас не дошли. Из надписи мы знаем, что к 802 г.[3] ассирийцы претендовали на господство в Эллипи (около Керманшаха), Хархаре,

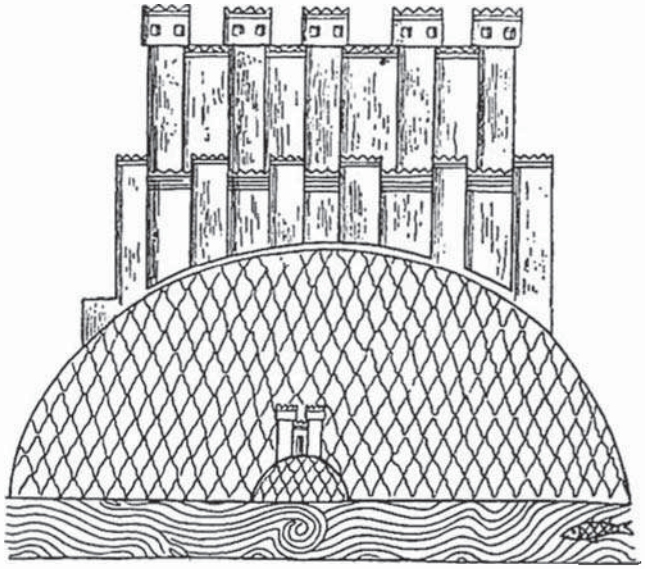

Рис. 33. Мидийская крепость. По ассирийскому рельефу из Дур-Шаррукина. Конец VIII в. до н. э.

Аразиаше (к северу от Хамадана), в Мессу, стране мидян, во «всей» Гизильбунде. Манне,[4] Парсуа, Аллабрии (в верховьях Малого Заба), Абдадане и вплоть до Андии и Каспийского моря.[5] Отдельное

[1] Она названа вместе с царем в надписях Белтарсиилимы, наместника Кальху, на статуях бога Набу, воздвигнутых, вероятно, в связи с введением в Ассирии культа этого бога, которому Ададнерари III оказывал особое почитание. Это не могло произойти много ранее 788 г. до н. э., когда началось строительство храма Набу в Ниневии.

[2] Речь идет об одной фрагментированной падписи из Нимруда, оригинал которое утерян. См.: I R, 35, № 1; KB, I, стр. 190. – ARAB, I, § 739.

[3] Это, повидимому, год составления упомянутой Нимрудской надписи Ададнерари. Последнее упоминаемое в ней событие – поход 802 г. до н. э. на Дамаск.

[4] В тексте – «Мунна».

[5] Все эти страны объединяются в этой надписи, как и в надписи Шамши-Ададa V, термином «Наири».

перечисление Хархара и Аразиаша показывает, что, когда надпись 802 г. говорит о стране мидян (Madâi) как таковой, то речь идет о более отдаленных районах, не ближе области Казвина и предгорий Эльбурса. События после 802 г. нам не известны. После этого года Семирамида и Ададнерари провели еще пять походов в Мидии. По данным Ктесия, Семирамида воевала далеко на востоке, вплоть до Бактрии; хотя на его данные очень трудно полагаться, но нельзя признать совершенно невероятным сохранение им здесь в какой-то мере обоснованной традиции, так как между 802 и 788 гг. ассирийцы могли значительно продвинуться на восток, хотя вряд ли до собственно бактрийской территории.

Во всяком случае народная традиция о завоевании Мидии Семирамидой и ее мужем, сохраненная Ктесием, в основе своей верна, хотя Ктесий по своему обыкновению сочинил на этой основе целый роман.[1]

3. Урартское наступление

Правление Ададнерари совпадает с началом наступления урартского царя Минуа на юго-восток. С этим именно царем, по всей вероятности, Семирамида и Ададнерари дважды воевали в Манне (в 807 и 806 гг.), пять раз – южнее озера Ван, в Хубушкии (в 801, 798, 791, 785 и 784 гг. до н. э.), и раз – в долине Верхнего Евфрата (в 786 г.). Также и преемник Ададнерари III, Салманасар IV, воевал с Урарту с 781 по 778 г., – повидимому, неудачно.[2] Урарту к этому времени представляло весьма серьезную опасность для Ассирии: еще в конце IX в.[3] урарты заняли Мусасир в верховьях Большого Заба, непосредственно угрожая центру Ассирии, а в начале VIII в. вышли на Верхний Евфрат.[4] Вероятно, к концу IX в. относятся походы Минуа в Манну, которых было не менее

[1] Содержание его сводится к следующему: чудесно рожденная и брошенная сирийской (аскалонской) богиней Деркето, Семирамида была вскормлена голубями и найдена пастухами, которые отдали ее ассирийскому военачальнику Симме. Затем она вышла замуж за сатрапа Онна и вместе с ним участвовала в походе царя Нина на Бактрию, причем дала совет, как взять Бактру. После этого царь Нин взял Семирамиду в жены, и она родила ему сына Ниния. После смерти Нина Семирамида отстранила Ниния от власти, построила Вавилон, высекла свое изображение на Багистанской (Бехистунской) скале, покорила Ливию, Эфиопию и Египет, воевала снова в Бактрии и Индии, на старости лет домогалась любви своего сына. Все это разукрашено у Ктесия различными баснословными подробностями (Diod., II, 3–19; Just., I, 1; Моисей Хоренский, I, 15 и др.).

[2] См.: A. Ungnad. Eponymenlisten. RLA, II, стр. 428 и сл.; АВИУ, № 39.

[3] См. двуязычную надпись из Келяшина, времени совместного правления Минуа и его отца Ишнуини: Г. А. Меликишвили, УКН, № 19, стр. 302 и сл.

[4] См.: С. М. Бациева. Борьба Ассирии и Урарту за Сирию. ВДИ, 1953, №2, стр. 31.

двух;[1] урартский царь воздвиг или восстановил даже крепость на маннейской территории (Мешта, совр. Таш-тепе, недалеко от Миандуаба), как о том свидетельствует находившаяся там его надпись.

Постройка крепости в древневосточных условиях обыкновенно свидетельствовала о превращении данной территории в наместничество; однако в IX–VIII вв. до н. э. в Ассирии и в Урарту еще иногда существовала практика назначения наместника при сохранении местных правителей. По видимому, именно такое положение сложилось при Минуа и в Манне, ибо из дальнейших данных видно, что Маннейское государство не перестало существовать.

В начале правления урартского царя Аргишти I (с 779/80 г. до н. э.) Манна еще продолжала находиться в зависимости от Урарту. Согласно так называемой «Хорхорской летописи» Аргишти I,[2] он вел войны южнее Манны и именно на этой территории (область ʻАрсита, города Бушту и Баруата)[3] трижды (в 5-м, 6-м и 8-м годах своего правления, 775, 774 и 772 гг. до н. э.) имел столкновение с ассирийскими войсками, причем проникал даже в долину реки Диялы – в Намар, который урартские источники называют «Бабилу» (т. е. «Вавилонией»)). Война «против Урарту и Намара» упомянута также в ассирийском списке эпонимов под

[1] Г. А. Меликишвили, УКМ, №№ 24 и 29, стр. 313 и сл.; № 2, стр. 253. Первый из этих походов был совершен еще во времена совместного правления Ишпуини и Минуа и относится ко времени между 820 и 810 гг.; второй следует отнести ко времени после 806 г. (последний поход Семирамиды на Манну) и даже, вероятно, после 802 г. (время составления надписи Ададнерари с упоминанием ассирийского господства над Манной). В то же время ассирийские походы на Хубушкию, начавшиеся с 801 г., следует, вероятно, рассматривать как контрмеру против наступления урартов на восточном фланге. Поэтому установление урартского господства и Манне следует, вероятнее всего, датировать 802–801 гг. до н. э.

[2] Переиздана И. В. Арутюняном (Хорхорская летопись Аргишти I. ЭВ, VII, 1953, стр. 81 и сл.; ср.: Г. А. Меликишвили, УКИ, №№ 127–123.

[3] ʻArsita – это Haršu, Harši, Harsu еще шумерских (SAKI, стр. 230, № 25; стр. 232, № 46; L. Delaporte. Tablettes de Drehem. RA, VIII, 1911, стр. 188, № 7, об. 5; OBI, № 125, сроки 24, 45), а потом ассирийских источников; так обозначена гора на границе области племени кумурдийцев на окраине Манны (Assurbanipal, II, стр. 102, III, 59.– ARAB. II, § 853) и поселение в Парсуа (KTP, стр. 3, строка 32.– ARAB, I, § 766); Buštu, Bustus – важная крепость, соперничавшая по значению со столицей Манны Изиртой, была также расположена на границе Манны и Парсуа, а в VIII– VII вв. до н. э. входила в состав Манны («Черный обелиск» Салманасара I: KB, I, стр. 148, строки 185–186=ARAB, I, § 588, Sammlung, III, стр. 38 и сл., стлб. IV – ARAB, II, § 851 и др.); Baruata–это Bît-Barrua ассирийских источников, находилась по соседству с Бит-Хамбаном и Эллипи, т. е., вероятно, где-то в верховьях реки Диялы (см., например: KTP, стр. 44, строка 13; стр. 50, строка 18; стр. 62, строка 29; стр. 64, строка 34.– ARAB, 1, §§ 784, 811, 795 и др.). К топонимическому суффиксу -ta ср. еще др.-перс. Kampanda и ассир. Bît-Hamban.

774 г.[1] Следовательно, в этот период Манна еще удерживалась урартами, потому что, ведя войну в Парсуа и Намаре, они должны были базироваться на маннейскую территорию, а между тем о покорении Манны царем Аргишти до тех пор в его анналах не говорится ни слова.

Однако несколько позднее Манна отложилась от Урарту. Именно в борьбе с Урарту Манна и консолидировалась, повидимому, в качестве единого государства, охватывавшего весь приурмийский бассейн, кроме западного и северного побережий. Маннейское государство оказывало ожесточенное сопротивление урартским царям.[2] Несмотря на

[1] См. A. Ungnad. Eponymenlisten, RLA, II, стр. 428 и сл.; АВИУ, № 39. Ср также: F. Thureau-Dangin et M. Dunand. Til-Barsib. Paris, 1936, стр. 141 и сл.– АВИУ, № 38. Столкновение Аргишти с ассирийцами дважды упоминается «Хорхорской летописью»: под 5-м годом, в связи с походом на «Вавилонию» (Намру), и под 6-м годом, в связи с походом на крепость Бушту в Парсуа. В ассирийских же списках эпонимов под 776 г. отмечается поход «против Урарту», под 774 г. – «против Урарту и Намру» (и до этого под 781, 780, 779 и 778 гг. – «против Урарту»). Поход 5-го года Аргишти был, возможно, ответом на вторжение ассирийцев в предшествующем году. Нам уже приходилось указывать, что m 'A-ar-si-ta-ni, упоминаемый в летописи Аргишти под этим годом, – не ассирийский царь Ашшурдан, как думал Сэйс, а местность Харси, или Харшу, в горах Парсуа. Ассирийский царь здесь не упоминается, а говорится лишь, что «в поселениях Ассирии, как (?) в своей стране, я собирал воинов». Речь идет, повидимому, о вторжении в Намру (Бабилу), а также, может быть, в ассирийскую провинцию Замуа. Так как инициатива принадлежала Аргишти, то естественно, что список эпонимов не упоминает в этот год ассирийского похода. Зато этот поход Аргишти вызвал ответную ассирийскую экспедицию в Намар в следующем, 774 г. Возглавлявший ассирийские войска туртан Шамшиилу называет себя победителем кутиев и Намара (см.: АВИУ, № 38) и рассказывает в своей надписи о столкновении с Аргишти. Летопись Аргишти со своей стороны сообщает, повидимому, что урартский царь «изгнал Ассирию из своей страны и разгромил (ее)» – mâtuAšurini su-ú-i-[du-lu]-bi za-[áš-gu]-bi mâtue-ba-ni-u-ka-n[i] (III, 31). Кроме того, под 8-м годом Аргишти «Хорхорская летопись» сообщает, что урартский царь во время похода на Манну «дошел до ассирийской границы (?)»-ku-tê-a-di pa-ri mâtuAšuri-ni-ni mâtual-ga-ni. Поскольку он эту границу не переступал, постольку и под этим годом в ассирийском списке эпонимов нет упоминания о столкновении с Урарту. Из всего этого вытекает, что 774 г. соответствует 6-му году правления Аргишти, который, таким образом, вступил на престол в 779 г. до н. э. Возможно, однако, что 1-й год Аргишти по сохранившемуся тексту «Хорхорской летописи» – это не 1-й, а 2-й год правления Аргишти (см. серьезные доводы Г. А. Меликишвили, У КН, № 127, стр. 232–233). В таком случав правление Аргишти нужно считать с 780 г. до н. э. (и по 759/58?), а нумерацию всех упоминаемых нами лет правления этого царя увеличить на единицу. Абсолютные даты не меняются. Г. А. Меликишвили датирует все события правления Аргишти I на 6 лет раньше, отождествляя ассирийский поход на Урарту 781 г. с первым упоминанием ассирийского войска в «Хорхорской летописи». Но в таком случае трудно согласовать остальные упоминания походов на Урарту, содержащиеся в ассирийском «Списке эпонимов», с данными «Хорхорской летописи».

[2] Так, в 10-м (11-м?) году правления Аргишти Манна, повидимому, даже попыталась перейти в наступление против Урарту, см.: Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 220 и 241.

разрушительные походы Аргишти I в 773, 772, 771, 769, 768 (?) гг. до н. э. и два похода его преемника Сардури II (в начале 50-х годов VIII в. до н. э.),[1] урарты более не смогли прочно покорить Манну.

Все же частичных успехов урартам удавалось добиваться. Так, в 775 г. Аргишти удалось захватить Бушту, в 771 г. – ряд районов к востоку от озера Урмии,[2] а 768 (?) г. – «царский город»[3] Шимерихадири (может быть, Шурдиру ассирийских источников?); но эти захваты Аргишти были только временными и не вели к постоянной оккупации территории. Однако к концу правления Аргишти Манна, повидимому, попала в полную зависимость от Урарту, так как сын Аргишти, Сардури II, снова мог совершить поход на Намар («Бабилу» – повидимому, в 750 г.).[4] Новое усиление Манны следует, быть–может, поставить в связь с ослаблением позиций Урарту и усилением Ассирии с приходом к власти ассирийского царя Тиглатналасара III. Как мы увидим, совершая свой первый поход на Мидию в 744 г., этот царь, повидимому, действовал в контакте с Манной. Повидимому, в том же году Сардури был вынужден воевать с Манной на ее территории и, по словам своей летописи,[5] заняв крепость Дарбу (на восточном побережье Урмии?), «присоединил землю к своей земле».[6] В дальнейшем походы урартов на Манну прерываются в связи с поражением, нанесенным им Тиглатиаласаром III в 743 г. до н. э.

События начала VIII в. имели исключительно важное значение для истории Мидии. В тот самый период, когда Мидия, не успевшая еще сплотиться для борьбы против столь грозного врага, как Ассирия, начала было становиться объектом планомерного разграбления и территориальных захватов со стороны ассирийской военной державы, наступление урартов привело к образованию буфера между Ассирией и Мидией от Урмийского озера до самого бассейна Диялы, почти на

[1] Летопись Сардури: Г. А. Меликишвили, УКН, № 155, тексты А, 1 и В, 12.

[2] Хорхорская летопись: Г. А. Меликишвили, УКН, 128 , стр. 231 и сл., IV, 54 и сл. (упоминаются области Угишти = Уишдиш; Долина Ашкайн= Ушкайа; гора Ууши=Уауш, т. е. Сахенд; гора Алате).

[3] «Царскими городами» в ассирийской терминологии назывались всякие, в том числе и местные центры администрации; повидимому, таково же было и Урартское словоупотребление.

[4] Летопись Сардури, текст А, 1 и сл. О хронологии походов Сардури II см.: Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту, стр. 211 и сл.

[5] Летопись Сардури, текст В, 12–18.

[6] Из дальнейшего мы увидим, что влияние Манны во всяком случае распространялось далеко на юг, вероятно за пределы бассейна реки Джегету; тот факт, что поход на Намар официально назывался, по надписи Сардури II, походом на Манну, указывает на то же самое.

границе Элама, и тем самым спасло Мидию от подчинения Ассирии. Когда же урарты сами стали крупнейшей опасностью для народов Мидии, освободительная борьба Манны, сплотившая все приурмийские племена, устранила эту новую опасность для расположенных далее к югу и к востоку племен.

Наконец, когда Урарту, как казалось, вторично покорило Манну и Сардури II опять уже отважился совершить набег на «Вавилонию» т. е. на Намар, в долине реки Диялы, – на помощь маннеям и мидянам пришло самое соперничество между великими державами-завоевательницами – Ассирией и Урарту. Тяжелое поражение, нанесенное Урарту реформированными ассирийскими войсками Тиглатпаласара III в 743 г., положило конец претензиям урартов на господство в Манне, и для этого государства начинается период расцвета, когда оно по силе и значению лишь немногим уступало Урарту и Ассирии..

Дальнейшие наши сведения о Манне относятся уже к 719 г., но ряд приводимых ассирийскими источниками данных позволяет восстановить также и картину этого государства в предшествующий, счастливый для него период 743–720 гг. до н. э. По тому, что Манна потеряла в последующий период, можно судить, чем она обладала в период предыдущий.

Разгром Сардури II войсками Тиглатпаласара III сразу поставил Манну во главе всей территории нынешнего Иранского Азербайджана. Царь, правивший в это время в Манне (мы не знаем, был ли это уже Иранзу, умерший около 718 г.), оказался достаточно энергичным, чтобы использовать сложившуюся ситуацию. В результате в 30–20-х годах VIII в. до н. э. Манна, включая зависимые от нее области, во всяком случае охватывала весь южный бассейн озера Урмии, значительную часть бассейна реки Кызыл-узен с расположенными на юг от него районами, а также восточное побережье Урмии, по крайней мере до водораздела между Урмией и Араксом,[1] а может быть, и другие районы: северо-восточные и особенно северные и северо-западные границы Манны нам не ясны.

Другими словами, территория Манны и подчиненных ей областей почти совпадала тогда с будущей Мидией Атропатеной и с территорией нынешнего Иранского Азербайджана.

[1] См. ниже о Суби, стр. 239

4. Государство Манна и его устройство

У нас имеются некоторые данные об общественном и государственном устройстве Маннейского государства.[1]

Население Манны, как и других областей, было преимущественно скотоводческим (разводились овцы, крупный рогатый скот, лошади, ослы, некоторое количество двугорбых верблюдов),[2] однако ни в одной из других частей будущей территории Мидии земледельческое производство не играло, наряду со скотоводством, столь большой роли. Так, во время похода Саргона II на Урарту в 714 г. маннеи снабжали ассирийское войско мукой и вином;[3] земледельческое производство отмечается реляцией Саргона II неоднократно и в районах, спорных между Урарту и Манной.[4] Библия упоминает сорт пшеницы, называемый «миннит», что можно было бы перевести как «маннейская»[5] (хотя возможно, что это обозначение является производным от названия общины Миннит в Транспордании).[6] Этим сортом пшеницы торговал финикийский город Тир, покупая ее в Иудее и Израиле; товар этот упоминается рядом с конями из Тогармы (Малой Армении), слоновой костью и эбеновым деревом, перепродаваемым в Малой Азии и на островах Средиземного моря (?), изделиями сирийского ремесла, дамасским вином и т. п.[7]

Ремесло в Манне, – как и вообще в Замуа, о чем говорилось выше (стр. 173–177), – было развито высоко; недавняя находка клада в Зивие, около Саккыза, познакомила нас с художественной обработкой металла маннейскими мастерами IX–VII вв. до н. э. (см. об этом ниже, в главе VI).

Маннейскос общество в значительной мере сохраняло племенную структуру. Характерно, что если урартские тексты называют данное государство «Страной Мана» (Mana-ni ebani), то ассирийские источники почти всегда называют его «Страной (племени) маннеев» (Mât Mannâi).[8] Наряду с собственно маннеями ассирийские памятники называют

---

[1] Прекрасную сводку материала и характеристику истории и общества Манны дал Г. А. Меликишвили: Некоторые вопросы истории манейского царства. ВДИ, 1949, №1, стр. 57 и сл.

[2] Таков состав дани, собиравшейся с Манны различными ассирийскими царями.

[3] 8 CS, стр. 10, строка 53.

[4] Там же, стр. 28, строки 163– 166; стр. 30, строка 186; стр. 32, строка 197; стр. 42, строка 262 и сл., и др.

[5] minnit – ж. р. от Minni – «Манна», «манней», «маннейский».

[6] Jud., XI, 33.

[7] Речь Иезекиила о Тире (VI в. до н. э.): Hez., XXVII, 17. Ср.: АВИУ, № 84.

[8] Так же по древнееврейски (Minnî). В ранних ассирийских, текстах Манна в узком смысле слова называется также Munna или Manaš.

ряд других племен, вошедших в состав государства Манны: теурлийцы, мес(с)ийцы, далийцы, сунбийцы, кумурдийцы. Соответственно сильным первобытно-общинным пережиткам, существовавшим в Манне, народ еще принимал здесь, в отличие от других государств Древнего Востока, активное участие в общественной жизни; мы услышим в дальнейшем о восстании народа Манны против одного из маннейских царей – исключительное явление в истории Востока этого времени, где мы чаще слышим о дворцовых переворотах, гаремных заговорах или же о восстаниях вельмож и войска; мы знаем там также о народных восстаниях против иноземных угнетателей; но восстание против своих собственных эксплуататоров означает такую степень общественной активности и внутренней солидарности народных масс, какой другие народы, в силу ряда исторических условий восточного рабовладельческого общества, в то время не обладали.

Отсутствие придавленности свободных сказывается и в характере государственного строя Манны. Повидимому, маннейский царь правил своим государством не самодержавно, а был ограничен властью совета старейшин. Согласно тексту ассирийского царя Саргона II,[1] маннейский царь встречал его на границе Манны «сам со своими великими, старейшинами, советниками, родичами, наместниками и предводителями, ведающими его страной». Затем, перед выступлением Саргона в поход маннейский царь ходатайствовал об отмщении за его обиды, опять-таки не сам, а «со своими великими, советниками страны его».[2] Речь идет здесь об обычном государственном органе раннеклассового общества – совете старейшин, формально являющемся пережитком органа еще первобытнообщинного строя, но фактически используемым как оружие классового насилия – прообраз греческого «булэ» и римского «сената». Текст Саргона II даст достаточно ясное представление и о составе этого органа, ибо «советники страны его» во втором контексте – это, очевидно, то же, что «старейшины, советники, родичи, наместники и предводители» первого контекста: «великие», т. е. знать в стране Манна, заседавшая в совете старейшин, состояла из родовой знати и местных вождей, из родичей царя и из наместников, которые, конечно, также вербовались из местной родовой знати и царских родичей.[3]

[1] 8 CS, стр. 8, строка 33.

[2] Там же. стр. 12, строка 58. Ср.: АВИУ, 49(6), (51) и прим. 11.

[3] Совет старейшин в Манне был, таким образом, по типу и составу очень близок к совету (pankus) Хеттского царства, о котором подробно см.: Н. М. Никольский. Реформа хеттского царя Телепина. Изв. АН БССР, 1948, № 2, стр. 52 и сл.; И.М. Дьяконов. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. ВДМ, 1952, № 4, стр. 291. См. также: Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы истории манейского царства, стр. 57 и сл.

Таким образом, государство Манну можно характеризовать как раннеклассовую олигархию, управляемую царем совместно с советом старейшин из родовой знати, при значительной еще активности свободных демократических слоев населения, находящихся в борьбе с олигархией.

Государство Манна делилось на области (ассир. nagê): Сурикаш – район современного Саккыза (?), Месси – верховья реки Джегету, Уишдиш – восточное побережье озера Урмия, Арсиянши, Эрештейана и др.; повидимому, во главе этих областей и стояли упоминаемые ассирийскими источниками «наместники» (šaknu); по всей вероятности, области эти в значительной мере воспроизводили деление племенных территорий.

Характерной фигурой маннейской администрации были «владыки поселений» (ассир. bêl âli – возможно также чтение идеограммы как ḫazânu – «общинный староста»), еще более типичные, впрочем, для мидийского племенного союза, в связи с которым этот термин будет разобран подробнее. Пока скажем лишь, что речь идет о племенном вожде или вожде родовой или территориальной общины.

Рабство было несомненно распространено в Манне. Об этом мы можем судить на основании общего уровня развития общества. Материальная культура Маннейского царства, как видно из вещей саккызского клада, стояла на том же уровне, что и культура Урарту; отсюда можно заключить и о сходстве общественных условий. Общество Манны можно определить как раннее рабовладельческое; мы можем предполагать, что рабство не получило еще здесь большого развития, вряд ли часто выходя за пределы патриархального и домашнего рабства. Таков был строй общества Манны в VIII–VII вв. до н. э.

5. Начало государственности на территории мидийского союза

Манна была не настолько сильна, чтобы объединить под своей властью расположенные к юго-востоку племена и воспрепятствовать не только урартским, но и ассирийским походам в Мидию; период наиболее благополучного развития мидийского союза был тяжелым для Манны периодом ожесточенной освободительной борьбы последней против Урарту, начиная с 788 (последний поход войск Семирамиды и Ададнерари III в Мидию) по 745 г., т. е. до начала новой ассирийской агрессии. Возвышение Ассирии в ущерб Урарту дало Манне возможность оправиться, но зато создало серьезнейшую опасность для мидийского пле-

менного союза, которую Манна в то время не способна была устранить. Начиная со вступления в 745 г. на ассирийский престол Тиглатпаласара III, приведшего к поражению Урарту и содействовавшего временному расцвету Маннейского государства, для мидийского племенного союза начались тяжелые времена новых ассирийских вторжений.

Ассирийские источники сообщают нам о многих десятках отдельных правителей на территории Мидии, ни один из которых не выделялся сколько-нибудь заметно среди остальных.

В позднейшей устной народной традиции мидян два периода ассирийских нашествий, первый – с 834 по 788 г. и второй – с 744 по 678 г., слились, повидимому, воедино и связались с именем и образом женщины-воительницы, царицы Семирамиды. Мидянская традиция ясно помнила, что вслед за периодом ассирийских захватов последовал период независимости; предшествовавшей, однако, созданию собственной общемидийской государственности. Эта традиция сохранена для нас Геродотом и в искаженном виде также Ктесием. Геродот пишет (I. 96–97): «Ассирийцы господствовали[1] над верхней Азией[2] в течение пятисот двадцати лет; первые положили начало неповиновению мидяне и, сражаясь с ассирийцами за свободу, они, повидимому, оказались доблестными мужами и освободились, сбросив с себя рабство. После этого и другие народы сделали так же, как мидяне. . . был среди мидян муж мудрый, именем Дейок, сын Фраорта; этот Дейок, страстно желая единовластия, совершил следующее: мидяне жили (тогда) деревнями;[3] будучи в своей и раньше уважаемым, он – хотя знал, что несправедливый находится во вражде со справедливым – стал соблюдать справедливость лучше и усерднее, между тем как во всей Мидии делалось беззаконие. Мидяне из его деревни, видя его поведение, избирали его судьей... Поскольку грабеж и беззаконие по деревням стали еще больше, чем прежде, мидяне сошлись в (одном и) том же месте, обме-

[1] Господствовали еще в момент описываемых событий; таким образом, 520 лет надо считать не от момента отложения мидян, а от падения Ассирии или от начала создания Мидийского царства. Первое появление ассирийских войск в глубине территории будущей Мидии, как мы видели, относится ко второй половине II тысячелетия, что согласуется с мидийской традицией. Это подтверждается и тем, что Геродот говорит в другом месте (I, 102), что «ассирийцы находились в хорошем положении» (heðutōn eu hēkontes и т. д.).

[2] tēs anō Asiēs – имеется в виду Азия к востоку от реки Галис (Кызыл-Ырмак в Турции), Asia Magna (ср.: tēs anō Haiuos potamou Asiēs; Н е г., I, 130).

[3] kata kōmas; следует иметь в виду, что kōmē не обязательно означает открытое поселение, а может означать вообще поселение, не имеющее гражданского самоуправления (polis): оно могло в данном случае быть и обнесенным стенами.

нивались речами, говоря о происходящем,[1] . . . уговаривали друг друга подчиниться царской власти (basileuesthai)».

Уже не раз указывалось, что здесь в наивной форме, со сведением сложного и длительного процесса к деятельности и времени жизни одного лица, все же весьма правдиво воспроизведена картина общества накануне создания государства: независимые «деревни» (kōmē), имущественное расслоение, борьба «всех против всех», грабеж имущества, выборные еще должностные лица, уже стремящиеся, однако, к царской власти, народное собрание и т. п.[2] Однако, как кажется, не было замечено то обстоятельство, что описанная Геродотом картина как нельзя лучше подходит к определенному хронологически отрезку истории Мидии – именно к периоду после того, как господство ассирийцев прекратилось (в 788 г. до н. э.), и до того, как создалось Мидийское государство, что, как мы увидим ниже, произошло в 70-х годах VII в. до н. э. Точнее говоря, описанный Геродотом период – это, вероятно, период до начала новых ассирийских завоеваний в 744 г. до н. э., забытых традицией и слившихся в памяти мидян со временем ассирийской агрессии при Семирамиде.[3]

Мы уже видели, что если принять буквально хронологию Геродота, то начало правления Дейока может быть отнесено к 727 г. до н. э. (по другому расчету[4] – 699 г. до н. э.). Но картина царствования Дейока в

[1] Здесь Геродот от себя (hos d'egō dokeō) вставляет в изложение слышанного им традиционного рассказа предполагаемую речь друзей Дейока.

[2] Ср. блестящую характеристику подобного общества у Ф. Энгельса: Происхождение семьи, частной собственности и государства. ОГИЗ – Госполитиздат, 1949, стр. 168 и сл.

[3] Семирамида, согласно Геродоту (I, 185), жила за пять поколений (около 150–165 лет) до Нитокриды, матери Лабинета (I, 188). Лабинет – это последний вавилонский царь Набунаид (555–518 гг. до н. э.); его мать, хотя и не была на самом деле царицей, однако, действительно была выдающейся деятельницей; умерла она в 50-х годах VI в. до н. э.; см. ее надпись (не отца Набонида, как указано в издании Лэнгдона): NBKI, стр. 288 и сл. Традиция, переданная Геродотом, приписывает Нитокриде деяния, совершенные Навуходоносором II (604–563 гг. до н. э.). Таким образом, Семирамида, по Геродоту, жила где-то в период между 770 и 700 гг. Если учесть, что Дейок, по Геродоту, как мы видели, начал царствовать около 727 г. или около 700 г. до н. э., то можно предполагать, что Геродоту была известна традиция о том, что Семирамида осуществляла господство над Мидией до освобождения мидии от ассирийской власти. К сожалению, до нас не дошла (или, может быть, не была записана) обещанная Геродотом история Ассирии (I, 106), где он несомненно должен был рассказать и о Семирамиде.

[4] Именно, если включить время владычества скифов в правление Киаксара. Геродот говорит (1, 106), что Киаксар правил «сорок лет с теми, когда владычествовали скифы» (sun toisi Skuthai ērksan), а с другой стороны (I, 130), что мидяне были покорены персами, «провластвовав над Азией выше реки Галиса сто тридцать лет без двух, кроме того (? – pareks), сколько властвовали скифы». Но, исходя из указанной Геродотом продолжитель-

описании Геродота настолько плохо согласуется с тем состоянием мидийского общества, которое рисуют для периода 745–675 гг. до н. э. ассирийские источники, что некоторые историки считали себя вынужденными совершенно отбросить свидетельство Геродота. Однако нет оснований для подобного гиперкритицизма: вернее считать, как и считает большинство исследователей, что традиция, переданная Геродотом, сосредоточила на основателе династии события, относящиеся ко времени всей династии в целом. Как мы уже указывали, тяжелый для Мидии период 745–675 гг. не нашел отражения в традиции; в связи с этим возможно, что в списках царей-Дейокидов выпало еще одно имя (см. об этом ниже). Во всяком случае мы вправе, учитывая явное искажение традиции, перенести воцарение Дейока на несколько более раннее время – на период между 788 и 745 гг.

Такой перенос оправдан еще и тем, что он подтверждается ассирийскими источниками. По их данным, в 715 г. некто Дайаукку был взят в плен ассирийцами и сослан в Сирию (см. ниже). Обычно полагают, что этот Дайаукку – то же лицо, что и Дейок Геродота.[1]

ности лет правлений Дейока (53), Фраорта (22), Киаксара (40) и Астиага (35), легко подсчитать, что ни при предположении, что владычество скифов включено в правление Киаксара, ни при предположении, что оно в него не включено, цифра 128 лет получиться не может, как бы мы ни понимали pareks – т. е. включим ли мы владычество скифов в эти 128 лет, или нет. При этом безразлично, считаем ли мы владычество мидян над Азией с Дейока или с Фраорта. Между тем, как мы видели выше, те же цифры отдельных правлений (может быть, с исправлением цифры 53 для Дейока на 50) и тот же порядок этих цифр были известны уже Ктесию. К тому же, для того, чтобы порядок цифр был неправильным, нужно предположить, что писец сделал двойную ошибку: например, в начале главки I,102 вписал tria kai pentēkonta «пятьдесят три» вместо duo kai eikosi «двадцать два», а в конце той же главки – наоборот, duo kai eikosi вместо tria kai pentēkonta. Поэтому отдельные цифры и их порядок надо считать правильными, а искать ошибку в суммировании, произведенном самим Геродотом. Есть предположение, что Геродот ошибочно сложил, вместо цифр лет Фраорта, Киаксара и Астиага, цифры лет Дейока, Киаксара и Астиага. Тогда 53+40+35 действительно=128 («кроме» того, сколько властвовали скифы, т. е. + еще 28). Но и при этом предположении нужно допустить либо, что sun toisi Skuthai ērksan в главе I, 106 – глосса писца, пытавшегося найти выход из путаницы, и что Киаксар правил не (40–28)=12 лет, а действительно 40, либо что pareks в главе I, 130 значит не «кроме», а «с вычетом» того, сколько властвовали скифы, т. е. что цифра 128 складывается из [53+(12+28)+35=128]–28=100. Поэтому суммарную цифру в I, 130 не нужно принимать во внимание.

[1] Оба имени – греч. (ионийск.) Dēiokēs <*Dāiokās и accup. Dâjaukku – закономерно, сообразно с фонетическими законами соответствующего языка, передают иранское *Dahyâuka – имя, образованное от основы dahyu–«страна», «племенной союз» с обычным иранским именным суффиксом -ka; [-и в ассирийском, -ās ‖ -ēs в греческом – окончание именительного падежа, h в конце слога не может быть передано ни в том, ни в другом языке иначе, чем удлинением гласного; -au- в иранских именах регулярно дает в греческом

Если вспомнить, что Геродот даст Дейоку 53-летнее (или, правильнее, пятидесятилетнее?) правление, то начало этого правления можно, таким образом, отнести приблизительно к 767 г. до н. э., что прекрасно согласуется с высказанными выше соображениями. Однако надо учитывать и возможность того, что 53 года правления Дейока у Геродота (цифра вообще приблизительная) включают и время правления пропущенного последним царя, которого следует поместить между Дейоком и Фраортом. Так как последний начал править, как мы увидим, вероятно, около 673 г. до н. э., то нельзя исключить возможности, что правление Дейока началось действительно несколько позже, уже после похода Тиглатпаласара III, и что сплочение мидян вокруг Дейока объяснялось не только необходимостью (разумеется, для нарождающегося господствующего класса) в сильной власти во внутренних делах общества, но и стремлением к большей внешней безопасности.

Одно ясно – Дейок не был и не мог быть, как это рисует Геродот, царем всей Мидии. Он был лишь одним из весьма многочисленных мелких мидийских правителей. На него отраженно лег блеск истории его потомков. Он не был даже вполне самостоятельным правителем сколько-нибудь крупной области; в 715 г. ассирийский источник называет Дейока «наместником Манны» (šakin Mât Mannâi),[1] хотя ассирийские тексты вообще необыкновенно щедры на царские титулы.

Действительно, весьма вероятно, что вначале Дейок разумно поставил свое новое, еще совсем небольшое и слабое государство под покровительство могущественной в то время Манны; но затем он попытался добиться полной самостоятельности, вступив для этого в союз с Урарту, что и было, как мы увидим, причиной его падения.

Местонахождение царства Дейока нам не известно. Судя по тому, что он был наместником Манны, следует предположить, что оно примыкало к маннейской территории, соответствуя тому, что ассирийские источники называли «Мадай» в узком смысле (в долине Кызыл-узена). Неясно, была ли Экбатана, как об этом говорит Геродот, центром царства уже при Дейоке. В Экбатане, как мы уже указывали, скрещиваются важнейшие караванные пути; это – сердце древней Мидии, и естественно, что это место могло быть избрано в качестве политического центра страны. Обычно полагают, что термин «Экбатана» – «место со-

не только -ō-, но и -o-: (Darei(v)os–Dārayavahuš – «Дарий»); удвоенное -kk- в ассирийском закономерно для этого языка вызвано ударением, падавшим в мидийском на дифтонг -au-]. Об имени якобы отца Дейока – «Фраорт».

[1] Анналы, строка 76–77: KS, стр.16.

браний»[1] – означает «ярмарку» или что-либо в этом роде. Но нам кажется столь же вероятным, особенно в свете рассказа Геродота, что здесь действительно происходили народные собрания племенного союза, на одном из которых Дейок и был избран его предводителем, оставаясь в то же время «судьей» своей общины в долине Кызыл-узена.[2]

Так можно объяснить, каким образом – хотя традиция возводила единство Мидии уже к этому времени – могли одновременно существовать и засвидетельствованные источниками мелкие независимые «области» Мидии. Естественно, что ассирийцы могли не признавать Дейока, правителя маленькой области и наместника Манны, вождем всех мидян.

Данные мидянской традиции об общественном устройстве Мидии до Дейока и при нем, передаваемые Геродотом, дополняются данными, извлекаемыми из ассирийских источников, а также данными Авесты. Как мы уже указывали, возникновение Авесты может быть отнесено только к крайнему востоку Мидии, если она не была составлена вообще целиком в Средней Азии. Но древнейшие части Авесты – песнопения Гат и прозаическая «Ясна семи глав», а также Яшты рисуют условия, несомненно характерные в целом для оседлых иранских племен начала I тысячелетия до н. э., и следовательно, может дать нам представление по крайней мере об аризантах; впрочем, из сопоставления с ассирийскими источниками видно, что трудно провести грань между условиями общественной жизни племен, иранских по языку и местных, кутийско-луллубейских («каспийских») по языку. Для традиций Авесты характерно определенное иерархическое членение общества, восходящее еще к первобытно-общинному строю, но консервировавшееся религиозным законом еще и значительно позже. Это – деление dəmīnā-, vīs, šōiθra-, dahyu (в Гатах)[3] или nmāna-, vīs, zantu. daŋhu (в Младшей Авесте).[4] Как мы увидим, то же деление характерно для Мидии, согласно свидетельству ассирийских источников и Геродота, а также для Персии. Разбор этих терминов позволяет придти к известным выводам о состоянии общества.

1) nmāna-. Это дом в смысле жилища, но также в смысле «фамилии», т. е. патриархальной семьи, включая и рабов. Во главе него стоит пат-

[1] Hangmatāna, от ham- – «вместо», «с» и gam- – «ходить».

[2] Экбатана, по крайней мере под этим названием, ассирийским источникам не известна.

[3] Ясна XXXI, 16 и 18. *Māna-, nmāna- – ассимиляция формы dəmāna-, от одного корня с русским «дом».

[4] Яшт X, 17–18; Яшт X, 83–84; Видевдат, VII, 41–42; Ясна IX, 27 и др.

риарх, «владыка дома» (nmānōpati-, nmānya-). У Геродота термину nmāna соответствует oikia,[1] весьма точно его передающее. От того же корня образовано и древнеперсидское māniya-, к которому нам впоследствии придется еще вернуться. В Бехистунской надписи персидского царя Дария I говорится, что он вернул народу-войску отнятые было магом Гауматой abičariš gaiθāmča māniyamča viθbišča.[2] Это выражение долго являлось камнем преткновения для толкователей, хотя почти все были согласны, что abičariš означает «пастбища», а gaiθā – «имущество», «скот».[3]

В самое последнее время появилось два толкования слова māniya-. Одно принадлежит В. О. Тюрину,[4] другое – И. Гершевичу.[5] Оба они связаны с тем, что в персепольских хозяйственных документах V в. до н. э. чрезвычайно часто упоминается слово kurtaš, которым в эламском переводе Бехистунской надписи передается древнеперсидское māniya-. Согласно В. О. Тюрину,[6] «kur-taš вне Персеполя с характерными для них условиями труда. . . представляют, очевидно, рабочую силу из тех обедневших семей земледельцев и пастухов, которые еще не потеряли всех средств производства, еще имеют в своей общине (viθāpatiy) надел. . . если не сам глава семьи. . . то его māniyam – "домашние", члены его семьи, часто экономически становятся kur-taš, "добывающими плату..."» и т. д.

Здесь мы не будем касаться вопроса, в какой мере правильна в целом концепция социальной структуры древнеперсидского общества, предлагаемая В. О. Тюриным; на этом вопросе мы остановимся ниже. Здесь для нас важно, что, по В. О. Тюрину, др.-перс, māniya - означает «домашних», принадлежащих к «дому-фамилии», *māna (авест. nmāna-, dəmāna-).

Иную точку зрения высказывает Н. Гершевич. Он отвергает предложенную издателем персепольских таблеток Камероном этимологию kurtaš (из др.-перс. *kṛta«сделанный» или *krtar-, *krtā «делатель») и весьма убедительно доказывает, что это слово восходит к др.-перс.

[1] Her., I, 99, 107, 109, 122. Гарпаг – родич, aner oikeios царя Астиага (I, 108).

[2] Beh., I, 64 (эламск. 1, 49). Может быть, лучше других перевод Кента (R. C. Kent. Old Persian Grammar Text Lexicon. New Haven, 1950, § 252, I): «abičariš, и māniya- и вместа с viθ».

[3] Впрочем, в Авесте значение gaiθa- шире, см.: W. Geiger. Ostirānische Kultur im Altertum. Ertangen, 1882, стр. 346, прим. 4, стр. 400, прим.

[4] В. О. Тюрин. Социальное положение kur-taš по документам из «сокровищницы» Персеполя. ВДИ, 1951, № 3, стр. 35 и сл.

[5] I. Gerschevitch. G. G. Cameron. Persepolis Treasury Tablets. Chicago. 1948 (рец.). Asia Major, N. S., v. II, стр. 139–142.

[6] В. О. Тюрин, ук. соч., стр. 37.

*gṛda-,[1] авест. gərəda-,– «дом», что является полной параллелью к māniya *māna– «дом». Ссылаясь на Бэйли, Гершевнч указывает на иранское заимствование mānye (род. п. мн. ч.) – «рабов» в тохарском и сопоставляет термин māniya-=kurtaš с греческим oiketēs – «домашний раб».

Оба значения могут, однако, быть согласованы. Подобно тому, как латинск. familia равно включала не только жену, детей и жен детей, но также и рабов, так и иранск. dəmana-, nmāna *māna должна была, по крайней мере первоначально, включать и тех и других. Привлечение kurtaš к работам на царя основано, как думает В. О. Тюрин, на общинных повинностях; но этим повинностям, как показывают аналогии из других древневосточных обществ, подлежали все вообще, а не бедные только общинники; но богатые посылали своих рабов, а бедные своих домашних; в том и другом случае этих работников можно было объединить под общим термином māniya– «домашние», «члены фамилии». Что же касается мага Гауматы, то едва ли подлежит сомнению, что он отнимал у граждан-общинников не их членов семейств, как думает В.О.Тюрин, а именно рабов и, может быть, фамильное имущество.

Таким образом, приведенное выше выражение abičariš gaidamca nianiyamca viϑbišča скорее всего должно быть переведено – в зависимости от того, как понимать грамматическую форму viϑbiš[2] – либо как «пастбища, движимое имущество (скот), домашнюю (челядь, домочадцев)[3] и (с) поселениями», либо как «пастбища, движимое имущество (скот), домашнюю (челядь, домочадцев) и (притом по) поселениям».[4]

Пока для нас важно лишь то, что, судя по этому контексту, у персов в конце VI в. имущество состояло главным образом из пастбищ, скота и, возможно, известного количества рабов. Поля, сады и сельскохозяйственные сооружения не составляли наиболее типичной части имуще-

[1] Сохранено в вавилонск. ᵏᵘgardu, арам. GRD; ср. вавил, ᵏᵘgardupat(a), эламск. kurtapattliš, из др.-перс. *gardapati– «начальник garda-», см. I. Gershevitch, ук. рец., стр. 142.

[2] Эта форма – творительный падеж. Он может быть употреблен здесь либо с сопроводительным значением, либо с обобщающим значением после перечисления.

[3] В арамейском переводе Бехистунской надписи (A. Ungnad. Aramaische Papyrus aus Elephantine. Kleile Ausgabe, Leipzig, 1911, стр. 91, фрагм. 68 A, 2) интересующий нас контекст сохранился не полностью; сохранились лишь слова «. . .] NKSYHWM WBTYHWM [. . .» – «. . .] их движимое имущество и их дома [. . .». Возможно, что в арамейском переводе порядок слов был несколько иной, чем в персидском тексте. В письмах сатрапа Аршама (C. R. Driver. Aramaic Documents of the Fifth Century B. C., Oxford, 1954. VII. 2. 3; XII, 9). GRD WNKSY соответствует, видимо, māniya- и gaiϑā-.

[4] В зависимости от того, какой перевод мы выберем, за термином viϑ- – «поселение» придется, специально для древнеперсидского языка, признать либо значение «(родовой) двор» – это совпадало бы не столько с авестским vis, сколько с авестским nmāna, либо значение «(родовое) селение». Второе вероятнее.

ства перса, по крайней мере к моменту возникновения терминологии.[1] Не было особенно распространено в Персии и специализированное ремесло.[2]

Примерно таково же было положение и у народа Авесты. Здесь также основным видом производства было оседлое скотоводство, особенно разведение крупного скота.[3] Однако было широко известно и земледелие с оросительными сооружениями.[4] Рядовые общинники называются в Младшей Авесте vāstrya-išuyant – «скотоводы-хлеборобы».[5] С другой стороны, второе общественное разделение труда – отделение ремесла от земледелия – еще только начиналось. Авеста лишь один раз упоминает ремесленников (hūti-) рядом со жрецами, знатью и «скотоводами-хлеборобами»,[6] и есть основание предполагать, что ремесло было занятием несвободных.[7]

Авеста знает также рабов, vaisu. Это – домашний раб, входивший в состав фамилии или даже рода, vis[8]; особенно распространены были домашние рабыни.[9]

Будучи расположена между страной Авесты и Персией и разделяя, как мы увидим ниже, организационную структуру общества с этими своими соседями, Мидия, конечно, также знала патриархальную фамилию. Имущественное расслоение, грабительские войны и захват имущества в Мидии этого времени прекрасно иллюстрируются существованием крепостей, изображения которых до нас дошли и которые, как мы уже указывали выше, обязаны своим первоначальным происхождением отнюдь не возникшей позже необходимости обороны от ассирийцев, против действий которых они никогда не могли устоять, а постоянным войнам между отдельными мидийскими вождями и т. п. В Мидии рассматриваемого времени мы находим многие из приводимых

---

[1] Однако сельскохозяйственное производство все же существовало в Персии и пользовалось большим почетом; см.: X e n., Oec., IV, 4 и сл.; P o l y b. X, 28, и др. Может быть, gaiθā - имело более широкое значение, включая и недвижимое имущество?

[2] Это отчасти видно и из данного контекста, но гораздо более – из надписи о построении Сузского дворца, где видно, что персов не было среди работавших над его постройкой ремесленников; см.: H. G. K e n t, ук. соч., стр. 142 и сл.

[3] W. C e i g e r, ук. соч., стр. 344.

[4] Там же, стр. 382 и сл.

[5] Ясна XI, 6; ХШ, 3; Видевдат, V, 28; XIII, 44; Яшт XIX, 7; Висперед, III, 2 и др. В Ясне XXIX, 6 эти термины еще существуют отдельно: fšuyantaičā vāstryāiča.

[6] Ясна XIX, 17.

[7] W. C e i g e r, ук. соч., стр. 480.

[8] Видевдат, IX, 38.

[9] W. C e i g e r, ук. соч., стр. 340.

Энгельсом[1] характерных черт такого общества, стоящего на пороге создания рабовладельческого строя: города-крепости с каменными или кирпичными стенами и башнями; возникающее выделение ремесла; постоянные должностные лица; войны как «регулярная функция народной жизни». Тем самым мы имеем право восстанавливать и наличие остальных черт: патриархальная семья с переходом к моногамии, рабовладение, превращение родо-племенных органов управления в свою противоположность – самостоятельные органы в руках родовой знати для угнетения собственного народа. Конечно, конкретные особенности исторического развития остаются нам в этом отношении неизвестными.

Но в то же время свобода народных масс «не была еще полностью уничтожена; еще функционировали, как мы можем реконструировать, народные собрания,[2] и общественная активность массы свободных общинников должна была еще быть достаточно велика.

2) vis. Это слово имеет двоякое значение: а) род и б) поселение (как русское «весь»; ср. «грады и веси»). Исходным значением является первое. Vis – это патриархальный, род, объединенный происхождением от общего, по большей части реального, а не мифического предка. В качестве такового рода он называется также tauxman(авест.), tau^{h}ma(др.-перс.). Он носит определенное название, обычно по имени или прозвищу этого предка; так, например, мифический Феридун (Θraitauna-) принадлежит, по Авесте, к роду Āθwya; покровитель Заратуштры, кави Виштаспа, – к роду Nautara; Кир, Дарий и другие древнеперсидские цари – к роду Ахемена (Haχāmaniš); потомок мидийских царей относил себя к роду Киаксара (Huvaχštrahya tau^{h}māyā: Beh., II, 5). Геродот называет такой род phrētrē.[3]

Старейший в роде является обычно его главой; интересно, что еще и сасанидском Иране в царском роде главой рода являлся не обязательно сам царь.

Судя по приведенной выше выдержке из Бехистунской надписи, именно viθ (=vis) был экономической единицей общества. Nmāna, узкая семья, была не более как составной частью vis'a.

Но vis – это не только род; это также обычное название поселения, откуда видно, что поселения были вначале родовыми. Тем самым и «владыка vis'a» (в Авесте – vīspati)[4] – это не только патриарх, глава рода,

[1] Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 168–170.

[2] Ср. Her. I, 97 (избрание народом судей и правителей).

[3] Her. I, 125; ср.: 1, 101.

[4] Яшт X, 17–18, 83–84; Ясна IX, 27; Видевдат, VII, 41–42 и мн. др.

но и глава поселения. Поэтому мы не удивимся, обнаружив, что ассирийские надписи упоминают в Мидии множество независимых bêl âli «владык поселений» – это, очевидно, перевод мидийского vīspati – «владыка vīs'a».[1] Такой «владыка поселения» представлял собой должностное лицо, восходящее к первобытно-общинному строю, родового вождя; однако в условиях слагающегося классового общества такие должностные лица имели тенденцию превратиться в аристократическую олигархию, в верхушку нарождающегося господствующего класса. Вероятно, ее представители в первую очередь и владеют, по Бехистунской надписи, всякого рода имуществом «по поселениям (родам)» или «вместе с поселениями (родами)». Впрочем, вероятно, что «владыка поселения» мог избираться на свою должность,[2] а не наследовать ее автоматически.

Общество Авесты и аналогичное ему общество Мидии IX–VII вв. до н. э. не было бы, однако, складывающимся классовым обществом, если структура общественной организации была бы целиком построена на принципе родства. Как известно, территориальное деление общества вместо родового есть одни из признаков возникающего государства.[3] Практически поэтому поселения – vīs'ы – не всегда были чисто родовыми поселениями, а если vīs'ы и оставались родовыми, то во всяком случае входили уже в состав территориального общинного объединения, которое Гаты называют šōiθra- (обычно переводится либо «округа», Bezirk, либо «нива», «обработанная земля»), Šōiθra- – это именно поземельная единица: к šōiθra- принадлежат «воды, земли и растения».[4] Общинной округе (šōiθra-), повидимому, соответствует vərəzāna-, по-древнеперсидская – vardana- – «поселение».[5] Термину

[1] Отсюда следует и то, что vīs – «селение», также «род» (поэтому и арамейском BYT', ср. BR-BYT`=др.-перс. *viθpuça), а не «двор». В старых изданиях идеограмма bêl âli читается как ḫazânu – «сельский староста».

[2] Так, Ф. Энгельс, отмечая у гомеровских греков «первый зародыш будущего наследственного предводительства или монархии», на основе теоретических соображений говорит: . .следует предположить, что у греков базилевс или избирался народом или же должен был утверждаться его признанными органами – советом или агорой». Энгельс (ук. соч.. стр. 109) указывает при этом на аналогичное положение римских «царей» (rex); в нашем случае можно было бы указать, что еще в Парфии на рубеже нашей эры царь избирался или утверждался советом знати.

[3] Ф. Энгельс. ук. соч., стр. 176.

[4] Šōiθya apasča zemasča urvarāusča; Висперед, XVI, 3. Среднеперсидский перевод передает šōiθra- (не вполне точно) как «рустак». Ср. аккадский термин ugâru.

[5] Beh., I, 92 и мн. др. Херцфельд, с обычной для него модернизацией, считает vardana- «административным центром округа какой-либо провинций» и отождествляет его с «шахристаном») сасанидской Персии: но для такого заключения нет достаточных данных в

vərəzāna- противопоставляется, с одной стороны, hvaitu- – «родня», с другой – aryaman- «(культовое) содружество», «союз»; он связан также с глагольным корнем varəz- – «работать». Надо полагать, что это поселение соседской общины; оно может совпадать с поселением – vīs'ом, а может охватывать их и несколько слившихся вместе; соответственно этому и šōiθra- то стоит выше vīs'a в перечне, то заменяет его.

Из ассирийских надписей мы знаем, что в Мидии существовали укрепленные поселения-крепости (âlâni dannûti) и мелкие, тяготевшие к ним поселения (âlâni ṣeḫrûti), жители которых при случае могли укрываться за крепостными стенами. Этому соответствует различение и в древнеперсидской терминологии поселений (viθ и vardana-, в аккадском переводе âlu) и крепостей (didā, собственно «стена», в аккадск. âlu или bīrtu).[1] Такая крепость могла быть постоянным поселением или же только временным убежищем, только стеной, внутри которой было пустое пространство для людей и скота.[2] Имеются ассирийские изображения мидийских крепостей, дающие о них хорошее представление.

Эти крепости представляли солидные сооружения, возводившиеся на естественных возвышениях и скалах, а иногда – на искусственных насыпях-платформах. Они бывали обведены по меньшей мере одной стопой (Хархар), а иногда – несколькими концентрическими кругами степ (Кишессу). Линия стены разбивалась уступами башен, по верху стен и башен шли зубцы для обстрела из лука. В некоторых случаях к склону естественного холма пристраивалась кирпичная кладка с целью сделать склон отвесным. Как и в Урарту, основания стен и, может быть, зубцы, складывались из камня, а сами стены – из сырцового кирпича. Часто крепость строилась так, чтобы ров или естественное течение реки служили для нее дополнительным рубежом обороны.

источниках; см.: E. Herzfeld. Altpersischo Inschriften. Berlin, 1938. стр. 123. В. О. Тюрин в своей диссертации справедливо пишет, что vardana- «это деревни, большие viθ-, соседным населением, занимающимся земледелием и скотоводством. Это в известной степени те же κώμαι, в которых жили мидяне до того, как у них появилась Агбатана» (стр. 67). По-вавилонски vardana- обычно передается как âlu.

[1] В одном случае (Dar. Sus. I, 42 и 54) didā переведено на аккадский uṣrtu ša ēkalli, что Херцфельд (Altpersische Inschriften. Berlin, 1938, стр. 123) правильно толкует как «стена, окружающая дворец»: bīrtu (откуда арамейск. bīrta и арм. berd) означает обычно крепость с царским гарнизоном. Укрепленное поселение называлось по-аккадски, как и неукрепленное, âlu, но лишь с определением dannu – «крепкое».

[2] По всей вероятности, такой крепостью была и vāra- Младшей Авесты (Видевдат, II, 21–43), что, возможно, и является авестским эквивалентом др.-перс. did*!-. По свидетельству документов I в. до н.э. из Нисы, в парфянском применялся термин diz, поэтому и мидийском ожидалось, бы *dizā-.

Внутри крепости нередко устраивалось укрепленное жилище правителя, также с уступами и башнями. Но, несмотря на мощность сырцовой кладки и различные применявшиеся строителями этих крепостей фортификационные приемы, история войн мидян с ассирийцами показывает, что мидяне лишь редко полагались на силу своих крепостей.

Поселение-крепость[1] могло быть резиденцией мелкого правителя ассирийских источников,[2] «састара» (sāstar-) Авесты (в древнеперсидских источниках эти мелкие правители уже больше не встречаются). Подчиненная такому правителю и тяготевшая к его крепости округа называлась xšaϑra – «власть», «удел».[3] Она могла, быть может, совпадать всего-навсего с общинной территорией, šōiϑra -, но могла совпадать и со «страной» (daŋhu-, dahyu- – термин, о котором речь будет ниже). В аккадской терминологии, применительно к условиям Мидии, в этом же смысле употребляется слово nagū – «область».[4] Соответственно этому sāstar- мог отождествляться с daŋhupati «владыкой страны».[5] К сожалению, ввиду многозначности термина xšaϑra многие важные контексты Гат еще ждут окончательного толкования, и во всех этих вопросах пока нет ясности.

Хотя власть того или иного правителя и могла, быть может, в некоторых случаях распространяться всего лишь на одно укрепленное поселение (с тяготеющими к нему мелкими родовыми населенными пунктами), однако, в общем, «правителя» – sāstar- – следует, повидимому, отличать от «главы (владыки) родового поселения» – vīspati-. В теории, по крайней мерс, vīspati- – это должностное лицо родо-племенной организации и, как мы уже указывали, возможно, выборное; поэтому в ряде случаев vīspati- – мог быть представителем интересов широких масс общинников. Этот «владыка» (старейшина) поселения

[1] Древнеперсидские источники дважды (Beh., I, § 20, 33: Dar, Sus. ., 46) упоминают еще один термин для населенного пункта – āvahana- «поселение» (ср. арм. avan). По мнению В. О. Тюрина – это ремесленно-торговый город, по мнению Херцфельда – почтовая станция (термин применен к неиранским населенным пунктам).

[2] Они изредка называют таких правителей царями (šarru), чаще же не дают им вообще никакого титула.

[3] Отсюда новоперс. (через парфянский или мидянский язык) šahr – «город» и «государство». В древнеперсидском этот термин имеет закономерную форму xšaça. Переход значении здесь аналогичен переходу арам. mədīntā – «область» в арабск. madīnatun.

[4] Например: KTP, Анналы, строки 42, 172; KS, Анналы, строки 66, 110, 158, 160 и мн. др.

[5] Так, в Яште XIV, 37 и в очень древнем «Фарвардин Яште» (Яшт XIII, 18), который, по нашему мнению, по времени немного отстоит от «Ясны семи глав». Учение, излагаемое в нем, вероятно, очень близко к учению магов времени Киаксара и Астиага. Так же в «Гате Уштавати» (Ясна XLVI, 1).

был также выборным судьей или главой общинного суда; таким «судьей» (dikastēs) рисует Геродот Дейока во главе его поселения (kōmē); но позже Дейок стал уже «судьей» и правителем целой округи Мидии, так же как в Авесте и правитель «страны» (daŋhu-) был, видимо, судьей, а не только военачальником.[1]

3) Zantu-. Если род в виде патриархальной общины, как это обычно и бывает, еще долго сохранял реальное значение, то племя с возникновением классового общества и переходом к территориальному делению

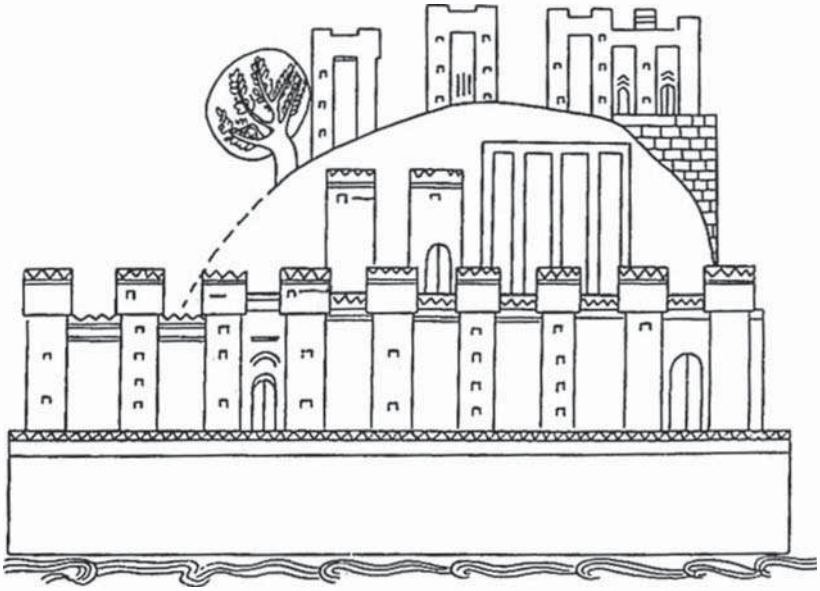

Рис. 34. Мидийский крепость Хархар. По ассирийскому рельефу из Дур-Шаррукина. Конец VIII в. до н. э.

быстро превратилось в туманно-неопределенную, чистоформальную общность. Геродот (I, 101) еще знал, что мидяне делились на шесть племен, genos (не считая некоторых кочевых, а также не входивших в первоначальный мидийский племенной союз),[2] и что персы делились на шесть оседлых и четыре кочевых племени (I, 125). Но реального значения уже в его время племена не имели. Древнеперсидские надписи и Гаты племен не упоминают: отдельно не упоминаются они и в Младшей Авесте, а только в стандартном перечислении: «дом, род, племя, страна».[3] Ассирийские источники упоминают племена как самостоя-

[1] Ср.: Her., 1, 96–98; Ясна XVI, 5. Аналогичным было развитие института племенного вождя-«судьи» в Палестине, см. «Книгу Судей».

[2] Как, например, сагартин, племена Манны и др.

[3] Зороастрийская традиция, отраженная в толковании к санскритскому переводу Ясны XIII, 1, считала, что в zantu входило 30 семейных пар, а в vīs – 15.

тельные единицы лишь в западных (маннейских и т. п.) областях,[1] а на востоке Мидии упоминают лишь «мидян» в общей форме, т. е. весь племенной союз; однако в VIII–VII вв. племенная структура, как видно из ряда косвенных данных, играла еще в Мидии большую роль.

Во главе племени теоретически стоял «владыка (вождь) племени» – zantupati- или zantuma-.

4) clai^hu, dahyu. Содержание этого термина выяснить нелегко. В Авесте это неопределенное «страна», в Гатах – более крупное объединение, чем šōiθra; царь, сатар – это правитель «страны»,[2] глава ее вооруженных сил[3] и, повидимому, судья.[4] Однако daŋhu (dahyu) не есть термин для «государства»: отдельным племенным вождям или правителям удавалось объединять под своей властью и более одного daŋhu; например, Кави Хусрава, один из предков (?) Виштаспы,[5] якобы объединил в глубокой древности все dahyu ариев в одну xšaθra.[6] Daŋhu || dahyu может либо соответствовать nagû (или mâtu) ассирийских источников, т. е. маленькой территориальной единице, либо более крупной географической области или этнической общности, т. е. тому, что впоследствии может сложиться в народность, как, например, Мидия, Бактрия и т. п. Оба случая засвидетельствованы для древнеперсидских надписей; dahyu здесь более или менее соответствует сатрапии как определенной политической и обычно также отчасти и этнической единице,[7] или же политически и этнически целостной части сатрапии,[8] но также и отдельной небольшой области внутри сатрапии.[9] Более широкое значение dahyu безусловно следует принять и для более поздних (парфянского времени) частей Авесты.[10] Но в древнейших частях Авесты

[1] Так, надписи Шамши-Адада V упоминают мессийцев, сунбийцев, теурлийцев KB, 1, стр. 178; II, 39–42=ARAB I, § 718); в надписях Саргона II упомянуты далийцы, 8 CS, строка 189) и т. п.

[2] Яшт XIII, 69, XV, 31; Видевдат, XIX, 6, и др.

[3] Яшт V, 85; X, 8, 13 и сл.; XIII, 69 и сл., и др.

[4] В парсийской традиции dahyuma- прямо и понимается как «судья».

[5] Яшт V, 49; IX, 21; XV, 32.

[6] Ср. также: Яшт V, 22, 26, 46.

[7] Beh., I, § 6 и др., Dar. NRa, 3; Dar. Pers. e, 2, и др.

[8] Например, такова Маргиана, часть бактрийской сатрапии (Beh., III, § 38)

[9] Например, Рага или Нисайя (Нишша, Нишай), или Кампанда (Бит-Хамбан) в Мидии: Beh., I, § 13; II, § 25, 32.

[10] Например, ср. отрывок из «Михр Яшта» (Яшт X, 87) и I фаргард Видевдата. «Михр Яшт» знает также объединение стран, daŋhusasti-. Все вообще области, населенные близкими в культурном отношении (или имеющими общие верования) племенами, часто называются объединяющим термином «все страны», «арийские страны» (vīspānām dahyūnām, aryānām dahyūnām). Подобным же образом обозначают свои: державу в надписях и ахе-

daŋhu, dahyu – это, скорее, нечто вроде тех карликовых «стран», которые мы встречаем в Мидии по ассирийским источникам и которые меньше территории племени. Поэтому Гаты и ставят dahyu сразу вслед за šōiθra. Одним из таких dahyu правил и кави Виштаспа, покровитель Заратуштры.[1]

Это совершенно совпадает и с положением, которое мы застаем, согласно ассирийским источникам, в Мидии, которая была разбита на множество самоуправляющихся и независимых «стран», во главе которых часто (больше в северо-западных, чем в восточных областях) стояли царьки. Но ассирийские источники по большей части называют правителя такой страны не царем, а bêl ali, т. е. тем же термином, который соответствует и vīspati-. В этих случаях перед нами, возможно, не царек типа авестского састара, а такой dahyuma- (daŋhupati-), который является, подобно vīspati, еще фактически первобытно-общинным вождем; за территориальным объединением, которое он возглавляет, иногда скрывается, быть может, еще племенное или даже родовое единство.[2]

Но во всяком случае мы не должны себе представлять этих мидийских царьков единоличными властителями, типа деспотов маленького масштаба. Для создания деспотической власти не было еще тогда достаточных предпосылок.[3] От Геродота мы знаем, что у мидян существовали народные собрания (I, 97); существовали несомненно и советы

менидские цари. Их титулами были «царь царей» и «царь стран»; оба титула, вероятно, восходят ко времени Мидии, а последний – даже еще к Урарту.

[1] Такое, более узкое, понимание термина dahyu сохранялось в живой речи несомненно и позже; ср. новоперс. deh – «деревни».

[2] Титулы упоминающихся источниками правителей областей в Мидии выяснить довольно трудно, так как ассирийские тексты по большей части говорят просто «гизильбундец», «хармешандец» и т. д. Правители в пределах мидийского племенного союза всегда называются bêl âli, и нередко так называются и их более западные собратья (например: KTP, Анналы, строка 52; KS, Анналы, строки 66, 70, 74, 102. 166, Торжественная надпись, строка 61, и мн. др.). Царем обычно называют лишь правители Манны и изредка — правителей Эллини (KS, Анналы, строка 402; Торжественная надпись, строка 117 и др.), Гильзана (например: KB, I, стр. 166, строка 61), Гизильбунды (KU, I, стр. 180, строка III, 7–14) и т. д. Только в западных областях Мидии встречаются обозначения областей по династиям (с элементом Bit-).

[3] Деспотическая царская власть на Востоке, по Марксу (Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат, (949, стр. 6), является верховным единством общин; но в Мидии такого единства еще не создалось; мы имеем перед собой либо разрозненные мелкие сельские или даже родовые общины, либо более крупные общины-«области», охватывающие группы отдельных сельских общин, но все же это очень далеко от единства общин в масштабе целой страны; поэтому должны были преобладать еще общинные органы управления. Характерно, что очень трудно даже провести грань между собственно общиной и «областью».

старейшин из «лучших людей». Такие советы и собрания известны Авесте под названием ««ханджамана» (hanjamana-)[1] и «вьяха» – (vyaχa-, vyaχman-).[2]

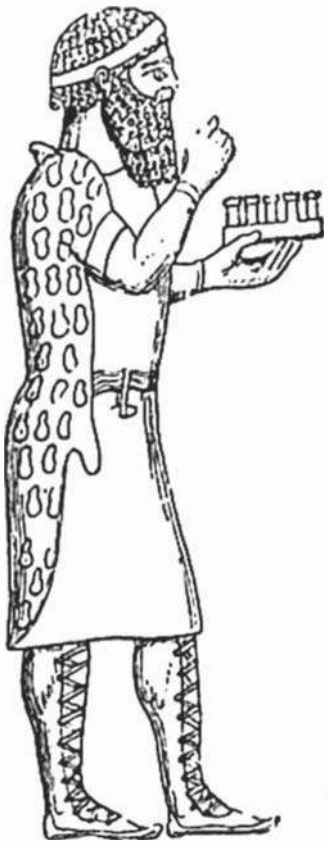

Рис. 35. Мидийский царек с моделью своей крепости, приносимой им в знак покорности ассирийскому царю. С ассирийского рельефа в Дур-Шаррукине. Конец VIII в. до н. э.

Таковы наши данные о складывавшемся территориальном делении общества в Мидии и сопредельных с ней странах, свидетельствующем о начавшемся образовании классового общества и государства. Мы видим из этих данных также, что условия были очень сходными (хотя, может быть, и не вполне одновременно) в Мидии IX–VII вв. до н. э. и в стране сложения Гат и всей Авесты, а также в Персиде VI в. до н. э.

Прежде чем перейти к обобщению сведений, получаемых нами из прямых и косвенных данных и на основании ближайших аналогий, мы должны коснуться вопроса о том, существовало ли в Мидии и соседних с ней странах сословное (и тем более кастовое) деление общества.

Младшая Авеста знает деление на сословно-профессиональные группы «пиштра»).[3] Обычно их различается три: āϑravan- – «жрец огня», raϑaištar- – «колесничий» и vāstrya-fšuyant – «скотовод-хлебороб». В одном случае,[4] кроме того, упоминается hūti- – «ремесленник». Рабы известны, но они стоят за пределами сословий.

Несомненно, что это деление является поздним: от сасанидского времени оно известно нам, почти в таком же виде, по независимым данным и восходит, возможно, ко времени Парфянского царства. Положение, рисуемое Младшей Авестой, весьма напоминает положение, сложившееся в Индии согласно Законам Ману, которые знают четыре «варны» (касты-сословия): брахманов (жрецов), кшат-

[1] Видевдат, II, 21, и сл. и др.
[2] Ср.: Яшт XIII. 16, 52; Ясна VII, 12; XII, 5.
[3] Ясна XIX, 17; Висперед, III, 2; Видевдат, V, 28; ср. также: Ясна XI, 6; XIII, 2, и др.
[4] Ясна XIX, 17.

риев (воинов), вайшьев (ремесленников и торговцев) и шудр.[1] Несмотря на различия в частностях и разную оценку официальной религией степени значения различных сословных групп в Иране и в Индии, это деление общества несомненно в обеих странах порождено более или менее одинаковыми социальными условиями. Дата Законов Ману точно не известна, но окончательную редакцию они несомненно получили значительно позже начала нашей эры. Поэтому маловероятно, чтобы мы были вправе переносить деление по сословным группам, которое засвидетельствовано Младшей Авестой, на рассматриваемые нами гораздо более ранние периоды. Сведения античных авторов позволяют выделить магов как особую корпоративную группу населения; хотя остальная масса членов общин и делилась фактически на более знатных и менее знатных, на более богатых и менее богатых, на рабовладельцев и лишенных рабов мелких производителей, но это деление вряд ли получило уже сословное оформление. Однако наименование знати именно «колесничими» указывает на большую древность самой терминологии (хотя она могла вначале еще и не выражать именно сословного деления), так как колесницы, вообще говоря, не особенно характерны для военного дела в период, засвидетельствованный письменными источниками. В IX–VIII вв. часть мидян сражалась на конях,[2] но мы ничего не слышим о колесницах; сообщая об организации мидийского поиска при Киаксаре, Геродот (I, 107) упоминает только всадников, но не колесничих; также Бехистунская надпись Дария I (II, §§ 20, 33; III, § 46), а равно и источник Геродота для его описания войск Ксеркса знают только пехоту и конницу.[3] Только индийцы и другие окраинные народы пользовались боевыми колесницами. Лишь к концу ахеменидского периода вновь появляются особые колесницы с ножами, прикрепленными

[1] О характере и значении «варн» и, в частности, о содержании понятия «шудра» см.: Г. Ф. Ильин. Шудры и рабы в древнеиндийских сборниках законов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 94 и сл.

[2] См.: KB, I, стр. 180; III, 33. Колесницы, однако, были известны и мидянам, как во II тысячелетии они были известны касситам. Обычай персидского царя ездить на колеснице является несомненно пережитком боевой роли колесниц; ср. также изображения нисейских коней с колесницами в качество дани Мидии на персепольских рельефах (SPA, IV, pl. 92A). Возможность продвижения индоевропейских племен на Средней Азии была создана, вероятно, именно колесницами: именно к этим первоначальным индоевропейским племенам следует, как кажется, отнести «до-сакские» скальные изображения колесниц в горах Киргизии; см: А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы Таш. Сов. этногр., 1952, № 2, стр. 50 и сл. и рис. 4.

[3] Herod., VII, 84–88; на колеснице ездил только царь (VII, 40, VIII, 115; Xen. Anab., I, 8, 3).

к колесам, имевшие целью рассеивать ряды пехоты.[1] В парфянское время ядром войска также была конница, а не колесницы.

Еще в конце VI в. до н. э. мидийское войско не было совершенно отделенным от народа войском; термин kāra, применяемый Бехистунской надписью, означает одновременно и «войско» и «народ».[2] Очевидно, это племенное ополчение. Судя по Геродоту (I, 103), еще в VII в. мидийское войско делилось не по родам оружия, а, видимо, по племенному признаку. Конечно, в рабовладельческом обществе ополчение свободных само по себе является орудием классового господства над рабами, однако в таком рабовладельческом обществе, которое развито в полной мере, появляется уже профессиональная армия, на которую опирается класс и государство рабовладельцев и которая противостоит не только рабам, но и массе свободного населения. Такого положения в Мидии не было еще и в VI в., тем более его не было в VIII. Каждый свободный, способный носить оружие, был воином. Не случайно ассирийские тексты дают мидянам, наряду с постоянным эпитетом «далекие», также другой постоянный эпитет – «сильные». Это, повидимому, указывает на единство мидян, несмотря на видимую их раздробленность на мелкие «страны», которые никак не могли бы быть названы «сильными». Другими словами, сохранение наряду с названиями мелких владений обобщающего термина madâi и определения мидян как «сильных» означает сохранение существования самого мидийского племенного союза в целом.

Сопоставляя все эти и другие, прямые и косвенные, данные об обществе Мидии и соседних с ней народов VIII–VII вв. до н. э., мы можем сделать следующие выводы.

Общество на территории мидийского племенного союза было в основном скотоводческим, хотя и знало земледелие на основе искусственного орошения. Особо важное значение имело коневодство (ассирийцы брали с мидян дань почти исключительно лошадьми); разводился также

[1] Их упоминает Ксенофонт (Xen. Anab., I, 10), говоря о войне Артаксеркса II с Киром Младшим. Были они также и в войско Дария III.

[2] В западной буржуазной науке стало общим местом определение общественного строя древней Мидии и Персии как феодализма (при этом греко-македонцы оказываются носителями более высокого общественного строя, сравниваемого с . . . капитализмом). Таково мнение Херцфельда, Кенига, Тарна и т. д. В связи с этим viϑ- толкуется как «феодальный род» (так уже AIrWB, стр. 1455), а kāra как «военнообязанные свободные», имеющие якобы еще своих «дружинников» (Gefolgsleute;см., например: E. Herzfeld. Altpersische Inschriften, стр. 51–54). Для историка-марксиста ясна полная ненаучность этих построений с их смешением разных эпох закономерного исторического развития.

крупный рогатый скот и овцы; были известны двугорбые (бактрийские) верблюды.[1] Ремесло было мало развито, в отличие от областей, расположенных далее к западу и северо-западу, на территории нынешнего Курдистана и Азербайджана.[2]

Общественный строй на территории мидийского союза в VIII в. до н. э. можно охарактеризовать как переходный от первобытно-общинного к рабовладельческому. Намечается уже территориальное деление общества, создаются мелкие «страны» во главе с правителями, однако и родоплеменное деление было еще вполне живым. Единство племен и племенного союза в целом, вероятно, еще отчетливо ощущалось. Набор войска происходил по племенному признаку; многие «правители» были фактически племенными вождями; существовали и другие органы первобытно-общинного строя: народное собрание, а вероятно и советы старейшин. Выделялась родовая знать («колесничие», как в Младшей Авесте?) в виде племенных вождей, глав общин с их родичами и зависимыми людьми и в особенности в виде правителей территориальных объединений. При этом наименьшей общественной ячейкой была патриархальная семья, и власть вождей различных степеней формально понималась как власть патриархальная (отсюда ассирийское обозначение bêlu и иранск. -pati – («владыка»). Таким образом, надо полагать, что территориальное и родоплеменное деление, институты первобытно-общинного и институты классового общества еще причудливо переплетались, сосуществуя и находясь в постоянной борьбе. Геродот для своего времени прекрасно охарактеризовал мидийское общество VIII в. до н. э.

Поселения носили частично родовой характер; но средоточием жи-

[1] Чрезвычайно любопытно, что для ассирийцев в IX в. до н. э. двугорбый верблюд (Camelus bactrianus) был еще новинкой: его называли «дромадером с двумя спинами» (gammâlê ša šunnâ ṣêrišîna, надпись под верхним рольефом «Обелиске Салманасара III»: KB, I, стр. 150, I.– ARAB I, § 589). Он попадался в составе ассирийской дани (не западнее Гильзана, на побережье Урмии) лишь в виде единичных особей. В VIII в. он был введен в Урарту (8 CS, строки 209–210 –АВИУ № 49, стр. 327) и был уже хорошо известен ассирийцам, которые называли его особым термином udru (ранее, вероятно, бывшим одним из названий дромадера, но теперь употреблявшимся в отличие от gammâlu). Родиной двугорбого верблюда в древности считалась Средняя Азия (Бактрия), откуда он, по всей вероятности, попал в Переднюю Азию с иранскими племенами.

[2] Полудрагоценный и особо ценившийся в Передней Азии камень лазурит, иногда упоминающийся в составе ассирийской дани с Мидии, в противоположность тому, что полагали вначале сами ассирийцы (см. ниже), не добывался в самой Мидии: весь лазурит, находимый в Передней Азии, как показывает минералогический анализ, происходит из Средней Азии (точнее, из Бактрии, современного Бадахшана). Мидяне, повидимому, служили торговыми посредниками между Бактрией и Передней Азией.

телей в каждой местности, а по большей части также, вероятно, и резиденциями местных правителей, были крепости, самое существование которых свидетельствует об имущественном расслоении и грабительских войнах между царьками возникающих мельчайших государств. Мы уже не раз упоминали, что эти крепости строились для войн между собой, а не для обороны от ассирийцев.

Несомненно, как мы можем судить по тому, что знаем об обществах такого рода, захватывались рабы и начиналось разделение общества на богатых и бедных, с имевшей еще патриархальную оболочку, но становившейся со временем все более безудержной, эксплуатацией бедняков богачами.[1] Однако свободные народные массы не были еще бесправными: каждый глава семьи был воином и членом народного собрания.

Все эти условия делали мидян племенного союза VIII–VII вв. до н. э. отважными воинами, конниками и пехотинцами. Строй их был еще достаточно свободным, чтобы они могли выступать заодно и чтобы к ним с надеждой обращались взоры рабов и эксплуатируемых земледельцев ассирийских провинции, но в то же время создание государства продвинулось уже достаточно далеко, чтобы мидийский господствующий класс с течением времени мог возглавить сильную в политическом и военном отношении державу. Через несколько поколений Ассирия могла убедиться, насколько серьезную политическую силу могла собой явить Мидия; но хотя в VIII в. мидяне прозывались «сильными», они еще не были действительно крупной политической силой. Длительное отсутствие общей опасности ослабило племенные связи, общество все более дробилось на мелкие и мельчайшие единицы во главе с жадными, вечно ссорящимися между собой царьками; ядро будущего Мидийского царства – государство Дейока – было лишь одной из множества «стран»; не было и достаточного опыта борьбы с таким врагом, как Ассирия. Все это делало на первых порах неизбежным успех новой ассирийской агрессии.

6. Второй период ассирийской агрессии. Тиглатпаласар III

Ассирийское наступление началось в 744 г. до н. э. походом на Намар. Следует отметить, что в отношении завоеванной территории Тиглатпаласар III и его преемники на ассирийском престоле поступали иначе, чем прежние цари Ассирии. Если раньше значительная часть на-

[1] О такого рода патриархальной эксплуатации в Мидии еще VI в. слыхал Ктесий; известие, сохранившееся у Николая Дамасского: FGH, HA, Berlin, 1926, № 90, ragin. 66, 2.

селения вырезалась и лишь некоторая часть работоспособных жителей уводилась, голыми и в шейных колодках, в рабство, то начиная с Тиглатпаласара III это было признано нецелесообразным и менее выгодным для доходов ассирийского господствующего класса и государства. Теперь население, поскольку территорию удавалось включить в состав Ассирии, либо оставлялось на месте и облагалось тяжелыми налогами, либо, чаще, выселялось в организованном порядке, с частью скарба, детьми и т. д., в ранее разоренные ассирийскими походами районы и заменялось жителями областей, завоеванных ассирийцами на другом краю их державы. Этим обеспечивалась более рациональная эксплуатация территорий державы и более регулярное поступление доходов с них, а также перемешивание населения, имевшее целью затруднить для трудящихся масс возможность сговориться о сопротивлении насильникам.

В 744 г. ассирийские войска, повидимому, уже с предыдущего года готовившиеся к походу,[1] поднявшись вверх по долине реки Диялы, вступили на территорию Парсуа (бывшей южной Замуа), где, как и в конце IX в. до н. э., сидело коренное неиранское население, организованное в несколько мельчайших государств, которые анналы называют, повидимому, по именам основателей династий (Бит-Затти, Бит-Капси, Бит-Санги или Бит-Сакки и Бит-Таззакки[2]). Ход военных действий имел знакомый нам уже характер: жители укрывались в горы, изредка пытались отсидеться в крепостях, а ассирийцы жгли доставшиеся им поселения и захватывали, что и кого могли захватить.[3] Некоторых правителей ассирийцам удалось захватить в плен (например, Каки, царя Бит-Затти, Митаки, царя Бит-Санги); другим удалось укрыться со своими людьми в горах. Те пленные, которых ассирийцы считали принадлежавшими к особенно враждебным им группам, были посажены на кол. Часть территории была включена в состав Ассирии под названием наместничества Парсуа,[4] с центром в крепости Никур.

---

[1] Об этом, повидимому, говорит сообщение о постройке крепости как стратегической базы и заселении вавилонскими переселенцами области Замуа (Анналы, строке 21; Надпись на глиняной таблице, строка 40: КТР, стр. 7).

[2] Возможно также, чтение Bît-Taṣṣakki (ṣ = русск. «ц», «ч»).

[3] Перечисляются поселения Никур (или Никкур), Сассиашу, Туташди, Кушианаш, Харшу (может быть, урартское «'Арсита»), Шанаштику, Кишкитара, Харшай, Айубак и др., принадлежавшие, повидимому, Тунаку, царю Парсуа (?); им же была захвачена у соседней династии Бит-Абдадана крепость Китпатия в горах Кафелан Кух (Гизильбунде; она упоминается также, под именем «Китпат», надписями Саргона II). В числе захваченного анналы Тиглатпаласара называют лошадей, мулов, крупный и мелкий рогатый скот, двугорбых верблюдов и ремесленников.

[4] E. F o r r e r. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1921, стр. 90.

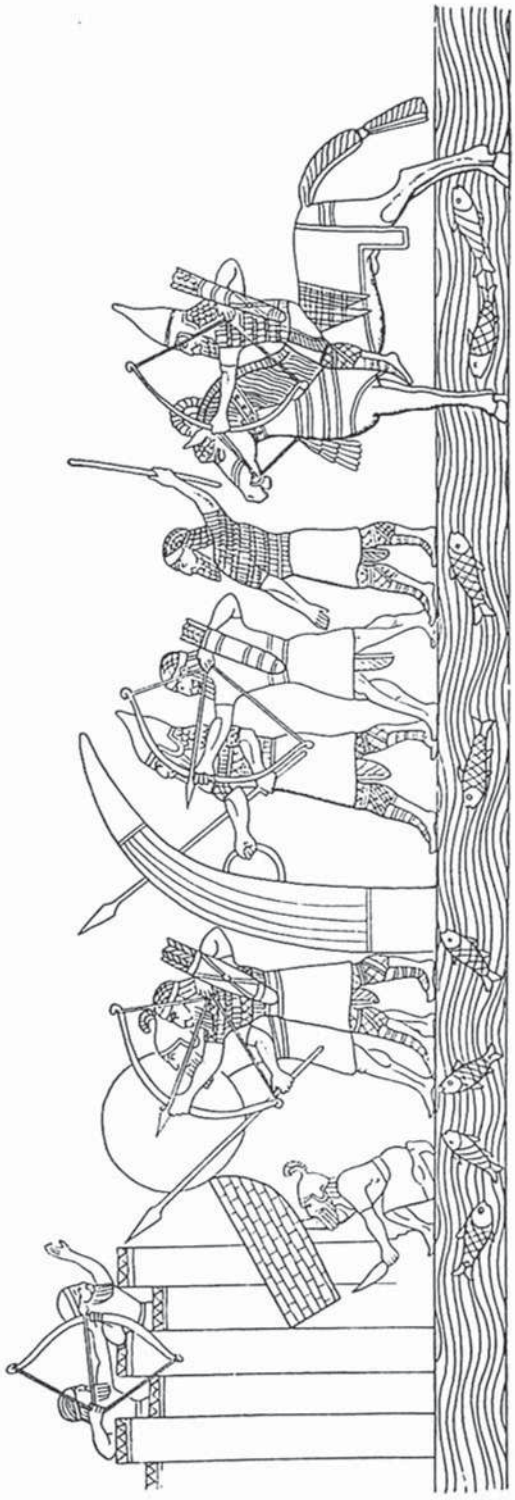

Рис. 36. Осада крепости ассирийскими войсками. С ассирийского рельефа из Ниневии. VII в. до н. э.

Все это мало отличало поход Тиглатпаласара III от походов ассирийских царей IX в. Однако мы замечаем и новые черты. В Бит-Затти, области, вошедшей в новое наместничество, Тиглатпаласар отпустил часть пленных на свободу, предварительно отрубив им пальцы, с тем, чтобы сделать их неспособными к военному делу, но годными как работников и как объект эксплуатации в новой ассирийской провинции. Даже там, где территория не была непосредственно включена в состав ассирийских владений, Тиглатпаласар пытался наладить регулярную эксплуатацию населения в виде назначения ежегодной дани. Так было в Бит-Капси, царь которого, Баттану, добровольно принял несение налогов и повинностей в пользу Ассирии, за что Тиглатпаласар оставил ему нетронутой крепость Каркарихундир.

К сожалению, анналы Тиглатпаласара III дошли до нас в виде отрывков надписей на полустесанных плитах, которые предполагалось вторично использовать во дворце царя Асархаддона в VII в. до н. э.; стыки между этими отрывками не сохранились, и последовательность их не всегда

ясна. Если принять здесь последовательность, предполагаемую Шрадером и Ростом,[1] то Тиглатпаласар III не ограничился территорией Парсуа, а углубился далее, в Мидию. В очень фрагментированном контексте упоминается взятие поселения Эрензиаш,[2] которое восстало против Бисихадира, правителя Кишессу,[3] затем бегство Раматеи, правителя Аразиаша,[4] причем в его поселениях, наряду с лошадьми и рогатым скотом, были захвачены и запасы бактрийского лазурита. Конечной точкой похода была, повидимому, крепость Закрути, как подчеркивает текст, мидянская. Таким образом, Аразиаш, как и при Ададнерари, не входил в состав мидийского племенного союза. Затем ассирийцы двинулись обратно: описывается покорение Туни, правителя Сумурзу (в долине одного из юго-восточных притоков Диялы?), казнь его воинов и соединение Сумурзу и Вит-Хамбана (также в бассейне Диялы) в одну ассирийскую провинцию.[5]

После этого похода, более разрушительного, чем все, что испытала Мидия за полстолетия, Тиглатпаласар потребовал, чтобы горные «владыки поселений», т. е. общинные вожди всей «страны могучих мидян», вплоть до горы Бикни (Демавенда), приносили ему регулярную дань, которую он установил в 300 талантов (9 т) лазурита и 500 талантов (15 т)[6] бронзовых изделий, что более свидетельствовало о его жадности, чем о понимании экономики, несмотря на то, что Тиглатпаласар был несомненно одьним из наиболее способных ассирийских царей. В анналах приводился перечень правителей,[7] на которых эта дань была возложена.[8]

Какова была цель мидийского похода Тиглатпаласара III? Издатель

---

[1] KTP, стр. V–VIII. Указанная работа содержит издание всех текстов Тиглатпаласара III, упоминаемых ниже.

[2] Может быть, то же, что Аразиаш, или то же, что Элензаш в Бит-Барруа?

[3] В тексте – Kišisa, у Роста ошибочно – Kišir. О местоположении см. ниже. Этот случай, как и указание на захват крепости Китпаттия в войне между Вит-Абдаданой и Парсуа, демонстрирует столь характерное для этого времени явление, как войны между царьками.

[4] Эта область лежала, как уже указывалось, вероятно, около Хамадана

[5] E. Forrer, ук. соч., стр. 90. Сюда же, повидимому, вошла и Бит-Барруа (Баруата урартских надписей).

[6] Указание И. Алиева (О мидийском обществе), будто один только «владетель местности Bit-Abdadanu Tunaki платил ассирийскому царю триста талантов ляпис лазури и пятьсот талантов меди», со ссылкой на полную фантастических построений книгу Кенига «Die ältcste Gcschichte der Meder und Perser» основано на явном недоразумении.

[7] В том числе назван абдаданский правитель с ассирийским или вавилонским именем «Маннукимасабэ». Это не единственное свидетельство основательного проникновения некоторых элементов вавилонской культуры в западную Мидию.

[8] К этому перечню, однако, в противоположность мнению Роста (KTP, стр. VII) вряд ли относятся строки 56–57 по его нумерации; их следует отнести к походу 737 г. до н.э.

его анналов, Рост, считает, что целью его было обезопасить мирные пределы Ассирии от набегов горцев и навести порядок. Рассуждение чисто империалистическое. Весьма вероятно, что горцы действительно совершали набеги на пограничные ассирийские территории; но по своим масштабам и по жестокости они, конечно, не могли идти ни в какое сравнение с тем, что совершали сами ассирийские «культуртрегеры».

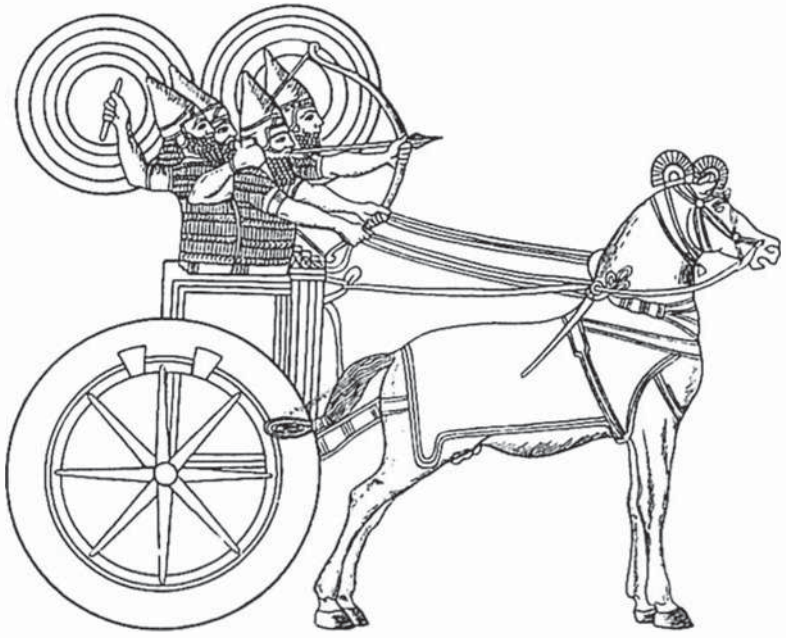

Рис. 37. Ассирийская боевая колесница. С ассирийского рельефа из Ниневии. VII в. до н. э.

Действительные причины нападения Тиглатпаласара на окраины Мидии были различны. Прежде всего проведенная им реформа[1] была основана на том, что армия будет постоянно находиться в действии и обогащаться грабежами; поэтому расширение ассирийских пределов с помощью военных походов стало необходимостью. Далее, реформа

[1] В основном она сводилась к следующему: 1) социальная реформа армии – в основу ее был положен «царский полк» и «полки» областеначальников, находящиеся на полном казенном снабжении и довольствии и пополняемые путем рекрутского набора; 2) техническая реформа армии – усовершенствование структуры и оснащения войск; 3) реформа военной политики: система поголовного переселения покоренных и помещения их на царскую землю, где они самостоятельно вели хозяйство; 1) реформа администрации – разукрупнение областей, замена прежних наместников (šaknu) областеначальниками (bêl poḫâtê) с уменьшенными правами (например, они были лишены права освобождать от налогов, основывать города и т. п.). См. подробно: РЗОА, стр. 85–90.

Тиглатпаласара предполагала постоянное заселение опустошенных районов жителями покоренных областей, а этих последних – жителями других покоренных областей и т. д.; поэтому было необходимо постоянное наличие контингента возможных переселенцев.

Важной, и едва ли даже не важнейшей, причиной похода был расчет поживиться богатством мидян, прежде всего захватить коней, так как реформированная ассирийская армия очень нуждалась в конском поголовье для колесниц и особенно для конницы. Дело в том, что в этот период коневодство успешно развивалось только в горных местностях – в Мидии, Урарту, в Малой Азии.

И, наконец, поход против мидийских племен мог иметь целью обеспечение фланга для предстоящей серьезной борьбы с Урарту. Действительно, поход 744 г. предшествовал походу 743 г. против Сардури II и длительной войне Ассирии с сирийскими союзниками Урарту, так же как второй поход против Мидии, имевший место в 737 г., предшествовал походам 736–735 гг. в горы Урарту.

Результатом первого похода Тиглатпаласара III на Мидию было создание двух новых областей Ассирийского царства – Парсуа и Бит-Хамбана. Обе эти области сохранились в составе Ассирии вплоть до ее падения.[1]

Мы уже указывали на невероятность распространенного мнения, будто бы Парсуа была первоначальной родиной персов, которые выселились отсюда в Персиду уже после завоевания области ассирийцами.[2] Это мнение может быть опровергнуто и другим путем: во-первых, анализ имен, относимых источниками к Парсуа, показывает, что население его никогда не было иранским, а следовательно, не может иметь никакого отношения к персам; во-вторых, Кир I, царь Персиды, упоминается ассирийским источником начала 30-х годов VII в. до н. э., когда Парсуа, безусловно, была еще в составе Ассирии, а ассирийская власть была еще слишком крепка, чтобы она могла допу-

[1] Областеначальник Парсуа (Парсуаша) существовал в Ассирии при Саргоне II (Анналы, строки 66–67; Торжественная надпись; строка 58, KS, стр. 90, 108). Из письма (HABL, 165), на которое указал Форрер, следует, что Парсуа входила в состав Ассирии также и позже (при Ашшурбанапале?). Ср. также ADD, № 952, строка 3. Даже расположенная восточнее Парсуа провинция Кишессу (Кар-Уригалли) еще входила в состав Ассирии при Ашшурбанапале; см.: E. F o r r e r, ук. соч., стр. 52.–АВИУ, № 71, стр. 234. Возможно, что и Парсуа фигурирует в этом списке под названием «(области) города Ни[кур (?)]», двумя строками ниже.

[2] Эта теория разработана Хюзингом (G. H u s i n g. Vorgeschichte und Wanderungen der Parsawa. Mitteilungen der Anthrop. Gesellschaft in Wien, LX, стр. 246 и сл.).

стить выселение жителей из своих владений.[1]

Наряду с созданием провинций Парсуа[2] и Бит-Хамбана, другим результатом похода 744 г. был захват ассирийцами лошадей и другого скота, а также угон некоторого количества парсуанских ремесленников. Часть оставшихся на новой ассирийской территории жителей была впоследствии также выселена отсюда. Под 738 г. анналы Тиглатпаласара сообщают о поселении в северной Сирии и северной Финикии пленных кутиев и жителей Бит-Сангибути (здесь = Бит-Санги). Переселенцы названы также по племенам или местностям их происхождения: иллилийцы, наккабийцы, будийцы, дунийцы, билийцы, банитийцы, сангиллы и жители (вавилонского?) поселения Нергал-илу-ина-мати. Из них будийцы могут быть мидийским племенем будиев или жителями поселения Буду на границе Вавилонии и Элама, завоеванного Тиглатпаласаром в 745 г. до н. э. Если верно первое, то это дает нам некоторое указание на расселение племени будиев – одного из шести племен мидийского союза, упоминаемых Геродотом (а именно – на крайнем западе Мидии). Однако вероятнее, что название в данном случае произведено от имени поселения. Другие перечисленные названия ближе не известны.

Население провинции Парсуа было с течением времени сильно ассиризовано. Еще много позже, согласно Птолемею (VI, 2, 6), эта территория называлась Сиромидией (греки часто называли ассирийцев «сирийцами»).

В 737 г. Тиглатпаласар III повторил поход на Мидию. Если он в самом деле рассчитывал на получение наложенной им на мидян грандиозной дани, то он, надо думать, ошибся в своих расчетах, и без нового грабежа ему было не обойтись. Даже области, казавшиеся вполне

---

[1] Вейднер (E. F. W e i d n e r, Die älteste Nachricht über das persische Königshaus. Afo, VII, ½ стр. 6), а за ним Камерон и многие другие полагают, что Кир I был царем не позднейшей Персиды, а Парсуа в горах Загроса или какой-либо промежуточной территории; но Вейднер не учел, что область Худимери, упоминаемая тем же текстом как принесшая дань Ассирии одновременно с Киром I и несомненно соседняя с областью последнего, находилась на востоке Элама, на берегу Персидского залива, т. е. рядом с Персидой (см.: HABL, 521, об. 24: āl Hu-di(!)-mi-ri); вместо с тем отпадает аргументация Вейднера; само собой разумеется, что тем самым нельзя принимать и его выводы.

[2] Как предположено Форрером – на основании отождествления Набурнмании, областеначальника Парсуа по HABL, 165, с «начальником глав» Набуримании – областеначальником Парсуа был ex officio «начальник глав», второй после «туртана» воинский чин в ассирийской армии. В списках эпонимов областеначальники Парсуа не упоминаются, хотя их существование доказывается другими источниками. Зато «начальники глав» упоминаются неоднократно (E. F o r r e r, у к. соч., стр. 89–95).

покоренными в 744 г., должны были теперь завоевываться снова, так, например, область Бит-Капси.

Ассирийские войска прошли завоеванные еще в 744 г. Бит-Санги и Бит-Таззакки. Был захвачен ряд поселений,[1] имевших центром Бит-Иштар (ассир. «храм богини Иштар»), где правил некто Ба' (?). Здесь ассирийцами был теперь установлен культ священного копья ассиро-вавилонского бога Нинурты. Вожди расположенных далее к востоку областей применили обычную тактику укрытия в горах: так поступили правители Упаш из Бит-Капси, Ушуру из Тадирруты (?) и Бурдада из Нирутакты; последнего ассирийцам удалось все же захватить в плен. Таким образом, ассирийское войско дошло до крепости Сибур (Сибар) и взяло ее. Эту крепость (около совр. Зенджана ?), как указывалось выше, брал еще в 820 г. Шамши-Адад V, что

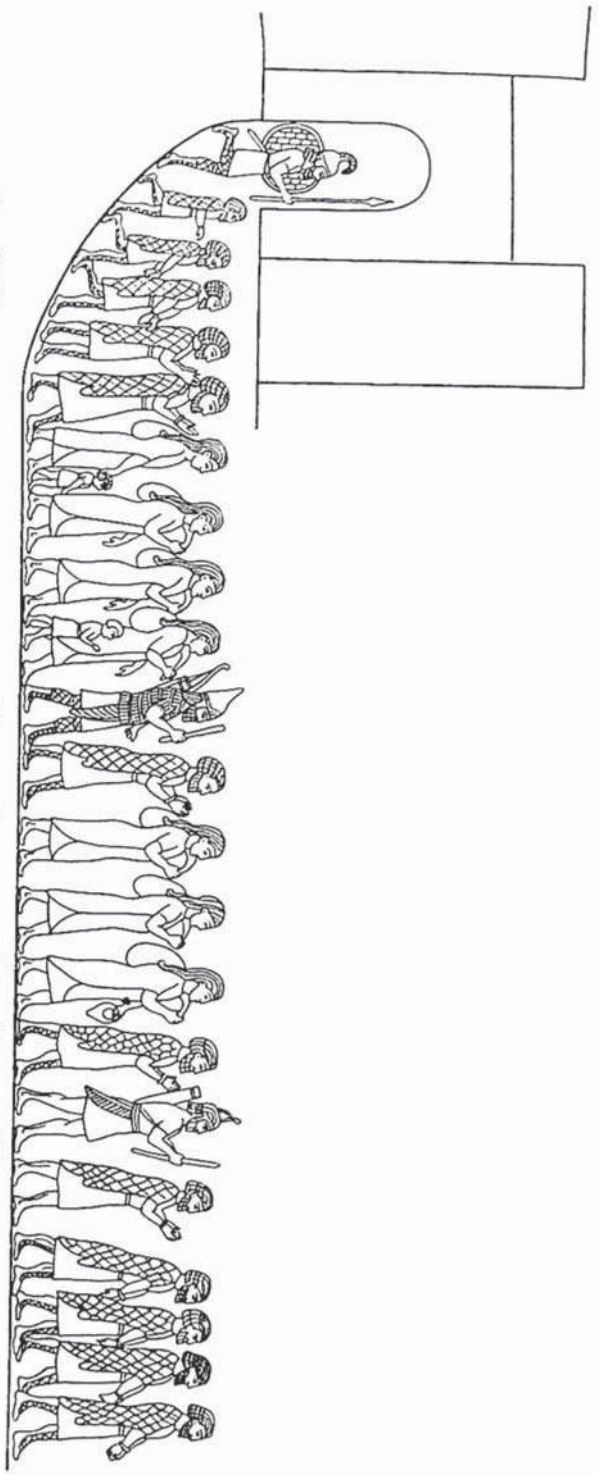

Рис. 38. Насильственное переселение мидян. С ассирийского рельефа из Ниневии. VII в. до н. э.

[1] Анналы перечисляют Бит-Иштар, Кингиканги, Киндигиасу, Киигиалкасиш, Кубушхатидиш, Упушу, Ахсипуна, Гиргира, Кихбахзати.

дает нам возможность уточнить и маршрут похода Тиглатпаласара. Он проходил через область, которая при Шамши-Ададе V относилась к восточной части горной области Гизильбунды, хотя в анналах Тиглатпаласара III эта территория включена в понятие «Мидии» (Madâi). Возможно, что к Сибуру ассирийцы подошли, обойдя с юга основную часть долины Кызыл-узена и перейдя лишь ее верховья.

Дальнейшее описание похода сохранилось фрагментирование; одно ясно, что ассирийцы прошли через область Бушту,[1] которую не следует, повидимому, смешивать с одноименной крепостью в районе стыка Манны, Парсуа и Гизильбунды, и вступили на коренную территорию мидийского союза.[2] К этому же месту, вероятно, относится упоминание области Нишша, или Нишай (Нисейских полей античных авторов, совр. равнина Казвина ?), и отрывок анналов, перечисляющий мидийские области Ариарма (иранская Арья-Урва?),[3] Петушиную страну (mât tarlugallê) и Саксукну. Другие надписи Тиглатпаласара подробнее перечисляют области, являвшиеся объектами этого похода, но, к сожалению, расположение их по этим последним надписям, имеющим обобщающий характер, установить невозможно. Из указанных надписей следует, что ассирийцы прошли насквозь почти всю Мидию, достигли какой-то «страны золота» (она же, возможно, Шикракки) и достигли гор Руа (повидимому, восточнее совр. Тегерана?) и соляной пустыни (Дешт-и Кевир). Отсюда они повернули обратно, повидимому через область Ушкаккан, которую, возможно, следует локализовать в долине Кара-су; по дороге взяли в плен и угнали жителей поселения Кар-Зибра, затем вступили в область Бит-Сагбит,[4] жители которой укрылись в Сильхази, называемой также «Крепостью вавилонян». По всем данным, эта крепость должна была находиться где-либо в районе будущей Экбатаны (совр. Хамадан). Ассирийцам удалось взять эту крепость и соседнюю[5] крепость Тилашури. Здесь был центр культа вавилонского бога Мардука, которому Тиглатпаласар принес жертвы. Он

[1] Так следует восстановить matP/Bu[. . . . .] в строке 168 Анналов на основании текста Нимрудской таблицы и 2-й Нимрудской плиты.

[2] Упоминаются правители Танус[. . .] и Яутарши, гора Дану[. . .] и области Бу[шту] и Амате «в начале гор Руа».

[3] В аккадском языке этого времени, как уже указывалось, не было звука «v», и он вполне обычно передавался через «m»; отсюда предложенная этимология: Ariarmâ = иранск. Aryā-Urvā; Урва как топонимическое название известна также из I фаргарда Видевдита.

[4] Так, не «Бит-Сангибуту», как у Лукенбилля (ARAB, I, § 774).

[5] Быть может, Сильхази и Тилашури были двойной крепостью или двумя названиями одной и той же. Написание Tîl-aš-šu-ri показывает, что этот термин этимологизировался ассирийцами как «ассирийский холм», но это, вероятно, не более как народная этимология.

приказал также воздвигнуть здесь стелу со своей надписью. Отсюда ассирийцы вернулись на свою территорию, повидимому через области Бит-Зуальзаш и Бит-Матти и долину реки Диялы.[1] По дороге ассирийцы получили умилостивительные подарки от царства Эллипи (около совр. Керманшаха).

Несмотря на противоположное утверждение одного, впрочем, наименее достоверного, текста,[2] представляется несомненным, что области, пройденные ассирийскими войсками в 737 г., не были включены в состав провинций Ассирии.[3] Вероятно, они были лишь подчинены общему наблюдению областеначальника Парсуа на случай возможного вмешательства ассирийцев в мидийские дела в будущем.

Анализируя маршруты походов Тиглатпаласара, насколько они нам ясны, мы можем сделать несколько существенных выводов. Во-первых,

---

[1] Мидийские походы Тиглатпаласара III представляют большую трудность для локализации. У нас имеется четыре основных перечня пройденных им областей. Анналы говорят, что первый поход (744 г.) был посвящен [Намру (или Парсуа)], Вит-Затти, Бит-Абдадани, Бит-Капси и Бит-Таззакки. Они перечисляют при этом отдельные боевые события в странах: [Парсуа (?)] со столицей Никкур (повидимому, Парсуа в узком смысле слова), Бит-Затти (и частично Бит-Абдадани), [Бит-Санги], Бит-Капси, далее Эрензиаш и Кишессу, Аразі[аш], Сумурзу, Бит-Хамбан и затем дают общий перечень покорившихся правителей, который плохо сохранился. К этому же походу относится, повидимому, перечень 1-й Нимрудской каменной плиты: Бит-Хамбан, Сумурзу, Бит-Барруа, Бит-Зуальзаш, Бит-Матти, Туплиаш (в долине Диялы), Тиль-Таранзай, Парсуа, Бит-Кинси до г. Закрути могучих мидян. Второй поход (737 г.) был, согласно Анналам, посвящен Бит-Санги, Бит-Таззакки, мидянам, Бит-Зуальлашу и Бит-Матти. Отдельно перечисляются: поселения с центром в Бит-Иштар, Бит-Капси, гг. Тадиррута (?) и Нирутакта, Сибур... Ариарма, Петушиная, Саксукну, Кар-Зибра, Бит-Са[гбат], Сильхази и Тилашури. 2-я Нимрудская каменная плита перечисляет вместе: Бит-Хамбан, Бит-Сумурзу, Бит-Барруа, Бит-Зуальзаш, Бит-Матт, Туплиаш, Бит-Таранзай, Парсуа, Бит-Капси в поселение Закрути, относящиеся, повидимому, к первому походу, и Бит-Иштар, Нишай, Гизинкисси, поселения Сибур, Уренна, Нипариа, страны Бустус, Ариарми, Петушиная, Руа (до Соляной пустыни), Ушкакан, Шикраки, Тилашури или «Крепость вавилонян», причем надпись уверяет, что все эти области были причислены к Ассирии и получили наместника. Более точные, но также обобщенные данные дает датированная 728 г. до н. э. надпись на глиняной таблице из Нимруда. Ее список таков: Намру, Бит-Сангибути, Бит-Хамбан, Сумурзу, Барруа, Бит-Зуальзаш, Бит-Матти, Туплиаш, Бит-Таранзай, Парсуа, Бит-Затти, Бит-Абдадани, Бит-Капси, Бит-Санги, Бит-Таззаки, Бит-Иштар, Закрути (причем надпись особо указывает, что перечисленные области, почти все относящиеся к первому походу, были включены в состав ассирийских провинций), далее, без перерыва, указаны Гизиникисси, Нишша, Сибур, Уримзан, Ра'усан, Нипариа, Бустус, Ариарми, Петушиная, Саксукну, Аракутту, Кар-Зибра, Гукиннана, Бит-Сагбат, Сильхази или «Крепость вавилонян», Руа (до Соляной пустыни), Ушкаккана, Шикракки и страна золота.

[2] 2-я Нимрудская плита.

[3] Исключение составляет, быть может, область Бит-Иштар, присоединенная, вероятно, к провинции Парсуа.

ассирийцы, хотя, быть может, и проходили по горной южной периферии Манны (если Гизинкисси то же самое, что Гизильбунда,[1] и если здесь находился Бушту-Бустус и т. д.), однако строго избегали спускаться на самую равнину Джегету, во владения Манны и даже, может быть, в долину Кызыл-узена. Повидимому, это объясняется, с одной стороны, тем, что Манна была сильна и Ассирия не хотела в данное время связываться с еще одним опасным врагом, имея уже их достаточно в лице Урарту, Дамаска и т. д.; с другой же стороны, возможно, это объясняется и тем, что между Ассирией и Манной существовали в это время договорные отношения, основанные на временной общности интересов в борьбе с Урарту.[2]

Далее, можно отметить, что в западных частях страны ассирийские тексты преимущественно называют области по династическим обозначениям (с приставкой «Бит-» – «дом»), а не по их собственным названиям (ввиду чего бывает трудно их отождествить); в восточных же частях Мидии этого не наблюдается, потому, вероятно, что здесь еще господствовала выборная родо-племенная власть и правящих династий не было. Это подтверждается и тем, что текст Тиглатпаласара III[3] называет правителей именно восточных частей Мидии bêl âli, и лишний раз доказывает большую социально-экономическую развитость западной Мидии по сравнению с восточной.

Затем следует отметить, что некоторые из восточных топонимических названий, приводимых текстами Тиглатпаласара, имеют достаточно вероятную иранскую этимологию (Ариарма, Нишша, Уримзан, Уренна, Аракутту, может быть, также и некоторые другие).[4] Однако имена этого рода в 744–737 гг. до н. э. не заходят еще на запад от линии Казвин–Хамадан. Два-три собственных имени правителей, располо-

[1] Вряд ли можно согласиться со Штреком (Streck, ZA, XV, стр. 332), отождествляющим Гизин(и)кисси с Ганзакой позднерабовладельческого и раннесредневекового времени. По общему мнению советских и большинства зарубежных источников, Ганзака находилась близ озера Урмии, на бывшей территории Манны, в ее северной части, т. е. в стороне от маршрута Тиглатпаласара на Сибур и т. д.

[2] На личную встречу царя Манны Иранзу (ум. ок. 717 г.) с царем Ассирии (с Саргоном или, может быть, Тиглатпаласаром) есть намек в тексте Саргона: 8 CS, стр. 12, строка 62.

[3] Анналы, строка 52: KTP, стр. 10.

[4] Ариарма = Arya-Urvā?); Нишша(й)= Nisāya, очень частый иранский топонимический термин; Уримзан=Urvāzana или Varəmazana- (ср. zana- – «племя»), Уренна = Varəna-; Аракутту = Harahvatī-(?); ср. Hvarənahvatī=греч. Pharnakotis; последнее отождествление спорно. Кениг (F. W. K ö n i g. Die altesle Geschichte der Meder und Perstr, стр. 6), восстанавливая в тексте Геродота (I; 101) aroukhatēs вместо stroukhatēs, видит в «Аракутту» название одного из мидийских племен.

женных также не восточнее этой линий, тоже могут быть разъяснены из иранского.[1] С другой стороны, ряд названий даже в наиболее восточной зоне – безусловно, не иранские, а некоторые из них имеют, как кажется, эламскую этимологию.[2] Таким образом, не только на территориях Манны, Парсуа и смежных с ними, но и на территории собственно Madâi – мидийского племенного союза, еще в середине VIII в. иранский язык не безраздельно господствовал, и во всяком случае он не имел распространения в I–VII районах по нашей классификации.

Выше говорилось о том, что маленькое государство Дейока – ядро будущего Мидийского царства – в это время, возможно, уже существовало. Почему же оно не упомянуто текстами Тиглатпаласара? К сожалению, мы имеем слишком мало данных для того, чтобы дать на это вполне определенный ответ. Как уже упоминалось, Дейок считался наместником Манны, а маннейскую территорию Тиглатпаласар и его войска старательно обходили. Поэтому возможно, что они вовсе не вступали в область, управлявшуюся Дейоком. Во-вторых, мы не знаем собственного названия дейоковой области, и, быть может, нам не удается ее отождествить по этой причине. Наконец, не следует забывать и того, что правление Дейока вообще, быть может, началось только после смерти Тиглатпаласара III в 727 г. до н. э.

Если бы область Дейока находилась к северу от гор Гизильбунды, в южной части равнины Манны, то именно здесь бы и в дальнейшем развивалась мидийская государственность и правила бы династия Дейокидов. Однако мы знаем, что государство Мидия развилось не здесь. С другой стороны, несомненно, что в период походов Тиглатпаласара III власть Манны не заходила на юг далее Гизильбунды. Но ведь ни из чего не видно, что Дейок стал «маннейским наместником» еще при Тиглатпаласаре: так его называет текст Саргона II. А позже, между 737 и 719 гг., власть Манны могла распространиться и дальше на юг, и именно в этот период Дейок

[1] Так, Jautarši, Ramatea, может быть иранск. *Yavaitarša, *Rāmatavya-(?).

[2] К сожалению, эламская филология находится до сих пор в слабо разработанном состоянии, и здесь трудно пока предлагать какие-либо толкования. Однако Gukinnana – это, вероятно, эламск. kuk-kanna-na (ср. Kukkannakan, др.-перс. Kuganakā: Beh., II, § 22); также и ряд других названий имеет эламский облик. Следует заметить, что иранская этимология имен царей Коммагены в Малой Азии примерно этого же времени – Kuštašpi(li) и Kundašpi из Vištāspa и Vindāspa, хотя и принята рядом крупных западных исследователей, однако не может быть правильной, несмотря на внешнее сходство; подобный звуковой переход засвидетельствован впервые более чем тысячу лет спустя в иранских языках. Если, несмотря на это, данная этимология имеет хождение, то это объясняется обычным стремлением к преувеличению распространения и древности индоевропейцев и, в частности, иранцев в Передней Азии.

мог поставить себя под ее покровительство. Так как впоследствии столицей Мидийского царства была Экбатана (сов р. Хамадан), то возможно, что область Дейока следует искать где-то по течению Кызыл-узена, между Мианэ и районом к северу от Хамадана; отсюда власть Дейока могла в благоприятные времена (после Тиглатпаласара) простираться вплоть до самого Хамадана (или, наоборот, распространиться сюда из района Хамадана; но это значило бы, конечно, что Тиглатпаласар проходил через дейокову область или через то, что позже относилось к таковой, во всяком случае, во время похода 737 г.).[1] Возможно, этот поход Тиглатпаласара миновал основную часть долины Кызыл-узена, и ассирийцы прошли на Сибур (около Зенджана) обходом с юга, через верховья этой реки.

Одно несомненно, что в условиях ассирийского наступления ростки мидийской государственности естественно могли создаваться под покровительством Манны. Лишь крайний восток Мидии был в безопасности от ассирийцев; но там уровень развития общества стоял еще слишком низко. Остальная же мидийская территория страдала от разрушительных ассирийских набегов. Под защитой же наиболее могущественной в этих краях и наиболее развитой Манны могло начать создаваться ядро нового политического единства.

После 737 г. в течение жизни Тиглатпаласара в Мидию из Ассирии был совершен еще один поход – полководцем Ашшурданнинанни, но ассирийские тексты не сообщают никаких подробностей, кроме того, что он захватил «5000 лошадей, а людей и крупного рогатого скота – без счета».[2]

7. Усиление Манны и воины Саргона II ассирийского

В течение 20-х годов VIII в. ассирийские походы на восток временно прекратились. К 720 г. политическое положение в стране было таково. Крайний север (за озером Урмией) был, повидимому, занят Урарту. Почти вся остальная территория нынешнего Иранского Азербайджана находилась прямо или косвенно под властью Иранзу, царя Манны, но

[1] Можно сделать предположение, что область Дейока имелась в виду под названием «(крепость) Закрути сильных мидян», у которой закончился ассирийский поход 744 г. Zakrûti выглядит как аккадское слово, но это, вероятно, в результате народного этимологизирования. Может быть, следует этот термин связать с Zikertu времени Саргона II – область Зикерту, повидимому, соседила в то время с областью Дейока. Что касается района Хамадана, то там Тиглатпаласар побывал, повидимому, на обратном пути (см. выше).

[2] 2-я Нимрудская плита, строки 27–29; Глиняная таблица, лиц. сторона, строка 42 и сл.: КТР, стр. 50 и 66.

на периферии этого царства находились владения полунезависимых правителей,[1] представлявших опасность для существования Маннейского царства. Это были подчиненные Манне царства: Уишдиш (приблизительно в районе совр. Мерагэ), Зикерту (приблизительно в районе совр. Мианэ – Ардебиля), Андиа (в нижней части долины реки Кызылузен – Сефид-руд, по нашей классификации район IVa) и область Дейока (вероятнее всего, в верхней части той же долины); затем, на границе с Ассирией и наполовину в ассирийской зависимости находились царства Аллабриа и Каралла в верховьях Малого Заба и его верхних притоков. Южнее и восточнее попрежнему находились мельчайшие самостоятельные области, зависевшие от Манны или от Ассирии или совсем независимые и по большей части включавшиеся в понятие Madâi, т. е. мидийского племенного союза, который, однако, в данное время ничем не обнаруживал своего существования. Из них лишь одно царство – Эллипи (около совр. Керманшаха) – ввиду близости границ такого крупного государства, как Элам, могло чувствовать себя до известной степени в безопасности от ассирийцев и поэтому было сравнительно сильным и значительным.

Значительное усиление Манны при Иранзу, превратившее ее в перворазрядную державу, тяготило полунезависимые окраинные царства, правители которых стремились стать совсем самостоятельными. Нет сомнения, что власть Манны, как власть всякого рабовладельческого государства этого периода, ложилась тяжелым бременем на население. Однако сепаратизм царьков был в большинстве случаев реакционным, так как основывался на стремлении знати к бесконтрольному владычеству на крохотных территориях, препятствовал созданию сильного деспотического государства, задерживал процесс образования народности и отдавал страну во власть чужеземных завоевателей, что во всяком случае было хуже, чем власть маннейских царей. Впрочем, как мы уже отмечали, и само Маннейское государство было государством олигархическим, а следовательно, отстаивало интересы родовой знати Манны в ущерб интересам рядовых свободных и, вероятно, даже незнатных рабовладельцев. Поэтому внутри него нарастало также и недовольство народных масс. Тот из правителей, кто смог бы опереться на движение широких слоев свободного населения, мог бы создать действительно сильное государство. Но в VIII в. такого правителя не было (и само движение, видимо, еще не созрело), и дело сводилось к отдельным

[1] Официально все они считались «наместниками» (šaknu) Манны, но фактически были довольно самостоятельными, хотя и зависевшими от Манны царьками.

сепаратистским восстаниям царьков. А так как внешнеполитически определяющим фактором было соперничество между большими державами – Ассирией, Урарту, Манной и Эламом, – то внешнеполитические события и выражались главным образом в виде отдельных измен и переходов мелких правителей и наместников на сторону то одной, то другой державы, в виде карательных экспедиции, урартских и ассирийских интриг и контринтриг и т. п. Самой Манне, наименее сильной из четырех больших держав, как, впрочем, и другим, приходилось постоянно лавировать, играя на противоречиях остальных держав и время от времени признавая их верховенство. По большей части Манна придерживалась в это время ассирийской ориентации. Ассирийские тексты Саргона II неоднократно утверждают даже, что Манна была подчинена Ассирийской державе, мотивируя этим неоднократное ассирийское вмешательство в маннейские дела. Однако такое утверждение не соответствует действительности. Мы видим, что, за исключением отдельных, неудачных для Манны моментов, ассирийцы обращаются с ней не как с покоренной страной, а как с союзником и партнером, хотя и младшим.

Впервые, – повидимому, по просьбе Иранзу – ассирийцы вмешались во внутренние дела Манны в 719 г. Две маннейские крепости, Щуандахуль и Дурдукка,[1] отложились от Иранзу, поддержанные пехотой и конницей Метатти зикертского. Кроме того, три крепости, Сукка, Бала и Абитикна, вступили в соглашение с Русой I, царем Урарту (впрочем, местоположение последних трех неизвестно и неясно даже, находились ли они в Манне), Новый ассирийский царь Саргон II послал Иранзу осадные отряды; крепости были взяты, и с ними поступлено согласно давнему древневосточному обычаю, применявшемуся в военных союзах: население и движимое имущество было забрано в Ассирию, а стены и территория переданы Иранзу.

Эти события, совершившиеся еще при жизни Иранзу, который, вероятно, был уже стар, были предвестниками более серьезных событий, разыгравшихся после его смерти в условиях начавшейся между его сыновьями борьбы за престол.

Иранзу умер до 716 г.; в этом году на престоле Манны был уже его сын Аза.[2] Против Азы восстали Метатти, правитель Зикерту,[3] Телу-

[1] Она же в других текстах – Зурзукка, Сирдакка, Зирдиакка (колебание написании указывает на фонетические трудности в произношении названия для аккадцев).

[2] Azâ пли Aṣâ. Чтение аккадского â как о, что предлагал покойный С. Н. Джанашиа, весьма маловероятно. По-русски следует читать: «Аза́», «Аца́» или «Ача́».

[3] Зикерту отождествляли с мидийским племенем сагартиев (иранск. asagarta-); но если это так, то к ассирийцам этот термин проник во всяком случае не через иранское посред-

сина, правитель Андии,[1] и Багдатту,[2] правитель Уишдиша, считавшиеся, подобно Дейоку, маннейскими наместниками.[3] Повидимому, Азе специально ставился в вину союз с Саргоном. Аза был схвачен и убит, и тело его выброшено на горе Уауш (совр. Сахенд). Саргон немедленно вмешался; ему удалось схватить Багдатту. Он приказал содрать с него кожу и выставить его труп на обозрение маннеям. На престол Манны был посажен Уллусуну, другой сын Иранзу. Однако, окруженный сторонниками антиассирийской партии, Уллусуну немедленно отложился от Ассирии и пытался заключить союз с Урарту. Он уступил Русе, царю Урарту, 22 крепости,[4] повидимому в пограничной с Ассирией полосе, и втянул в антиассирийское выступление правителей пограничных с Ассирией долин в верховьях Малого Заба (Итти, правителя Аллабрии, и Ашшурле',[5] правителя Караллы). Саргон, не возвращаясь в Ассирию, захватил столицу Манны Изирту и две важнейшие центральные крепости, Зибие[6] и Армаит. Уллусуну сдался на милость победителя и (поскольку он, видимо, принадлежал собственно к ассирийской партии и действовал до сих пор по принуждению своих приближенных) был возвращен на царство. Что касается Итти и Ашшурле', то первый был сослан со своей семьей в ассирийские владения, а со второго была живьем содрана кожа; его область была причислена к ассирийской провинции Замуа (Луллуме).[7] Два пограничных района

ство. Следует заметить, что ассирийцы разговаривали с посольством Зикерту через переводчика с маннейского (^{m}Gi-ki-i ^{amêl}tar-gu-ma-nu ša ^{mât}man-nu-a-a), а посол носил неиранское имя mṢab(?)-du-šu-pa, см. ADD, II, № 865.

[1] Для имени Telusina предложена хурритская этимология. Андиа, как уже упоминалось, была расположена в нижней части реки Кызыл-узена (Сефид-руда).

[2] Анализ приемов передачи иранских имен в аккадской письменности не оставляет сомнения в том, что Bagdattu (род, над. Bagdatti) – это иранское *Bagadāta – «богоданный»; это самое западное из засвидетельствованных бесспорно иранских имен VIII–VII вв. до н. э. (Уишдиш находился около совр. Мерагэ).

[3] KS, Анналы, строка 52 и сл.; Анналы XIV зала, строка 47 и сл.; Торжественная надпись, строка 37 и сл., и т. д. – ARAB, II, §§ 10, 56.

[4] KS, Торжественная надпись, строки 39–44. Вероятно, вначале Уллусуну лишь допустил в эти крепости урартские гарнизоны, но затем, когда Уллусуну капитулировал перед Саргоном, Руса присоединил их к Урарту.

[5] Имя это – ассирийское. О сношениях Уллусуну с Ашшурле' см. также письмо HABL, 1058; ср.: HABL, 884.

[6] Местоположение Зибие теперь установлено. Ныне это тепе Зивие в 18 км к востоку от пункта в 24 км южнее Саккыза, на дороге Саккыз–Сенендедж. Недалеко от этого же пункта находится деревня Сахаб, отождествляемая Годаром с Армантом. Холм Капланту, в 5 км к юго-востоку от Зивие, он отождествляет с Изирту, однако это сомнительно. См.: A. G o d a r d. Le Tresor de Ziwiye (Kourdistan). Haarlem. 1950. стр. 6, 127, прим. 3.

[7] KS, Призма B, отрывок D=ARAB II, § 208.

– Никсамма и Шургадиа – были захвачены ассирийцами, отделены от Манны и присоединены к ассирийской области Парсуа. Затем Саргон продолжал свой поход далее на юг, в районы, слабо контролировавшиеся Манной или вовсе не контролируемые ею. Прежде всего была занята важная крепость Кишессу[1] на верхнем течении Кызыл-узена и взят в плен ее правитель, носивший ассиро-вавилонское имя Белшаррусур (Валтасар). Крепость была переименована в Кар-Нинурта (или, по другим данным, Кар-Уригалли),[2] в ней была воздвигнута стела с изображением Саргона и поставлен гарнизон во главе с областеначальником. Таким образом, была создана новая ассирийская провинция Кишессу, к которой были присоединены также изъявившие покорность области Бит-Сагбат, Бит-Хирмами, Бит-Умарги и крепости Хархубарра (?),[3] Киламбати и Армангу. Все эти топонимические названия следует искать в полосе между верхним течением Кызыл-узена и горами западнее и юго-западнее Казвина.

Некоторые крепости на южных склонах гор Гизильбунды и на склонах Эльвенда оказались теперь отрезанными от Манны ассирийскими владениями, а связь их с восточной Мидией была также затруднена. Жители крепости Хархар изгнали своего «владыку поселения» по имени Кибаба и обратились к Тальте,[4] царьку Эллипи, с просьбой принять их в подданство. Как уже упоминалось, Эллипи было важнейшим из мелких царств южной Мидии, служившим буфером между Ассирией и Эламом.

Продолжая свой поход на юг, Саргон II занял Хархар и увел его жителей в плен. На место прежних жителей были водворены переселенцы, – по всей видимости, израильтяне, покоренные еще в 722–721 гг.[5] Хар-

[1] ^{āl}Ki-še-si-im, повидимому, родительный падеж от Kišes(s)u; в других текстах – Kišêsu, Kišisa, Kišassu. Во времена Тиглатпаласара она фигурирует как Kišisa; тогда ею правил Бисихадир.

[2] Так, не «Кар-Нергал», как указывают некоторые исследователи. «Уригаллу» было прозвищем как бога Нергала, так и бога Нинурты.

[3] Так, по исправлению Форрера (E. F o r r e r, ук. соч., стр. 92). Хюзинг и за ним Штрек читают ^{āl}Har-bag-maš-tum (!) и толкуют как «гора (hara) божества премудрого» (baga mazdā; ср. богиню Багмашту в Мусисире). Это толкование, по которому это название следовало бы рассматривать как иранское, вызывает трудности с фонетической и морфологической точек зрения.

[4] Оба имени во всяком случае не иранские.

[5] Надпись на стеле (KS, стр. 176, строка 33 и сл.) называет этих пленников жителями «страны Хатти», но этот термин охватывает в ассирийских текстах этого времени и Палестину. Об этом переселении сообщают и древнееврейские источники. Поданным Библии (II Reg., XVII, 6), после взятия Самария, столицы Израиля, в 721 г. жители были выселены в Гозан (Гузану) на реке Хабуре в Месопотамии, и Халах(ху) в собственно Ассирии и в «посе-

хар был сильно укреплен и сделан центром ассирийской провинции,[1] включившей также Область Верхней Речки, или Аранзешу (Аразиаш или же Эрензиаш других текстов), Область Нижней Речки, или Бит-Раматуа (точнее было бы Бит-Раматеа, «Династия Раматеи», эта область, повидимому, тоже составляла ранее часть Аразиаша), затем области Урикату, Сигрис, Шапарда (или Сапарда) и Уриакку. Из них Аранзешу-Аранзиаш – область, хорошо нам известная по предыдущим ассирийским походам; она находилась, вероятно, в районе Хамадана. Видимо, Области Верхней и Нижней Речки, часто объединяемые под общим названием Область Речки (ša Nārte), – это долины речек, сбегающих с Эльвенда и сливающихся затем в реку Кара-су. Где-то недалеко от этих мест следует искать также Сигрис и Сапарду.

Хотя в дальнейшем ассирийские войска еще не раз глубоко проникали на мидийскую территорию, однако практически граница собственно ассирийской державы не была впоследствии продвинута далее пределов, установленных Саргоном. Даже в этих пределах удерживать территорию Мидии в составе своего государства было для ассирийцев чрезвычайно трудной задачей. Таким образом, в период наибольшего продвижения Ассирии вглубь мидийской территории границы занятой ассирийцами зоны можно определить следующим образом: верховья Малого Заба и Диялы (районы V–VII) были заняты целиком; граница шла на севере по горам Гизильбунды (Кафелан-Кух) и далее на район Зенджана– Казвина. Отсюда шла восточная граница занятых областей, проходившая по линии западнее Казвина – восточнее Хамадана. Южная граница занятой ассирийцами части Мидии шла от горы Эльвенда по горному хребту севернее долины Керманшаха в направлении с востока на запад до долин притоков Диялы. На этой захваченной Ас-

ления мидян» (ārē Mādāj). Это не могло, однако, случиться до 716 г. до н. э., так как до тех пор никаких «поселений мидян» в ассирийских руках фактически не было (имен в виду, что в то время Madâi обозначались не вообще жители Мидии, а лишь члены мидийского союза). На место выселенных были водворены жители Вавилона, Куты, Хамата (в Сирии), а также городов 'Awwā и Səpharwajim, которые точно не отождествлены (последний – Сиппар?). Поход на северную Вавилонию (где находились Вавилон, Кута и Сиппар) был совершен Саргоном еще в 721 г., против Хамата – о 720 г. Переселения в Хамат начались не позже 716 г. Следовательно, к этому времени и жителей Хамата должны были начать выселять в Израиль, и трудно предположить, что переселение израильтян могло задержаться намного после этого года. 715 год – год организации ассирийских провинций в Мидии – является, таким образом, наиболее вероятной датой поселения израильтянского контингента в Мидии.

[1] При этом он получил название Кар-Шаррукян. До нас дошел целый ряд писем некоего Маннуки-Нинуа, назначенного в Хархар наместником. Эти письма содержат доклады Саргону о положении в провинции (HABL, 126–129, 645, 1645).

сирией территории находилось первоначально пять провинций: Замуа, Парсуа, Бит-Хамбан, Кишессу и Хархар. Впоследствии последние две провинции были разбиты на несколько более мелких.

Создание этого мощного ассирийского плацдарма в тылу Манны не могло не повлиять серьезнейшим образом на политику этого государства. Это ясно сказалось в следующие годы походов Саргона II на восток (715– 713 гг. до н. э.).

Созданные Саргоном II провинции Кишессу и Хархар,[1] по всей вероятности, отрезали значительные территории от области, которой управлял – формально в качестве маннейского наместника – Дейок. Повидимому, насколько вообще можно локализовать его область, – в его руках осталась лишь небольшая часть долины Кызыл-узена выше Мианэ. Стало ясным, что покорный ассирийцам маннейский царь не является опорой и защитой государства Дейока. На это указал Дейоку через своих гонцов и урартский царь Руса I, начавший, между тем, военные действия против Уллусуну маннейского в качестве карательного мероприятия за его переход на сторону ассирийцев. Анналы Саргона II сообщают, что Руса, захватив (еще в 716 г.) 22 маннейские крепости, побудил Дейока к отпадению от Манны, причем Дейок послал к Русе своего сына в качестве «заложника» и представителя. К сожалению, ассирийские тексты не указывают точно, где находились эти 22 крепости, но, повидимому, как мы указывали, они находились где-либо в районах, пограничных между Манной и Ассирией, так как в 715 г. Саргон не только отнял эти крепости у Урарту, но и присоединил их непосредственно к Ассирии,[2] после чего он двинулся против «Дайаукку», захватил его в плен вместе с семьей и сослал его в Сирию, в Хамат.[3]

Продолжая наступление вниз по Кызыл-узену,[4] Саргон вступил в

[1] Они были учреждены на другой год после похода, в 715 г.; см.: E. F o r r e r. ук. соч., стр. 92.

[2] В следующем году, однако, он возвратил их Уллусуну: KS, Торжественная надпись, строка 52.–ARAB, II, § 56.

[3] Ассир. Amattu: KS. Торжественная надпись, строка 49; ср.: Анналы, строки 75–77. II в Мидии имелась область Amate – «область в начале горы Руа» (KTP. Анналы, строка 170), но здесь она вряд ли могла иметься в виду, так как лежала гораздо далее к востоку, чем распространялись владения Саргона. Утверждение о том, будто династия Дейока («Дом Дейока») продолжала царствовать в области, находившейся до тех пор под властью Дейока, основано на ошибочном чтении Винклера (в KS) 139–140-й строк Анналов Саргона: a-na ^{mât} El-li-pi [^{mât}M]a-da-a-a ^{mât} Bît-Da-a-a-uk-ki ^{mât} Kar-al-li a-lik– «на Эллипи, Бит-Дайаукки (и) Каралли я пошел». На самом деле, в тексте стоит: a-na ^{mât} El-li-pi [^{mât}M]a-da-a-a ú ^{mât} Kar-al-li a-lik – «на Эллипи Мидию и Караллу я пошел». См.: RA, XXIV, 1927, стр. 75–80 (статья Жана и Тюро-Данжэна).

[4] Текст Анналов дает основание предполагать, что между походами против Дайаукку

Андию (или Мисианду),[1] владение некоего Телусины, бывшего в союзе с Русой еще по крайней мере с 719 г., когда Андиа выступала против Азы совместно с Багдатту, правителем Уишдиша и Метатти, правителем Зикерту. Отсюда было уведено в плен 4200 человек и много скота.[2] Для того чтобы подчеркнуть свое верховенство над всей восточной территорией, Саргон воздвиг в столице Манны, Изирте, свое изображение.

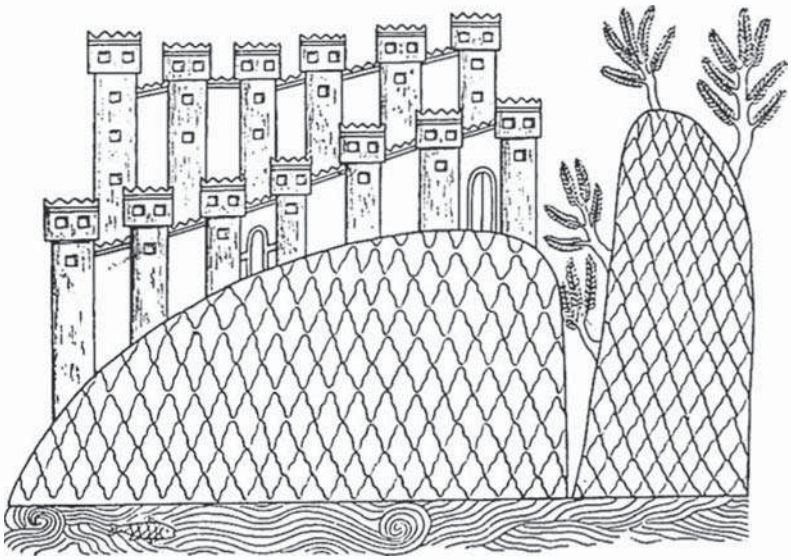

Рис. 39. Крепость в Манне. По ассирийскому рельефу из Дур-Шаррукина. Конец VIII в. до н. э.

Тем временем началось большое восстание в только что покоренной провинции Хархар.[3] Это восстание, повидимому, было делом мидий-

и походом против Телусины произошел еще поход, во время которого Саргон прибыл в столицу царства Хубушкии (к югу от озера Ван). Но это, очевидно, результат излишне сжатого изложения. По всей вероятности (хотя Анналы, по обыкновению, ведут речь от лица царя), Саргон участвовал либо в походе на Мидию (на Дейока и Телусину), либо на Хубушкию, а второй поход возглавлял кто-либо из ассирийских полководцев.

[1] Так в Торжественной надписи, строка 37, ср. область Мессу или Месси в Манне(?).

[2] Известно письмо к Саргону II с извещением о прибытии даров (namūrtu) лошадьми и мулами от царевича Андии, доставленных вместе с послом Манны (HABL, 466; дата неясна; к тому же времени, повидимому, относится и письмо HABL, 342, говорящее о военных действиях на границе Манны – 717 или 716 г.? Олмстед относит это письмо ко времени Ашшурбанапала). Ср. также HABL, 310–312 (дата?).

[3] См. для общей ситуации интересное письмо наместника Парсуа (?) к Саргону (HABL, 556). Наместник сообщает, что у него есть 2000 войска; есть войско также и Хамбане; он ожидает помощи из Манны и Мазамуа, оправдывается от обвинения в безделии; взяты пленные. В столице Парсуа – Никуре –эпидемия: из 50 человек, которые прибыли с наместником, уже умерло 15 человек. Мидия враждебна. В числе «прифронтовых» городов названы Никур, Кингухту (=Гинхухту), Кизахаси, Хархар и др.

ского племенного союза, и возможно, поддерживалось из Эллипи. Оно перекинулось также на соседние провинции, в том числе на Бит-Хамбан – Намар.[1] В числе восставших областей Саргон упоминает Бит-Сангибути, Уриакку (Урианту), Сигрис, Шапарду и Уппарию.

Ассирийские войска двинулись против восставших, и им удалось занять несколько крепостей в Области Верхней и Нижней Речки, в том числе четыре (Кишешлу, Киндау, Анзариа и Бит-Багайа)[2] были заняты постоянными ассирийскими гарнизонами.[3] Особенно сильно укреплена была крепость Хархар – «для покорения Мидии», как сообщают анналы. В области Бит-Хамбан была взята крепость Кимирра, и свыше 2530 человек было уведено в плен.

Однако Саргону не удалось подчинить захваченную им территорию так, как были подчинены другие провинции. Местные правители остались сидеть в своих владениях в пределах провинции[4] и обязались лишь платить Ассирии дань; повидимому, это была обычная практика, установленная еще при маннейском верховенстве.[5] Воинские контингента местных жителей были, возможно, включены в состав ассирийских вооруженных сил.[6] На таких условиях правители областей, входивших в мидийский союз[7] (надпись Саргона II различает их как «Мадай», от остальных областей будущей мидийской территории, которых он называет «Гутиум», т. е. кутиями),[8] на всем протяжении территории этого союза, вплоть до Бикни (горы Демавенда), уплатили Саргону дань. Из дальнейшего мы увидим, однако, что не только на столь отдаленных территориях, но и в так называемых ассирийских провинциях Мидии

---

[1] 8 CS, стр. 8, строки 39–40: ср.: KS, Анналы XIV зала, строки 23–25; Анналы, строка 90.

[2] Так и «Торжественной надписи», строка 64; в Анналах ошибочно (?) Bît-Gabâia. От иранского имени Bagaya-, уменьшительное от *Bagapâta – «хранимый богом»? Ср.: F. Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, s. v.; Th. Nöldeke. Persische Studien. SBAVV, Bd. 126, 1892, стр. 29. Ср., впрочем город, Gabai в Паретакене.

[3] Крепости были переименованы в Кар-Набу, Кар-Син, Кар-Адад и Кар-Иштар.

[4] В последующие годы многие из областей, упомянутые под 716–715 гг. как присоединенные к Ассирии, названы в число самостоятельных, хотя и уплачивающих дань.

[5] Мы видели, что маннейские «наместники» Меттатти, Багдатту, Телусина и Дайаукку были автономными правителями. То же самое мы наблюдаем в Манне и позже.

[6] Это, впрочем, сомнительно. Текст Анналов, испорченный в этом месте (строки 86–87), гласит: 4[000 ^{amel}]zi-im pa-ni ^{amel}ku-ra-di-šu-nu 4820 [.....] nišēšu(?)-nu(?) i-na uš-manni-ja am-ḫur «4[000] главарей (?) (и) бойцов их, (и) 4820 [....] их (?) людей я принял (или: взял) в мой лагерь (или: в моем лагере)». Для описания пленения эта формула является необычной, хотя и не невозможной.

[7] Число их различно по разным источникам; Анналы (строка 89) говорят о получении дани от 22 «владык поселений».

[8] Различение этих двух терминов вообще характерно для надписей Саргона.

собирание дани с населения было возможно только с помощью вооруженных экспедиций.

Прочно освоенными ассирийцами оказались те лишь районы, которые контролировались ассирийскими крепостями, и где население было выселено и заменено пригнанным из других стран (в частности, из Сирии и Палестины). Кругом же мидийско-кутийское население управлялось прежними правителями и племенными вождями и уплачивало дань только тогда, когда бывало к этому вынуждено силой или крайней необходимостью.

В начале VII в. до н. э. мы встречаем в Мидии уже не пять, а больше ассирийских провинций. Однако нет никаких данных для предположения о том, чтобы ассирийцам удалось завоевать еще какие-либо дополнительные мидийские территории. Одна из новых провинций, Сапарда, была ранее частью провинции Хархар. Две другие – Мадай и Бит-Кари – были, повидимому, выделены также из провинции Хархар, и, может быть, Кишессу. Мадай – это, по всей вероятности, бывшая область Дейока южнее Мианэ, на Кызыл-узене,[1] а Бит-Кари («Дом колонии» или «колоний») надо искать в районе Хамадана. Из ассирийских текстов ясно, что власть ассирийцев в этих провинциях была совершенно эфемерной; чтобы сохранять ее, эту власть приходилось поддерживать вооруженной рукой. Поэтому-то эти три области и были, вероятно, выделены из провинции Кишессу и Хархар, которые, будучи заселены изгнанным из Сирии населением, имели, очевидное обычную для ассирийских провинций гражданскую администрацию. Когда именно произошло выделение этих трех новых провинций, неясно; по всей вероятности, оно произошло после 710 г. до н. э.

Год, следующий после подавления восстания в провинции Хархар – 714 г. до н. э., – ознаменовался походом Саргона II против Урарту. До нас дошла подробнейшая реляция об этом походе, представляющая ценнейший источник наших знаний о Манне и соседних странах. Поход этот был неоднократно описан в научной литературе.[2]

Поход был задуман как карательная экспедиция против Зикерту и Андии (все еще не приведенных к покорности, в отличие от Уишдиша. разгромленного уже в 716 г.).[3] В начале похода Саргон вступил в ман-

[1] Не потому ли эта область и названа в узком смысле Мидией («Мадай»)?

[2] Издание см.: 8 CS, с добавлениями Б. Мейсснера (ZA, XXIV, стр. 105) и Э. Ф. Вайднера (AfO, XII, стр. 144 и сл.); переводы: ARAB, II, §§ 139–178; АВИУ, № 49, стр. 321 и сл.; имеется ряд специальных работ по географии этого похода. (В дальнейшем: Текст реляции).

[3] Возможно, однако, что Руса I в 716 г. захватил маннейскую область Уишдиш.

нейскую область Сурикаш, возможно, ту самую, которую в 716 г. захватил Руса. Сюда была доставлена дань Манны самим маннейским царем Уллусуну с советниками и приближенными. Затем Саргон двинулся с целью демонстрации через владения маленького зависимого царства Аллабрии (в верховьях Малого Заба), где получил дань конями и скотом со своего ставленника Белапалиддина,[1] потом перешел в ассирийскую область Парсуа, возможно, с целью создать ложное представление о своих истинных намерениях. Сюда Саргону была доставлена дань от «владык поселений» с ранее покоренных Ассирией территорий в Мидии[2] и непосредственно примыкавших к ним. Поименно текст называет 26 правителей, причем список возглавляет Тальта, правитель Эллипи.[3] Они доставили Саргону конем, мулов, ро-

[1] Имя это – аккадское.

[2] Текст называет Намар, Сангибуту (т. е. Бит-Сангибути), Бит-Абдадани и Страну Мидии; видимо, в последнее понятие здесь включено и Эллипи.

[3] Вот этот список, с попыткой локализации (звездочками обозначены имена, допускающие при нынешнем состоянии наших знаний иранскую этимологию):

Тальта.	Эллипи.	Около Керманшаха.
*Уксатар. Дуриси. *Сатарешу.	Область Речки	Около Хамадана, была в провинции Хархар.
Анзи.	Хальхубарра.	В провинции Кишессу, совр. Хурвар?
Пайукку.	Киламбате.	В провинции Кишессу.
Узи.	Мали.	?
*Уакирту.	Нанни.	?
*Макирту	Бит-Сагбат	Между Казвином (юго-западнее последнего) и Хамаданом, в провинции Кишессу.
Китакки.	Урианту (Уриакку).	В провинции Хархар.
Мащдайаукку	Кингараку.	?
Уаитар.	Кантау.	?
Паукку.	Бит-Капси.	В провинции Парсуа (?).
Хумбе.	Бит-Зуальзаш.	В провинции Бит-Хамбан (?).
Узуманда.	Бит-Иштар.	В провинции Парсуа (?).
*Багиарна (?).	Закрути.	Севернее Хамадана (?). (В тексте Ba-ag-par-ar-na – явная описка)
Дари.	Санарда.	В провинции Хархар.
*Ушра.	Канзабакани.	?
Шаррути.	Кар-зину.	?
*Мащдакку.	*Андирпаттиану.	? (эти название сопоставляется с названием «Атропатена» – «Азербайджан», но, повидимому, неправильно).
Аккуссу.	Уси[.....]	?

гатый скот и двугорбых верблюдов.[1] Повидимому, создалось впечатление, что Саргон собирается повторить поход на центральную Мидию. Но намерения его были совершенно иными. Из Парсуа ассирийский царь, перевалив через горы, вступил и маннейскую область Миссу (Месу). Здесь, согласно предварительной договоренности, в крепости Зирдиакка (Сирдакка, Дурлукка) его поджидал Уллусуну, подготовивший продовольственные склады и доставивший «дань» – коней и скот – для ассирийского войска. В совещании с Уллусуну Саргон, якобы по просьбе маннейского царя, обещал начать поход против Урарту с целью возвратить Манне утраченную ею на восточном берегу Урмии территорию. Был устроен пир в честь Уллусуну и маннеев, причем царь Манны, хотя и был посажен ниже Саргона, однако выше, чем когда-то его отец Иранзу. Это было равносильно признанию Манны союзной державой. Здесь же были получены запоздавшие умилостивительные дары от правителей двух крепостей Гизильбунды – Зизи из Аппатара и Залая из Китпата на границе Парсуа.

Несмотря на обещание начать войну с Русой (а может быть, опять-таки, чтобы ввести неприятеля в заблуждение), Саргон продолжал отсюда путь по южной и юго-восточной окраине Манны,[2] направляясь

Биртату.	Сибур.	Близ Зенджана (Ṣibur).
*Зардукку	Харзиану.	? (Читать Хардукку?).
*Машдакку.	Аратпату/и.	?
*Сатарпану.	Барикану.	?
Каракку.	Урака(ту).	В провинции Хархар.

Как видно, почти все перечисленные области, которые поддаются хотя бы приблизительной локализации, были еще в 716–715 гг., а частично даже еще в 744 г., включены в состав ассирийских провинций, что не мешало им иметь собственных «владык поселений». Умилостивительной дани не принесли, разумеется, полностью освоенные ассирийцами районы вроде Кишессу илиХархара, но также и некоторые покоренные более формально. Наряду с областями и поселениями на территории ассирийских провинций упомянуты и некоторые районы за ее пределами, однако – из числа подвергший недавно ассирийским нашествиям. Таковы Эллипи и Сибур. Однако «владыки поселений страны мощных мидян до горы Бикни» (Демавенда), якобы обязавшиеся даньи в предыдущем. 715 г. (а на самом деле, вероятно, лишь принесшие единовременные дары, чтобы откупиться от Саргона), отсутствуют в списке. Большинство имен не имеет пока, а многие скорое всего и вообще не имеют, иранских этимологий; однако примерно для десятка имен иранская этимология может быть предложена, хотя вполне надежными в этом отношении можно считать только имена, Uaksatar=Huχšaϑra или Huvaχštra, Bagparna–Bagafarna, Satarpanu = χšaϑrapāna (начальное χ опущено во избежание недопустимого в аккадском двухсогласного начала), Uakirtu и Makirtu (оба читай Wakirtu) = Vahukṛta и, несмотря на (явно несостоятельные) возражения Кёнига, Mašdakku = Mazdāka. Все эти имена локализуются в восточной части Мидии.

[1] Текст реляции, строки 6–50.

[2] Текст реляции, строка 71 и сл.

против Зикерту. В маннейской крепости Панзиш, пограничной как с Зикерту, так и с Андией (и расположенной, повидимому, южнее Мианэ), была создана продовольственная база похода. Затем Саргон перешел через речку Иштараура[1] и вступил в область Аукане, на территории Метатти зикертского. Метатти применил старую тактику: оставив свою резиденцию, крепость Нарду (около Мианэ), он укрылся на горе Уашдирикка (повидимому, совр. Бозгуш-даг, менее вероятно – Савалан-даг); однако он не ограничился этим, а срочно бросил отсюда свои воинские силы на соединение с Русой I, который тем временем, услышав о намерении Саргона углубиться и прикаспийскую область Зикерту, спешил с запада с целью отрезать его с тыла и разгромить.[2]

Между тем, Саргон, опрокинув заслон, оставленный Метатти на перевале через Уашдирикку, разорил 13 зикертских крепостей,[3] а затем резко повернул на запад, в занятую ураргами (еще, быть может, в 715 г.) маннейскую область Уишдиш (район Мерагэ). Этот поворот, повидимому, входил с самого начала в планы Саргона, и он в Уишдише лишь получил от своего агента подтверждавшее эти планы донесение о приближении войск Русы. Этим агентом был, повидимому, царек Аллабрии Белапалиддина.[4]

Так или иначе, планы Русы и Метатти потерпели полный крах. В битве на горе Уауш (Сахенд) ассирийцы наголову разбили их силы и отбросили их на урартскую территорию. Саргон быстрым маршем двинулся вдоль восточного побережья Урмии на север. Предупрежденное зажиганием костров на горных вершинах население всюду покидало перед ассирийской армией свои жилища. Первой была занята Ушкайя (ныне Уски на западном склоне Сахенда), пограничная крепость Урарту, созданная, вероятно, еще при Сардури II, при завоевании лежавшей на восточном берегу Урмии области Суби,[5] ранее маннейской. Эта крепость охраняла как подступы к Суби, так и подступы к области Заранда.

---

[1] Это название реки, как видно из его неаккадской этимологии и характера его клинописной орфографии, к имени богини Иштар не имеет отношения; начальное i здесь протетическое (во избежание двухсогласного начала).

[2] См.: Текст реляции, строки 92–111 и письмо HABL, 515 (ср. перевод в АВИУ, 50, 17, стр. 345).

[3] Иштаиппа, Сактатуш, Нанзу, Аукане, Кабани, Гуррусупа, Ракси, Гимдакрикка, Барунакка, Убабара, Ситера, Таштами и Тесаммиа. В тексте «12 поселений», но перечислено 13.

[4] См.: АВИУ, № 50, 17, прим.

[5] Реляция Саргона II указывает, что по-урартски Суби называется «Страной маннеев»; поэтому возможно, что некоторые из описываемых урартскими текстами походов на «Манну» имеют в виду Суби.

Область Суби, по словам реляции Саргона,[1] специально была выделена царем Урарту, чтобы в ней выращивались кони для урартской конницы.

Жители и гарнизоны покинули Ушкайю вслед за беглецами с поля сражения на горе Уауш, и Саргон занял ее без боя. Он приказал снести ее стены, имевшие толщину 4 м, и сжег все жилье как в ней, так и – по словам реляции – в 115 окрестных поселениях. После изгнания отсюда урартов для Манны представлялась возможность расширения в будущем ее владений на север, но ассирийцы не имели намерения обогащать своего союзника неразоренными, людными областями. Ими были также разрушены крепость Аниаштаниа с конюшнями урартского армейского резерва конницы вместе с 17 окрестными поселениями (у северо-восточного угла озера Урмии), а также двойная крепость Тарui–Тармакиса (совр. Тавриз) и стране племени далийцев – также база урартского резерва конницы. Повсюду ассирийские войска захватывали обширные амбары с ячменем и уничтожали хлебные поля и луга.

Дальнейший путь Саргона проходил через урартскую провинцию Сангибуту (не смешивать с Сангибуту или Бит-Сангибути в западной Мидии!) – к северу от озера Урмии.[2] Эта территория, повидимому, была урартской со времени Минуа, т. е. уже около ста лет. Наиболее важным городом здесь был Улху, охраняемый крепостью Сардурихурда. В нем имелся дворец урартского царя. Составитель реляции Саргона подчеркивает огромные работы, произведенные урартами для орошения этой области – проведение каналов, арыков и систем подземного водоснабжения – кяризов, сооружение плотин и т. д.[3] Окрестности Улху представляли сплошные цветущие сады, виноградники и луга. Все это было выжжено, вытоптано и разграблено ассирийцами. Окрестные поселки и крепость Сардурихурда разделили судьбу Улху, но население успело скрыться в горах.

В Улху, как видно из реляции Саргона, имелись царские земли, но наряду с этим здесь, как и в других окрестных поселениях, было много земли во владении или даже собственности отдельных местных жителей или их семейных и сельских общин.[4]

---

[1] Текст реляции, строка 167 и сл.

[2] Однако Саргон прошел не у самого берега, а скорее в районе Маранд – Хой, так как факт прохода по берегу был бы отмечен в тексте.

[3] Любопытно, что текст указывает на сведение впервые Русой в этом районе двугорбых верблюдов, использовавшихся при работах по насыпке плотин.

[4] См. об этом: Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социальио-экономической истории Наири-Урарту. ВДП, 1951, № 4,стр. 22 и сл.; И.М. Дьяконов. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту. ВДИ, 1952, № 1, стр. 96 и сл.; А. Меликишвили. К вопросу о царских хозяйствах и рабах-пленниках в Урарту. ВДИ, 1953, № 1, стр. 22 и сл. и особенно стр. 25 и сл.

Столь же богатые и культурные районы лежали и к западу от Улху. Многие поселения были здесь сильно укреплены, но деморализованная армия Русы не пыталась их удерживать; как и раньше, ассирийцы вступали в богатые крепости, в спешке брошенные жителями вместе со всем добром.[1] Поэтому тут были, в частности, захвачены огромные запасы продовольствия. Часть бежавшего в горы населения была истреблена ассирийцами. Поселения были по обыкновению сожжены и разграблены, после чего ассирийское войско через Котурский перевал[2] ушло на коренную урартскую территорию. При этом один из текстов Саргона сообщает, что ассирийский царь передал Уллусуну маннейскому 22 крепости, еще в 716 г. занятые Русой, а также 2 крепости, отнятые во время похода этого года у Русы и Метатти. Одна из них, по всей вероятности,– Ушкана, другая – Парда или Аниаштания. Но вполне вероятно, что маннеи не ограничились этим, а воспользовались сложившейся ситуацией, чтобы занять и другие, бывшие урартские, территории в северных приурмийских районах. В неясном контексте Манна упоминается реляцией Саргона в связи со взятием крепостей в западной части Сангибуту (около Хоя), и нет ничего невероятного в том, что Уллусуну мог попытаться провести новую границу с Урарту по хребту, где теперь проходит граница между Ираном и Турцией, поскольку восточнее этого хребта урарты утеряли контроль над территорией, а ассирийцы, не имея общих с ней границ, не могли взять ее под свой контроль.

Одно ясно, что, хотя Саргон в своих текстах всячески подчеркивает покорность Манны, объективно создались условия, способствовавшие укреплению Маннейского государства и приобретению им фактически полной независимости. Если еще в 714 г. Уллусуну даже дважды уплачивал Ассирии дань, то после 713 г. мы надолго не услышим ничего подобного[3] и, наоборот, Манна даже отваживается нападать на окраины захваченной ассирийцами территории.

При подробном рассмотрении текста реляции Саргона бросается в глаза, что Манна и, может быть, еще более северные приурмийские

---

[1] Реляция (строка 233 и сл.) перечисляет: Хурнуку, Харданиа, Гизуарзу, Шашзисса, Хундурна Верхняя и Нижняя, Уаднаунза, Аразу, Шадишсиниа, Ситтуарзу, Зирма, Сурзи, Элиядиниа, Сурзиальдиу, Армуна, Кинаштаниа и еще три поселения, названия которых не сохранились.

[2] «Между горами Арсабиа и Эртиа».

[3] В 713 г. Уллусуну опять вышел навстречу Саргону с «данью» или, вернее, с подарками; при этом Саргон вновь подчеркнул союзное, а не подчиненное положение Манны, отдарив Уллусуну полотняными и пестротканными шерстяными одеждами, кинжалом и кольцами (Призма B: KS, Taf. 44–46, отрывок F.– ARAB, II §§ 210– 211).

области, бывшие под властью Урарту, т. е. территория нынешнего Иранского Азербайджана, стояли выше по уровню своего экономического развития, чем большая часть территорий восточной Мидии. Следует отметить, что между ассирийскими и урартскими завоеваниями была одна существенная разница: ассирийцы были гораздо менее заинтересованы в развитии сельскохозяйственного производства в завоеванных районах, так как имели высокоразвитое сельское хозяйство в старых районах своей державы. Напротив, урарты, имевшие дело по большей части с менее развитыми экономически районами, уделяли развитию сельского хозяйства особое внимание. Поэтому, хотя в ходе самого завоевания урарты пользовались столь же варварскими методами, как и ассирийцы, однако после того как та или иная область была уже ими освоена, урартская власть способствовала значительному развитию производительных сил. Известно, что проложенные урартами каналы до сих пор используются в Закавказье. Наглядным примером того, насколько развитие производительных сил делало шаг вперед под властью урартов, является свидетельство их врага о процветании поселений области Сангибуту к северу от озера Урмии. В этих развитых сельскохозяйственных районах, где, как прямо указывает текст Саргона, происходило значительное накопление богатств у части населения и где, повидимому, имелись крупные, товарные хозяйства,[1] -классовое развитие должно было зайти, конечно, куда дальше, чем на территории мидийского племенного союза. Можно предполагать, что и в собственно Манне, где условия для земледелия и ремесла были не хуже, если не лучше, чем в Сангибуту, общественное развитие было также значительно более высоким, чем далее к юго-востоку.

Имея все условия для экономического развития, будучи экономическим и политическим средоточием всей горной области к востоку от Ассирии, Манна могла бы вырасти в весьма значительное государство. Но для этого было необходимо преодолеть архаичный олигархический строй этого государства и создать такое государство, которое опиралось бы не на верхушечные группы рабовладельческого класса, а на весь класс целиком или даже на всю массу свободных. Время для создания подобного государства, однако, еще не настало. Все же во внешнеполитическом отношении, как уже указывалось Манна значительно укрепилась после 714 г. и могла держать себя отныне довольно независимо.

В 713 г. Саргон II предпринял тот поход вглубь Мидии, которого там ожидали и боялись еще в 714 г. Поводом для него было восстание

[1] См.: И. М. Дьяконов. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту, стр. 97.

в области Каралла (в одной из долин в верховьях Малого Заба), где жители изгнали ассирийского ставленника. Саргон разгромил жителей Караллы[1] и направился оттуда на Мидию и Эллипи. Вступив в Эллипи, Саргон утвердил царя Дальту (или Тальту) на его престоле, что было необходимо, так как ассирийская ориентация последнего вызвала возмущение его подданных, и в том числе знати.[2] Отсюда ассирийское войско двинулось вглубь Мидии. Текст источника здесь гласит:[3]

«[*Страна* Сигри]су, страна Баит'ан (?) [4] – область Мидии, что на границе Эллиби,[5] [*страна*.....], *страна* Апсахутти, *страна* Парнуатти, *страна* Утирна, *поселение* Дирстану, [*страна*.....], *страна* Уриакки, *страна* Риманути (?) – область *страны* Уипурии, [*страна*] Уйадауэ, *страна* Бустис, *страна* Агази, *страна* Амбанда, *страна* Данану – отдаленные области (у) пределов *страны* Ариби востока,[6] а также области[7] могучих мидян,[8] которые, сбросили ярмо бога Ашшура и скитались в горах и пустынях, как воры– я бросил зажженные головни[9] во все их поселения и все области их превратил в забытые холмы развалин».[10]

Отрывок этот привлекает внимание с различных точек зрения. Маршрут Саргона не вполне ясен, но, повидимому, он начинался в Эллипи (около совр. Керманшаха). Из упомянутых далее областей нам известны Уриакки/у и Уппурия (Уппария, может быть, также Ни(?)пария у Тиглатпаласара). Обе они входили в провинцию Хархар. То же верно и в отношении области Сигрис, имя которой, повидимому, восстанавливается в начале текста. Таким образом, и остальные области, повидимому, не следует искать в особом отдалении от ранее уже «присоединенных» к Ассирии территорий.

Однако другой текст Саргона[11] подтверждает, что области Агази и

---

[1] KS, Анналы, строки 140–144. При этом Анналы сообщают, что Саргон «принял в своем лагере» 2200 их zīm pāni.

[2] KS, Призма B, отрывок F–ARAB, II. § 212; Список эпонимов: АВИУ, № 39, под 713 г.

[3] Курсивом переданы детерминативы.

[4] Или Ба'ит-или (Ba-'i-it-AN). Этимология (из западносемитского) – «дом бога» – Bagistāna, Бехистун – крайне маловероятна, хотя географически отождествление с современным Бехистуном вполне возможно.

[5] Вариант вместо «Эллипи».

[6] Дословно: «Ариби восхода солнца», ^{mât}A-ri-bi šá ni-pi-iḫ Šamši^{ši}.

[7] ^{mât}na-gi-i (вместо ^{mât}Na-gi-ra в издании!).

[8] В тексте ^{mât}Man-da-a-a dan-nu-ti – намеренно архаизирующее написание, играющее на аналогии с древним термином Uinmân-Manda – вместо ^{mât}Ma-da-a-a dan-nu-ti.

[9] akukâti.

[10] KS, Анналы, строки 158–165.

[11] KS, Торжественная надпись, строка 66.

Амбанда принадлежали к числу областей «мидян (у) пределов Ариби востока»; это указание означает, что и Бустис здесь – область, не тождественная с известным нам Бушту-Бустусом на границе Парсуа и Манны.

Остаются такие названия, как Апсахутти, Париуатти и т. д., незнакомые нам по другим текстам и, видимо, локализуемые восточнее Эллипи. Большинство этих названий, повидимому, имеет иранские этимологии.

Приведенный текст интересен тем, что он группирует перечисляемые области по двум категориям: это «области (у) пределов Ариби востока», и «области могучих мидян, которые. . . скитались в горах и пустынях».

Термин aribi в обычном употреблении ассирийских текстов – это родительный падеж или множественное число, согласно норме ассирийского диалекта аккадского языка, от именительного падежа единственного числа *arabu, *arubu – «араб». Однако очевидно, что в данном контексте не может итти речь об арабах и что под «Ариби востока» текст Саргона понимает нечто другое. Здесь имеется два объяснения. Согласно первому, имеются в виду «кочевники востока»,[1] т. е. скорее всего иранские кочевые племена. Согласно второму, окончание -bi следует читать -pe (как и в Elli-bi), т. е. как эламское окончание множественного числа ari.pe; ari- значило бы при этом «арии».[2] Мы уже указывали на то, что это толкование, которое представляется нам правильным, не вынуждает нас считать этих «ариев» эламоязычными. По всей видимости, имеются в виду аризанты, т. е. то мидийское племя, которое, с нашей точки зрения, именно и было исконно иранским по языку. Это согласуется и с тем обстоятельством, что топонимика «у пределов Ариби» (возможен был бы также перевод «в пределах Ариби») является тоже иранской, что составляет довольно большую редкость в Мидии VIII в. до н. э.

Характерно, что текст Саргона отличает здесь «могучих мидян, которые. . . скитались по горам и пустыням» от ариби-ариев. Писцы Сар-

[1] Такова точка зрения Винклера (KS, стр. XXVII), Штрека (Streck, ZA. XV, стр. 354), Масперо (C. Maspero. Histoire Ancienne ties peuples d'Orient classique, III. Les Empires, Paris, 1908, стр. 250), который сравнивает «арабов», упоминаемых Аппианом между Бактрией и танирами, обитавшими в Гиркании (App. Syriaca, 55; ср. перевод С. П. Кондратьева: ВДИ, 1946, № 4, стр. 311).

[2] Эта точка зрения выдвинута Андреасом и Хюзингом (P. Rost. Das sogenannte Mederreich und das Emporkommen der Perstr. Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte. Mitt, der Vorderasiatisch. Gesellsch. Leipzig, 1897, Heft 2, стр. 84), и ее же придерживается, например, И. Г. Алиев (О мидийском обществе. Изв. АН Аз.ССР, 1948, № 10, стр. 86, 90).

гона были, повидимому, хорошо осведомлены об этническом составе населения Мидии (мы видели, что обычно они различали коренное население западной Мидии как «кутиев» от племен мидийского союза – «мадай»). Поэтому особенно интересно, что они, как кажется, отличали мидян «мадай» от собственно «ариев» – «ариби». Это не значит, конечно, что среди «мадай» в узком смысле слова не было к этому времени уже очень сильного иранского элемента. Имена представителей «мадай» ясно показывают, что такой сильный элемент был налицо. Господствующим, однако, его назвать нельзя, во всяком случае в западных и центральных областях.

Еще один текст Саргона,[1] к сожалению, сильно фрагментированный, даёт другой, повидимому более подробный и точный список областей, разоренных ассирийцами в поход 713 г. с указанием их правителей.[2] Список этот совпадает в одной своей части с концом

[1] KS, Призма A.–ARAB, II, § 192.

[2] Вот этот список:

*Парнуа – Сигрис
*Ситирна – [. . . . .]сāна
Уппамма – [. . . . .]на
*Машдаку – Амакки
Иштссуку – Иштеуббу (или Иштеунну)
*Уарзан – Укутти
*Ашпабара – Каккам (то же, что Ушкаккаи?) (так читать вместо Ашнанра в издании!)
*Сатарешу, Сибрасу } – Владыки поселений «больших областей Бит-Вари и Бит-Машбари»
*Сатарнауу – Уппуриа
*Партукку – *Андирпаттиану (mPa-ar-ku-ku – вероятно, неправильная ретранскрипция имени mMaš/par-tuk/ku-ku, т. е. Машдукку)
*Ариа – Бушту[ш?]
*Ушра(йа) – Канзабакану
*Машдуку(?) – *Аратпати (так!)
Хардукка – *Харзиану
Иштелику, *Ауарисарну } – Владыки поселений страны [. . .]итауу [«Ауарисарну» – может быть описка вместо встречающегося в других случаях «Ауар(и)парну»].
Арбаку – Арнасиа
Шарутти – Кар-зину
*[Сатари]ану – Бариканy
[. . . . .] – Зазакну
[. . . .] – Каркасия (или Гаркасиа, не смешивать с «Кар-кишши»).
[. . . .] – *[П]артакану. . .

Многие из имен, а в особенности из топонимических названий, принадлежат к коренным языкам Мидии. Местоположение перечисленных областей далеко на востоке Мидии видно из относительного обилия иранских имен: Париуа (Farnavahu? – «добрый славой»), Машдаку (Mazdāka, от Mazdā – «премудрый» – прозвище божества), Ашпабара (Aspabāra – «всадник»), Сатарешу (Xšaϑra+?), Ариа (Aryāya – «арийский»), Ушра(йа) (Ušϑrāya? –

списка 714 г. Всего, по текстам Саргона, он получил дань с 45 мидийских вождей,[1] по приводимым им спискам нам известно их не менее полусотни.[2]

Таким образом, чем бы ни было государство, основанное Дейоком, – государственным объединением Мидии, как это рисует Геродот, оно еще не было.

Последний поход ассирийцев при Саргоне II в Мидию был совершен, повидимому, в 706 г. до н. э.;[3] Преданный ассирийцам царь Эллипи, Тальта, в это время умер, и против фаворита ассирийцев, Аспабары,[4] выступил его сводный брат Ниб'э, опиравшийся на помощь эламского царя Шутрук-Наххунте II. Саргон выслал против Эллипи войска семи областеначальников.[5] Ниб'э с 4500 эламитскими лучни-

«верблюжий»), Ауарипарну (?) (Ahurafarna – «обладающий славой доброго божества»), Сатарпану (Xšaθrapāna – «владеющий властью») и др. Сомнения Кёнига по поводу правомерности сопоставления элемента Mašda- с иранск. Mazdā – «премудрый (бог)» неосновательны: ассир. š передает s, озвончаемое перед d, поэтому mašda- – вполне естественная ассирийская передача mazdā. Зато совсем уж невозможно предложение, которое делает сам Кёниг (F. W. König. Die alteste Geschichte der Meder und Perser, стр. 31): объяснять имя Išteliku как древнегерманское (!) имя «Стилихон».

[1] Так по Анналам, строка 166; другие тексты дают меньшие цифры.

[2] В составе этих списков мы находим и Arbaku, и другие имена, близкие к именам мидийских царей, приводимым у Ктесия. Однако нельзя представлять себе дело таким образом, что Ктесий передал нам имена царей какой-то другой династии, параллельных Дейокидам. Мы уже упоминали, откуда в действительности происходит имя «Арбак» у Ктесия. Ктесиева династия мидийских царей составлена искусственно из современных ему мидийских имен; но ономастика мидян IX–VIII вв. могли частично продолжать еще жить и в V в., и этим объясняются совпадения. Ситуация, рисуемая текстами Саргона II, совершенно не похожа на рисуемую Ктесием для времени Арбака. Что касается Геродота, то, как уже указывалось, период 744–674 гг. выпал в передаваемой им традиции. Геродот в своем изложении истории Мидии рисует сначала период между 788 и 744 гг., а затем период после 674 г.

[3] Список эпонимов: АВИУ, № 39, под 706 г.; KS, Анналы, строка 402 и сл. Поход был, повидимому, направлен также против Караллы.

[4] Мид. Aspabāra – «всадник»; в ассирийской транскрипции Išpabāra (ассирийское š произносилось как s, а гласный «а» вначале ощущался ассирийцами как простетический, ср. чередование iškuza и asguzâi – «скиф»). Действительно, и письме HABL, 174 он же назван Ašpabâru, а в письме HABL, 645 – Ašpabâra.

[5] Это, по всей вероятности, были областеначальники Хархара, Кишессу, Парсуа, Бит-Хамбана и, возможно, Аррапхи, а также тех дополнительных трех ассирийских областей в Мидии, которые мы встречаем позже, при Асархаддоне: Санарды, Бит-Кари и Мадай. Обстановку в период восстания Ниб'э рисуют нам письма HABL, 174 и 159 – от областеначальников Мардукшаррусура и Иштардури царю Саргону: а) «[По поводу ве]стей об области, о (которой царь) сказал мне: „пошли туда (людей)" – мой гонец сказал Кибабише и Дасукку: „царь отдал мне Эллипи, а Сангибуту дал Мардукшаррусуру. Решено ли это? Ваши поселения у вас отняты (и) если ты хочешь претендовать на них, то – пробуйте или

ками заперся в крепости Мар'убишту, но крепость была взята и затем занята ассирийским гарнизоном.[1]

Несмотря на то, что Эллипи формально сохранило независимость, как самостоятельный политический фактор и как возможное ядро объединения Мидии оно уже не могло больше рассматриваться. Положение Эллипи было еще более ослаблено, когда в 702 г. последовал новый поход против Эллипи, совершенный сыном Саргона Синаххерибом.[2]

Поход 702 г. был частью длительной борьбы этого царя с Эламом и носил характер демонстрации на фланге Элама, имея также целью противодействовать проникновению эламского влияния в Мидию. Первоначальным объектом похода были племена горных кочевников-касситов и родственных им ясубигаллайцев к югу от Эллипи. Ассирийцы захватили здесь коней, ослов, мулов и рогатый скот, а также пленных. Весь пройденный ассирийцами горный район был включен в состав области Аррапха;[3] из числа трех занятых крепостей[4] в одной были поселены пленные переселенцы, – повидимому из Вавилонии, – а в двух других – бежавшие было в горы касситы. Отсюда Синаххериб

оставьте, (все равно) разве я (уже) не прибыл туда?" –так он сказал перед простым народом (nišē mâti). Теперь Кибабише и Дасукку созвали 100 всадников, и они постоянно служат у них. . ., а остальных всадников Ашпабары, которые служат с ними, они не показывают... По поводу вести о вельможах: я допросил мидянина, который привез их письма: „где вельможи?" Он сказал: „3-го числа месяца ташрита они писали в горы и ушли (туда)"». Уотермэн полагает, что Кибабише и Дасукку – не кто иные, как Кибаба, изгнанный из Хархара в 715 г. населением, и Дейок; однако это маловероятно, имея в виду, что в письме упоминается Ашпабара (если только это не Ашпабара, правитель Каккама). Более вероятно, что Кибабише и Дасукку – это мелкие претенденты на раздел наследства после смерти Дальты, царя Эллипи (наряду с Ашнабарой и Ниб'э). Из письма видно, что первоначально Саргон предполагал разделить земли Дальты между своими областеначальниками, и лишь позже согласился уступить их одному из сыновей Дальты – Ашпабаре. б) Другой областеначальник, Иштардури, пишет Саргону, очевидно, на более позднем этапе развития событий: «Относительно конницы Ниб'э, о которой писал царь, господин мой: нас мало, в Мидии мы – во главе принадлежащих (??) царю, моему господину. . .». Повидимому, ситуация была серьезной.

[1] В тексте (KS, Анналы, строка 412): ^{āl}Mar-ú-biš-tu a-na eš-šu-ti aṣ-bat ^{amēi}mârê^{meš} KA.A.DI [. . . . . .] ú-še-li. Выражение ana ešŝûti ṣabâtu означает новое заселение, глагол šûlû – введение гарнизона. Кто такие mârê^{meš} KA.A.DI [. . .], введенные в Марубишти Саргоном, неясно; вероятно, что в издании Винклера ошибочно скопирован текст.

[2] Цилиндр Рассама: AL$_5$, стр. 64 и сл.; II, 8 и сл.; Саргон II погиб в походе 705 г., как обычно полагают, в Малой Азии; однако Штрек видит в «кулуммейцах», вызвавших, повидимому, его гибель, жителей мидийской крепости Кильман или Кулуман.

[3] Это сообщение указывает, повидимому, на предшествовавшее слияние области Намар с Аррапхой, так как прежде область Аррапха, имевшая центром, как в настоящее время хорошо известно, современный Керкук, с Эллипи и областью касситов не граничила.

[4] Именно, Бит-Киламзах, Хардишпи и Бит-Кубатти.

спустился в Эллипи (где на этот раз Аспабара примкнул было к эламской коалиции) и занял крепости Мар'убишту и Аккудду, захватив большую добычу людьми, конями, мулами, ослами, верблюдами и рогатым скотом. При этом от Эллипи была отделена область Бит-Барруа (Баруата урартских надписей),[1] заселена пригнанными из других мест пленными и присоединена к ассирийской области Хархар. Отсюда мы узнаем, что Бит-Барруа, включенная в состав ассирийского царства еще Тиглатпаласаром III, с тех пор сумела отпасть от Ассирии и соединиться с Эллипи. Это произошло скорее всего в 715 г., во время восстания ряда юго-западных мидийских районов.

После поражения 702 г. Эллипи решилось еще раз выступить против Ассирии: в 689 г. оно приняло участив в большой коалиции, сколоченной против Ассирии эламским царем Хумпанимменой III и вавилонским царем Мушезиб-Мардуком.[2] В нее вошли также различные арамейские и халдейские племена, а также страны Парсуаш, Анзан и Пашери.[3] Союзные войска встретились с ассирийцами при Халуле на Тигре; битва была нерешительной, но союзники не смогли продолжать войну против Ассирии ввиду внезапной болезни Хумпаниммены и начавшейся в связи с этим внутренней борьбы в Эламе. Ассирийцам удалось захватить и разрушить Вавилон, и попытка к освобождению от ассирийского ига, как о предшествовавшие ей, осталась пока бесплодной.

На начало VII в. до н. э. падает, таким образом, наибольшее усиление позиций Ассирии в Мидии. С этого момента начинается новый период – подготовка к созданию, а затем и само создание собственно Мидийского царства.

---

[1] С крепостями Ṣiṣṣirtu, Kummaḫlum и Elenzaš. Последняя была сделана местопребыванием ассирийского гарнизона и переименована в Кар-Синаххериба. Быть может, Элензаш – то же, что Эрензиаш(у), упоминаемый анналами Тиглатпаласара III под 741 г. Во всяком случае предполагается, что Элензаш – то же, что Алинза у Птолемея (VI, 2, 13) и современный Керманшах.

[2] Цилиндр Рассама, V, 5–VI, 24; AL^5, стр. 72 и сл.; письмо HABL, 1315.

[3] Парсуаш здесь, по всей вероятности, Персида, упоминаемая в ассирийском тексте под этим или сходным названием (Parsumaš, читай *Parsuvaš) также и 50 годами позже. Та же страна подразумевается, по всей вероятности, и в тексте Шамши-Адада V (KAH, II, 142), когда он говорит о разорении и смуте во всем Эламе, от Парсамаша (т. е. Персиды на крайнем юго-востоке) до Бит-Бунакки (в верховьях реки Керха на крайнем северо-западе). Ср. «Парсумаш» в письмо HABL, 1309. Во всяком случае, теория Олмстеда–Камерона о трех этапах переселения персов с озера Урмии (?!) – Парсуа, Парсумаш (якобы на северо-востоке Элама) и Персиды – не выдерживает критики в свете общих данных истории и изучения собственных имен соответствующих территорий. Что имеется в виду в Анналах Синаххериба под Анзаном –в данном случае неясно; быть может, какая-либо автономная часть Элама. О Пашери больше ничего не известно.

8. Население Мидии около 700 г. до н. э.

Прежде чем перейти к рассмотрению этого периода истории Мидии, было бы небесполезно сделать обзор этнического состава мидийской территории, каким он был к 700 г. до н. э.

Районы современного Иранского Азербайджана, включая восточное и южное побережья озера Урмии и расположенные еще далее к югу территории, вплоть до линии Казвин–Хамадан, занимали различные племена, объединяемые ассирийскими источниками под названиями кутиев, или кутиев и луллумеев: на этой территории упоминается также мехранский язык. При этом районы к северу от гор Гизильбунды входили в состав государства Манны, более южные были в той или иной степени включены в состав Ассирии. Ближе к побережью Каспийского моря, в нижней половине долины Кызыл-узена и далее к северу, существовали мелкие царства, заселенные племенами, которые античные авторы называли впоследствии гелами, кадусиями, каспиями и т. д. – по всей вероятности, родственными кутиям и касситам, – а также полукочевыми мардами (или амардами) и сагартиями античных авторов. Это население Андии, Зикерту, страны далийцев, вероятно Гизильбунды. Если верно не раз предполагавшееся отождествление Зикерту с сагартиями, то среди них были, возможно, и отдельные иранские племена, на что, как кажется, указывает и наличие в VIII в. единичных иранских имен на этой территории.

Начиная от верхней части долины реки Кызыл-узен и далее к востоку, вплоть до пустыни Дешт-и Кевир, простиралась территория, обозначавшаяся ассирийцами как Страна мидян (Мадай) в широком смысле; часть ее находилась под властью Ассирии; судя, по именам и топонимике, вплоть до линии Казвин–Хамадан и здесь преобладал кутийско-луллумейский языковой элемент; восточнее же этой линии при наличии того же элемента, особенно в топонимике, преобладающим постепенно становится иранский языковой элемент. Повидимому, это – первоначально племенной язык аризантов, игравший, однако, в мидийском племенном союзе роль языка межплеменного общения; отсюда его большое распространение, особенно в собственных именах. Во всяком случае, судя по наличному материалу, было бы неправильным решительно утверждать, что мидяне VIII в. до н. э. были целиком иранскими по языку.

На южной окраине Мидии (в Эллипи, входившем в понятие «Мадай» в широком смысле,[1] в области касситов и т. д.) важную роль

[1] Так, Эллипи, повидимому, включено в понятие «Мадай» в реляции о 8-м походе Сар-

играл эламско-касситский этнос. Напротив, на самом севере, между Араксом и Урмией, а также на ее западном побережье преобладал, вероятно, хуррито-урартский этнос. Античные авторы помещают здесь матиенов, которые, повидимому, не кто иные, как хурриты; частично, вероятно, в районе Урмии хурриты жили издавна, частично они могли попасть сюда при урартской колонизации края в конце IX–начале VIII в. до н. э., так как население Урартской державы в целом состояло не из одних только урартов, а по крайней мере из четырех этнических элементов: урартов, родственных им хурритов, иберо-грузин и арменов (армян).[1]

Освоенная ассирийцами западная окраина будущей Мидии, как этот термин понимают античные авторы (т. е. в более широком понимании, чем вкладывалось в ассирийский термин «Страна мидян»), к 700 г. в значительной степени лишилась своего коренного населения и была заселена пленными переселенцами – из Сирии, Палестины, Вавилонии и других стран. Языком взаимного понимания был для них, вероятно, как и в других частях Ассирийской державы, арамейский, – язык Сирии и Северной Месопотамии. Впоследствии эта территория называлась Сиромидией. Однако вавилонский культурный, а вероятно и этнический в целом, элемент ощущался, в западной Мидии и раньше, независимо от ассирийской политики переселений, восходя еще ко времени касситского царства в Вавилонии.

Столь пестрой по этническому составу около 700 г. до н. э. была территория, которой было суждено объединиться под названием Мидии. Культурно преобладающими были области с коренным, кутийско-луллумейским и отчасти хурритско-урартским населением и прежде всего районы у озера Урмии – Манна и соседние с ней земли. Здесь же наблюдалась и наиболее передовая экономика со значительным развитием классовых отношений. Государственный строй здесь, однако, был олигархическим по своему характеру, и поэтому Манна была неспособна возглавить объединение всей страны, для чего необходимо было прежде всего объединение вокруг государственной власти всего сво-

---

гона. Однако чаще Эллипи рассматривалась как отдельная страна; также и в эллинистическое время эту область обычно отличали, под названием Элиманды, и от Мидии, и от Сузианы или Киссии (Элама).

[1] Иначе – алародиев, матиенов, саспейров и армениев. Таково населенно Армянского нагорья по данным Геродота, восходящим, вероятно, к Гекатею (ок. 500 г. до н. э.). Ср. также: Г. А. М е л и к и ш в и л и. Происхождение грузинского народа. Тбилиси, 1952. Представляется вероятным, что тот же состав населения был здесь и двумя-тремя столетиями раньше.

бодного населения».

Изучаемая нами территория в это время представляла весьма пеструю картину также и в отношении степени экономического развития. Наряду с высокоразвитым, уже классовым обществом передовых земледельческих районов имелись районы оседлых и полукочевых скотоводов, еще только переходивших к классовому обществу, и, наконец, горные районы, где первобытно-общинный строй (как, например, у касситов-гордев и их преемников – луров) держался еще много столетий спустя.

Глава III

МАННА И ЦАРСТВО СКИФОВ. ВОССТАНИЕ КАШТАРИТИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИДИЙСКОГО ЦАРСТВА

1. Киммерийцы в Передней Азии

На рубеже VIII и VII вв. до н. э. в Передней Азии возник новый политический фактор, в значительной мере изменивший соотношение сил. Это были кочующие племена конников – киммерийцев, треров и скифов, проникавшие из Причерноморья в западную Азию.

Имеющиеся у нас древневосточные свидетельства об этих племенах хорошо освещают отдельные конкретные ситуации, но не дают возможности ясно представить себе в целом самый ход их передвижения. Недостаточно помогают нам и археологические материалы, ибо скифские комплексы и в самом Причерноморье ясны нам только с середины VII в. до н. э., так что материальная культура, которая была принесена в Переднюю Азию интересующими нас племенами в VIII и начале VII в., не могла быть той культурой, которая в археологии Причерноморья условно называется «скифской» и которая сама уже носит недвусмысленные черты переднеазиатского влияния. Киммерийцы и скифы ассирийских и других азиатских известий VIII–начала VII в. принадлежали археологически к доскифским культурам. Следует отметить, что, несмотря на ряд археологических исследований, и в особенности труды Б. Б. Пиотровского, нельзя еще сказать, чтобы мы умели в пределах Передней Азии безошибочно выделять скифский археологический материал, не говоря уже о киммерийском. Эти так называемые «скифские» материалы становятся нам ясны, когда нам удается связывать их со скифскими археологическими комплексами Причерноморья, иначе говоря, только в комплексах конца VII–VI–V вв. до н. э.., в это время, од-

нако, следует уже считаться с взаимодействием скифской материальной культуры в пределах Передней Азии с культурами родственных по языку народов (мидян, бактрийцев, саков и др.), а также и тех неродственных народов, в тесное соприкосновение с которыми вступали скифы (население периферийных областей Урарту, Малой Азии, манеи, жители древнейшей Албании и др.). Поэтому и соответствующий материал этого времени в Передней Азии мы не всегда вправе безоговорочно считать скифским. Уже указывалось, например, на то, что так называемые «скифские» наконечники стрел находят, как оружие осаждавшего войска, у стен также и таких крепостей, где исторически присутствие скифов не засвидетельствовано, но зато засвидетельствовано присутствие мидян и персов.[1] Это находится в полном соответствии с указанием Геродота (I, 73) на то, что стрелковое дело у мидян – скифского происхождения. В этих условиях мы не можем обойтись без помощи свидетельств античных повествовательных источников, которые хотя и значительно отстоят во времени от описываемых событий, тем не менее важны потому, что содержат целостные точки зрения на ход передвижения причерноморских конных племен, восходящие к старой и, вполне вероятно, достоверной традиции.

Наиболее старые греческие источники, именно гомеровские поэмы, скифов не знают. В «Илиаде» упоминается земля «конеборных фракийцев... рукопашных мисов[2] и дивных доителей кобылиц – млекоедов, абиев (или: бедняков), справедливейших людей».[3] Отсюда можно заключить лишь то, что для грека X–VIII вв. до н. э. (время, к которому можно отнести данный отрывок) северными соседями Фракии (западного побережья Черного моря) считались коневодческие и, возможно, кочевые племена.

В «Одиссее» герои попадают по дороге с мифического острова Э(э)и[4] о столь же мифическую страну северного мрака, «у пределов глубокотекущего Океана»:[5] «Там народ (dēmos) и полис (polis) мужей киммерийских (? – или «зимних»), окутанные мглою и тучами, и никогда

[1] И. М. Дьяконов. Последний годы Урартского государства. ВДИ, 1951, № 2, стр. 38 и сл.; ср. также: Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 124 и сл. В числе мест, где найдены «скифские» наконечники стрел, Б. Б. Пиотровский называет Вавилон, Ашшур (Ассирия), Каркемиш, Аль-Мина (Сирия), Алишар, Таре (Малая Азия), Джерар (Палестина), Хайкаберд, Кармир-блур (Урарту), Мингечаур (Азербайджан) и мн. др.

[2] Возможно, имеется в виду Moesiu римлян, фракийская область, часть нынешней Болгарии.

[3] Il., XIII, 4–5; hippopolōn Thrēˈkōn. . . Musōn tˈa(n)gkhemakhōn kai agauōn hippēmolgōn glaktophagōn Abiōn (или: abiōn) te, dikaiotatōn anthrōpōn.

[4] Океан у Гомера – река, обтекающая населяемую землю.

сияющее солнце не заглядывает к ним лучами».[1] Здесь находился, по поэме, вход в царство мертвых. Это означает лишь, что крайний из известных грекам того времени северных народов назывался киммерийцами, причем о них не было известно ничего реального, ибо «демос» и «полис» киммерийцев – это просто перенос знакомых условий на обстоятельства жизни незнакомого народа. Неясно даже, можно ли в этом контексте вообще читать имя киммерийцев. По всей вероятности, прав Страбон (I, 1, 10; 2, 9), считающий что автор «Одиссеи» знал киммерийцев по их набегам на Малую Азию.

Уже в конце VI и в V в. в Северном Причерноморье реально не существовало никаких киммерийцев. Геродот (I, 103; IV, 11 и сл.) знает традицию о том, что киммерийцы ранее жили у так называемого Киммерийского Боспора (Керченского пролива), были оттуда будто бы вытеснены скифами и ушли в Переднюю Азию; однако, сообщая эту легенду, Геродот тут же приводит противоречащую ей, но, как мы увидим, совершенно правильную традицию о том, что скифы шли (якобы «преследуя» киммерийцев) другим путем, нежели последние: киммерийцы двигались по Черноморскому побережью,[2] а скифы – по Каспийскому.

Нет никаких реальных данных о том, чтобы киммерийцы когда-либо составляли всю основную массу населения Северного Причерноморья. Нет даже вполне надежных данных о том, что они жили у Керченского пролива. Подтверждением последнего со времени Геродота считаются топонимические названия; Геродот (IV, 12) называет «Киммерийский Боспор» и «Киммерийские переправы» (часть того же Керченского пролива), область «Киммерию» (которую он не локализует точнее) и «Киммерийские укрепления». Более поздние авторы называют еще несколько: город Киммерик,[3] или Киммериду (на Тамани и в Крыму), гору Киммерий[4] и т. п. Однако Киммерийский Боспор был назван так, по всей вероятности, просто как «северный», для отличия от Фракийского Боспора (Босфора): терминологически это вполне совпадает с гомеровским сло-

[1] Od., XI, 14: entha de Kimmeriōn (или лучше kheimeriōn?) andrōn demos te polis te, ēeri kai nephelē[i] kekalummenoi; oude pot'autous Ēelios phaethōn kataderketai aktinessin. . . Столь же неопределенны сведения о кочевниках у Господа («скифы во fr. 55, Rzach, несомненно, глосса).

[2] В науке неоднократно высказывался взгляд, что путь вдоль Черноморского побережья невозможен для больших вооруженных масс и что киммерийцы должны были двигаться через Дарьял или Адагир. Они должны были, таким образом, попасть вначале в Центральное Закавказье и лишь впоследствии могли опять попасть к Черному морю.

[3] Strabo, XI, 1, 5; «Перпегесис» анонима (Скимна Хиосского): В ДМ, 1947, № 3, стр. 313 и прим.

[4] Strabo, VII, 4, 3.

воупотреблением, восходящим к VIII в., к каковому времени мы и должны отнести первое открытие Крыма и Керченского пролива греками.[1] По крайней мере у местного населения, с которым греки столкнулись к моменту начала колонизации в Крыму, этот пролив назывался не Киммерийским проливом, а «Рыбным путем» (*Pantikapa),[2] что видно из названия построенного здесь города Пантикапеи (ныне Керчь), скифская этимология имени которого ясна, но должна быть отнесена только к проливу, а не к самому городу, по крайней мере первоначально. Остальные названия (Киммерик, Киммерийские укрепления, Киммерийские переправы) могли быть даны уже по имени пролива. Гора Киммерий упоминается в античной литературе лишь один раз, и нет уверенности в том, что в данном случае у Страбона нет ошибки. Следует также отметить, что наименование какого-либо населенного пункта или местного предмета по этническому названию является доказательством того, что данный этнос не составлял здесь основной массы населения: иначе такое наименование, как уже указывалось, не может служить отличительным признаком и обозначением. Поэтому в лучшем случае район Керченского пролива мог быть окраиной мест обитания киммерийцев. Остается еще область Киммерия, но мы не знаем, где она находилась. Однако, судя по маршруту движения киммерийцев в Переднюю Азию, мы можем предположить, что первоначальным местом их обитания была западная часть Северного Кавказа, быть может, включая Тамань. Не исключена, конечно, возможность, что и на Крымском полуострове имелись, наряду с основной частью местного населения – таврами, – также и киммерийцы. Однако греки во время своей колонизации Крыма их там уже не застали.

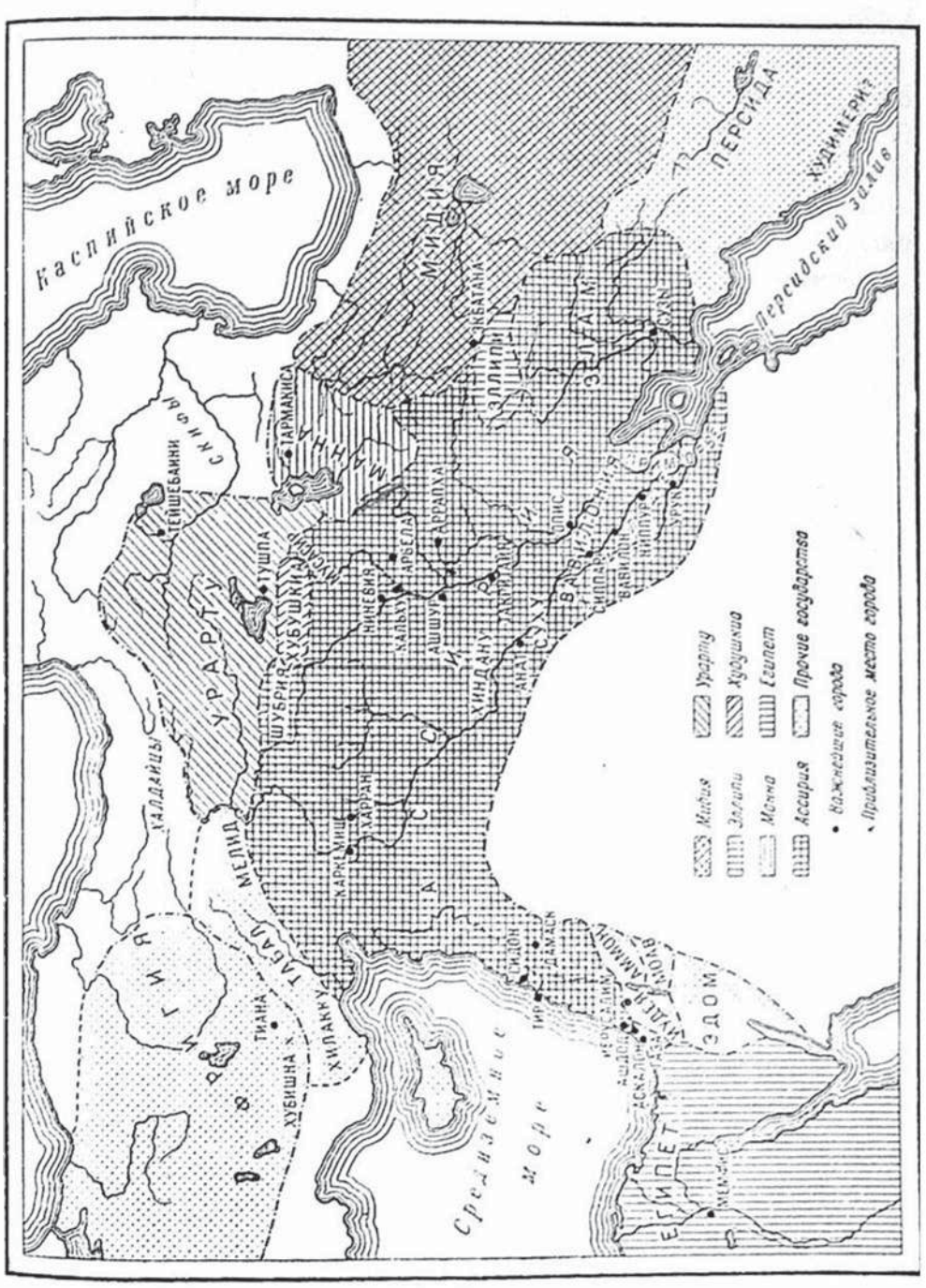
Во всяком случае, у нас нет достаточных данных для того, чтобы считать киммерийцев первоначальным населением всего Северного Причерноморья, вплоть до Фракии, и тем более – общим самоназванием племен, обитавших здесь до скифов.

Правда, Страбон – автор хотя и поздний, но чрезвычайно добросовестный и пользовавшийся многочисленными и разнообразными старыми источниками, дает нам, казалось бы, другое представление о маршруте киммерийских вторжений в Азию, а следовательно, и о месте их первоначального обитания.

---

[1] Есть предположение, что древнейшая греческая колония на Черном море – Синона – была основана впервые в конце IX в. до н. э. Вряд ли первые плавания греков к северным берегам Черного моря могли происходить много раньше этого.

[2] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. Скифский язык. М., 1949. стр. 237; общеиранское panti- – «путь» (ср. русское «путь» из старославянского pontĭ); kapa- в иранских языках скифо-среднеазиатской группы означает «рыба».

Мидия и Передняя Азия в конце VII в. до н. э.

Вот основные указания, которые дает Страбон (опускаю те данные, которые совпадают с данными Геродота и, очевидно, восходят к нему же):[1]

«. . . во времена Гомера или немного раньше его, как говорят, произошло вторжение киммерийцев до Эолиды и Ионии»[2] (Strabo, III, 2, 12).

«Что (Гомер) знал их (=киммерийцев), доказывают хронографы, относящие время вторжения киммерийцев незадолго до его или к его времени» (1,2,9).

Киммерийцы делали «набеги на живущих внутри страны по правую сторону Понта (т. е. на южном берегу Черного моря) до Ионии» (XI, 2, 5).

«Каллисфен[3] говорит, что Сарды были взяты сначала киммерийцами, потом трерами и ликийцами,[4] что подтверждает, говорит он, и элегический поэт Каллин»[5] (XIII, 4, 8).

«В древности магнеты[6] были совершенно уничтожены киммерийским народом треров. . . Каллин упоминает о магнетах как о живущих еще счастливо и успешно воюющих с эфесцами, а Архилох,[7] очевидно, уже знал постигшее их бедствие. . . Каллин упоминает о каком-то другом, более древнем нашествии киммерийцев, когда говорит: „Теперь наступает войско грозных киммерийцев", где он разумеет взятие Сард» (XIV, 1, 40).

«. . . переселение же каров,[8] треров, тевкров[9] и галатов,[10] как равно и отдаленные странствования вождей – Мадия скифского, Теарко эфиопского.[11] Коба трерского, Сесостриса и Псамметиха египетских[12]

[1] Strabo, VII, 4, 3; XI, 2, 5.

[2] Эолида – северная, Иония – центральная часть малоазийского побережья Эгейского моря.

[3] Очевидно, известный придворный историк Александра Македонского.

[4] Ликийцы – родственный «хеттам»-несийцам народ, живший издревле на юго- западе Малой Азии. Сарды – столица западномалоазийской страны Лидии.

[5] Время жизни Каллина можно вывести только из этого же отрывка. Из ассирийских источников мы знаем, что киммерийцы взяли Сарды около 654 г. до н. э.

[6] Жители города Магнесии на границе Ионии и Лидии.

[7] Жил в середине VII в. до н. э. Ряд исследователей, однако, считает, что Страбон ошибался, считая, что Архилох жил позже Каллина.

[8] Приморский народ в юго-западной Малой Азии.

[9] Троянцы в северо-западной Малой Азии (?). Повидимому, как и в случае каров, имеются в виду миграции так называемых «народов моря» в период падения Хеттского царства в конце II тысячелетия до н. э.

[10] Галаты – кельты или галлы, вторгшиеся в Малую Азию в III в. до н. э.

[11] Фараон Тахарка, долголетний соперник ассирийцев в VII в. до н. э.

[12] Египетские фараоны, с которыми фольклорная традиция связывала времена завоевания азиатских стран Египтом.

или персов от Кира до Ксеркса – не всем известны. . . Киммерийцы, которых называют и трерами, или какой-нибудь из их народцев, часто делали набеги на правую сторону Понта и смежные с нею (области), вторгаясь то в Пафлагонию,[1] то даже во Фригию. . .[2] Часто и киммерийцы и треры совершали подобные набеги; треры и Коб, в конце концов, говорят, были изгнаны киммерийским[3] вождем Мадием» (I, 3, 21).

Рис. 40. Киммерийцы(?). Рисунок с «понтинской» (этрусской) вазы середины VI в. до н. э. Копия с несколько более раннего рисунка на аттической вазе (на самой вазе изображены также противники кочевников – верховые лидийцы или греки, мечущие дротика).

«... Лигдамис, руководя своими воинами (имеются в виду киммерийцы.– *И. Д.*), дошел до Лидии и Ионии и взял Сарды, но погиб в Киликии» (I, 3, 21).

Страбон, как видно из приведенных цитат, полагал, повидимому, что киммерийские вторжения происходили с северо-запада, через Фракийский Боспор (Босфорский пролив), откуда они проникали в Эолиду, Ионию, Пафлагонию и «даже» Фригию; однако ясно и то, что Страбон не очень хорошо представлял себе разницу между отдельными племенами, совершавшими набеги на Малую Азию в VIII–VII вв. до н. э. Именно этим обстоятельством следует объяснить, что он отождествляет

[1] Центральная часть южного побережья Черного моря.

[2] Центральная Малая Азия.

[3] Явная описка, надо «киммерийцы и Коб».. .«скифским вождем Мадием»; см.: Н е г, I, 103.

киммерийцев то с фракийцами-трерами,[1] то со скифами, чего ранние античные писатели обычно не делают.

Пользуясь ссылками на писателей VII в., приводимыми Страбоном, и другими данными античных авторов, можно определить следующее.

Киммерийцы совершали набеги на Малую Азию (Фригию, Пафлагонию, Вифинию, Мисию,[2] Лидию, Эолиду, Ионию) еще во времена Гомера (не позже VIII в. до н. э.). Они приняли, повидимому, участие в разгроме Фригийского царства, последний царь которого, Мидас, умер около 676–674 гг. до н. э.[3] Они взяли Сарды впервые при Гиге, около 654 г.[4] Тогда же, видимо, был ими взят и Эфес. Позже, при Ардисе, сыне Гига, т. е., вероятно, около 646–645 г.,[5] Сарды, а также Магнесия были взяты ликийцами и трерами, которых Страбон – впрочем, без особой уверенности – отождествляет с теми же киммерийцами. В конечном счете киммерийцы столкнулись со скифами и, вероятно, подобно своим союзникам трерам, были побеждены скифским вождем Мадием, расцвет деятельности которого, как мы увидим ниже, падает на 50-е – 40-е годы VII в. до н. э.[6] После этого киммерийцы осели на северном побережье Малой Азии, около Синоны, как на то указывает Геродот (IV, 12). Окончательно они были побеждены лидийским царем Алиаттом в конце VII в. до н. э.

Поскольку Страбон принимает два вторжения в Малую Азию, то

---

[1] Фракийское происхождение треров явствует из указания самого Страбона, (XIII, 1, 8, ср.: XII, 7, 7); у него же (I, 3, 18) они названы соседями (sunoikoi) фракийцев. Такой исключительно достоверный автор, как Фукидид (T h u c., II, 96, 4), также называет треров среди фракийских племен.

[2] Киммерийцы, согласно Стефану Византийскому (см.: ВДИ, 1948, № 3, стр. 345) около ста лет владели городом Антандром на мисийском берегу Эгейского моря, в северо-западной Малой Азии, и этот город даже назывался Киммеридой. О киммерийской оккупации Вифинии (между Пафлагонией и Мисией) сообщал Арриан [FGH, II, A, 156, fragm., 60 (37)=Eu s t a t h. Dion. Per., 322; ср. также: fragm. 76 (47)], причем, по его словам, киммерийцы ушли с проникновением сюда с Балкан фрако- фригийских племен финов и вифинов, что в свою очередь, быть может, стоит в связи с нашествием треров.

[3] См. об этом: P a u l – W i s s o w a , s. v. Kimmerier, стр. 413 (статья Леманн-Хаупта), и особенно: Г. А. М е л и к и ш в и л и. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту. ВДИ, 1951, № 4, стр. 39.

[4] Это первое взятие Сард, о котором говорит Страбон (см. выше) и о котором косвенно упоминается в ассирийских анналах Ашшурбанапала: Assurbanipal, II, стр. 22, II, 119 и сл.= АВИУ, № 72, См. также: акад. В. В. С т р у в е. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота. ВДИ, 1952, № 2, стр. 67.

[5] Леманн-Хаупт датирует второе взятие Сард 646/45 г. до н. э.: P a u l y – W i s s o w a, s. v. Kimmerier, стр. 415.

[6] Датировка поражения Лигдамиса 630-ми годами у Леманн-Хаупта (там же) не согласуется с данными текста АВИУ, № 77.

вполне допустимо считать, что одно из них, а именно первое, и было собственно киммерийским и что оно шло не с запада на восток, как представляется Страбону, а вдоль Кавказского побережья Черного моря, т. е. в том направлении, которое предполагается Геродотом [и, возможно, на основе самостоятельного источника, также Плутархом,[1] называющим их вождем Лигдамиса, известного, кроме него, Страбону (I, 3, 21), Каллимаху,[2] сообщающему о том, что ему не удалось взять Эфеса, и Гесихию].[3]

Рис. 41. Киммерийцы (?). Изображение с ионийского саркофага на Клазомен. Середина VI в. до н. э. или несколько ранее.

Это косвенным образом подтверждается и древневосточными данными. Если не считать сомнительного упоминания киммерийцев в «хеттской» иероглифической надписи из Каркемиша середины VIII в. до н. э.,[4] древнейшие сведения о киммерийцах дают нам донесения ассирийских шпионов из Урарту, относящиеся к периоду 722–715 гг. до н. э.[5] Они сообщают о тяжелом поражении, нанесенном Русе I урартскому во время его похода в страну Гамирра, которая, согласно разъяснению агентов, отделена от Урарту областью (nagiu) Гурианиа (урартск. Куриани), локализуемой на северо-западных границах распространения урартского влияния.[6] Возможно, что в битве с киммерий-

[1] Plut., Mar., XX,

[2] Гимн к Артемиде, строка 248 л сл.: ВДИ, 1947, № 3, стр. 262.

[3] Hesych., s. v. Lygdamis.

[4] B. Hrozny. 1) Inscriptions hittites hieroglyphiques de Carchemish. Ar. Or., VI, 1934, стр. 232 и сл.; 2) Sur l'inscription hittite hieroglyphique de Carchemish, I. Ar. Or., V, 1933, стр. 114 и сл.

[5] Эта дата окончательно установлена Б. Б. Пиотровским: История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 296. Ср. также: АВИУ, № 50, 10, стр. 341, прим. 13.

[6] С. Т. Еремян, согласно устному сообщению, локализует страну Гамирра для этого времени около.совр. Ленинакана. Позже в армянской терминологии Гамир(-к) – это Каппадокия, т. е. восточная Малая Азия.

цами погиб в 705 г. до н. э. ассирийский царь Саргон II.[1] Если это так, то это могло иметь место, по условиям территориальных границ держав того времени, только в восточной Малой Азии.

В 679/78 г. до н. э., по данным вавилонской хроники,[2] киммерийцы вторглись в Ассирию, но их «царь» Теушпа[3] был разбит ассирийским царем Асархаддоном, повидимому, в Малой Азии.[4] Но в том же году мы встречаем киммерийцев в качестве наемных войск в Ассирии.[5] Около 676–674 гг., согласно античным данным,[6] раскрытым с помощью урартских источников,[7] киммерийцы разгромили расположенное в центре Малой Азии государство Фригию (как выясняется, при участии урартов). Союз между Русой II, царем Урарту, еще какими-то правителями и киммерийцами продержался некоторое время и позже этих событий и вызывал беспокойство в Ассирии, где опасались нападения «с того места, где они (т. е. урарты и киммерийцы) находятся»,[8] на приобретенную в 673 г. в Сасунских горах (в западной части Армянского Тавра) область Шубрию. Около 660 г. Лидия на западе Малой Азии и Табал на ее юго-востоке прибегают к помощи ассирийце» против киммерийской угрозы; около 654 г. Гуггу (Гиг), царь Лидии, пал в битве с киммерийцами.[9]

[1] Ср.: АВИУ, № 50, 36. См. однако: АВИУ, № 39, под 705 г., где указано, что Саргон погиб из-за «кулуммейцев». Штрек отождествляет последних с жителями крепости Кулуман, или Кильман, в Мидии.

[2] ALS, стр. 135 и сл.; КВ, II, стр. 275 и сл.; АВИУ, № 63, стр. 215.

[3] Встречающееся в существующей литературе сопоставление этого Теушны с Теиспом, предком Кира, основано на недоразумении: имя киммерийского вождя несколько похоже на имя предка Кира лишь в греческой его передаче; подлинное звучание имени Теиспа было «Чишпиш» и менее вероятно – «Чаишниш» [Čišpiš, Ča(h)išpiš], что никак не могло бы передаваться по-аккадски как Teušpâ. Данная точка зрения выдвинута впервые Леманн-Хауптом (Paul–Wissowa, s. v. Kimmerier, стр. 423), Штреком (Assurbanipal, I, стр. CCCLXXII) и другими авторами, сопоставлявшими, впрочем, лишь имена, но не самих лиц. Но аккадск. t не может передавать звука č. В вавилонской версии Бехистунской надписи Теисп назван Sispis, в эламской – Šišpiš.

[4] Вавилонская «Хроника Асархаддона» называет в качестве места этого события «Кушехну», а Анналы Асархаддона – «Хубушиу». Первое место совершенно не известно (если не читать – что, при некоторой натяжке, возможно – «Тушшехну» или, как в поздневавилонской форме должно было бы произноситься, «Thuššeḫan», и отождествлять этот термин с городом «Тушхан» – ныне Карх в верховьях реки Тигра). Второй термин сопоставляется с «Хубишной» в Каппадокии или с «Хубушкией» южнее озера Ван. Первое кажется нам более вероятным.

[5] АВИУ, № 66, стр. 213.

[6] Хронологические данные Африкана, истолкованные Леманн-Хауптом.

[7] Г. Л. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту, стр. 39.

[8] Кп., 48.– АВИУ. № 68. а, стр. 223–224.

[9] См.: акад. В. В. Струве. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота, стр. 67.

Как мы видим, движение киммерийцев с востока на запад, а не с запада на восток, как предполагает Страбон, может быть довольно явственно прослежено. Первоначальной базой киммерийцев в Азии являлась, повидимому, восточная Малая Азия, а затем уже они продвинулись в северо-западные ее части; в течение некоторого времени киммерийцы, повидимому, вообще господствовали в Малой Азии. Лишь после их падения, произошедшего, как мы увидим, вскоре после 645 г. до н. э., господство в Малой Азии перешло к Лидии.

Если верно высказывавшееся неоднократно предположение о том, что киммерийцы двигались в Закавказье через Дарьял и Алагир, то весьма вероятно, что их пребыванию в восточной Малой Азии предшествовало их пребывание в центральном Закавказье.

Возникает теперь вопрос: продвигались ли киммерийцы и в более восточные районы и, в частности, на территорию современного Азербайджана?

Для VIII в. у нас имеется одно сомнительное свидетельство о пребывании киммерийцев в Азербайджане. Это письмо некоего Арад-Сина к ассирийскому «государственному глашатаю».[1] Повидимому, оно относится ко времени киммеро-урартской войны между 720 и 714 гг. до н. э. В нем сообщается, что вождь киммерийцев проник на урартскую территорию через землю [Манн]ы (если верно наше восстановление лакуны, которое, однако, нельзя считать вполне надежным). Если полагать, что в это время киммерийцы держались еще в центральном Закавказье, то такой рейд можно считать вполне возможным; однако можно это фрагментированное письмо в части восстановления слова «Манна» понимать и иначе.

Об упоминании киммерийцев на территории Азербайджана в VII в. до н. э. мы скажем ниже; пока же следует поднять вопрос о том, действительно ли во всех случаях, когда древневосточные тексты говорят о «гамир», «гомер», «гимирри», «гимиррай», они имеют в виду именно киммерийцев.

Уже a priori маловероятно, чтобы ассирийцы имели возможность или желание различать отдельные вторгшиеся кочевые племена. Нам известно, как часто в течение веков и даже в близкие к нам времена XIX

[1] «Государственным глашатаем» в Ассирии назывался чиновник, возглавлявший призыв на повинности. К его должности вместо жаловании была прикреплена область в долине Большого Заба. Расположенная на северней границе, эта область была одним из центров ассирийского шпионажа и «дипломатической» деятельности. И в том и в другом «государственный глашатай» принимал деятелное участие. Письмо Арад-Сина см.: HABL, 112; АВИУ, № 50, 8. стр. 339.

в. терминологически смешивались различные племена и народы (например, народы предней Азии и Кавказа), притом не только близкие по быту и происхождению. Примеры тому многочисленны и общеизвестны. У нас нет основании предполагать большую строгость в различении этнографических и лингвистических категорий у ассирийцев. И хотя для северных «варваров» в «высоком стиле» на аккадском языке уже имелось общее обозначение – «умман-манда» (племя или войско Манда),[1] однако в обиходе, повидимому, и термин «киммерийцы» также стал таким общим обозначенном. Так по крайней мере обстояло дело в вавилонском диалекте. Это засвидетельствовано для нас вавилонскими версиями ахеменидских надписей,[2] в которых термином gimirri обозначены вообще все кочевники, в том числе скифы и среднеазиатские саки. У нас нет поэтому никакой гарантии, что под названием «киммерийцев» в ассиро-вавилонских текстах не скрываются иной раз треры или скифы, обозначенные именем, более знакомым ассирийцам или вавилонянам, подобно тому как персы всех кочевников называли знакомым им термином «саки», а греки – термином «скифы».

Однако нет сомнения, что как бы ассирийцы и вавилоняне ни расширяли содержание этого термина, первоначально «киммерийцы» было конкретным племенным названием и даже самоназванием вторгшегося в Азию племени. Ибо, поскольку племя это было ассирийцам ранее совершенно не известно, они не могли ему дать иного названия, чем то, которое давали они себе сами или какое давали им их ближайшие соседи. Поэтому по происхождению термин «киммерийцы» – это название конкретного племени или небольшой группы племен, а именно – кочевников, вторгшихся в VIII в. в Переднюю Азию, предположительно – с Тамани или из западных областей Северного Кавказа. Этот термин поэтому неправомерно переносить на все доскифское население Причерноморья, тем более что и вторгшиеся в Азию вслед за киммерийцами скифы были, с точки зрения археологической, племенем

[1] Термин этот, вопреки Прашеку и ряду других исследователей, по происхождению не имеет ничего общего ни с мидянами (madâi, malâi, одни раз встречается форма, возникшая, вероятно, под влиянием термина ummān-manda- – mandâi), ни с маннеями [а. пр. mannâi, урартск. mana(ni)]. Он встречается еще во II и, быть, может, даже в III тысячелетии до н. э.,– повидимому, применительно к какому-то племени Армянского нагорья. О перенесении древних географических и этнических названий на новые в ассиро-вавилонской литературе «высокого стиля» и, в частности, о термине «умман-манда» см.: И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства, стр. 35. а также выше, стр. 59 и сл.

[2] Эти версии написаны не на литературном аккадском, а на разговорном диалекте, как о том свидетельствуют арамеизмы (например, galalâ – «камень» вместо abnu), поздние местоименные образования (например, agaâšû вместо annû) и т. д.

«доскифским».[1]

Хотя скифы появились в Азии, как полагают, приблизительно одним или двумя поколениями позже киммерийцев, все же тех и других мы можем рассматривать как современников. Если одни были археологически «доскифским» племенем, то то же верно и в отношении других; если считать скифов, вторгшихся в Азию, и в археологическом смысле «скифами», то надо считать таковыми и киммерийцев. Следует учитывать то, что киммерийцы, имея в виду конкретное кочевое племя, рано исчезнув и рассосавшись среди азиатских народов, оставили своим внезапным появлением и роковыми последствиями его сильное впечатление в народной памяти; древние грузины называли gmiri богатырей сказочной древности;[2] такое же положение, возможно, было и у некоторых скифских племен (поэтому-то скифы показывали Геродоту курганы «киммерийских царей» на Днепре: доверять этому следует не более, чем отнесению тех или иных развалин на Востоке, со слов местного населения, к «мугам» или к «Искандеру», часто в таких местах, где Александр Македонский никогда не бывал).

Очень важным для решения вопроса о том, отличались ли этнически киммерийцы от скифов, был бы вопрос о их языке, так как о языке сако-скифов мы имеем довольно ясное представление. К сожалению, для суждения о языке киммерийцев единственным источником[3] являются

[1] Я не имею в виду какой-либо «стадии», которую можно считать скифской лишь с определенного момента, в том смысле, что лишь с этого момента некие «доскифы» скачкообразно превратились в «скифов». Я хочу этим только сказать, что породно- азиатские скифы, появившиеся здесь в начало VII в., не принадлежали еще к той археологической культуре, которую принято обозначать этническим термином «скифская». На самом деле создатели культуры, которая предшествовала в Причерноморье так называемой «скифской», были, вероятно, по своей этнической и языковой принадллежности такими же точно «скифами», как и жители Причерноморья одним-двумя веками позже. Это показывает лишь, как опасно давать археологическим культурам названия по этническим и языковым общностям и к какой путанице это приводит. Археологические культуры иногда меняются значительно скорее, чем язык и этнос. Желательна также максимальная осторожность при наименовании той или иной археологической культуры на протяжении больших пространств Причерноморья «киммерийской», как и вообще при отождествлении археологических культур с теми или иными конкретными этническими названиями.

[2] Обозначение древних сказочных богатырей этническим названием – вещь обыкновенная; так, в ряде стран Ближнего Востока и Средней Азии богатыри сейчас называются «пехлеванами», т. е. «парфянами». Греки приписывали древние, непонятные им постройки «пеласгам», ряд восточных народов – «мугам» (магам, зороастрийцам).

[3] Тот факт, что Страбон смешивает киммерийцов с трерами, ничего не доказывает в отношении их языковой принадлежности: при всей добросовестности Страбона и доброкачественности его источников, ни он сам, ни эти его источники не обладали ни какими-либо данными, ни лингвистической подготовкой для сравнения трерского и киммерийского языков.

три сохранившихся имени: Teušpâ, Tugdammī (греч. Lugdamis) и Sandakšatru (что может, однако, быть прочтено также u Sandakkurru).[1]

Если бы можно было признать вероятной гипотезу, отождествляющую имя Теушны с именем Теиспа-Чишпиша, предка Кира Персидского (а академик В. В. Струве на этом основании даже вообще считает «киммерийцев» ассирийских источников предками персов),[2] то был бы доказан иранский характер киммерийцев. Однако, как уже указывалось, мы не можем признать этой гипотезы.[3]

Нет достаточно ясной этимологии и для второго киммерийского имени – Tugdammī.[4] Прежде всего пока еще недостаточно разъяснено, почему Tugdammī передается по-гречески как Lugdamis.[5] Наиболее вероятным является предположение, что это – малоазийское имя.

Если быть уверенным в правильности нашего чтения имени Sandakšatru, то его языковая принадлежность не может вызвать сомнений. Элемент -kšatr-[6] настолько специфичен, что определение его может считаться бесспорным: это иранское слово χšaϑra- – «власть», «участь», «удел», «надел», «область», столь часто встречающийся во всех иранских языках и, в частности, в собственных именах и некогда не встречающийся в других ветвях индоевропейской семьи,[7] а тем более – в

[1] Знак śad/ṭ/l в ассирийской клинописи имеет и другие чтения, из которых в данном случае вероятно также чтение kur.

[2] Акад. В. В. Струве. Арийская проблема. Сов. этногр., VI–VII, 1947, стр. 120. Надо заметить, что столь необыкновенное происхождение персов нашло бы несомненно отражение у греческих авторов.

[3] Наиболее вероятным мне кажется объяснение имени Teušpā (в ассирийской передаче) как Tavāspa от скифского tava- – «мощь» и aspa- – «конь», т. е. «мощноконный», «обладающий мощными лошадьми». Иранская фонетическая группа -va- вполне обычно передается по-аккадски через -u-, а ассирийское š закономерно передает s. Вполне удовлетворительной эта этимология, однако, не является.

[4] В написании ^{m}Tug-dam-mi-i. Из этих знаков только mi может еще читаться me.

[5] Здесь возможны три объяснения: 1) Lugdamis является старой опиской вместо Dugdamis (Л вместо Д), однако это означало бы, что все античные упоминания Лигдамиса восходит к одному первоисточнику, что трудно утверждать, в особенности в отношении, например, Страбона и Каллимаха; 2) Lugdamis является эллинизацией незнакомого киммерийского имени: действительно, кроме киммерийца Лигдамиса, известны в сообщениях античных авторов и другие лица этого имени; однако греческой этимологии это имя не имеет и, повидимому, является малоазийским; 3) I, и Lugdamis и ī в Tugdammī являются различной передачей распространенного, возможно, в некоторых малоазийских языках (как на то указывают и некоторые другие данные), звука l (глухое «л» или латеральное «т»); такова точка зрения акад. В. В. Струве; в таком случае имя это следует рассматривать либо как малоазийское, либо как переданное через посредство малоазийских языков.

[6] -u в данном случае, конечно, окончание ассирийского именительного падежа.

[7] Кроме индийской, которая вместе с иранской является частью общей индо-иранской группы.

неиндоевропейских языках. Сложнее обстоит дело с первым элементом – Sanda-. Следует учесть, что данный элемент весьма распространен в малоазийских именах. В частности, примерно в той же местности, где ассирийский царь Ашшурбанапал имел дело с Tugdammī и его сыном Sandakšatru, этот же царь имел дело также с киликийским царем Sandašarmē, а отец Ашшурбанапала, Асархаддон, полонил киликийского царя Sanduarri. В малоазийских именах элемент Sand-, Sanda- вполне ясен: данные имена являются теофорными и включают имя малоазийского бога Сандона, который пользовался поклонением в Киликии и других частях Малой Азии как много раньше, так и много позже рассматриваемого времени. Имея в виду, что в древности господствовало воззрение, согласно которому каждый бог покровительствует с в о е й общине и с в о е й местности и что на чужбине необходимо поклоняться и жертвовать местным богам, нет ничего невероятного в том, что киммерийцы, поселившись в Малой Азии, стали поклоняться малоазийским богам. Поэтому имя Sandakšatru или, лучше, Sandaχšaϑra можно объяснить как «власть бога Сандона» – имя, полностью параллельное таким именам, как Artaχšaça<*Artaχšaϑra – «власть (божества) Арты (обожествленной Праведности)» (Артаксеркс) и скифские Aleksarthos (=*Aliχšaϑr <*Aryaχšaϑra) – «власть ариев», Pharnoksarthos (=*Farnəχšaϑr<*Farnaχšaϑra) – «власть славы (вождя)», и мн. др.[1]

Если полагаться на приведенные соображения, то мы можем определить киммерийцев VII в. до н. э. как племя иранского языка, подвергшееся в значительной мере процессу слияния с малоазийскими народами по культуре, а возможно, также и по языку и т. п. Это также подтверждало бы нашу мысль о том, что киммерийцы – конкретное племенное название одного из большой группы племен, обозначаемой в наука как «скифы», а не обозначение особого, нескифского и предшествовавшего скифам населения Северного Причерноморья.[2] Мы во вся-

[1] Юсти (F. J u s t i. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, стр. 500) этимологизирует Sandakšatru как señda-χšaϑra – «имеющий удовлетворительную власть». Есть и ряд других попыток дать первой половине этого имени объяснение из иранских языков, однако ни одна из них не обладает достаточной убедительностью.

[2] Вполне вероятно, что некоторые «скифские» комплексы Передней Азии и, в частности, в центральном Закавказье (см..: Б. Б. П и о т р о в с к и й. История и культура Урарту, стр. 309–311) связываются не со «скифским» племенем «шкуда», а со столь же «скифским» племенем «гимирра» (киммерийцами) на более поздней (VII и даже VI вв.) ступени их развития в Передней Азии. К «киммерийцам» же надо, вероятно, отнести «скифскую» гривну из восточной Малой Азии, см.: Б. Б. П и о т р о в с к и й. Скифы и Древний Восток. Сов. археолог., XIX, 1953, стр. 132, рис. 3. Если в начале как «шкуда», так и «гимирра», вторгавшиеся в Переднюю Азию, одинаково не обладали, вероятно, полностью выработавшейся

ком случае не имеем особого основания связывать переднеазиатских киммерийцев с фракийцами по происхождению, – хотя они, повидимому, и выступали одно время в союзе с фракийскими трерами и поэтому впоследствии смешались с ними в памяти окружавших народов.[1]

К сожалению, следует признать, что наши выводы имеют лишь характер более или менее вероятной гипотезы, поскольку тот скудный языковой материал, которым мы располагаем (всего три имени), может быть истолкованы иначе; в частности, допустимое чтение Sandakkurru вместо Sandakšatru в корне меняет дело. Однако весь материал в целом все же заставляет считать наиболее вероятным приведенные выше выводы относительно этноса, первоначального места обитания и маршрута движения киммерийцев.

Для нас особенно важен вывод о том, что под gimirri, gamirra, gimirrâi аккадские тексты не всегда непременно понимают только киммерийцев в узком смысле слова, но иной раз, быть может, и вообще скифские и другие кочевые племена – треров, скифов в узком смысле слова, саков. Это будет иметь значение для оценки событий 70-х годов VII в. до н. э. в Мидии. Пока же для нас достаточно констатировать, что собственно киммерийское вторжение VIII в. до н. э. прошло, повидимому, мимо мидийской территории, если не считать сомнительного факта временного вторжения киммерийцев на территорию Манны по пути в Урарту.

2. Скифы в Передней Азии

Вскоре вслед за киммерийским вторжением, – как о том говорит и Геродот, ошибочно считающий, однако, что речь идет о прямом преследовании киммерийцев (I, 103; IV, 1–4, 11–13), – в Переднюю Азию вторглись скифы, или, как их называют восточные источники, ашгуза(й), асгуза(й) или ишкуза(й).

Прежде всего следует всячески подчеркнуть то обстоятельство, что речь идет не о скифах в том смысле, к которому мы привыкли в античных источниках и в археологии, т. е. не вообще о кочевниках, говоривших на иранском языке, живших в Северном Причерноморье и на

«скифской» культурой, то и позже культура обоих этих племен была, вероятно, собственно «скифской» в одинаковой мере. С другой же стороны, то и другое племя были столь немногочисленны и подвижны, что трудно надеяться обнаружить достаточно массовый археологический материал, восходящий к ним.

[1] Это наше мнение не имеет отношения к возможным фракийским связям или Фракийскому происхождению различных племен Причерноморья предскифского и скифского времени.

Северном Кавказе и обладавших известными характерными чертами материальной культуры. «Скифы» было общим названием всех указанных племен, которое им давали греки. На памяти греков ни одно из этих племен само себя скифами не называло. Напротив, у вторгшегося в Переднюю Азию племени термин «скиф» (šku̯a) должно было быть самоназванием; через это племя имя «скифов» (греч. skuthai) стало впервые известным. Поэтому вероятно, что именно с него оно и было перенесено на все остальные «скифские» (в античном и в археологическом смысле) племена. В начале VII в. племя скифов-ишкуза должно было, с археологической точки зрения, быть таким же точно, «доскифским» племенем, как и племя киммерийцев.

Несколько слов о происхождении самого термина «скиф». Действительной его формой было, по всей вероятности, *šku̯a-,[1] так как гласный a- или i-, который мы встречаем в восточных передачах этого имени- (ассир. ašguzâi, asguzâi, вавил. iškuzâi, страна Iškuza, др.-евр. *aškūz–в традиционном, ошибочном написании ‘sknz) – это так называемый простетический гласный, требуемый перед двухсогласным началом по правилам семитской фонетики. Северносемитские языки нормально передают междузубный δ через z; глухое ϑ было бы передано через t или š. Напротив, греческая передача skuthai, казалось бы, скорее указывает на произношение с глухим ϑ (*škuϑa-);[2] но следует учесть, что в греческом языке VII–VI вв. не было еще не только междузубного но, повидимому, и придыхательного dh, и поэтому th («тэта») было, пожалуй, наиболее адэкватной передачей не только для глухого междузубного ϑ, но и звонкого междузубного δ.[3]

Ввиду вышесказанного, совершенно ясно, что распространенная теория, связывающая термин skuthēs – «скиф» с термином «сак», не выдерживает критики. Этой теории придерживался Вс. Миллер,[4] объ-

[1] В ассирийском диалекте s читалось как «ш», а š– как «с», в вавилонском – наоборот; поэтому существующие восточные передачи скорее указывают на произношение с «ш» (как в ассир. asguzāi, вавил. iškuzāi. др.-евр. *aškūz, с вторичным удлинением ū), чем на произношение с «с» (как в ассир. ašguzâi– вавилонизм?). Еврейское написание исключает также чтение *ašguẓâi, *išguẓâi, которое иначе было бы возможно с точки зрения ассиро-вавилонской графики, а тем самым исключает и реконструкцию самоназвания скифов как skuča, что предлагает Херцфельд (E. Herzfeld. Zoroaster and his World, II. Princeton, 1947, стр. 713); аккадск. z не может передавать иранск. č; единственно возможным было бы здесь ṣ, в крайнем случае š.

[2] «Ш» в греческом отсутствовало.

[3] Звонкие согласные скифского языка и в некоторых других случаях передаются греческими глухими, например, Tanais – «Дон»–скифск. *Danu-, *Danav-; краткое «а» закономерно в славянском дает «о», откуда старорусск. «Донъ» (Donŭ). ,

[4] Вс. Ф. Миллер. Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП, 1886, окт., стр. 281.

яснявший термин «скиф» как множественное число на -t от термина «сак». Но не менее ошибочно и объяснение Н. Я. Марра, к которому, как ни странно, примкнул такой тонкий знаток иранских языков, как В. И. Абаев. Н. Я. Марр и В. И. Абаев объясняют термин «скиф» как sku(l)-ta, множественное число от этнонимического элемента skul-, skol-, к которому они возводят и самоназвание скифов на Украине – сколотов.[1] Это объяснение, очевидно, невозможно, так как в рассматриваемом термине «скиф» последний согласный – не -l. входящий в хорошо известный скифский показатель множественного числа, а междузубный звук, – повидимому, δ.

Подобно многим этнонимам, племенное название škuδa–«скиф» остается пока этимологически необъясненным. Одно ясно, что его следует четко отличать от термина saka- – «сак», с которым он – какова бы ни была степень родства самих соответствующих племен – лингвистически не имеет ничего общего.[2] Нужно вообще самым решительным образом отказаться от попыток сопоставлять с термином «скиф» любые звукосочетания, в которых только встречаются согласные «с» или «ш» и «к» или «г», например Ишкигулу (область в урартском Закавказье) и т. п. Сочетания -sk-, -šk- слишком распространены в самых различных, а особенно в индоевропейских языках, чтобы совпадению такого рода можно было бы придавать хоть какое-нибудь значение.

Итак, с нашей точки зрения, «шкуда» было названием одного из иранских по языку, «доскифских» по археологическим признакам племен, которое обитало на Северном Кавказе и в VII в. до н. э. вторглось в Закавказье, и по имени которого греки впоследствии называли северных кочевников вообще. Поскольку скифы в Малой Азии победили и вытеснили хорошо известных грекам кочевников-киммерийцев, имя которых греки ранее переносили на кочевников Причерноморья в целом, постольку создалась легенда об исконной вражде скифов и киммерийцев и о том, что самый приход киммерийцев в Азию был обусловлен преследованием скифов; а отсюда было уже естественно называть скифами тех кочевников, которых греки впоследствии заставали в Северном Причерноморье. Как известно (о чем мы уже упоминали), ни одно

[1] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. Термин «скиф», стр. 243 и сл. Вероятнее, что, наоборот, греч. skolotoi (по Геродоту – самоназвание, скифов) есть дальнейшее развитие того же термина *škuδa>*škula-t- с показателем, скифского множественного числи -t и переходом δ>l, как в скифск. (в греческой передаче) paralatai, ср. авест. paraδāta-.

[2] Подлинное звучание термина «сак» – saka-, что имеет мало общего со škuδa-. Вряд ли также какой-либо из этих терминов имеет отношение к термину Sug(u)da- (др.-перс.), Suγda- (авест.) – «Согдиана».

из «скифских» племен Причерноморья в действительности не называло себя скифами.[1]

Как кажется, целый ряд противоречий в рассказе Геродота и в других античных данных окажется отпавшим, если мы признаем, что собственно скифы, или «шкуда», были отдельным племенем из числа так называемых скифских племен (лишь позднее ставших «скифскими» и в археологическом смысле) – таким же племенем, как авхаты, трапии, паралаты или савроматы.

Прежде всего получит полное согласование известие Геродота о приходе скифов из Средней Азии[2] с передаваемой им же собственной традицией скифов-сколотов, которые считали себя коренными жителями Северного Причерноморья.[3] Действительно, одни «скифы», вероятно, изначально жили на территории нынешней Украины, а другие «скифы» («шкуда») могли появиться в поле зрения народов рабовладельческого мира таким образом, как это сообщает Геродот: «Скифы-кочевники и жили сначала в Азии, потом были потеснены во время войны с массагетами и, перейдя реку Аракс, удалились в киммерийскую землю. . .».[4] Под Араксом здесь имеется в виду, повидимому, Волга (Raŋhā- Авесты, скифская *Rahā. позднее греч. Rhā).[5] Известие это, быть может, подтверждается тем обстоятельством, что в более позднее время в Албании (северном Азербайджане) действительно существовали массагеты, которые могли продвинуться сюда вслед за скифами,

[1] «Общее название всех скифов. . . – сколоты; скифами назвали их эллины Her., IV, 6). Отдельные скифские племена (genos) носили, по Геродоту, названия эвхатов, катиаров, трапиев, паралатов; несколько особняком стояли савроматы. Другие авторы перечисляют и другие скифские племена, которые Геродот не считал скифскими (сколотскими). Действительно, сколотами называла себя лишь одна груши, «скифских» племен, (в частности, предки осетин себя так не называли); общим самоназванном всех племен этой группы, как и вообще всех индо-иранских племен, было, повидимому, агуа, на что указывают некоторые косвенные данные, см.: В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. Осетинские этнические термины iron, allon, стр. 245. Позднейшей формой этого термина является термин «алан».

[2] Her., IV, 11–12. Это известие, как сообщает сам Геродот, восходит к полулегендарной личности – малоазийскому греческому поэту-путешественнику Аристею из Проконнеса (IV, 13–16), но аналогичные известия рассказывали Геродоту и «варвары» – скорее всего жители Малой Азии, сохранившие традицию о борьбе скифов с киммерийцами.

[3] Her., IV, 5–7; ср. также передаваемую им легенду, бытовавшую среди причерноморских греков (IV, 8–10).

[4] Далее у Геродота (IV, 11) следует рассказ явно фольклорного характера, имеющий этиологический характер и долженствующий объяснить существование «киммерийских» (т. е. доисторических) курганов на реке Тире (Днестре).

[5] «Аракс» у Геродота может, подобно термину- Raŋhā, означать и Сыр-Дарью, а также, конечно, (в отличие от термина Raŋhā) и закавказский Аракс.

в связи с общим передвижением кочевых племен (захватившим и киммерийцев).

Вслед за этим скифы перекочевали, по вполне вероятному сообщению Геродота (I, 103–106), в Закавказье через Дербентский проход, «имея с правой стороны Кавказскую гору». «В этом месте, – говорит Геродот [т. е., очевидно, по миновании Большого Кавказа, иначе говоря, где-то на территории Советского Азербайджана, – *И. Д.*], – мидяне сразились со скифами, но были разбиты, потеряли господство над Азией, а скифы завладели ею» (I, 104).

Однако Геродот здесь по обыкновению сжимает события. Столкновение скифов с мидянами (по геродотовой хронологии – за 75 лет или за 103 года до победы Кира над Астиагом, т. е. в 625 или 653 г. до н. э.), имело место значительно позже чем их появление в Передней Азии, так как первое упоминание скифов-ашкуза (шкуда) в ассирийских источниках относится к правлению Асархаддона, точнее – к 70-м годам VII в. до. н. э. В это время скифы во главе с Ишпакаем[1] выступили в союзе с Манной против Ассирии.[2] Все восточные источники связывают скифов-шкуда с Манной и отчасти с Мидией, но упоминаний скифов в этих источниках вообще немного. Помимо приведенного упоминания скифа Ишпакая в анналах Асархаддона, скифы несколько раз упоминаются в запросах к оракулу бога Шамаша того же ассирийского царя; один раз запрос делается по поводу намерений «скифов, которые пребывают в области страны Маннеев»[3] в нескольких запросах скифы упоминаются в связи с, большим восстанием мидян, в котором приняли участие также маннеи и «киммерийцы».[4] И наконец, один запрос посвящен перспек-

[1] Ими Išpakai (Išpalcâ'a,. Ispakâia?) ассирийской передачи Юсти толкует как Aspaka (скифское имя, засвидетельствованное в Танаисе в форме Aspakos, Apsakos: В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 157) – «конный», от aspa с характерным иранским (в древнейшее время особенно характерным для скифов и мидян) суффиксом -ka; ср. выше ассир. Išpabâra или Ašpabâra, – «всадник» как имя собственное. Возможна, однако, и другая этимология: *Spākāya>(I)spakâi(a) от spaka–«собака», как Artāya– «принадлежащий Праведности», Aryāya– «принадлежащий ариям», Zarināya – «золотая» и мн. др. Собака почиталась священной иранскими народами. Правда, для языков скифо-среднеазиатской группы засвидетельствовано для «собаки» только слово kuti-, известное также в славянских языках; однако сущсствование и термина spaka вполне вероятно. Ср. русск. «собака», которое не находит себе ясного объяснения на славянской почве. Впрочем, если оно является заимствованным, то заимствование произошло не непосредственно из скифского, так как в этом случае сохранилась бы и в русском форма «спака» (на славянской почве для перехода sp->sob- нет основания).

[2] См.: АВИУ, №65, стр. 216 и сл. (IR, pl. 45 и сл., стлб. II; ARAB, II, §§ 517 и сл.).

[3] Kn., 35.

[4] Kn., 30, 15, 18.

тивам союза с «Партатуа, царем (страны) Ишкуза», местоположение которой не уточняется. Характерно, что ассирийцы, таким образом, считали главу скифов именно «царем» и притом царем определенной «страны», причем, конечно, мы не можем предполагать, что под «страной Ишкуза» подразумевается родина скифов по ту сторону Кавказа. Так как в запросе идет речь о том, выдать ли замуж за Партатую ассирийскую царевну, то есть о дипломатическом браке, то несомненно, что дело здесь в заключении союза с определенной страной, находящейся в пределах театра дипломатической деятельности Ассирии, а не где-то далеко за его пределами.

«Царство Ашкуз» (в традиционной, основанной на давней описке в тексте, транскрипции – «царство Ашкеназ»)[1] упоминается и в древнееврейских источниках, а именно, в «Книге Иеремии», в отрывке, датированном 593 г. до н. э.,[2] причем упоминается вместе с Урарту и Манной в качестве зависимого от Мидии царства. Последнее упоминание этого царства в восточных источниках относится к первой половине VI в. Именно так датируется создание так называемой «таблицы народов» – списка мнимых потомков Ноя (родоначальников различных народов, известных евреям того времени), включенного позже в так называемый «Жреческий кодекс» (памятник V в. до н. э.), а затем в его составе в «Книгу Бытия». Здесь Ашкуз (Ашкеназ) назван вместе с «Рифатом» и «Тогармой» (Малой Арменией) в качестве «сыновей» Гомера, т.е. киммерийцев.

Этим собственно и ограничиваются случай упоминания скифов-«шкудя» о восточных памятниках, если не полагать, что те же скифы иной раз разумеются и под более общими наименованиями «киммерийцев» и «умман-манда». Как мы видим, древнееврейский источник включал «Ашкуз» в понятие «Гомер», т. е. киммерийцев.[3] Для Востока VII–V вв. скифы-«шкуда» были одним из киммерийских племен.

В качестве исторических свидетельств о пребывании скифов в Передней Азии рассматриваются также некоторые археологические находки – в частности, в Кармир-блуре около Еревана, в Каркемише на

[1] См.: H. Winckler, Kimmerier, Skythen, Ašguzāer, AOF, I. Reibe, Heft VI, стр. 484 и сл.

[2] И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства, стр. 32 и сл.

[3] Именно это имеется в виду, когда говорится, что Ашкеназ – «сын» Гомера: ср. другие аналогичные примеры в той же «таблице народов»; так, сыновья Ханаана Сиро-Финикии) – Сидон, Хетт, Аморей, Арвадец (Арвад – город в Финикии) и т. д.; сыновья Явана (Греции и островов Средиземного моря) – Элиша (Кипр или Киликия), Киттим (Кипр), Таршиш (Испания?), Доданим (или Роданим – родосцы?) и т. п. Впрочем, «родство» в «таблице народов» имеет часто не этнографо-географический, а политический смысл.

излучине Евфрата в северной Сирии, в Палестине, Северном Египте и в особенности клад, найденный в Зивие около Саккыза, южнее озера Урмии, на территории бывшей Манны, и содержавший множество ценных вещей ассирийского или ассиро-урартского и маннейского происхождения, свидетельствующих, по мнению некоторых исследователей, о переднеазиатском истоке многих явлений скифского искусства.[1] Мы в данном случае не касаемся особого вопроса о многочисленных местах находок так называемых скифских наконечников стрел.

Перечисленные данные заставили ряд исследователей полагать, что скифы имели своим центром в Передней Азии еще со времен Асархаддона именно Манну и отсюда совершали набеги на другие страны, вплоть до Египта, как о том сообщает Геродот (I, 105) и как подтверждают археологические находки.[2]

Однако анализ источников не подтверждает предположения о том, что скифы покорили Манну в 70-х годах VII в., так как и в то, и в более позднее время, как увидим, Манна продолжает выступать как самостоятельное значительное царство и даже расширяет свои границы. Находка клада около Саккыза не подтверждает предположения о центре скифского царства в Манне, так как ни из чего не видно, что клад был здесь оставлен скифами, награбившими эти вещи у урартов, ассирийцев и маннеев, а, скажем, не маннеями, похитившими их у ассирийцев, урартов и скифов;[3] наоборот, поскольку некоторые вещи из этого клада хотя и обнаруживают некоторые мотивы так называемого «скифского звериного стиля», но датируются временем задолго до появления в Передней Азии киммерийцев и скифов, постольку приходится согласиться с издателем клада Годаром, когда он высказывает положение о местном происхождении большинства предметов искусства из Саккызского клада. Годар приводит веские соображения в пользу того, что это – памятники искусства коренного населения Азербайджана и гор Загроса, и прежде всего самой Манны, и что самый «скифский звериный стиль» – маннейско-мидийского происхожде-

[1] A. Godard. Le Tresor de Ziwiye (Kourdistan). Haarlem, 1950.

[2] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 124 и сл.

[3] Пока бездоказательны попытки связать устройство клада с моментом занятия Зивие-Зибиа кем-либо из ассирийских царей. Крепость Зибиа (Иззибиа, Узбиа) упоминается в ассирийских источниках в числе взятых маннейских крепостей дважды: при Саргоне II, в Анналах под 716 г. (а также в «Торжественной надписи»), и при Ашшурбанапале (Цилиндр В) под 659 г. По мнению Б. Б. Пиотровского, вещи из саккызского клада частично моложе середины VII в. до н. э. Однако несомненно, что некоторые вещи, в особенности замечательная золотая пектораль (нагрудник), датируются если не IX в., как полагает их издатель Годар, то во всяком случае первой половиной VIII в. до н. э., т. е. временем до появления здесь не только скифов, но и киммерийцев.

ния и сложился во время пребывания скифов в Передней Азии. Но даже если клад действительно принадлежал временно находившимся в Манне скифам (что они там временно находились – это факт, документально засвидетельствованный), то и отсюда еще не следует, что Манна была по-настоящему завоевана скифами и что «Царство скифов» территориально совпадало с Манной. Этому противоречит и указание «Книги Иеремии», упоминающей Скифское царство отдельно от Манны. Действительно, скифы могли находиться и находились в Манне временно, – то как союзники, а то и как враги.

Рис. 42. «Острошапочные» саки. С рельефа из Персеполя. V в. до н. э.

Несомненно, однако, что «Царство скифов» следует искать в непосредственной близости от Мидии и особенно от Манны. У нас есть данные, что в конце VI – начале V в. до н. э. территория со скифским населением входила в состав сатрапии Мидии: по Геродоту, в этой сатрапии жили мидяне, парикании и ортокорибантии. Последний термин является переводом др.-перс, tigraχauda – «острошапочные», что обычно является эпитетом одной из групп саков Средней Азии.[1] Однако было бы совершенно неправильным на этом основании утверждать, что список сатрапий, приводимый Геродотом и взятый им, повидимому, у Гекатея Милетского, является произвольным набором этнических названий, размещенных без всякого смысла, как это делает Юнге, отрицающий правомерность отнесения ортокорибантиев к мидийской сатрапии. На этом вопросе нам еще придется остановиться. Юнге утверждает, будто бы только одна группа среднеазиатских саков носила остроконечные шапки, а что европейские скифы таких шапок не носили. Он заходит так далеко, что утверждает, будто бы изображения конников в остроконечных шапках, имеющиеся на греческой вазе VII в. до н. э.,[2]

[1] Это объяснение термина «ортокорибантии» выдвинуто впервые в 1900 г. Кисслингом и затем сделалось в науке общепринятым. См. статью: Pauly–Wissowa, s. v. Orthokorybantier (статья Ю. Юнге).

[2] Речь идет об одной из так называемых «понтийских» -ваз из Малой Азии. Как сообщила нам М. И. Максимова, в настоящее время высказывается предположение, что эта группа ваз изготовлялась этрусками, однако во всяком случае их изображения делались по малоазийским образцам.

являются изображениями среднеазиатских саков, хотя очевидно, что в столь раннее время греки не могли быть знакомы с обликом народов Средней Азии и что мы имеем дело с изображениями киммерийцев или скифов-шкуда. Ряд изображений европейских скифов (например, на знаменитой Кульобской вазе в Эрмитаже) показывает даже сколотов в высоких остроконечных шапках, ничем не отличающихся от головного убора саков на персепольских рельефах,[1] хотя верно, что ни одно из изображений ни тех, ни других не дает столь высокой шапки, как та, в которой изображен сакский вождь Скунха на рельефе Бехистунской скалы.[2]

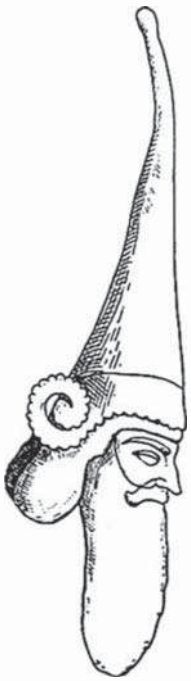

Рис. 43. Скунха, вождь саков (скифов, массагетов?) конца VI в. до н. э. Схематическая прорисовка с рельефа Бехистунской скалы (по фот.)

Во всяком случае мы в полном праве считать, что скифы-шкуда под названием ортокорибантиев еще в конце VI–V в. жили в пределах тогдашней сатрапии Мидии. Можно попытаться и более точно установить место их обитания. Мы уже указывали, что, по Геродоту, скифы сразились с мидянами, миновав Большой Кавказ, т. е. на территории нынешнего Советского Азербайджана. Так как это произошло, как мы увидим, лишь в 50-х годах VII в., то очевидно, что до этого времени скифы-шкуда здесь именно и жили.

Можно предположить, что некоторые данные, связывающие уже в VII в. до н. э. с Манной якобы «киммерийцев»[3] относятся, по приведенным выше основаниям, к скифам же. Трудно предположить, чтобы Манна могла вести ту наступательную политику, какую она в действительности вела в это время, подвергаемая вторжениям как скифов, так и киммерийцев. Если же речь идет о скифах, которые, как нам известно, были союзниками Манны, то их пребывание на маннейской территории легко объяснимо. К тому же трудно представить себе, что действительные киммерийцы, воевавшие в это время

[1] [L. W. King and R. C. Thompson]. The Sculptures and Inscription of Darius the Great on the Rock of Behistûn in Persia. London, 1907.

[2] Там же, pl. XVI, № 5; Акад. В. В. Струве считает Скунху массагетом; как уже указывалось, массагеты были первоначально, по Геродоту, ближайшими соседями скифов-шкуда. См.: акад. В. В. Струве. 1) Датировка Бехистунской надписи. ВДИ, 1952, № 1, стр. 26 и сл.; 2) Поход Дария I на скифов-массагетов. ИАН, ОИФ, III, 1946, № 3, стр. 231 и сл.

[3] Вопрос к оракулу Kn., 24 и письмо HABL, 1257 (на вавилонском диалекте): см. также: АВИУ, № 68, б и № 69, 2, стр. 224 и 232.

в западной Малой Азии, могли одновременно действовать и в Манне, разве что предположить, что речь идет об отдельной, оторвавшейся от своих группе киммерийцев.

Но если «киммерийцы», упомянутые в тех двух документах, о которых здесь идет речь, – это скифы-«шкуда», то мы можем до известной степени судить о том, где они в это время находились: автор письма HABL, 1257 сообщает, что «киммерийцы» заявили ассирийцам: «Маннеи (остаются) у вас, мы удержали наши стопы», но высказывает сомнение в правдивости этого заявления и предлагает начать нападение на маннейскую территорию, повидимому, как союзную «киммерийцам». Очевидно, что «киммерийцы» пока находятся за пределами Манны. Где же? Не к югу, ибо там еще были ассирийские владения, и не к западу, где были владения Урарту, и где кочевников, судя по запросу к оракулу Kn., 35, еще не было. Можно выбирать между восточными границами Манны и северными ее границами. Но на востоке Манна в это время, как мы уже знаем, простиралась, вероятно, до самых прикаспийских гор, где вряд ли могли найти прибежище степняки-скифы или «киммерийцы»; таким образом, мы вновь приходим к заключению, что кочевники в начале VII в. находились к северу от Манны – в долине Аракса, а быть может, и еще далее к северу. Во всяком случае, в середине VII в. «Скифское царство» нигде не граничило с Ассирией.[1]

Есть еще одно указание на то, где нам следует искать Скифское царство. Страбон (XI, 8, 4) сообщает, что «саки. . . завладели в Армении[2] наилучшей землей, которой оставили от своего имени и название Сакасены». Эта область, Сакасена, упоминается Страбоном еще неоднократно (II, 1, 14; XI, 14, 4; 7, 2); известна она и другим авторам, в частности, армянским (под названием Шакашен) и локализуется достаточно точно. Она была расположена к югу от среднего течения Куры, приблизительно в районе нынешнего Кировабада (Ганджи), т. е. близко от тех мест, где, по Геродоту, произошла война между скифами и мидянами.

По Страбону выходит, что эта область была занята не скифами, а саками, на что, казалась, бы, указывает и самый термин «Сакасена». На этом основании некоторые исследователи, следуя за акад. В.В.Струве,[3] постулируют, кроме нашествия киммерийцев в VIII в. и скифов в VII в.

[1] Из письма HABL, 434 видно, что на рубеже 70-х и 60-х годов VII в. Ассирия граничила на севере и северо-востоке только с Урарту, Хубушкией, Манной и Мидией.

[2] Во времена Страбона Армения охватывала временно некоторые части современного Азербайджана.

[3] Акад. В. В. С т р у в е. Новые данные истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью. Изв. АН Арм. ССР, № 8, 1946, стр. 31 и сл.

до н. э., еще и нашествие саков на Закавказье в VI в. до н. э. Акад. В.В.Струве даже хотел видеть в воинах, оказавших ожесточенное сопротивление попыткам Дария I завоевать Армению в 522–521 гг., не природных жителей страны – армян, урартов, хурритов, а пришельцев-саков, которые отстаивали свое временное местопребывание с большей решительностью, чем местное население свою исконную родину.

Однако признать нашествие саков с востока, через мидийскую территорию, в начале VI в. – значит отрицать существование могущественной Мидийской державы в это время, что полностью противоречит всем историческим данным; еще менее вероятно, чтобы такое нашествие могло иметь место в годы великих завоеваний Кира. К тому же исключительно маловероятно, чтобы из всех областей Передней Азии новые племена кочевников осели бы именно в восточном Закавказье, уже раз занимавшемся пришедшими другим путем скифами-«шкуда». Остается предположить, что саки пришли в Закавказье тем же путем, что и скифы, именно – через Дербентский проход. Но при этом предположении они вряд ли могли опередить массагетов, которые, по данным С. Т. Еремяна,[1] еще в начале нашей эры жили севернее Апшерона до реки Самур, и очутиться южнее их, около Кировабада.

Поэтому наиболее вероятным кажется нам предположить, что Страбон в данном случае допустил ошибку, тем более естественную, что персы (а равно, вероятно, и мидяне) так же точно называли всех кочевников «саками», как греки называли их «скифами», а вавилоняне – «гимирри». Ведь и «тиграхауда», что источник Геродота передал как «ортокорибантии», есть эпитет с а к о в . Правомерность такого обозначения скифов-шкуда будет тем больше, если признать, что они, – как, повидимому, следует из сообщения Геродота, – действительно пришли из-за Волги, т. е. были племенем среднеазиатского происхождения. Можно поэтому предположить, что Сакасена (иранск. *Saka-ŝayana- – «обитаемая территория саков») было официальным мидийским наименованием ядра бывшей территории Скифского царства. Нам следует, таким образом, искать эту территорию между Курой в районе севернее Кировабада и маннейской территорией вокруг озера Урмии, южнее Аракса.

Правильность такой локализации Скифского царства может быть проверена только археологическим путем. К сожалению, именно ука-

[1] Устное сообщение; см. также карту: «Армения во II–I вв. до н. э.», «Армения и I–IV вв. н. э.» в «Атласе к книге „История армянского народа", часть первая (изд. 1951)» С.Т.Еремяна (Ереван, 1952).

занный район Азербайджана пока еще археологически обследован недостаточно. Наиболее широко исследованное могильное поле в Мингечауре находится, однако, на самом краю упомянутой территории. Как и во многих других пунктах западного, центрального и восточного

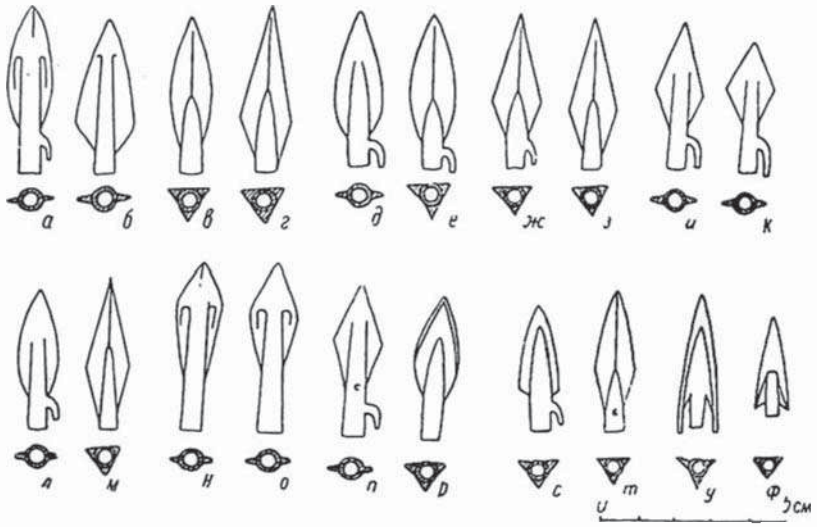

Рис. 44. Скифо-мидийские наконечники стрел.

а в из Хайкаберда, центральная часть Урарту; *в* из Топрах-кале (Русахинили, предместье столицы Урарту – Тушны); *д, е* – из Ашшура, центральная часть Ассирии (взят мидянами в 614 г. до н. э.); *ж, з* – со стен городских укреплений Вавилона (взят персами с помощью мидийских контингентов в 538 г. до н. э.); *и, к* – изТарса в Киликии (юго-восток Малой Азии); *л, м* – из Герара (Палестина); *н* – из Самтавро (Грузии), конец VII в. до н. э.; *о– р* – из Мусиери, VII–VI в. до н. э.; *с, т* – из Махмуджуга (Армения), VI в. до н. э.; *у, ф* – из Акпера (Ворнака, Армения), V–IV вв. до н. э.; аналогичные наконечники стрел найдены также в Кедабеке (Азербайджан).

Закавказья, здесь имеется слой, характеризуемый рядом «скифских» материалов – в данном случае захоронениями с вытянутыми костяками, датируемыми VI–V вв.[1] со множеством вещей «скифского» типа (нако-

[1] Сами раскопщики датировали вначале этот слой VIII–VI вв. до н. э. [С. М. Казиев. 1) Об археологических раскопках в Мингечауре, ДАН Аз.ССР, 1946, т. И, № 10, стр. 447; 2) Археологические раскопки в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана, I. Баку, 1949, стр. 20–30; Г. И. Ноне. Археологические раскопки в Мингечауре. Некоторые данные к вопросу о датировке грунтовых погребений Сообщение II. ДАН АЗ.ССР, 1946, т. II, № 9, стр. 406]; однако вещей, которые необходимо было бы датировать VIII в., пока не опубликовано. Все определение датируемые вещи из данного слоя (бусы, наконечники стрел, зеркала), относятся, самое раннее к VII, а скорее к VI–V вв. до н. э. Так датирует эти захоронения и Б. Б. Пиотровский (Археология Закавказья, стр. 115 и 120) и сам С. М. Казиев в своей более поздней работе «Археологические работы в Мингечауре» (стр. 27: VII–V вв.) Некоторые относимые к этому слою предметы (например перстни) могут быть и более поздними во времени (IV в.?).

нечники стрел, зеркала и др.), хотя в целом комплексы отличаются от «скифских» комплексов Северного Причерноморья. Характерны костяки исключительно высокого роста.[1] Керамика мингечаурских погребений этой группы отличается от скифской керамики того же времени на Украине и Северном Кавказе, она, очевидно, как и следовало ожидать, чисто местного происхождения. Описанные захоронения в Мингечауре – это, быть может, захоронении смешанного – «скифского» («шкуда») и местного – населения «Скифского царства». Аналогичные комплексы, свидетельствующие о «скифском» проникновении, имеются и в других частях Закавказья.

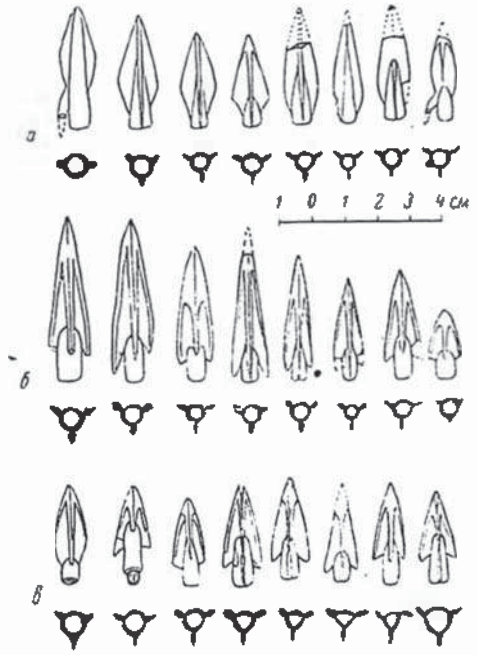

Рис. 45. Скифо-мидийские наконечники стрел из захоронения VII–IV вв. до н. э. в Мингечауре (Азербайджанская ССР). *а* – конец VII–VI в. до н. е.; *б, в* – V–IV вв. до н. э.

То обстоятельство, что археологические комплексы Мингечаура времен «Скифского царства» и другие подобные комплексы Закавказья не слишком похожи на археологические комплексы «классических» скифов Причерноморья, не должно нас особенно смущать. Во-первых, скифы-шкуда, как равно и киммерийцы, были, конечно, только тонким слоем среди местных жителей, оставшихся основной массой населения этой территории; так называемые «скифы», двигавшиеся отсюда далее вглубь Передней Азии, несомненно включали уже и контингент местного населения Закавказья, в то время в значительной мере состоявшего из полукочевых и даже кочевых скотоводов;[2] во-вторых, мы уже указывали на то, что племена, пришедшие сюда в VII в., были в археологическом смысле предскифскими, и полного схождения со «скифским» материалом уже и поэтому не следует ожидать. Развитие у скифов Передней Азии могло во многом идти самостоятельно. И если тем не менее очень многие черты культуры скифов Передней Азии (включая сюда, по всей вероятности, и поздних

[1] Г. И. Ионе, у к. соч., стр. 399 и сл.

[2] См.: Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 114.

киммерийцев)[1] тесно сближают их со скифами Северного Причерноморья, то для меня неясно, принесли ли эти черты скифы и киммерийцы с собой со своей старой родины в VIII и начале VII в., или, напротив, они создались частично и на новой, уже переднеазиатской территории, и попали обратно в Северное Причерноморье благодаря непрекращавшимся связям между кочевниками по обе стороны Кавказа; или, наконец, эти черты создавались еще где-то, например в Средней Азии, и оттуда попали и в Причерноморье и на Ближний Восток. Это касается, в частности, места происхождения знаменитых «скифских» наконечников стрел; все эти вопросы должны быть разрешены археологами, и мы по ним высказываться не беремся.[2]

Рис. 46. Украшения скифского типа из захоронений VII–IV вв. до н. э. в г. Мингечауре (Азербайджанская ССР).

Подводя итоги, мы можем сказать, что в начале VII в. до н. э. во внешней истории Мидии появляются новые, весьма существенные факторы: это, во-первых, киммерийцы, проникшие из-за Кавказа в западное и, возможно, в центральное Закавказье еще в VII вступившие вначале в конфликт с Урарту, а затем, в 70-х годах VII в., в союзе с урартским царем; Русой II разгромившие ведущее государство Малой Азии – Фригию – и в течение некоторого времени господствовавшие в Малой Азии. Поскольку термин «киммерийцы», особенно в текстах,

[1] См., например, «скифские» предметы нейтрального и западного Закавказья и Малой Азии.

[2] Отметим, однако, что наконечники стрел «скифского» типа изготовлялись в VI в. на месте в Средней Азии (в Бактрии, см.: М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в северной Бактрии. Сов. археолог., XIX, 1953, стр. 121) и, как сказано, обнаруживаются на местах осады городов, где исторически скифы не засвидетельствованы, но засвидетельствованы мидяне и персы (например, в Вавилоне, см.: R. Koldewey. Das wieder erstehende Babylon. Leipzig. 1913, стр. 256–257). Не исключена поэтому возможность среднеазиатско-мидийского происхождения этого типа наконечников стрел, которые могли быть восприняты, например, скифами у мидян, а не наоборот. Однако нам в данном случае лишь хочется поставить данную проблему, положительное или отрицательное решение которой зависит от археологов.

писанных на вавилонском диалекте аккадского, может, повидимому, относиться и к другим кочевникам, неясно, осталась ли одна из групп киммерийцев в Закавказье, проникнув затем на территорию Манны и даже Мидии, или в соответствующих случаях речь идет о скифах.

Во-вторых, новым фактором явились скифы-шкуда. Одно из иранских племен, быть может, среднеазиатского происхождения, скифы-шкуда проникли в восточное Закавказье через Дербентский проход и возглавили, – возможно, в низменности между районом Кировабада и Араксом и во всяком случае в более южных районах вплоть до Урмии, – мощное политическое объединение («царство»), сыгравшее большую роль в истории VII в. до н. э. В частности, важным обстоятельством явился союз между скифами-шкуда и Манной.

3. Политическое положение в Манне и Мидии после 700 г. до н. э.

Как уже упоминалось в предыдущей главе Манна в конце VIII в., используя ассиро-урартскую борьбу, значительно укрепилась, охватив под своей властью всю территорию Урмийского бассейна вплоть до гор. III и отчасти IV районы по нашей классификации (возможно, за исключением западного[1] и частично северного берега Урмии, остававшихся за Урарту); на севере Манна граничила, вероятно, также со Скифским царством.

Мы не знаем с уверенностью имени царя, правившего в это время в Манне. Быть может, это был тот манней с ассирийским именем – Белхабу, который упоминается в одном из писем ассирийского царского архива.[2] Во всяком случае, это был могущественный правитель.

Значительно хуже обстояли дела на территории мидийского племенного союза. Большая часть центральной Мидии (верхняя часть долины Кызыл-узена, район Хамадана–Казвина и, тем более, расположенные западнее районы) была ассирийцами включена в состав их державы и разделена на несколько областей: Замуа (севернее Сулеймание), Парсуа (район верховьев Диялы с центром в крепости Никур), Кишессу (с центром в одноименной крепости[3] – район верховьев Кызыл- узена),

[1] Впрочем, имея в виду, что с территории Манны можно было непосредственно угрожать Хубушкии (южнее озера Ван; ср.: Кп.,35), не исключена возможность, что и западное побережье, по крайней мере частично, перешло в это время к Манне.

[2] HABL, 1257.

[3] Официально называвшейся также Кар-Уригалли.

Мадай, или Мидия в наиболее узком смысле (вероятно, ниже Кишессу по Кызыл-узену),[1] Сапарда (ранее часть области Хархар, вероятно, южнее линии Зенджан–Казвин),[2] Хархар (с центром в одноименной крепости,[3] западнее Хамадана), Бит-Кари (район Хамадана), Аррапха (с центром в г. Аррапхе, ныне Керкук; охватывала, повидимому, частично бывшую область Намар и даже районы юго-восточнее долины Диялы) и Бит-Хамбан (западнее совр. Керманшаха).

Однако, за исключением прочно освоенных Ассирией (и частично лежавших даже за пределами исторической территории Мидии) областей Замуа, Парсуа и Аррапха, заселенных к началу VIII в. в значительной мере чужеземным населением, мидийские районы довольно слабо удерживались ассирийцами. Все держалось на нескольких крепостях с поселенцами из Сирии, Палестины, Вавилонии (Элензаш, Хархар, Кишессу и т. д.), а кругом них фактическая власть принадлежала мидийским вождям и «владыкам поселений»,[4] в значительной мере из

[1] Мы предполагаем, что Мидией была официально названа часть территории, ранее входившая в область Дейока.

[2] Текст Kn., 11b (=KI., 7) говорит о «перевале Сапарды», из чего видно, что Сапарда находилась в горной местности, и,– судя по месту в приводившихся выше перечислениях областей, – севернее Хамадана.

[3] Официально называлась также Кар-Шаррукин.

[4] Характерную картину в этом отношении рисуют письма Маннуки-Нинуа, областоначальника Хархара, и Набубелукина, областеначальника Кишессу (?), адресованное еще в 714–706 гг. Саргону II. Приводим ниже важнейшие отрывки из них, дающие представление о деятельности областоначальников в Мидии: а) письмо HABL, 126, написанное, повидимому, вскоре после хархарского восстания 715 г.: «О том, что царь, господин мой, писал мне: „ты должен пойти в страну мидии с вельможами" – с ними вельможи царя заключили мир, (и) мы вернулись благополучно. Я же здесь в Кар-Шаррукине (=Хархаре) сооружаю крепкие дома, (восстанавливая столько сырцовых) кирпичей, сколько они снесли; а также мы засеваем поля (и) исполняем службу, – пусть сердце царя, моего господина, будет довольно. . . » б) Письмо HABL, 127: «Пусть телохранители, подчиненные писцу и сборщикам налогов, доставят своих людей и отдадут (им их). Царь, господин мой, знает, что лошади у меня пали, пусть царь поскорее пришлет лошадей под моих всадинков; воспитанников, которые прибыли со мной, и подчинил сборщикам податей; если царь, господин мой, утвердит их, то они находится в Кальху при сборщиках податей», в) Письмо HABL, 128: «Страна царя, моего господина, благополучна. Мидяне вокруг нас спокойны и выполняют свою службу (повинности). По поводу того, что писал мне царь, господин мой: „пойди навстречу Шарруэмуранни (повидимому, ассирийскому шпиону, возвращающемуся из Мидии. *И. Д.*); я поручил тебя сыну Луду, пусть ни одна душа не увидит его, пока ты не доставишь его в Кар-Шаррукин": я ходил навстречу ему до перевала, сын Луду провожал (?) меня; никто не видал его, пока я не доставил его в Кар-Шаррукин. А что царь, господин мой, писал: „о сыне Луду [.....] из дворца к [.....] отомстили (??)" – в поселении [.....] все они спокойны и несут [свою] службу. Относительно жителей [.....], о которых писал мне царь, господин мой, – я послал к Иртуккану; если он прислал (этих) людей, то я перешлю их к царю, моему господину, – или я должен написать

прежних родов вождей, и собирать дань с местного населения можно было только путем организации вооруженных экспедиций.

Рис. 47. Царь Асархаддон. С ассирийского рельефа. VII в. до н. э.

К югу от покоренных Ассирией областей находилось полузависимое маленькое царство Эллипи (возможно, Элиманда античных авторов, с центром около Керманшаха), а еще дальше к югу – Эламская держава.

Восточнее покоренных Ассирией областей находилась территория незавоеванных мидийских племен со своими вождями и «владыками поселений». Эти области были в значительной мере заняты кочевниками-коневодами («ариби востока») и вообще экономически стояли значительно ниже западных областей, среди которых по уровню своего развития на первом месте безусловно стояла Манна.

К сожалению, хронология времени

что-нибудь царю, моему господину? Относительно хлеба (нынешнего) урожая, о котором писал царь, господин мой, – „что это, почему ты не прислал хлеба?": урожай погиб, округа очень побита (градом?). . . а дожди, честное слово, льют непрерывно», г) Письмо HABL, 129: «[По поводу забга]гцев, о которых писал царь, господин мой, я спрошу; я видел, что они входили и выходили. Напиши (туда). Теперь, после того, как Тальта вернулся, они вошли со своими родичами в Кулуман и там находятся. А когда я пришел и заключил клятвенное соглашение с кулуманцами, они примирились, и их наместник (??) помирился (??) с (нашим?) наместником. Они просили меня о поселении Забгага. . . . О том, что писал мне царь, господин мой: „[.....]",– мидяне схватили его. . . » Далее непонятный текст, в котором упоминается также автор письма HABL, 713, Набубелукин. Дата письма – очевидно, вскоре после 713 г. д) Письмо HABL, 645: «. . . Окрестные владыки поселений спокойны. . . спрашивали относительно вестей о Луту – он и Ашпабара устроили встречу между собой в Харине, людей друг у друга они перебили. Относительно Арпите (или Упните, – *И. Д.*) владыки поселения Урьяку, которое он открыл (врагам??), я расскажу царю, моему господину. Когда я отправился к царю, моему господину, он бежал в Шапарду. Набутаккинанни, раб царя, слыхал, что он и Уаксатар списались и объединились. С ним четверо его сыновей. В тот самый день, как я прибыл (обратно) в Кар-Шаррукин (= Хархар), я написал Раматеи: «пришли (своих) людей. . .» е) Письмо HABL, 713 – от Набубелукина: «Страна царя благополучна, окрестные мидяне спокойны. По поводу того, о чем писал мне царь, господин мой: „схватите сына Каракку урьякского (=Арпите? – *И. Д.*) и сместите его, назначьте на его место Рамети", как царь, господни мой, писал мне, я написал, и сына Каракку схватили, доставили его ... (а) Рамети мы послали на его место. Ашшуртэм[. . .] послал его, (но) урьякцы не со[гласились принять его. . .]. . . . . ». Ср. также псьмо HABL, 1045.

правления Асархаддона в Ассирии не вполне ясна, так как от него не дошло анналов, а лишь надписи, в которых походы изложены в основном по географическому признаку. Некоторой опорой является, однако, так называемая «Вавилонская хроника» – ведшаяся в Вавилоне летопись, отмечающая наиболее важные события истории Вавилонии и окрестных стран в хронологическом порядке. Однако, к сожалению, в текстах нет непосредственной датировки событий, развернувшихся в Мидии в правление Асархаддона, хотя ясно, что они должны были произойти до 673 г. до н. э.[1] Поскольку мидийские события вообще обернулись не в пользу Ассирии, официальные надписи о них умалчивают или обходят их, и мы знаем о них в основном из серии фрагментированных текстов запросов Асархаддона к оракулу бога Шамаша. Эти запросы, датированные днем и месяцем, не содержат указания на год.

Однако, несмотря на все эти трудности, можно попытаться установить порядок событий, происходивших в правление Асархаддона на севере и востоке.

В январе 680 г. ассирийский царь Синаххериб был убит во время богослужения одним из своих сыновей. На территории Северной Месопотамии разыгралась гражданская война, которая закончилась бегством двух сыновей Синаххериба в полунезависимую горную область Шубрию в юго-западной части Армянского нагорья и вступлением к концу того же года на престол третьего брата, сторонника жреческой и торговой партии, – Асархаддона.

Первые годы нового ассирийского царя были заняты главным образом сложными политическими и военными мероприятиями в Вавилонии, но в 679 г., как уже указывалось выше, на ассирийские пределы совершили набег киммерийцы.[2] Об этом сохранилось три сообщения. Надписи Асархаддона сообщают: «... А Теушпу-киммерийца – умман манду,[3] чье место отдаленно – я поразил оружием вместе с его войсками в земле Хубушна», после чего рассказывают о походе ассирийцев в различные области юго-восточной Малой Азии. Так называемая «Вавилонская хроника В» сообщает: «Во 2-й год. . . [кимм]ерийцы пошли на

[1] Текст «Призм A, B, и S» не включает описания похода на Шубрию, который, как мы знаем из Вавилонской хроники, произошел в 673 г. до н. э., но уже включает сообщения о событиях в Манне и Мидии.

[2] Восстановление [gi-mir-r]i в тексте «Вавилонской хроники В» оспаривали Кнудтцон и весьма энергично Клаубер. Однако оно блестяще подтвердилось после опубликования «Хроники Асархаддона». S. Smith. Babylonian Historical Texts. London, 1924.

[3] О термине «Умман-манда» см. подробно: И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства, стр. 35.

Ассирию (и были) в Ассирии перебиты».[1] Другая вавилонская хроника, так называемая «Хроника Асархаддона», говорит несколько подробнее: «Год 2-й. . . Про[изошло] побоище в (стране) Буд[а]уа и (стране) киммерийцев в Кушехну».[2] К сожалению, мы не знаем, где находилась Будауа[3] и Кушехну. Что касается Хубушны, то, как мы уже говорили, есть два предположения относительно ее локализации. Наиболее вероятно, что это – Хубишна, населенный пункт с западной стороны гор Тавра, в юго- восточной Малой Азии.

В результате ассирийцам удалось отразить киммерийцев от своих границ. В том же 679 г. мы встречаем наемные киммерийские войска в Ассирии,[4] так что, повидимому, дело закончилось миром с киммерийцами или с частью их. Тем же временем или несколько позже следует датировать и ассирийский поход против различных малоазийских правителей, упоминаемый надписями после похода на Теушпу-киммерийца.

Существование в это время мирных отношений с киммерийцами подтверждается тем, что Руса II, царь Урарту, как показал Г. А. Меликишвили,[5] в 676 или 675 г. выступил против Фригии в союзе с киммерийцами, а в 673–672 гг. мы находим Асархаддона в самых дружественных отношениях с Русой.[6] Но вскоре после этого союз Русы II и киммерийцев показался ассирийцам опасным, и до нас дошел запрос о том, не грозит ли этот союз новоприобретенным Ассирией владениям в Шубрии, на границе Урарту.

Поэтому, как кажется, отношения Ассирии с киммерийцами были мирными с 679 по 672 г. Тем более вероятно, что под «киммерийцами» запросов к оракулам, выступающими как враги Ассирии на востоке, следует понимать скифов-шкуда (запросы написаны на вавилонском диалекте, для которого, как уже указывалось, подобное употребление термина «киммерийцы» засвидетельствовано).

Вся серия фрагментов запросов к оракулу относится к периоду с 675 по 650 г. до н. э.,[7] причем число фрагментов, дошедших от правления

---

[1] KB, II, стр. 275 и сл.; AL 5 стр. 135 и сл.

[2] S. Smith. Babylonian Historical Texts, стр. 12, строка 9.

[3] Это могла бы быть страна мидийского племени будиев, т. е. западная часть центральной Мидии; однако все данные говорят скорее о том, что столкновение ассирийцев с киммерийцами произошло в Малой Азии.

[4] ADD. I. № 364. – АВИУ. № 66.

[5] Г. Л. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту, стр. 39.

[6] А именно, он выдал Русе в 673/72 г. до н. э. урартских беглецов, захваченных им при завоевании Шубрии.

[7] Среди запросов к оракулу нет ни одного упоминания событий, несомненно относящихся ко времени раньше 675 г. (например, война против Сидона, война в Халдее, строи-

Ашшурбанапала (после 669 г.), значительно меньше. Большинство фрагментов относится к 674–669 гг. При этом наиболее интересные для нас фрагменты, касающиеся Манны и Мидии, могут быть с уверенностью датированы 674–673 гг., так как события в Манне уже отражены в надписях Асархаддона, редактированных не позже 673 г.[1]

На этот период падают четыре основные серии событий, отраженные в запросах: события в Манне, события в центральной Мидии, события в Малой Азии[2] и события в Египте. Нас, конечно, должны интересовать прежде всего первые две серии.

При этом с необходимостью возникает вопрос: существует ли связ между событиями в Манне и событиями в центральной Мидии? Более ранние исследователи разъединяли эти две серии, отождествляя первую с упомянутым в надписях Асархаддона походом против Манны и скифа Ишпакая, а вторую, исходя из упоминания в ней «киммерийцев», – с походом против Теушпы-киммеринца. При этом упоминаемая в этой же серии Сапарда отождествлялась с кочевниками, вторгшимися в

тельство в Вавилоне, поход на Базу в центральной Аравии и т. п.). Нет, повидимому, указаний и на первый поход Асархаддона в Египет (в 674 г. до н. э.), но это трудно с уверенностью утверждать. Что касается времени правления Ашшурбанапала, то от него дошли лишь немногочисленные запросы по поводу вступления на вавилонский престол Шамашшумукина (669 г.), похода на Манну (659 г.) и похода на Гамиулу (654 г.) и некоторые другие. Примыкающая к группе запросов к оракулу серии фрагментов записей гаданий по печени, датированных годами правления Ашшурбанапала, доходит до 650 г. до н. э. Основная масса фрагментов запросов падает, очевидно, на 674–669 гг. до н. э., и лишь отдельные фрагменты сохранились от других лет. См.: E. C. Klauber. Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit. Leipzig, 1913, стр. LVII и сл. События в Малой Азии (Kn., 51, 55, 56a, 56, 57, 59, 60, 61 и др.), связанные с деятельностью Ишкаллу, царя Табала, и Мугаллу, царя Мелида (Мелитены), не могут относиться к тому походу в Малую Азию, который непосредственно последовал за киммерийским походом 679 г., так как тогда Мелид, повидимому, не был затронут ассирийцами.

[1] Т. е. в надписях, составленных до окончания первого похода Асархаддона на Египет, в которых поэтому названный поход не отражен.

[2] В малоазийской серии упоминается Митта, которого Кнудтцон отождествляет с Мидасом (Kn., 51, стр. 153 и сл.). Это в таком случае был бы наиболее ранний из фрагментов, так как его нельзя было бы датировать позже 676/75 г. Однако отождествление это не бесспорно. Предложенное Кнудтцоном восстановление его звания как "'Mi-it-ta-a bêl [âli] во всяком случае не может быть принято, если речь идет действительно о Мидасе: «владыка поселений» – недостаточно значительное звание для столь могущественного царя. Скорее всего в этом случае нужно было бы восстановить bêl |adê|, bêl [tâbti], bêl |ḫîṭi| или что-либо в этом роде (т. е. «принесший присягу», «друг», «виновный» – обычные семитские языковые обороты, дословно «владыка [присяги]», «владыка[добра]» или «владыка [греха]»). Остальные фрагменты малоазийской серии относятся, вероятно, к концу правления Асархаддона и связаны отчасти уже с событиями правления Ашшурбанапала (мирное посольство Мугаллу, теперь уже «царя Табала»).

Лидию, которую впоследствии персы называли (по ее столице Сфарт, греч. Сарды) Спардой.[1] Однако несомненно, что в запросах имеется в виду неоднократно[2] упоминающаяся в ассирийских источниках мидийская область Сапарда, или Шапарда. Поскольку в настоящее время можно считать установленным, что поход против Теушпы состоялся в 679 г., постольку трудно связывать его с серией событий в центральной Мидии, упоминаемой в запросах к оракулу, так как эти события, как мы видели, относятся к 674–673 гг. Кроме того, упоминаемый в этой серии скифский царь Партатуа – несомненно Прототий Геродота, отец Мадия, действовавшего в середине VII в.; поэтому наиболее вероятно, что он являлся и предшественником Мадия и что, таким образом, его следует поместить не до, а после Ишпакая, упомянутого надписями Асархаддона в связи с маннейским походом и, как можно заключить из текстов, погибшего во время него.

Исходя из всего вышеизложенного, нам кажется наиболее естественным считать, что события в центральной Мидии были связаны с событиями в Манне, являясь их продолжением или отголоском. Принимая это положение, попытаемся расположить известия, которые можно извлечь из фрагментов запросов к оракулу, в хронологическом порядке и разобраться в вероятном ходе событий.[3]

Наиболее ранними документами и мидийской серии представляются мне запросы, касающиеся сбора дани с мидийских провинций Ассирии: Kl 22; Kn., 32, 33; Kl., 19, 20; Kn., 30, 31; Kl., 14. Чрезвычайно характерно, что только в мидийских провинциях положение было таково, что сбор дани в них представлялся рискованной экспедицией, о благополучии исхода которой необходимо было запрашивать оракулов.[4]

Началом мидийских событий было, вероятно, обращение к ассирий-

---

[1] Ср. также др.-евр. Səphārād: Obad., 20. В этой книга Сефарад (=Сапарда или Спарда?) назван местом пленения жителей Иерусалима (ошибка: вместо «Израиля»?).

[2] Например: KS, Анналы, строки 73, 84 и мн. др. (в надписях и письмах).

[3] Относящиеся к ним фрагменты запросов к оракулу бога Шамаша переведены нами в «АВИУ» (№ 68, стр. 223 и сл.). Однако при переводе мне не были доступны дополнения Клаубера к первоначальному изданию Кнудтцона (J. A. Knudtzon. Assyrischo Gebete an den Sonnengott. Leipzig, 1893). Книга Клаубера (E. G. Klauber, ук. соч.) отсутствует в библиотеках Москвы и Ленинграда и стала мне доступной лишь позже выхода в свет переводов «АВИУ».

[4] Действительно, взысканная дань не всегда прибывала на место: так, наместник Ашшурбелусур, которого царь Асархаддон запрашивает относительно отправки в Вавилон воинских частей с данью, сообщает царю, между прочим, о том, что собранные из Бит-Кари мулы не прибыли к месту назначения. Дань должна была быть доставлено в Вавилон,– потому, вероятно, что тогда там находился Асархаддон (HABL, 242).

ским властям трех восточномидийских правителей, изгнанных из своих областей восставшим населением. Это – последнее из событий, перечисленных ранними вариантами надписей Асархаддона,[1] причем описание его по своему месту в надписи выпадает из общей географической схемы, которой эти надписи подчинены, поэтому, надо полагать, оно относится к последним по времени событиям и добавлено к готовой уже схеме надписей позже. Так как данные надписи составлены не позднее 674 г. до н. э., то к этому именно году и следует отнести начало мидийских событий. О них надписи Асархаддона[2] говорят следующее: – ассирийские войска совершили поход на «страну далеких мидян», на краю Соляной пустыни (Дешт-и Кевир) у горы Бикни (Демавенда),[3] в область Патуш'арра (ср.-перс. Падашхвар,[4] др.-перс. *Pātiš(h)uvar-, более позднее Хоарена). При этом были захвачены два «владыки поселения» (bêl âli), один – с иранским именем Šiṭirparna (=*Čiϑralarna – «слава потомства»), второй, Epardu, – может быть, с эламо-каспийским именем,[5] вместе с их людьми и скотом.[6]

Этому походу или последовавшему за ним сбору дани с той же территории посвящен, повидимому, также сильно фрагментированный запрос к оракулу Kl, 21 (=Kn., 33), который перечисляет в числе различных вероятных объектов ассирийского нападения также крепость Андарпати[ану], упоминавшуюся ранее в надписях Саргона II в связи с походами 713 и 714 гг. Из этих трех упоминаний видно, что Андарпатиану (Андирпаттиану) следует искать где-то восточнее Сапарды, недалеко от района нынешнего Казвина. Одно уже это обстоятельство должно удержать нас от распространенного сопоставления названия «Андарпатиану» с термином «Азербайджан», если бы для этого сопо-

[1] «Призмами A, B, S».

[2] Наиболее полно – Призма A, IV, 8 и сл. (I R, 45 и сл.).

[3] Гора эта названа «горой лазурита», так как ассирийцы получали этот полудрагоценный минерал от мидян, живших в этом районе. На самом деле, как уже указывалось, лазурит в Мидии не добывался, и мидяне сами получали его из более восточных областей (из Бактрии).

[4] Бундахиши, XII; сочетание hv- вполне могло быть по-ассирийски передано «хамзой», на произношение которой указывает написание с «разрывом слогов»: Pa-tu-uš-ar-ra; выпавшее v обусловило огласовку на -u- предыдущего слога. Чередовано hv=χv вполне обычно в иранских языках. «Патишхвар» означает, собственно, как указывает Штрек (Streck, ZA, XV, стр. 363), «(горы), лежащие перед Хваром» (Хоареной, XI районом нашей классификации, ныне район Семнана). См. также: B. Sach au. Glossen zu den historischen Inschriften Assyrischer Könige. ZA, XII, стр. 51.

[5] Эламск. Eparti? Старое чтение этого имени – Eparna – не подтвердилось.

[6] Перечисляются лошади (sîsê rukkubi – колесничные или верховые кони? Или кони и повозки?). Кроме того, крупный и мелкий рогатый скот, ослы и двугорбые верблюды.

ставления даже не было бы серьезнейших лингвистических препятствий.[1]

Во время этого успешного для ассирийцев набега на восточную Мидию к ассирийскому полководцу обратились за помощью три вождя («владыки поселений») «далеких мидян» – Уппис, правитель Партакки, Занасана, правитель Партукки, и Раматея, правитель Ураказабарны.[2] Хотя во всех трех случаях в тексте стоит детерминатив, поселения, однако это, повидимому, нередкая в ассирийских текстах небрежность; большинство исследователей согласно с тем, что имеются в виду области. Партакка – это, вероятно, Партакану текстов Саргона, т. е. Паретакена, район современного Исфахана. По мнению Штрекка, Партукка – это то же название, Spielform предыдущего. Следует указать на то, что в ассирийских текстах действительно излюбленный прием – помещать рядом в списках рифмующиеся или сходно звучащие названия, иногда варианты одного и того же. Но здесь, где названии всего три, следует все же полагать, что речь идет о трех разных областях. Можно предположить, что Partukka – форма имени (уменьшительного?) с характерным для мидийского языка суффиксом -ka, избранная ради ее сходства с Partakka, но являющаяся все же вариантом не этого названия, а ассир. *Partua, *Partuma, т. е. иранск. Parθava – «Парфия».

[1] Отождествление этого названия с термином «Азербайджан» восходит к Кнудтцону (J. A. Knudtzon, ук. соч., II, стр. 127), который полагает, не приводя никаких обоснований своему мнению, что «Атропат» было первоначально именем города, лишь позже перенесенным на людей (?!). Однако он читает в данном документе «Антарпати» вместо «Андарпати[ану]», не заметив, что это название встречается и в других ассирийских текстах. Историю термина «Азербайджан» и его различные формы мы можем проследить довольно далеко вглубь времен: через средневековые формы Āδarbaijān, Āδurbaigān, Āturbaδgān этот термин восходит с полнейшей закономерностью к мидопарфянской форме *Āturpātkān, засвидетельствованной в древнеармянском (Atrpatakan) и являющейся обычнейшим случаем прилагательного на -kān, которое применялось для обозначения местностей и образовывалось от имен собственных (как, например, Anahtakān от Anāhit, Friyapatikān от Friyapati и множество других). В данном случае это образование от имени собственного Āturpāt, Ātarēpāt; греки от того же имени образовывали название страны с суффиксом названий местностей -ēnē: Atropatēnē. Имя Āturpāt, Ātropatēs имеет безупречную иранскую этимологию («хранимый священным огнем»), как и большинство собственных имен этого времени (что, в условиях распространения учений, связанных с именем Заратуштры, за пределы иранских народностей, не говорит само по себе ничего об этнической принадлежности их носителей). Возвести элемент Atro-, Atur- к andar-, andir-, andarz- и т. п. лингвистически но представляется возможным, и аналогий для такого звукового перехода у нас не имеется. На это указывали уже Нельдеке и Штрек против Роста, Клаубера и Кнудтцона.

[2] Имена второго и третьего правителей – хорошие иранские: Zanaχšāna- (ассир- š = «ш»)– «обладающий племенем», «родовитый», Rāmatav(y)a- (ср. вариант ассир. Ramutûa) – «радостно-мощный». Но первое имя – Уппис – не имеет иранской этимологии.

Имеется в виду, конечно, лишь какая-то часть будущей Парфии. То обстоятельство, что область отнесена к числу мидийских, не должно нас смущать: ведь и Хоарена-Патуш'арра впоследствии причислялась к Парфии. Как мы уже указывали, самый термин «Парфия» (Parθava) означает «окраину».

Третья область – Ураказабарна (или Ураказапарна) – пока не поддается локализации.[1]

Правители этих трех областей обратились, как сказано, к ассирийцам за помощью против «начальников поселений», которые пытались изгнать их из их областей, и послали дары в виде жеребцов и лазурита. На помощь им были посланы окраинные ассирийские областеначальники, которые привели, по данным надписей Асархаддона, к покорности восставшие поселения и обложили трех правителей ежегодной данью. Дань эта имела для ассирийцев большое значение: она собиралась лошадьми и должна была служить для пополнения конского поголовья ассирийской армии в связи с вынужденным, как мы увидим, прекращенном поступления коней из Манны, откуда ассирийцы их обычно получали.

Однако тут-то и возникли трудности. Собрать дань со всей обширной и фактически совершенно не покоренной мидийской территории оказалось невозможным. Судя по упомянутому выше запросу к оракулу (Kl.,21), во время похода на Патуш'арру (?) ассирийцы опасались нападения с тыла со стороны Сапарды[2] и других «покоренных» мидийских областей.[3]

С большой опасностью для ассирийцев был сопряжен сбор дани областеначальниками и в других мидийских областях: в Бит-Кари (Kl., 19 – в улуле, т. е. в августе–сентябре, по всей вероятности, 674 г.), в Кар-Кашши (что, вероятно, то же самое, что Бит-Кари; Kl., 14), в Мадай (Kn., 31) и т. д. Положение осложнилось еще более к концу года, тогда к сопротивлению местного населения сбору дани прибавились нападения скифов на ассирийские отряды (в областях Бит-Кари и Мадай, Kl., 20; в областях Бит-Кари и Сапарда, Kn., 30; последний запрос датирован месяцем аддаром, т. е. февралем–мартом, вероятно, 673 г. до н. э.).

Скифы могли здесь появиться, конечно, только через маннейскую территорию, и поэтому нам необходимо выяснить, что около этого вре-

---

[1] Название само – иранское (Varakasa-farna, ср. Яшт XIII, 113, или Vnrkazana-farna?).

[2] В тексте [. . . .]x-da-a-a; неясный знак Кнудтцон читал id, Клаубер колебался между id и ud (=par); как кажется, только [$^{am\hat{e}i}$ Sa-p]ar-da-a-a может дать смысл контексту.

[3] Имелось упоминание также и других племен, но название их не сохранились.

мени (быть может, немного раньше) происходило в Манне. О походе на Манну ассирийские надписи говорят чрезвычайно бегло, скороговоркой – верный признак отсутствия настоящего успеха: «Я рассеял людей Страны Маннеев, неусмиренных кутиев, побил оружием войска Ишпакая, скифа, союзника, не спасшего их». Запросы к оракулу бога Шамаша,[1] к сожалению, лишенные в данном случае каких бы то ни было датировок, показывают, что инициатива принадлежала маннеям. Ассирийский царь запрашивает бога, удастся ли маннеям захватить в свои руки ассирийские крепости Шарруикби и Дур-Эллиль (а также другие, названия которых не сохранились). Некоторые крепости, и в том числе Шарруикби, маннеям действительно удалось захватить, и Ассирия вернула их себе лишь через много лет.

В большинстве запросов маннеи фигурируют одни, без союзников; но затем выясняется, что к ним присоединились «киммерийцы». Впервые речь о них идет в письме некоего Белушозиба, предсказателя-вавилонянина на ассирийской службе, к царю Асархаддону.[2] Из этого письма выясняется, что были какие-то переговоры с «киммерийцами», и они обещали не вмешиваться в ассиро-маннейские отношения; однако автор письма высказывает мнение, что не следует доверять этому обещанию,[3] и дает царю советы относительно наилучшего способа перехода перевала, ведущего на маннейскую территорию, и разведки против маннеев и против киммерийцев как их вероятных союзников. Упоминается «Белхабу маннейский»; как указывалось, это, возможно, имя тогдашнего маннейского царя (хотя имя это – аккадское). К этой же ситуации, по всей вероятности, относится запрос об исходе похода на маннеев (Kn., 42), далее маленький фрагмент запроса к оракулу (Kn., 24), где киммерийцы упомянуты в неясном контексте в связи с именем маннейского царя Ахсери[4] (как враги – неясно, ассирийцев или маннеев?), а также фрагмент письма[5] царевича Ашшурбанапала к царю Асархаддону относительно разведки против киммерийцев.

Однако затем на территории Манны оказываются уже не кимме-

[1] Kn., 16, 19, 20, 41- Kl, 10; Kn., 42 и 24.

[2] HABL, 1257. – АВИУ, № 69, 2 стр. 231 и сл.

[3] При этом он называет «киммерийцев» «племенем беглых». Если имеются в виду действительные киммерийцы, то, возможно, что это намек на переданную впоследствии Геродотом легенду об их бегстве от скифов.

[4] В ассирийском диалекте – Aḫšêri, с тем же чтением Aḫsêri, что и здесь, в запросе, написанном по-вавилонски. Ахсери умер в 659/58 г.; он был, возможно, преемником Белхабу, если последний действительно был маннейским царем.

[5] HABL. 1026. - АВИУ, № 69, 3.

рийцы, а скифы-шкуда. Запрос к оракулу (Kn., 48), датированный месяцем симаном (маем–июнем, вероятно, 674 г.), касается того, выйдет ли в течение месяца «войско скифов, которые живут (или: пребывают) в области Страны маннеев (и) которые пришли на границу Страны маннеев» «из перевала Хубушкии на поселения Харраниа и Анису,[1] разграбят ли, полонят ли многочисленную добычу, тяжкий полон с границ Ассирии?». Таким образом, скифы с территории Манны угрожают напасть через перевалы Хубушкии (область в долине реки Бохтан, к югу от Байского озера) на пограничные ассирийские территории. Что в этом скифском предприятии принимали участие и маннеи и что скифы были союзниками маннеев, видно из запроса к оракулу Kn. 38, касающегося посылки ассирийского гонца в Хубушкию, причем высказывается опасение о возможном нападении на него маннеев и, повидимому, скифов.[2] Из этого видно, что Манна в это время граничила с Хубушкией, что предполагает занятие маннеями западного побережья Урмии и даже верховьев Большого Заба (Мусасира). Это было, конечно, результатом поражения Ассирии в ассиро-маннейской войне, упоминаемой в запросах к оракулу Kn., 16, 19, 20, 41, 42, и Kl., 10, еще до выступления скифов.

Наиболее интересно то обстоятельство, что скифы выступают здесь в той же роли – союзников, находящихся на территории Манны, – в какой выступают и «киммерийцы». Этому может быть два объяснения: 1) во время общего движения киммерийцев из центрального Закавказья в Малую Азию часть их откололась от общей массы и соединилась со скифами, вместе с ними вступила на территорию Манны и сделалась ее союзником; 2) под «киммерийцами» вавилоноязычные источники (к которым относятся и запросы к оракулу), а иногда и ассироязычные в ряде случаев имеют в виду также и скифов-шкуда. Последнее нам кажется более вероятным.

Таким образом, Манна как данник и союзник была в 674 г. для Ассирии потеряна. Как полагает Камерон, в связи с этим ассирийцам, между прочим, пришлось перестроить свою систему снабжения армии конским поголовьем, что, как мы видели, привело к усилению грабежа в Мидии.

---

[1] Так читает Клаубер (ук. соч., стр. LIX). Кнудтцон читает Анисус[киа]. Анису – поселение в области Хабху, на юго-восточной границе Урарту (HABL, 173); Анисускиа нам из других источников не известна. Харраниа – возможно, то же, что Харруна, или Харрана, крепость в западной части «Внутренней Замуа», упоминаемая ассирийскими источниками IX в.

[2] А также еще одного народа, имя которого (как и имя скифов, лишь предположительно восстанавливаемое, исходя из общей ситуации) не сохранилось.

Все эти события должны были разыграться до того, как скифы проникли на территорию ассирийских провинций в Мидии, расположенных к югу от Манны. Если уже война на рубежах Манны должна была помешать ассирийцам бросить большие силы на завоевание восточной Мидии, то вторжение скифов в нейтральную Мидию поставило под вопрос само ассирийское господство в уже ранее завоеванных провинциях.

Скифы появились в центральной Мидии, повидимому, не позже конца 674 г., потому что к февралю 673 г., как мы видели, относится запрос относительно судьбы ассирийской экспедиции для сбора дани в мидийских провинциях Бит-Кари и Сапарда. (Неясно, были ли скифы там уже раньше, например, летом 674 г., так как датированный, повидимому, этим временем фрагмент Kl., 19 настолько разрушен, что из него ничего извлечь невозможно).

Скифы были естественным союзником для мидян, готовившихся к открытому сопротивлению Ассирии, тем более что в союзе со скифами были еще и маннеи.[1] Есть данные о том, что и Элам готов был поддержать повстанцев;[2] таким образом, все народы от Куры до Персидского залива единым фронтом могли выступить против ненавистного ассирийского ига.

4. Ход восстания Каштарити в Мидии

Восстание мидян вспыхнуло, по всей вероятности, около ассирийского нового года – в марте–апреле (нисане) 673 г.[3] Душой его был Каштарити, «владыка поселения» Кар-кашши. Ему удалось привлечь на свою сторону Мамитиаршу, бывшего «владыкой поселения» в провинции Мадай,[4] и Дусанни, бывшего «владыкой поселения» в провинции

[1] И однако о большинство запросов, связанных с восстанием (кроме Kn., 25 и 38), скифы вовсе не упоминаются, хотя, как указано, они уже находились в самой Мидии, а упоминаются киммерийцы. Это опять-таки заставляет нас думать, что под киммерийцами в этих вавилоноязычных запросах имеются в виду «шкуда».

[2] Ср. упоминание Элама во фрагментах запроса к оракулу относительно Каштарити (Kn., 4).

[3] Самые ранние из датированных запросов, относящихся к ходу этого восстания (Kl., 4 и Kn. 1), – от 3 айара (конца апреля 673 г.), но в них Дусанни и Мамитиаршу уже выступают как союзники Каштарити; следовательно, запросы, касающиеся первых переговоров Каштарити с Дусанни и Мамитиаршу (Kn., 2 и Kl., 13), должны быть отнесены к еще более раннему времени; судя по выражению «послушает ли его Мамитиаршу. . .в этом году будет ли враждовать с Асархаддоном. . .», запрос сделан в самом начале года, т. е. в месяце нисане (марте–апреле).

[4] Именно так нужно понимать знание Мамитиаршу в запросах; не следует думать, что он был единственным мидянином в союзе, как иногда полагают. Все три вождя восстания

Сапарда. Под «владыкой поселения» здесь надо, разумеется, понимать не vīspati, а dahyu-pati: каждый из трех вождей был вождем местного населения в одной из трех ассирийских провинций (Бит-Кари, Мадай, Сапарда), областеначальники которых и раньше имели столько трудностей при осуществлении ассирийской власти. По всей вероятности, для удобства сношений с местным населением и чтобы иметь человека, который обладал бы авторитетом среди него и в то же время головой отвечал бы в случае невзноса дани, ассирийцы признавали для каждой провинции одного определенного местного вождя, который уже тем самым делался dahyupati из vīspati. Реально его власть, основанная на его авторитете, как родо-племенного вождя, была в провинции, вероятно, не меньшей, если не большей, чем власть ассирийского областеначальника.

Таким образом, население трех провинций выступило совместно под начальством трех равноправных вождей. Но фактически, судя по тону запросов, бесспорным было главенство Каштарити. Весьма вероятно, что он был формально избран военным вождем мидийского племенного союза, хотя это избрание не отразилось на том, как обозначают Каштарити ассирийские документы, так как ассирийцы, естественно, этого избрания не признавали.

В надписях Асархаддона война с Каштарити, по всей вероятности, отражена в виде следующей весьма неопределенной декларации: «Я растоптал страну Барнаку, коварного врага, обитателей (страны) Тилашурри, имя которой[1] зовется в устах людей Мехрану[2] „(город) Питану"». Из этого видно, что основным театром военных действий был район к югу от современного Хамадана.[3] Неопределенно-хвастливый

были мидянами, причем три центра восстания: Кар-кашши (Колония касситов), Мадай («Мидия», т. е. официальная ассирийская провинция этого названия) и Сапарда – соответствуют упоминавшимся в запросах о сборе дани ассирийским провинциям в Мидии – Бит-Кари («дом колонии»), Мадай и Сапарда.

[1] Или «которых» (т. е. людей страны Тилашурри).

[2] Или «Михрану» (так в «Призмах B и S»). Термин этот детерминируется как «город» или «страна» и в IX–VII вв. до н. э., кроме как здесь, не встречается; но из сопоставления с текстом Тукульти-Нинурты I и текстами Тиглатпаласара I (см.: АВИУ, № 13.–АКА, стр. 116) и Ададнерари II (АВИУ, №№ 20, 21.– КАН, II, №№ 83, 84) можно заключить, что «мехри», или «мехрану», было обозначением какой-то части местного населения западной Мидии.

[3] Тилашурри, как мы видели выше, находился рядом с «Крепостью вавилонян» (Сильхази) или даже совпадал с ней. Так как в I тысячелетии нередко смешивали понятия «касситов» и «вавилонян», то вполне вероятно, что «Крепость вавилонян» – это то же самое, что «Колония касситов» (Кар-кашши), правителем которой был Каштарити; а Кар-кашши была, вероятно, центром провинции Бит-Кари, которую, по соображениям, приводимым,

тон сообщения не дает основания видеть здесь действительно ассирийскую победу. Как обстояло дело в действительности, показывают запросы к оракулу.

Одновременное выступление трех вождей и их союз со Скифским царством (вероятно, с Ишпакаем) и с Манной (вероятно, с Ахсери) позволило повстанцам действовать сразу на нескольких фронтах. Восстание распространялось со скоростью пожара и быстро вышло за пределы первоначальных трех провинций. Уже в самом начале месяца айар (апрель–май) мы видим войска Каштарити в соседней провинции Кишессу, осаждающими ее главную крепость того же названия (в тексте «Кишассу»);[1] в качестве его союзников названы «киммерийцы» (т. е. скифы- шкуда?), «мидяне» (т. е. люди Мамитиаршу) и маннеи.[2] В тех же числах ассирийцы запрашивают и о судьбе других, находящихся под угрозой крепостей – Карибту,[3] осажденной теми же войсками, и крепости, имя которой не сохранилось,[4] осаждаемой Дусанни сапардским, причем предполагается помощь осаждающим также со стороны «Каш-

следует отождествить с районом Хамадана. «Питану» (на мехранском языке, т. е. на языке местного поселения) – повидимому, то же что «Падан» II тысячелетия до н. э., т. е. район к северу от Элами, прилегающий к верховьям Диялы. Барнаку некоторые исследователи сопоставляют с Бит-Бунаки, областью, упоминаемой Синаххерибом в числе североэламских. Сопоставление Б(П)арнаку с парнами-даями (сакско-парфянским племенем в современной Туркмении) вряд ли может выдержать критику.

[1] Kn., 1 – запрос на 100 дней, начиная с 3 айара, о том, «будь то Каштарити с его войском, будь то войско киммерийцев, будь то войско мидян, будь то войско маннеев, будь то какой бы то ни было враг – задумывают ли они, замышляют ли они? Будь то осадой, будь то силой, будь то боевыми действиями, битвой и сражением, будь то [прол]омом(?), будь то подконом (осадными орудиями), будь то насыпью, будь то [таран]ом, будь то голодом, будь то клятвой именем бога или богини, будь то доброй речью и мирным договором, будь то какой-либо хитростью для взятия городов – возьмут ли они город Кишассу, войдут ли в этот город Кишассу, покорит ли этот город Кишассу рука их, будет ли причислен к их владению?».

[2] Вероятно, к описываемой ситуации отиосится интересное письмо из Куюнджикского архива, адресат и отправитель которого не известны, написанное на вавилонском диалекте (HABL, 459). Начало его не сохранилось; далее следует: «„Отправляйтесь в На[мар]!", но он не послушался и они не вышли; а Кинеай (?) и Синшаррусуранин, которые отправились, увели с собой 300 человек, в том числе старых и малых. Люди (здесь) против даров (царю?), – видно, никто не выполнит царского приказа. Быть может, царь, господин мой, скажет: „А где же вы?"–С тех пор как свободные (??) выведены (?), мы в Кишессу стоим гарнизоном в цитадели (ina ^{al}Ki-ši-si ina ^{al}bir-ti šu-la-ni); в Лахиру мы не ушли. Быть может, царь, господин мой, скажет: „что может, пусть с[делает]!"» Повидимому, в письме речь идет об эвакуации ассирийцев из угрожаемой провинций Кишессу в Намар и соседний с ним город Лахиру (резиденцию матери Асархаддона, чрезвычайно влиятельной царицы Накии).

[3] Аккадск. karibtu – «благословенная»; настоящее имя этой крепости и ее местоположение не известны. См.: Kl., 1 = Kn., 12. Запрос датирован самыми первыми числами айара.

[4] Kl., 4=Kn., 8. Запрос на срок от 3 айара до 2 симана.

тарити, [владыки поселения Кар-кашши с его] могучими [силами], к[иммер]ийцев, маннеев, [мидян]» и т. д.,; 4 айара состоялся запрос о судьбе крепости Ṣu-ba-[. . .] - может быть, Сибара или Сибура в районе совр. Зенджана, – осаждаемой войсками Каштарити и тех же его союзников; 6 айара ассирийский царь запрашивает – уже со сроком всего только на 7 дней, так как на более длительный срок осады, видимо, не рассчитывает – о судьбе осажденной крепости Ушиши (?). К сожале-

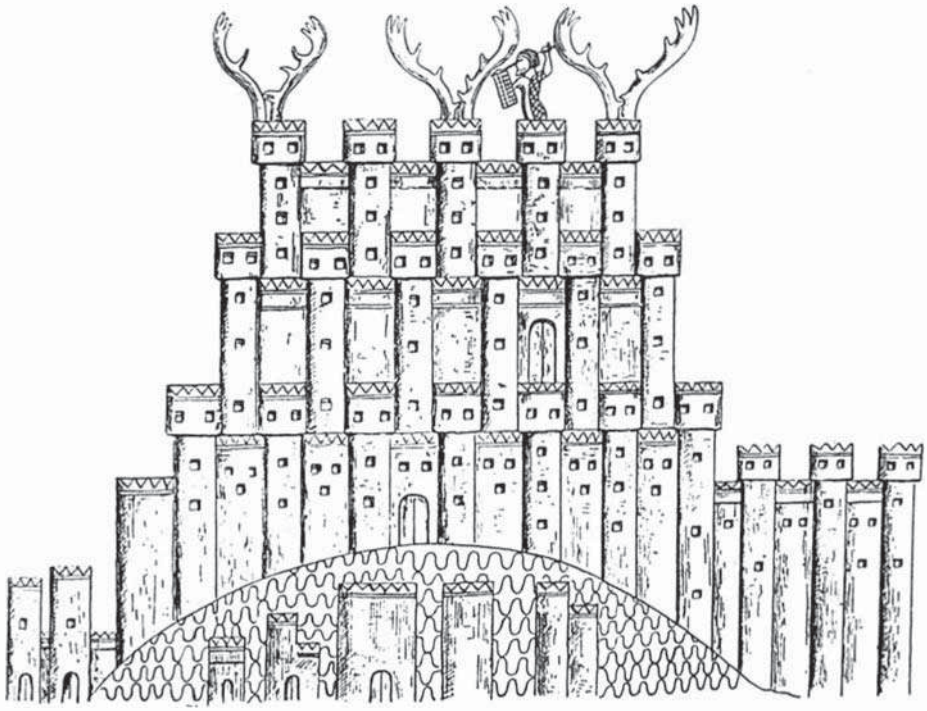

Рис. 48. Мидийская крепость Кишессу. По ассирийскому рельефу из Дур-Шаррукина. Конец VIII в. до н. э.

нию, нам неясно местоположение всех этих крепостей, однако несомненно, что они были расположены на довольно широкой территории. Весьма важным обстоятельством является факт осады мидянами ассирийских крепостей, что свидетельствует не только об их переходе к совершенно новой тактике, но и о полном перевороте в области стратегии и военно-технических достижений. Войско, которое решалось на осаду ассирийского административного центра, каким была, например, крепость Кишессу,–это уже не то войско, которое покидало свои поселения и укрывалось в горы при приближении армии ассирийских захватчиков. Несомненно, что здесь сказался многолетний опыт, приобретенный мидянами в войнах с ассирийцами. Кроме того, возможно,

Каштарити полагался и на своих кочевых союзников с их специфической конно-стрелковой тактикой, которой можно было рассеивать ассирийские колонны на дальних подходах к осаждаемым крепостям, что освобождало бы мидянское ополчение от необходимости сражаться в сомкнутом строю с пока еще лучшей в мире ассирийской тяжеловооруженной пехотой и давало им возможность сосредоточить все силы на осаде. Однако это, конечно, пока может быть не более как догадкой. Так или иначе, в начале айара (середине апреля?) 673 г. восстание охватило значительную территорию – всю центральную Мидию, причем повстанцы действовали наступательно и угрожали осадой и взятием сразу многим ассирийским крепостям.

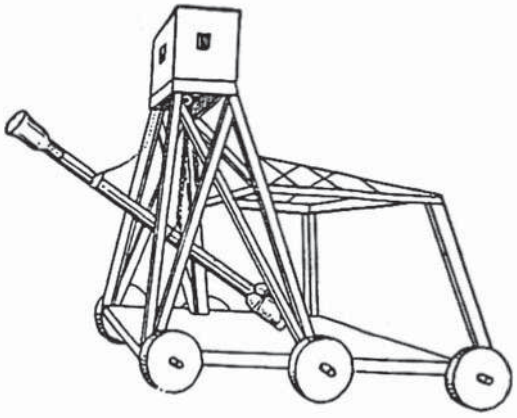

Рис. 49. Остов ассирийского тарана. Реконструкция на основе ассирийских изображений.

К 10 айара относится запрос ассирийского царя к оракулу относительно предполагаемого ассирийского контрнаступления. Ассирийцы предполагают пройти через «перевал Сапарды»[1] и занять – вероятно, как плацдарм для дальнейшего наступления – крепость Кильман. Штрекк[2] отождествляет ее с поселением Кулуман, упомянутым в письмах из ассирийского царского архива[3] и находившимся, повидимому, в южной части провинции Хархар, в которую, как указывалось выше, первоначально входила и Сапарда. Видимо, речь идет о походе на восставшую Мидию с юга, о котором упоминается и в надписях Асархаддона.[4] Однако ассирийский поход, повидимому, не имел успеха: в месяце симане (мае–июне) повстанцы вновь угрожают какой-то крепости,[5] а в середине июня (25 симана) составляется запрос (от которого, к сожалению, почти ничего не сохранилось, кроме имени скифов-ишкуза» – в данном случае не «киммерийцев»),[6] относящийся уже к про-

[1] Читать, вероятно, все же: ni-ri-bi šâ ᵃⁱSa-par(!)-du вместо ᵃSa-an-du текста Kl., 7=Kn., 11b.

[2] S t r e c k, ZA, XV, стр. 366.

[3] Это поселение упомянуто в письмах ассирийского архива дважды (HABL, 129 и 1046), в связи с Эллипи и Уриаку в провинции Хархар.

[4] Ср. упоминание «Области Речки» в запросе к оракулу Kn., 85.

[5] Kn., 11a.

[6] Kn., 36.

винции Бит-Хамбан далеко на юго-западе. К этому же времени нужно отнести и запрос об угрозе не названного по имени противника (вероятно, все того же Каштарити), нависшей над Сиссирту,[1] «крепостью хархарцев, что расположена на границе Элама». Крепость эта нам известна: она была отнята у Эллипи и присоединена к провинции Хархар Синаххерибом; расположена она была в области Бит-Барруа, подвергавшейся в свое время завоеванию урартами, а затем Тиглатпаласаром III. Таким образом, повстанцы уже находились, видимо, в долине Диялы. Вся «ассирийская» Мидия, кроме Замуа и Парсуа, была для Ассирии потеряна, и Каштарити угрожал последним перевалам, ведшим в Месопотамскую низменность. Уже и в Парсуа было неспокойно: может быть, к этому времени надо отнести письмо областеначальника Парсуа, Набуриманни, к царю Ассирии.[2] Автор письма[3] доносит о том, что люди племени залипцев были перехвачены маннейскими войсками во время доставки ими дани лошадьми в столицу Парсуа, Никур; четверо из них бежали и прибыли в Никур, где и доложили о происшедшем областеначальнику; последний просит царя прислать воина из его личной охраны для допроса беглецов. Поскольку залипцы доставляли дань в столицу Парсуа, очевидно, что их племенная территория входила в состав этой провинции; однако маннеи могли совершать сюда успешные рейды.[4]

Положение складывалось чрезвычайно неблагоприятно для Ассирии, тем более что в ее тылу, в Финикии, назревали серьезные события и еще не была закончена война с Египтом. Помимо того, повидимому,

[1] Ṣiṣṣirtu (Kn., 72).

[2] HABL, 165/

[3] По мнению Форрера, он занимал важнейшую в это время должность «начальника глав», см.: E. Forrer. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches, Leipzig, 1921. стр. 89 и 94; Форрер делает вывод о том, что провинция Парсуа была прикреплена в качестве кормления к должности «начальника глав». Однако мы знаем лишь, что некий Набуриманни занимал эту должность после 648 г., будучи эпонимом неотождествленного года в конце правления Ашшурбанапала; в начале же правления Ашшурбанапала и в конце правления Асархаддона должность «начальника глав» занимал Ша-Набу-шу, командовавший в походе 669 г. на Египет. Поэтому если принять предположение Форрера, то письмо HABL, 165 надо датировать не этим временем, а второй половиной правления Ашшурбанапала.

[4] Конечно, возможно также, что это событие следует датировать предыдущим, 674 г. Однако из текстов запросов к оракулу видно, что маннеи продолжали и в 673 г. находиться в состоянии войны с Ассирией, и по общей ситуации более вероятно, что письмо Нибуриманни относится именно ко времени общего наступления на восточные границы Ассирии. Военные операции 674 г., как кажется, проходили севернее. С другой стороны, как указывалось, – быть может, данное письмо следует отнести вовсе не к правлению Асархаддона, а к 659 или 653–652 гг.

в связи с мидийскими событиями, участились случаи социального протеста угнетенных масс трудящегося населения в самой Ассирии, судя по тому, что еще до окончания мидийской войны Асархаддон был вынужден совершить поход в лесную область Армянского нагорья – Шубрию – специально для поимки многочисленных беглых рабов и земледельцев, сбегавшихся сюда с ассирийской территории.[1] Несомненно, что они бежали и в Мидию, так как здесь они были недоступны ассирийским карателям. Дальнейшего развития событий в Мидии в течение второй половины 673 г. мы не знаем,[2] но, повидимому, решительного улучшения в положении ассирийцев не наступило, и в начале нового, 672 года ассирийцы пытаются завязать с Каштарити переговоры.

К вождю повстанцев посылался не один гонец, что видно из многочисленности запросов к оракулу, относящихся к отправке гонца к Каштарити.[3] Наиболее ранний из запросов сделан накануне ассирийского нового года, т. е., вероятно, в начало марта 672 г.[4]

При этом ассирийцы стремятся поссорить между собой союзников и с этой целью ведут переговоры с каждым из них в отдельности; так, сохранился запрос к оракулу относительно посылки гонца к Мамитиаршу.[5] Таким же порядком, по всей вероятности, были завязаны переговоры и со скифами.

Как мы уже указывали, в течение почти всего восстания запросы к оракулу упоминают только «киммерийцев»; «скифы» («ишкуза») начи-

[1] См.: АВИУ, № 67, стр. 218 и сл.; № 63, стр. 215 (дата «октябрь–ноябрь 672 г. в прим. 8 на той же странице ошибочна: надо читать «ноябрь–декабрь 673 г.»).

[2] Как указал уже Клаубер, совершенно ни на чем не основано утверждение Прашека о переговорах ассирийского полководца Ша-Набу-шу с Каштарити под стенами города Амуля (J. v. Prasek. Geschichte der Meder und Perser, I. Gotha, 1906, стр. 118). Два запроса, касающиеся похода на Амуль (Kn., 17 и 18=Kl., 9), не могут быть точно датированы и локализованы, и мы не имеем оснований помещать наш Амуль в Мидии. Он не имеет никакого отношения к современному городу Амоль на иранском побережье Каспийского моря, так как название Amōl закономерно восходит к *Amarda- (древнему названию реки Кызыл-узен и обитавшего здесь племени). Каштарити в связи с Амулем не упоминается.

[3] Kl., 6 (относится к предполагаемой посылке гонца), 5 (Kn., 9), 3 (?Kn., 3) и 12 по поводу уже отправленных гонцов).

[4] Запрос Kl., 6 датирован аддаром (февралем–мартом) и относится к отрезку времени до середины (?) нисана следующего года (начинавшегося с этого месяца). Невозможно предполагать, что переговоры относятся к февралю–марту 673 г., т. е. к периоду до восстания, так как в запросах относительно отправки гонцов уже упоминаются союзники Каштарити, с которыми он вступил в соглашение, по всей вероятности, лишь в нисане (марте–апреле 673 г.).

[5] Kn., 25. Мамитиаршу в сохранившейся части запроса не упомянут, но надо полагать, что он имеется в виду, поскольку в качестве места, куда отправляется гонец, названа не Кар-кашши, а «Страна Мадай».

нают снова упоминаться лишь под конец, в маленьком фрагменте запроса (Kn., 36), относящемся к военным действиям в провинции Бит-Хамбан, а также в запросе об отправке гонца к Мамитиаршу (Kn., 25), где они упомянуты наряду с «киммерийцами». Это может быть случайностью (небрежностью или неточностью писца), а может и отражать процесс выделения скифов-шкуда в качестве особой группы среди массы кочевников и вообще северных племен, участвовавших в войне; из них не все должны были непременно подчиняться непосредственно «царю скифов» (а отсюда, возможно, и более общее, неопределенное обозначение их как «киммерийцев»).

Положение со скифами осложнилось в связи с тем обстоятельством, что первый вождь скифов-шкуда, Ишпакай, видимо, был убит в ходе войны. Когда это произошло – неясно; по дословному смыслу контекста асархаддоновой надписи выходило бы, что это произошло еще в ассиро-маннейскую войну 674 г., но в этой надписи на хронологическую точность обращено мало внимания: нам кажется, что Ишпакай погиб в конце 673 г., и это было тем успехом ассирийцев, который несколько ослабил последствия восстания.

Нового скифского царя Партатуа (Прототия) ассирийский источник называет вполне определенно «царем страны Ишкуза», т. е. Скифского царства в Азербайджане, и не просто скифским вождем, «скифом», как его предшественника Ишпакая. Партатуа пошел на переговоры, предложенные ему ассирийцами, и попросил руки дочери Асархаддона в качестве цены своей дружбы и союза с Ассирией. Сохранился полностью запрос к оракулу по этому поводу. Повидимому, ассирийское жречество через оракула одобрило мысль о закреплении союза со скифами дипломатическим браком, потому что с этого момента Скифское царство делается верным союзником Ассирии.[1] Уже сам Партатуа сыграл, повидимому, значительную роль в ассирийской истории;[2] еще большую роль в ней сыграл его сын Мадий.

[1] Kl., 16=Kn., 29 (в АВИУ текст приведен без дополнений, обнаруженных Клаубером).

[2] Геродот, вводя в свое повествование имя Мадия, называет его «сыном Прототия» (Партатуа). Следует заметить, что если греков Геродот обычно называет их полным официальным именем, т. е. собственно именем и отчеством, а иногда и указывает название их рода, то в отношении не-греков он дает отчество лишь в редких случаях: 1) в отношении военачальников похода Ксеркса на Грецию, имена которых, повидимому, извлечены из какого-то официального источника; 2) в отношении лиц, отцы которых упоминались уже им или отчество которых почему-либо вообще важно в данном контексте. Исключений очень мало и почти все они, возможно, восходят к одному и тому же источнику (Гекатею?). Это, в частности, Гиг, царь Лидии, основатель династии Мермиадов, Дейок, отчество которого указано, как кажется, ошибочно, и Мадий. Из этого можно заключить, что отец Мадия от-

По всей видимости, с Партатуа произошло то же, что в свое время произошло с кутийской родовой знатью и что вообще нередко происходило с верхушкой знати племен, стоявших на высшей ступени первобытнообщинного строя: пленившись легкой наживой, он солидаризировался не с интересами народных масс, а с интересами рабовладельцев, представленных в данном случае в первую голову Ассирийским государством. Вразрез с истинными интересами своего и союзных народов он предал дело повстанцев и перешел на сторону ассирийских захватчиков.

5. Образование независимого Мидийского царства

В результате отпадения Партатуа успех восстания не был полным. Ассирийцам удалось удержать в своих руках провинции Кишессу, Хархар[1] и Бит-Хамбан. Некоторые исследователи утверждают, что восстание окончилось поражением мидян и гибелью Каштарити. Однако этому нет никаких подтверждений в источниках. Причина такого утверждения заключается в слепом и некритическом следовании ассирийским официальным источникам (не ведающим никаких других событий, кроме ассирийских «побед», которые весьма нередко были на самом деле поражениями) и в убеждении буржуазных ученых в том, что ассирийская армия была «непобедима», как и подобает армии «империалистов», в среде «малоразвитых» народов.[2] На самом же деле, напротив, можно с уверенностью утверждать, что на территории первоначального очага мидийского восстания – провинций Бит-Кари, Мадай и Сапарда – восстание имело полный успех. Ассирийская власть здесь была ликвидирована[3] и на месте этих трех провинций в источниках теперь упоминаетсн независимое царство Мидия, к созданию кото-

дельно упоминался либо источником Геродота, либо самим Геродотом: в последнем случае он упоминал его скорее всего в не дошедших до нас «Ассирийских повествованиях». Во всяком случае, вряд ли имело смысл для греческого читателя упоминать имя отца скифского царя, если этот отец не отличился сам по собо чем-либо достопамятным.

[1] Эти провинции (иначе называемые Кар-Уригалли и Кар-Ширрукин) упоминаются и списках ассирийских провинций при Ашшурбанапале; см.: E. Forrer, УК. соч., стр. 53–54.

[2] Такова же откровенно апологетическая по отношению к империалистическим колониальным войнам точка зрения и американского историка Олмстеда (A. T. E. Olmsted. History of Assyria, Now York–London, 1923), хотя он и не считает, что Каштарити потерпел поражение. Тот, кто отрицает единство антиассирийской коалиции 673 г. до н. э. и ее победу, приведшую к созданию Мидийского царства, должен допустить, что Мидия родилась в 620–610 гг. до н. э. сразу великой державой, как Паллада родилась вооруженной из головы Зевса, что, конечно, явная невозможность.

[3] Эти провинции исчезают в дальнейшем из ассирийских источников.

рого восстание 673 г., таким образом, и привело.

Царство Мидия упоминается в качестве независимого наряду с Урарту Хубушкией и Манной в одном из писем ассирийского царского архива, которое датируется между 672 л 669 гг.,[1] а затем в перечне царств, которые ассирийцы считали самостоятельными, но формально зависимыми от Ассирии, относящемся к периоду между 669 и 652 гг.[2]

Кто же правил этим новым царством? Какова была судьба трех союзников – Каштарити, Мамитиаршу и Дусанни? И кто они были по своей этнической и социальной принадлежности, на кого опирались? От разрешения этих вопросов зависит оценка самого характера восстания и определение его исторической роли и его результатов.

Прашек[3] считает, что руководящая роль в восстании принадлежала Мамитиаршу, на том единственном основании, что только он назван в текстах «мидянином». Поэтому он отождествляет его с геродотовым Дейоком. Однако мы уже указывали на то, что «мадай» в контекстах этого рода означает принадлежность не к мидийскому племенному

---

[1] HABL, 434. Речь в нем идет о создании пограничной охраны против этих стран, об их собственных пограничных крепостях и о необходимости немедленно доставлять перебежчиков оттуда к царевичу Ашшурбанапалу, повидимому (ср. также: HABL. 1026) ведавшему ассирийской разведкой. (См.: АВИУ, № 69, 1, стр. 230 и сл.; обоснование датировки см.: АВИУ, № 69, стр. 231, прим. 3–5).

[2] Это перечень провинций, зависимых и фактически независимых царств, относящийся к правлению Ашшурбанапала, но, повидимому, ко времени до отложения Вавилонии в 652 г. Интересующая нас часть перечня гласит (АВИУ, № 71, стр. 234):

«. . . Хилакку	– (Киликия, была независимой при падении ассирийского царства)	
Йа[ма]на	– («Греция», здесь, очевидно, о. Кипр)	
Мелид	– (Мелитена на Верхнем Евфрате, независимая при Асархаддоне и позже)	
[. . . . . .]	– (?)	
Шибарту	– (?)	
Искалуна	– (Аскалон в Палестине. Не был присоединен к Ассирии)	
Удуму	– (Эдом, Идумея в Трансиордании	Трансиордания не была покорена Ассирией, ее цари выступали в союзе с ней в вавилонской войне 50-х годов VII в.
Ма'аба .	– (Моав в Трансиордании)	
Амма[на]	– (Аммон в Трансиордании)	
Эфиопия	– (никогда не бывала под ассирийской властью)	
[. . . . . .]	– (?)	
Мидия (Мадай)	– (Мидийское царство, – независимое, судя по месту в перечне)	
Страна [Маннеев (?)]	– (была независимой в течение всего VII в.).	
Приморье ...»	– (независимые халдейские племена у Персидского залива)	

(Далее текст разрушен).

[3] J. v. Prasek, ук. соч., стр. 121 –124.

союзу, а к ассирийской провинции Мадай, далеко не включавшей всей Мидии. Точка зрения о ведущей роли Мамитиаршу резко противоречит фактам, так как в подлинных запросах к оракулу на первом месте, в качестве противника ассирийцев «номер один», почти без исключений всегда стоит Каштарити, а остальные силы выступают лишь как его союзники.[1]

Высказывалось также многие (восходящее к Сэйсу) о тождестве Каштарити с Киаксаром I Диодора (у последнего он занимает место Дейока); но, по всей видимости, появление у Диодора этого царя основано на ошибке: в данном месте он излагает Геродота, о чем прямо и говорит,[2] и, кроме Геродота и Ктесия, другими источниками не пользуется, между тем, ни Геродот, ни Ктесий никакого Киаксара I не упоминают. К тому же и филологически никак невозможно связать имя «Киаксар» с именем «Каштарити».

Наиболее правильно отождествление имени «Каштарити» с мидийским имеием «Хшатрита» (Xša9rita), переданным нам Бехистунской надписью Дария I. Эта надпись сообщает: «Один человек, по имени Фравартиш (=Фраорт),[3] возмутил народ-войско Мидии; так он говорил: „Я– Хшатрита по имени, из рода Киаксара* (Huvaxštra-)». Таким образом, некто, носивший имя Фраорта, для того чтобы привлечь на свою сторону мидян, объявил себя потомком рода Киаксара (т. е. Дейокидов) и для большей убедительности вместо своего действительного

[1] Совершенно ошибочно утверждение Клаубера, будто Каштарити не был главой коалиции, на том основании, что в запросах между перечисленными именами возможных врагов стоит союз «или». Ведь осаждается-то один город, и тут не может быть речи о разных врагах, а только о разных частях о б щ и х вражеских сил. А раз так, то должен был быть и общий руководитель их, и это был, конечно, всегда упоминаемый первым Каштарити.

[2] D i o d., II, 32, 2. Некоторые полагают, впрочем, что Киаксаром звали мидийского царя, который помещен был Геродотом между Дейоком и Фраортом и упоминания о котором не дошло в нашем традиционном тексте Геродота вследствие искажения переписчиком. Однако у нас нет оснований считать текст Геродота в соответствующем месте столь сильно искаженным. Если Эсхил (Persai, 765 и сл.) считает Киаксара основателем владычества над Азией, а Лже-Хшатрита называет себя потомком «рода Киаксара», то это не является отражением факта основания мидийской династии якобы неким первым Киаксаром, а есть лишь выражение того несомненного факта, что великодержавную роль доставил Мидии исторический Киаксар, предпоследний мидийский царь. Впрочем, в конце VIII века известен некий Киаксар (асс. Уксатар, Уаксатар) в число правителей Области Речки (см. стр. 214, прим. 2 и ср. HABL., 645,– выше стр. 254, прим. 1).

[3] Греческий язык регулярно передает f как ph, -va- как -o-; поэтому Fravartiš в точности соответствует греч. Phraortēs. В вавилонской и эламской версиях, где f передается как p, а v – как m, это имя передано как Par'umartiš, Pirrumartiš. Не нужно говорить, что имя Fravarti-š не имеет ничего общего с именем «Фархад» (древнеиранск. Frahata-, греч. Phraates).

имени принял другое – очевидно, потому, что в роде Дейокидов его настоящее имя не было распространено, а было распространено ложно принятое им имя.[1] Но отсюда следует, что в роде Дейокидов не было Фраортов, но был некто Хшатрита. У Геродота сделана здесь вполне понятная ошибка: его информатор, рассказывая по семейным преданиям, запамятовал и спутал настоящее имя самозванца с принятым им царским именем, назвав эти два имени в обратном порядке; или же, быть может, ошибку совершил и сам Геродот, записывая рассказ со слов человека, недостаточно хорошо говорившего по-гречески, или через некоторое время после устной передачи. Таким образом, на место имени «Фраорт» в списке мидийских царей мы должны поставить имя «Хшатрита». А это имя вполне закономерно по-вавилонски должно быть передано как «Каштарити»,[2] «Кашатриту» или подобным образом.[3]

Итак, Каштарити – или, точнее, Хшатрита – должен занять место Фраорта в ряду мидийских царей; если верить Геродоту, он был сыном (или, возможно, внуком)[4] Дейока.

Мы уже высказывали мнение, что его область Бит-Кари с центром в крепости Кар-Кашши («Колония касситов»)[5] находилась в районе Хамадана. Где-то здесь, в юго-западной части Мидии, следует искать «Крепость вавилонян» – Сильхази, с которой, по всей вероятности, тождественна «Колония касситов»,[6] и здесь же находилась в дальнейшем

---

[1] Так, в Вавилонии самозванец Араха принял известное царское имя Навуходоносора, в Эламе самозванец Мартия – старое эламское царское имя Хумпаникаша (? – др.-перс. Иманиш). Совершенно бессмысленно было бы менять прославленное царское имя Фраорта на нецарское имя Хшатриты. Очевидно, царским было именно второе, а не первое имя. Таким образом, и отец Дейока, в противоположность утверждению Геродота, не мог зваться Фраортом.

[2] Сочетание -χš- по-вавилонски вполне обычно передается как -kš-, реже -ḫš-; в начале слога – два согласных, а в середине слова – три согласных подряд не произносятся. Конечный гласный в нововавилонском диалекте не произносился, а писался произвольно (-u, -a или -i).

[3] В вавилонской версии Бехистунской надписи – Ḫašatrîti. На тождество этого имени с именем Каштарити указал Дорм (P. Dhorme. Conferences de St. Etienne. Paris, 1911, стр. 91).

[4] Если верно, у Геродота пропущено одно имя между Дейоком и Фраортом.

[5] Это объяснение термина впервые дано еще Тиле в 1888 г., но на него обращали недостаточно внимания.

[6] Это, как уже неоднократно упоминалось, видно из маршрута Тиглатпаласара. Уже указывалось, что в конце II – начале I тысячелетия термин «касситы» часто воспринимался как равнозначный с термином «вавилоняне». Связь Кар-Кашши с Бит-Кари видна из параллелизма между областями трех вождей восстания (крепость Кар-Кашши, Мадай, Сапарда) и исчезающими после 673 г. ассирийскими провинциями (Бит-Кари, Мадай, Сапарда).

столица Мидийского царства с названием «Место собрания» (Ha^{n}g-matāna, по-гречески Agbalana или Ekbatana). Как уже говорилось ранее, хотя и можно предполагать, что власть Дейока, пусть временно, простиралась так далеко на юг, но доказательств этому нет, и в период 717–715 гг. до н. э. территория Дейока во всяком случае не простиралась до сюда, так как между районом Хамадана и теми районами, где мог сидеть Дейок в качестве маннейского наместника, находились занятые ассирийцами пространства. Поэтому территорию Дейока, во всяком случае ко времени его пленения, следует искать где-то в долине Кызыл-узена, ближе к Мианэ, чем к Хамадану. Это и была впоследствии, как нам кажется, ассирийская провинция «Мадай». Почему Хшатрита-Каштарити сидел не здесь, а южнее, в области же Мадай сидел некто Мамитиаршу – не ясно; быть может, ассирийцы сами посадили Хшатриту в Бит-Кари – нарочно не в том месте, где он имел, так сказать, местные корни. Следует учесть то обстоятельство, что Хшатрита-Каштарити, если он был сыном или внуком Дейока, по всей вероятности, воспитывался в Ассирии, поскольку Дейок был сослан вглубь нее вместе с семьей (этим, возможно, объясняется несомненное знакомство Каштарити с ассирийской осадной техникой, в которой ранее ассирийцы были едва ли не монополистами). Ассирийцы могли рассчитывать на то, что воспитанный в их государстве молодой мидянин будет проводником проассирийской политики, как многие воспитанники ассирийского двора, сажавшиеся ассирийскими царями в качестве мелких царьков и вождей в окрестных царствах и племенах. Или же, быть может, не один лишь Каштарити, но оба – и Каштарити, и Мамитиаршу – были потомками Дейока и сидели в разных частях его былых владений.

Кто были Хшатрита-Каштарити и его союзники по своей этнической принадлежности? Хшатрита – имя безусловно иранское;[1] возможно, что таковым же является и имя Мамитиаршу;[2] для Дусанни хорошей индоевропейской этимологии не предложено. Однако это еще не дает нам полной уверенности в соответствующей этнической принадлежности данных лиц. Как уже указывалось, иранский мидийский язык был, видимо, языком межплеменного общения в Мидии; появление скифов должно было значительно укрепить позиции этого языка, так как он был, почти несомненно, без особого труда понятен скифам[3]

[1] «Властный», от xšaθra-.

[2] По Э. Херцфельду – иранск. Vahmyatarši.

[3] Это видно из исключительной близости сако-скифских и мидийских собственных имен.

и мог, таким образом, служить также и средством общения между скифами и мидянами. Кроме того, уже к этому времени, вероятно, относится широкое распространение по всей территории Мидии магов и их религии, языком которой также был иранский. Поэтому нельзя исключить возможность того, что имена в Мидии давались в это время преимущественно иранские, как на Руси после распространения христианства большинство имен было греческими, а в странах ислама после исламизации – арабскими. Существование неираноязычного языкового элемента, быть может, значительно более мощного, чем можно было бы предполагать по первому впечатлению от имеющегося материала, все же обнаруживается, как кажется, наличием и таких имен, которые не поддаются этимологизации из индоевропейского.[1] Поэтому мы с уверенностью можем лишь сказать, что как Хшатрита, так и его союзники – Мамитиаршу и Дусанни – были мидяне; но были ли они мидяне «иранского» или «каспийского» языка, – в этом нет абсолютной уверенности. Одно несомненно: район, где сложился центр нового государства, был чрезвычайно пестрым по этническому происхождению своего населения. Крепость Хшатриты называлась «Колонией касситов», и она же, вероятно, называлась также «Крепостью вавилонян»; здесь были распространены культы вавилонских богов; этот район находился на географической грани иранских и «каспийских» (кутийско-луллубейских или «мехранских») племенных языков; близко к нему были расположены районы с кассито-эламским населением (на юге) и с арамейским («сиромидийским») населением из ассирийских переселенцев (на западе). Вполне естественно, что официальным языком Мидийского царства стал язык межплеменного общения – каковым и был тот иранский язык, который древние авторы и называют собственно «мидийским».

Блестящий успех Хшатриты-Каштарити, которому удалось то, что не удавалось мидянам в течение почти ста лет, – навсегда освободить важнейшие районы Мидии от ассирийского ига и создать собственное единое государство, объясняется, без сомнения, широкой народной поддержкой возглавленного им движения. Вся масса свободного народа Мидии поддержала его. Это вытекает из следующего рассуждения.

Как мы видели, Мидия VIII в. состояла из огромного множества мельчайших догосударственных и раннегосударственных образований. Однако к концу VII в., несмотря на тяжелые обстоятельства, которые молодому государству пришлось еще пережить в середине этого века,

[1] Кроме Dusanni, см. еще, например, Harpagos.

мы видим Мидию единым, мощным государством, лишь в периферийных своих частях, завоеванных позже, включавшим самоуправляющиеся царства. Следовательно, между 673 г. и началом ассиро-мидийской войны, падающим на период где-то между 625 и 615 гг. до н. э., не только было заложено основание Мидийскому государству, но и были ликвидированы и полностью поглощены мельчайшие «царства» определявшие до тех пор политический облик мидийской территории. Само собой разумеется, что это не могло быть осуществлено без ожесточенного противодействия со стороны всех этих мелких местных правителей и их родичей, иначе говоря, со стороны родовой аристократии.[1] А это позволяет нам с достаточной уверенностью предположить, что мидийские цари опирались на широкие массы свободных людей – не только на зарождающийся к крепнувший класс рабовладельцев, но и на свободных мелких производителей материальных благ, и даже в большей степени на последних, чем на ту прослойку класса рабовладельцев, которая составляла группу родовой аристократии.

То обстоятельство, что мидийские цари стремились к деспотической власти, на что указывает Геродот,[2] нисколько не противоречит сказанному. В начальный период всякого рабовладельческого общества неизменно происходит борьба между рядовыми свободными и родовой знатью, причем только устранение власти последней и прекращение связанного с этой властью закабаления свободных земледельцев и борьбы всех против всех (ср.: Her, I, 96–97) может дать полный простор развитию рабовладельческого способа производства. В этой борьбе широкие массы свободных вполне обычно поддерживают тенденции к установлению единоличной власти, упраздняющей или ограничивающей совет старейшин и другие органы власти, захвачен-

[1] На недовольство знати, выдававшейся «родом» (oikiā) и «доблестью» (andragathiā) и считавшей себя равной Дейокидам (heterois sphi dokeoi einai), довольно ясно намекает и Геродот (I, 99); вообще, его изложение истории возникновения Мидийского царства носит ясные следы критического отношения его информатора-аристократа к дейокидским порядкам.

[2] Геродот (1, 99-100), который приписывает введение новых политических порядков уже Дейоку, рассказывает следующее: «Такую (крепость, т. е. Экбатану) воздвиг себе Дейок и такие (стены) вокруг (своего) жилища, прочему же народу (dēmos) повелел жить вокруг (крепостной) стены. По сооружении же всех построек Дейок впервые ввел порядок, чтобы никто не входил к царю, все же дела чтобы совершились , через вестников, чтобы царь никем не был бы видим; кроме того, чтобы было всякому неприлично в (его) присутствии смеяться и плевать», и т. д., «а писавшие судебные жалобы посылали их к нему, а он, разрешив, отсылал поданные (к нему). . . если узнавал о согрешившем, то приказывал доставить его и наказывал сообразно вине каждого; и имел он соглядатаев и подслушивателей по всей земле царства».

ные олигархией. Так было в Шумере,[1] так было в Иудее,[2] так было и в Греции, где так называемые тираны были выдвинуты именно широкой массой свободных в противовес засилью родовой аристократии в восходивших по своей форме еще к первобытному строю органах. Не случайно Геродот называет власть Дейока «тиранией» (turannis). Иное дело, в каком направлении дальше развивалась на Востоке создавшаяся таким образом деспотическая царская власть. В Мидии, во всяком случае, за сто с небольшим лет существования державы она, вероятно, не успела переродиться.

С другой стороны, в рассматриваемый период Мидийское царство еще не успело и принять достаточно монолитных форм. Мы не знаем, каким образом сошли со сцены Мамитиаршу и Дусанни, но некоторые мелкие автономные мидийские правители продолжали существовать еще и в 50-х годах VII в., а быть может, и позже.

Да и само Мидийское царство, какова бы ни была степень его внутренней концентрации, в том виде, в каком оно было создано Каштарити-Хшатритой, не было еще той Мидией в ее исторических границах, которую обычно имеют в виду древние источники, когда они называют эту страну. К 672 г. лишь сложились те три основные части, которые вместе и составили в дальнейшем собственно Мидию. Это – Скифское царство, Манна и Мидия в узком смысле слова.

6. Мидия, Манна и Скифское царство после восстания

Каковы же были последствия событий 674–672 гг. для каждого из этих царств, этих составных частей будущей Мидии?

Скифское царство определенно укрепилось политически. В качестве «страны Ишкуза» оно получило признание сильнейшей державы – Ассирии; его глава, Партатуа (Прототий), был признан «царем» (šarru) и, вероятно, получил просимую им в жены дочь царя Ассирии. Мы не можем пока судить, в какой мере это образование можно действительно назвать «царством», т. е. государственным образованием, но во всяком случае ясно, что входившее в его состав население (в подавляющем своем большинстве, конечно, не скифское, а состоявшее из албанов, утиев, каспиев, кадусиев и тому подобных оседлых и полукочевых, гор-

[1] См.: И. М. Дьяконов. Государственный строи древнейшего Шумера. ВДИ. 1952, № 2, стр. 35 и сл.

[2] Где «пророческое» движение, поддержанное народными массами, было опорой царей в их борьбе с местной родовой знатью, связанной с местными культами и их жречеством.

ных, скотоводческих племен) впервые втянулось в орбиту классовой цивилизации и государственной жизни ведущих стран рабовладельческого Востока. Без участия этого местного, оседлого и полуоседлого населения скифы несомненно вообще не могли бы конституироваться в «царство» и остались бы малочисленными ордами кочевников, которые прошли бы по Передней Азии бесследно для ее цивилизации. Теперь же они стали на более или менее длительное время постоянным политическим фактором, и участником политической жизни древнего Востока.

Каковы были границы Скифского царства – неясно, но во всяком случае, как уже указывалось, оно не граничило с Ассирией, потому что его нет в перечислении стран, с которыми Ассирия соприкасалась на севере и востоке, в письме HABL, 434.[1] Вероятно, согласно предположению, высказывавшемуся выше, оно простиралось по более равнинным территориям от Куры в районе Кировабада до района севернее Урмии, например до гор Кара-даг и Савалан-даг, т. е. находилась в области, населенной утиями, албанами, кадусиями и т. п., которые, очевидно, и составляли фактически основную массу населения Скифского царства.

Значительно усилилась также и Манна: ее царь Ахсери вполне имел бы право претендовать на великодержавную позицию наряду с Русой II урартским. Территории Манны расширилась на западе за счет Ассирии и, повидимому, и за счет Урарту;[2] где-то в верховьях Большого Заба она граничила с Хубушкией и Урарту; дальше ее граница шла на юг, по всей вероятности, вдоль главного хребта Загроса – там, где теперь идет турецко-иранская и иракско-иранская граница: западнее г. Урмии (Резайе), Ушпуэ и Саучбулага. По хребтам гор Кафелан-Кух (Гизильбунды) Манна граничила с Мидией: в западной части – с ассирийскими провинциями в Мидии, в восточной – с независимым Мидийским царством. Восточнее и севернее границы Манны неясны.

Труднее всего определить протяжение царства Хшатриты-Каштарити (геродотова Фраорта). Провинции Кишессу (или Кар-Уригалли) и Хархар (или Кар-Шаррукин), а также Бит-Хамбан остались в составе Ассирии, так что западная граница Мидии проходила, вероятно, лишь несколько западнее линии Миане–Хамадан. Еще труднее уточнить остальные границы царства. Геродот (I, 101–102) сообщает, что уже «Дейок слил мидийский народ (ethnos) воедино и царствовал (ērkse) над ним», и перечисляет тут же все мидийские племена; о «Фраорте» же (т. е. Хшатрите-Каштарити) он сообщает, что, «приняв царство (arkhē),

[1] Урарту, Манна, Мидия и Хубушкиа.

[2] В районе западного побережья Урмии.

тот не довольствовался одной властью над мидянами, но ополчился на персов. . . имея же эти два народа, и оба сильные, он стал покорять Азию, один народ за другим, пока не ополчился на ассирийцев», и т. д. Однако мы уже знаем, что первое сообщение несомненно неправильно, и мы не можем также быть убеждены, что покорение персов следует приписать Фраорту-Каштарити.[1] Однако объединение Мидии, вероятно, имело место в его время, хотя мы не можем точно определить объема этого объединения; было ли, например, включено в Мидию государство Эллипи или нет[2] и как далеко на восток простирались мидийские пределы.

«Фраорт»–Хшатрита царствовал, по Геродоту, 22 года, т. е. до 652; нередкое в сочинениях по Древнему Востоку указание на то, что Каштарити якобы погиб в ходе восстания, решительно ни на чем не основано.

Конечно, Ассирия не могла успокоиться на понесенном поражении, хотя оно было не столь тяжким, чтобы окончательно подорвать ее силы, как первоначально могло казаться. Вскоре ассирийцы вновь проявляют активность на востоке. Первой жертвой их нападения оказалась Манна, от которой Ассирия попыталась вернуть себе потерянное в предыдущую войну.[3] Когда ассирийские войска под командой полководца Набушаррусура перевалили в 660/59 г. до н. э. через Загрос, Ахсери маннейский попытался напасть на них и уничтожить во время ночевки; это ему не удалось: маннейские войска были отброшены, и ассирийцы заняли 8 крепостей между южной границей Манны и ее столицей

---

[1] Кир I, царь Персиды, и ряд других царьков к востоку от Элама сносились с Ассирией, как мы увидим, самостоятельно. Мы склонны полагать, что Персида была подчинена Мидии лишь при Киаксаре.

[2] Второе кажется нам более вероятным. До нас дошел запрос Ашшурбанапала относительно посылки в Эллипи войска под командой «начальника глав» Ша-Набу-шу. Штрек (Assurbanipal, I, стр. CLXXXII), читая, повидимому, обозначение запрашивающего в тексте как «Ашшурбанапал, сын Асархаддона, царя Ассирии», относит этот поход к концу царствования Асархаддона, т. е. ко времени после окончиния войны с Каштарити, но вероятнее, что он относится еще ко времени мидийской войны, так как в числе врагов Ассирии названы эллинийцы, мидяне и «киммерийцы» (скифы?). Мы склонны отождествлять Эллипи с Элимандой (Elumais) более поздних греческих авторов, обычно отличающих ее от Элама (Сузианы): Elli.pe могло в эламском языке иметь вариант *Ellu.me [огласовки -i- и -u- чередуются и новоэламском, а -me и -pe – разные окончания множественного числа, которые могут заменять друг друга; ср.: Lullu-p-(um) и Lullu-mē.] Сохранение впоследствии Элиманды–Эллипи в качестве отдельной исторической области указывает, по веси вероятности, на длительное существование ее независимости или автономии.

[3] Наиболее подробно этот поход описан на так называемом «Цилиндре В»; см.: АВИУ, № 73, стр. 238. Ср. также надпись «Цилиндра Рассама» (АВИУ. № 72) и запрос к оракулу (Kn., 150), где прямо указывается цель похода.

Изиртой.[1] Ахсери перенес свою резиденцию из угрожаемой Изирты в крепость Иштатту, однако ассирийцам, предпринявшим 15-дневную осаду как Изирты (совр. Саккыз?), так и соседних крепостей Узбиа (Зибиа, Иззибиа – совр. Зивие) и Урмейате (Армаит), не удалось взять этих крепостей, и они ограничились опустошением окрестной местности и угоном людей в рабство, а также лошадей, ослов, крупного рогатого скота.

На обратном пути ассирийцы предприняли завоевание пограничных крепостей, захваченных маннеями при Асархаддоне. Перешедшая было к Манне территория была, повидимому, расположена двумя участками: одна – около Шурдиры (=Шурды? – повидимому, в одной из долин верховий Малого Заба) и горы Харси ('Арситы урартских источников –на границе Парсуа; здесь по соседству обитало маннейское племя кумурдийцев);[2] второй участок[3] был, возможно, расположен западнее озера Урмии. В крепостях этого района ассирийцам удалось захватить запасы военного снаряжения, а также лошадей: повидимому, крепости эти мыслились маннеями как базы для дальнейшего наступления Манны на Ассирию и Урарту. Теперь они были заняты ассирийскими гарнизонами.

Поражение, которое потерпел Ахсери, обострило внутренние противоречия в Манне. Текст Ашшурбанапала сообщает, что в Манне началось восстание «людей страны») (nišê mâti), – так ассирийцы называли рядовое земледельческое население: лично свободных общинников и, возможно также и рабов-земледельцев. Так как Манна представляла собой государство олигархическое, на что уже указывалось выше, то развитие в нем демократического движения, возможно, стимулированное созданием на соседней территории Мидийского царства, опиравшегося на широкие массы свободного населения, представляется вполне естественным. Повстанцы убили Ахсери, выбросили его труп на улицу и истребили также почти весь его род. Оставшийся в живых сын Ахсери, Уалли, немедленно послал своего наследника Эриспини к ассирийскому царю за помощью против своего народа, как это раньше

[1] Ассирийский текст называет Айуснаш, Паша[. . .]су, Бусуту (=Бушту на границе Парсуа), Ащдиаш, Уркиямун, Упииш, Сихуа и Назинири.

[2] Здесь ассирийцы заняли крепость Арсияниш. Текст Ашшурбанапала указывает также на взятие ассирийцами крепости Эрештейана и разорение примыкающей территории, причем был убит некий «горец Райади» или «Райадишади», маннейский «начальник укреплений (?)». С названием «кумурдийцы» ср. «Хумурти» шумерского времени (поблизости от Харши).

[3] Здесь были расположены возвращенные теперь Ассирии крепости [Би]руа (?) Шаруикби, Гусуне и [. . . . .]руте.

делал его предок Уллусуну; для умилостивления Ашшурбанапала он прислал ему в гарем свою дочь. Ашшурбанапал наложил на Манну дань, однако из текстов не видно, чтобы он оказал Уалли действенную помощь ассирийскими войсками. Тем не менее цари Манны остались до конца союзниками Ассирии, так что можно думать, что какую-то помощь они все же получили. Наиболее вероятно, что они были поддержаны, по поручению Ашшурбанапала, его зятем – царем скифов Мадием, что и позволило позже скифам столкнуться уже с расположенным южнее Манны Мидийским царством.[1]

Не вполне ясно, вторгались ли ассирийские войска, одновременно с Манной, также и в Мидийское царство. Текст «Цилиндра В» Ашшурбанапала, сообщив о восстании в Манне и воцарении Уалли, прибавляет: «В эти же дни Бирисхадри, мидийского „владыку поселения", (а также) Сарати[2] (и) Парихиа,[3] сыновей Гагу, „владыки поселения" (страны) Саху, которые сбросили ярмо моего владычества, – я покорил 75 их укрепленных поселений (и) полонил их полон, (а) их самих я захватил живьем в свои руки (и) доставил в Ниневию». После того, что, как мы знаем, уже создалось Мидийское царство, мы с некоторым удивлением встречаем упоминание «мидийского владыки поселения», который «сбросил ярмо владычества Ассирии». Но, по всей вероятности, Бирисхадри играл в одной из оставшихся в ассирийских руках мидийских провинций – в Кишессу или Хархаре – ту же роль, какую до восстания играли в Бит-Кари, Мадае и Сапарде Каштарити, Мамитиаршу и Дусанни, т. е. роли вождя местного населения, через которого с последним сносилась ассирийская администрация. Вероятно, цель восстания Бирисхадри состояла в передаче области Мидийскому царству. Остается неясным, что такое «страна Саху», упомянутая в этом же контексте. Видеть здесь саков, как это предполагали некоторые исследователи,[4] решительно невозможно: иранское k никогда не передавалось по-

[1] Если, как можно судить по Геродоту, это столкновении и произошло в северном Азербайджане (когда скифы миновали «Кавказскую гору»), то это не меняет дела; так или иначе, Манна должна была временно выбыть из строя для того, чтобы столкновение скифов с Мидией могло иметь место.

[2] Написано ^{m}Šar-a-ti- или ^{m}Sar-a-ti, читать, вероятно, *Sar'ati, *Sarhati.

[3] Менее вероятно чтение Pariția.

[4] Это отождествление довольно распространено в литературе и восходит к Джорджу Смиту. Юсти сопоставляет армянок. Šak'e в области Сюник (восточнее озера Севан: правильнее, как указал нам С. Т. Еремян, – в районе Нухи). Против сопоставления Саху с саками высказывались Нельдеке [Th. Nöldeke. E. Schrader. Keilinschriften und Geschichtsforschung (рец.). ZDMC, XXXIII, стр. 328) и Штрек (Streck, ZA, XV, стр. 321 прим. 1).

аккадски как ḫ. Совершенно неприемлемо также сопоставление Гагу с библейским Гогом (Гуггу лидийским, Гигом античных авторов).[1] По всей вероятности, под «страной Саху» имеется в виду какая-либо часть мидийских провинций.

Большинство исследователей считает, что этим и ограничивается упоминание маннейских и мидийских областей в надписях Ашшурбанапала. Они упускают из виду упоминание «кутиев», которое встречается в них в связи с событиями 652 г. до н. э. и которое может относиться только к Мидии, Манне, Эллипи и т. п., так как «кутии», на что мы уже указывали, обычно не являются в это время конкретным обозначением реального народа[2] и его территории, а являются общим обозначением в высоком стиле для народов, живших к востоку и северо-востоку от Ассирии.

Для того чтобы понять происшедшие события, мы должны вкратце рассмотреть сложившуюся в начале 50-х годов VII в. внешнеполитическую ситуацию.

На северо-западе, в Малой Азии, после разрушения Фригийского царства в середине 70-х годов хозяйничали киммерийцы, поэтому Гуггу (Гиг), царь сильнейшего малоазийского государства Лидии, а также царьки Киликии и Табала (в горах Тавра) сочли нужным около 660 г. прибегнуть к ассирийской помощи. Отбросив киммерийцев от своей территории, Гуггу прекратил сношения с Ассирией и вступил в союз с Псамметихом, отложившимся от ассирийцев египетским фараоном. Однако киммерийцы вновь усилились (возможно, вступив в союз с проникшими через Босфорский пролив фракийскими трерами). Гуггу пал в бою с ними, и его столица Сарды была разграблена (в 654 г. до н. э.).[3] Сын его Ардис был поэтому вынужден вновь просить Ассирию о помощи.

Около 654 г. действительно ассирийцы были втянуты во враждебные отношения с киммерийцами (именно их в данном случае имеют в виду тексты под названием высокого стиля – «умман-манда»). Их тогда возглавлял Тугдамми (Лигдамис греков) и его сын Сандакшатру.[4] С ким-

[1] Так как переход ā в ō в древнееврейском совершился гораздо раньше; см: АВИУ, № 85, прим. 1 и № 86, прим. 3 стр. 251; неправильно у Делича и Штрека (F. Delitzsch. Wo lag das Paradies. Leipzig, 1881, стр. 246; Sterck, ZA XV, стр. 321, прим. 1).

[2] Так, Штрек помещает кутиев в горах Джуди-даг, севернее Ассирии, С. Смит – около Арраихи (Керкука).

[3] Акад. В. В. Струве. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота, стр.87.

[4] К сожалению, текст гимна к богу Мардуку, который содержит приведенные сведения, плохо сохранился и по-разному восстанавливается и читается исследователями. Штрек (Assurbanipal, II, стр. 280 и сл.) читает: (20) ú ^{m}Tug-dam-me-i šar ummān-man-da tab-nit tiamat tam-šil ^{d}[gallê] (21) a-na la e-peš an-ni la ḫa-ṭi-e mi-ṣir mâti-ja ni-i[š ilâni^{meš}] (22) i-miš la

мерийцами попрежнему находились в союзе урарты, и Ашшурбанапал рассматривал их деятельность как антиассирийскую.[2] Однако, как и в случае с Уалли, официальные надписи ничего не сообщают нам о войне ассирийцев с киммерийцами; из античных же источников можно заключить, что вождь киммерийцев Лигдамис погиб в Киликии (юго-восточной Малой Азии), т. е. на границах Ассирии, повидимому, в битве с Мадием, вождем скифов. По крайней мере Мадий около этого времени, повидимому, появляется в Малой Азии как враг и победитель треров (и киммерийцев).[3] Все это указывает на то, что в 50–40-х годах Мадий, сын Партатуи, и его Скифское царство продолжали быть союзниками Ассирии, в то время как Тугдамми и киммерийцы являлись союзниками Урарту. Еще ранее произведенный, якобы на свой риск и страх, урарт-

ik-kud-ma zi-ḳir-ka kab-tu šá ^{d}igigi | utaḳḳū] (23) a-na šur-bi-i be-lu-ti-ka ú da-na-an i-lu-ti-ka [.....] (24) ki-i šip-ri ilu-ti-ka šá taš-pu-ra um-ma ú-sap-paḫ il-lat-[su (?).....] (или il-lat [^{m}Tug-dara-me-i. . .]) (25) ^{m}Sa-an-dak-šat-ru mâru ṣi-it libbi^{bi}-šú šá ana maškani(?)^{ni},-šú iš-ku-nu a-s[a(?)- kip(?)] (26) áš-me-ma at-ta-id ^{d}Marduk ḳar-du и т. д. и переводит: «А Тугдамме, царь Умманманды, порождение Тиамат (= первобытного чудовища, – *И. Д.*), образ [демона], презрел, – не совершая преступления и не провинившись перед областью моей страны, – клятв[у богами (?)] и убоялся твоего почтенного имени, которое [.....] Игиги (небесные боги, – *И. Д.*). Ради возвеличения твоего (бога Мардука,– *И. Д.*) владычества и мощи твоей божественности [.....]. Согласно твоему божественному посланию (оракулу, – *И. Д.*), которое ты послал в таких выражениях: "Я рассею [его (?)] силу [.....] Сандакшатру, которого они поставили на его место (?), я [.....]". Я услышал это и восхвалил Мардука, героя» и т. д. Крэг, Мессершмидт и Винклер, которым отчасти следовал и наш перевод в «АВИУ» (№ 78, стр. 243), иначе читают и переводят строку 20: ú ^{m}Tug-dam-me-i šar ummān-man-da e-liš ti-amat ut-tar-(an-ni-ma]; фраза в таком чтении не допускала надежного однозначного понимания [в «АВИУ» переведено: «А Тугдамме, царь умман-манды, заставляет меня пойти (?) за море»]; поэтому чтение Штрека здесь предпочтительнее. Однако дальнейший текст следует, с нашей точки зрения, восстанавливать и понимать так, как приведено в «АВИУ», [стр. 243; в частности, нет оснований читать maškani(?)^{ni}- šú вместе te-ni-šú в строке 25: tênu означает «приемник», «заместитель», «наследник». В целом перевод отрывка таков: «А Тугдамми, порождение чудовища, подобно [демона], забыл клят[ву (именем) богов]: „не свершать преступления, не согрешать против границ моей страны"; он не был строг к (выполнению) твоего слова, которое [чтут] Игиги. Чтобы прославить твое владычество, (чтобы показать (?) [силу твоей божественности, согласно с посланием твоей божественности, которое ты послал, (говоря): „Я рассею силы (Тугдамми (?)], (а) Сандакшатру, сына, порождение его утробы, которого послали ему в преемники, я и[звергну]" – вняв (ему), я послушался Мардука», и т. д. Речь идет, разумеется, об оракуле Мардука. К датировке см. АВИУ, № 78, стр. 243, прим. 1.

[2] См. текст АВИУ, № 77, стр. 242, датируемый 655 или началом 654 г. до н. э.

[3] Strabo, I, 3, 21. Страбон приписывает Мидию (названному здесь ошибочно «киммерийским») победу над вождем треров Кобом – вероятно, по недоразумению, так как речь несомненно должна идти о победе скифов над киммерийцами, в то время как треры были лишь союзниками последних (так, например, Леманн-Хаунт: Pauly–Wissowa, s. v. Kimmerier). Разгром киммерийев Мадием должен был произойти после 645 г, (т. е. после второго взятия Сард), но борьба могла начаться раньше.

ским областеначальником Андарией пограничный налет на ассирийские владения в Шубрии потерпел неудачу.[1] А в 654 г., когда поражение киммерийцев лишило урартского царя важного союзника, вполне естественно, что Руса II поспешил возобновить хорошие отношения с Ассирией, которые существовали у него при отце Ашшурбанапала, и прислал в Ассирию послов. Они прибыли как раз к моменту завершения удачного для ассирийцев похода 655/54 г. до н. э. на Элам.[2]

Важно было бы знать, каким образом Мадий и его скифы-шкуда попали в Малую Азию – через урартскую территорию или севернее ее, через центральное Закавказье, или его пропустили через свою территорию ассирийцы? Мы этого не знаем; второе и особенно третье предположения кажутся нам более вероятными, чем первое.

Именно в это время греки Малой Азии познакомились со скифами-шкуда; именно в это время и сложилась, вероятно, легенда о преследовании киммерийцев скифами с самой их родины, появившаяся, как мы знаем, в поэме жившего около этого времени Аристея Проконнесского – поэме, которую, судя по всему, что мы знаем о ней и о самом Аристее, трудно заподозрить в излишней исторической достоверности. С этого именно времени «варвары севера», которых греки в течение VIII и начала VII в., неправильно обобщая понятие, называли «киммерийцами», стали у них, столь же или более неправильно, называться «скифами» – термином, который, как мы уже указывали, на самом деле относился к одному определенному кочевому иранскому племени или группе племен, притом, возможно, не происходившему первоначально из Причерноморья.

7. Временная гегемония скифов

Вскоре после описанных событий, а именно около 653/52 г., ассирийская держава вошла в полосу серьезнейшего политического кризиса. Внешней причиной его было восстание Шамашшумукина, брата ассирийского царя Ашшурбанапала, бывшего вассальным Ассирии царем Вавилона. К восстанию (которому предшествовал другой важный удар по ассирийскому могуществу – отпадение Египта)[3] примкнули много-

[1] Как указано в «АВИУ» (№ 73, прим. 13). чтение «Андариа, областеначальник Лубду» основано на ошибочном чтении Дж. Смита, который прочел знаки как ^{mât}Lu-ub-di. Вместо Lu- надо читать очень похожий знак Ur-; ub и di имеют очень часто также чтения ár и ṭi, поэтому читать ^{mât}Ur(!)-ár-ṭi; в варианте прямо указано Урарту.

[2] К этому же времени, вероятно, следует отнести союз между скифами и Лидией, подвергавшийся разграблению со стороны киммерийцев.

[3] См.: акад. В. В. Струве. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота, стр. 65.

численные союзники как внутри, так и во вне ассирийской державы. Текст Ашшурбанапала[1] говорит: «И этот Шамашшумукин, неверный брат, что не соблюл присягу мне, возмутил против меня людей Аккада, халдеев, арамеев, (людей) Приморья от Акабы до Баб-Салимети,[2] рабов, служащих мне, и Умманигаша, беглеца, обнимавшего ноги моей царственности, которого я поставил на царство Элама, а также царей Гутпума, Амурру, Мелуххи, которых я поставил своими руками по слову (богов) Ашшура и Нинлиль – всех он возбудил против меня, и они вступили с ним в соглашение». Таким образом, текст Ашшурбанапала делит сторонников Шамашшумукина на три группы: 1) подданные Ассирии – вавилоняне, халдеи, арамеи, жители вавилонского Приморья; 2) Элам как главный и наиболее активный союзник Шамашшумукина; 3) «цари Гутиума, Амурру и Мелуххи». Как понимать последние термины? Для ассирийца VII в. это обозначение больших пространств, мы бы сказали – «частей света» (как для грека – Европа, Азия и Ливия и т. п.). Мелухха – это Африка (каково бы ни было первоначальное значение термина), Амурру – это Сирия, Финикия, Палестина; Гутиум – это нагорье к северу и северо-востоку от Ассирии. Следовательно, это указание текста Ашшурбанапала является общим и требует конкретной расшифровки. Это и сделано наиболее подробно исследователем надписей Ашшурбанапала Штреком.[3] Однако он это сделал только для Амурру[4] и для Мелуххи,[5] Гутиум же оставил в стороне, сбитый своей ошибочной идеей о тождестве Гутиума с горами Джуди-даг к северу от Ассирии. Однако мы в свое время подробно анализировали значение этого термина и сейчас должны попытаться рассмотреть, что можно понимать под термином «Гутиум» (=«кутии») в тексте Ашшурбанапала.

В различное время в течение I тысячелетия до н. э. термин «кутии», «Гутиум» применялся к Урарту, Манне, народам Мидии и, возможно, к персам.[6] Однако в данном случае это не может быть Урарту, с которым только что были установлены дружественные отношения, сохранявшиеся и позже;[7] вряд ли это может быть Манна, только что

[1] Цилиндр Рассама, III, 96–106.

[2] Баб-Салимети находился у устья Евфрата; местоположение Акабы неизвестно (но то же, что современная Акаба на Красном море).

[3] Assurbanipal, I, стр. CCXCIII и сл.

[4] Там же, стр. CCXCIV, CCCLXI и сл.: речи идет об арабах Трансиордании и возможно, об Иудее.

[5] Там же, стр. CCLXXIX; речь идет, разумеется, о Египте.

[6] См.: И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства, стр. 35.

[7] Гонцы Русы II прибыли в Ассирию с мирным посольством, как уже указывалось, в 654 г. У нас нет данных о вражде Ассирии с Урарту вплоть до нового посольства Сардури III

потерпевшая тяжелое потрясение. Персия в это время не имела еще никакого значения. Поэтому кажется наиболее вероятным, что под «Гутиумом» здесь разумеется Мидия,[1] где в это время пошел 22-й год правления Каштарити- Хшатриты, или, по Геродоту, – Фраорта. Действительно, Геродот (1,102) сообщает нам следующее: Фраорт «стал покорять Азию, одни народ за другим, пока не ополчился на ассирийцев[2] и (именно) на тех ассирийцев, которые обитали в Нине,[3] а раньше владычествовали над всеми, и которые были оставлены одни, так как союзники отпали от них, впрочем, однако, у них (все) обстояло хорошо. В походе на них-то Фраорт погиб, процарствовав двадцать два года, и с ним большая часть его войска».

Уже Леманн-Хаупт[4] заметил, что описываемое Геродотом положение Ассирии относится к ситуации, сложившейся в связи с восстанием Шамашшумукина. Однако он не сделал необходимого вывода о том, что «Фраорт» погиб в 653/52 г., процарствовав 22 года и, следовательно, начал править в 673 г., а потому, очевидно, тождествен с «Каштарити» запросов к оракулу. Конечно, всех исследователей смущало отсутствие в надписях Ашшурбанапала какого-либо упоминания о победе ассирийского оружия над Мидией, хотя ассирийцы обычно преувеличивали и раздували каждый свой самый малый успех. Объяснение этому, однако, лежит в том, что победа над Хшатритой–«Фраортом» была осуществлена не самими ассирийцами, а их союзниками, которых они поочередно натравливали то на один, то на другой соседний народ, а именно скифами. Действительно, Геродот сообщает (1,103 и 106), что когда сын «Фраорта», Киаксар, продолжал[5] войну с Ассирией и осаждал Ниневию, «пришло большое скифское войско, вел же его царь скифов Мадий, Прототиев сын... В течение двадцати восьми лет владычествовали скифы над Азией и от безудержности и небрежности все у них было опустошено».

Это вторжение скифов в Мидию и установление скифского господства относят обычно к 625 г., потому что Киаксар умер в 585 г., а пра-

около 639 г.; см.: АВИУ, №№ 72 (X, 40–50) и 79, стр. 237 и 243–244.

[1] А не Персия, как думает Олмстед (A. T. E. Olmstead. History of the Persian Empire, Chicago, 1948, стр. 31).

[2] В отличие от вавилонян, которых Геродот тоже называет «ассирийцами».

[3] Т. е. Ниневии.

[4] Pauly–Wissowa, s. v. Kimmerier. Близко к нашему понимание Олмстеда.

[5] Правда, у Геродота между неудачным походом Фраорта и первой ассирийской войной Киаксара помещен еще ряд событий, но, как мы увидим, внутренняя хронология правления Киаксара у Геродота совершенно перепутана.

вил, по словам Геродота, 40 лет. Но Геродот явно ошибается в изложении обстоятельств столкновения скифов с мидянами. У него выходит, что Киаксар впервые осаждал Ниневию и потерпел поражение от скифов уже после проведенной им реформы армии и даже после войны с Лидией, которая, по словам самого же Геродота (I, 73), имела своим поводом изгнание скифов из Мидии, происшедшее по крайней мере на 28 лет позже. Очевидно, что Геродотов порядок событий надо переста-

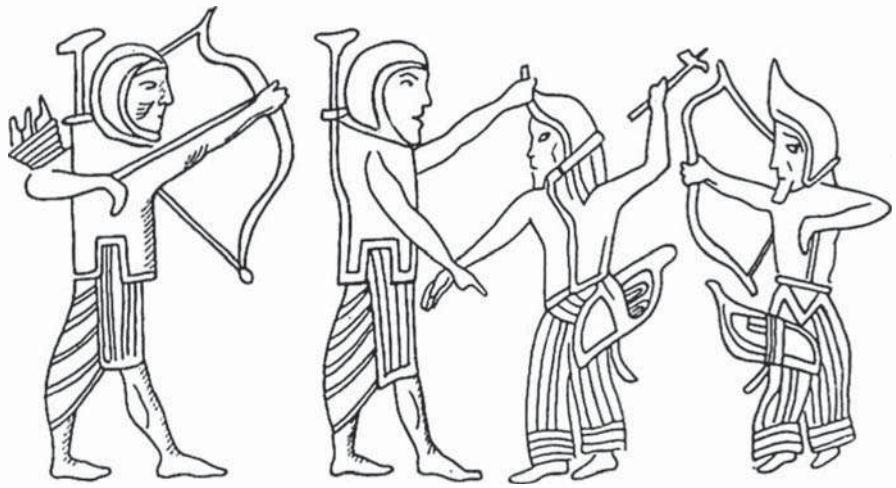

Рис. 50. Мидяне (слева) в битве со скифами (справа). Изображение с цилиндрической печати VI–V вв. дон. э.

вить: первая война Киаксара с Ассирией имела место в самом начале, до 28-летнего господства скифов, и являлась продолжением войны с Ассирией, которую вел Фраорт, на что указывает косвенно и Геродот, говоря о желании Киаксара отомстить за отца. Если поэтому мы будем считать, что 28 лет господства скифов включены Геродотом в 40 лет правления Киаксара, то мы могли бы отнести первое его столкновение со скифами к периоду между 625 и 613 гг. до н. э.; но тогда, как мы увидим, ниже, мы встретимся с большими трудностями при объяснении событий конца правления Киаксара и, кроме того, не будем иметь объяснения тому, почему в надписях Ашшурбанапала нет упоминания о победе над «Гутиумом», т. е. Мидией. Наконец, нам придется признать, что Киаксар воевал с Ассирией и победил ее 613–605 гг., находясь одновременно под владычеством скифов! Все обясняется как нельзя лучше, если мы признаем, что основное поражение мидянам в 653/52 г. нанесли не сами ассирийцы, а Мадий и его скифы, быть может, также и маннеи, уже и раньше действовавшие как союзники Ассирии. Тогда

28 лет господства скифов совпадут с периодом между 652 и 625 гг., а 40 лет правления Киаксара будут, как обычно и предполагается, соответствовать периоду с 624 по 585 г. до н. э. Необходимо лишь признать, что Киаксар унаследовал престол еще ребенком.[1]

Потеря такого полководца, каким был Каштарити-Хшатрита – «Фраорт», могла, естественно, повести к тяжелым последствиям для мидянского войска. Попытка продолжать войну с Ассирией после его гибели окончилась поражением и установлением в Мидии скифского господства.

Это скифское господство не следует, однако, представлять себе так, что оно предполагало уничтожение или поглощение Мидийского государства. Как и Манна, Мидийское царство продолжало существовать, и по окончании периода скифского господства оказалось нисколько не ослабленным. Речь шла, видимо, о том только, что скифы собирали более или менее тяжелую или же более или менее номинальную дань с Мидии.[2] Вожди скифов не сумели создать действительной державы, тем менее они были способны создать государство, которое могло бы выполнить историческую задачу ликвидации ассирийского ига, так как позволили использовать себя в роли душителей освободительного движения. Зато так называемое Скифское царство было базой для набегов на соседние государства – сначала на Урарту,[3] потом и на территорию самой Ассирии, в особенности на ее владения в Сирии и Палестине, где скифы, по некоторым данным, доходили до пределов Иудеи, Филистии и Египта.[4]

Для мидян скифское господство имело некоторое значение. С одной стороны, они учились конно-стрелковой тактике скифов: еще и после падения скифского господства мидяне отдавали сыновей обучаться

[1] Это означало бы, что он был младшим сыном и что его старшие братья погибли ранее, например вместе с отцом. Примеров подобного наследования достаточно в истории почти любой династии. Так, если взять этот же период времени, иудейский царь Хизкия умер 54 лет, процарствовав 29 лет (723–695 гг. до н. э.), а после него царствовал 55 лет его сын Менашше, взошедший на престол 12 лет (694–640 гг. до н. э.). Возможно также, что Киаксар был не сыном, как у Геродота, а, скажем, внуком Хшатриты-Фраорта, так как родословная мидийских царей, данная Геродотом, возможно, является до известной степени искусственной (несмотря на правильность самой последовательности).

[2] Так говорит и Юстин (II, 3), передающий, как кажется, версию, в конечном счете восходящую к скифской традиции.

[3] Урарту, быть может, по этой именно причине в 30-х годах VII в. до н. э. вынуждено было, с целью заручиться дружбой и поддержкой Ассирии, формально признать высшее положение ассирийского царя по сравнению с урартским. См.: АВИУ, №№ 72 и 79.

[4] Об этом сообщает Геродот (I, 105) и подтверждают археологические и топонимические данные. См.: Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 302 и сл.

стрелковому делу у скифов.[1] По всей вероятности, именно в это время выработалось и общее скифо-мидийско-сакское стрелковое вооружение, знакомое нам по известным «скифским» наконечникам стрел: при этом, как уже указывалось, нет полной уверенности, что изобретателями последних первоначально были именно скифы.[2] С другой стороны, господство скифов содействовало выработке межплеменного языка не только на территории собственно Мидийского царства, но и на всей территории Мидии в целом: иранский язык мидян и иранский язык скифов были настолько близки, что было возможно взаимопонимание между обитателями Скифского царства и Мидийского царства. Естественно, что иранский язык как язык межплеменного общения распространился в это время и в расположенной посередине между ними Манне и в других «каспийских» по языку районах, и чувство единства всех племен Мидии – от области севернее Аракса до границ Парфии – окрепло, так как находило опору в существовании общего межплеменного языка. Однако этот язык оставался именно языком межплеменного общения, а в быту употреблялись и различные автохтонные племенные языки, так как еще после падения скифского господства мидяне посылали к скифам учиться не только стрелковому делу, но и скифскому языку.[3] Спрашивается, зачем? Какое значение для могущественной в это время Мидийской державы мог иметь язык побежденных кочевников? Дело, однако, легко объясняется, если мы учтем, что значительная часть мидян в быту не говорила на иранском языке, а язык этот был необходимым и официально принятым в государстве языком межплеменного общения.

По словам Геродота (I, 106), по прошествии 28 лет «Киаксар и мидяне, пригласив в гости и напоив, перебили их (скифов или, точнее, скифских главарей) и таким образом спасли (свое) владычество и овладели тем же, чем и раньше». Таким образом, как только была сброшена эфемерная власть скифских царей, Мидийское царство вновь приобрело точно тот же самый вид, какой имело и прежде. Этому свидетельству Геродота вполне можно доверять, так как скифское господство, очевидно, не затрагивало основ мидийской государствен-

[1] Her., I, 73.

[2] В. В. Пиотровский указал нам, что стрелы со «скифскими» наконечниками (восходящими, повидимому, к костяным наконечникам стрел степняков) представляют собой гораздо более эффективное оружие, чем стрелы с обычными ранее для древневосточных стран листовидными наконечниками (восходящими к кремневым). Поэтому «скифские» стрелы очень быстро распространились среди всех народов Востока.

[3] Her., I, 73.

ности, а выражалось в том только, что Киаксар должен был откупаться от скифских набегов определенной данью.

О дальнейшей судьбе скифов можно судить по некоторым косвенным данным. Скифское царство продолжало существовать в Азербайджане, судя по данным «Книги Иеремии», еще в 90-х годах VI в. до н. э., и это подтверждается также и Геродотом, согласно которому из-за скифов возникла война между Мидией и Лидией в 590 г. В дальнейшем, однако, Скифское царство, как мы увидим, вошло в состав Мидии как одна из его частей. При этом, как сообщает Геродот, скифы вернулись, откуда пришли (причем в данном случае он представляет их родину не за «Араксом», т. е. за Волгой, а в Причерноморье). Он рассказывает даже (IV, 2–4) явно баснословную историю о том, что жены скифов, заждавшись их в течение более чем 30-летнего их отсутствия, взяли мужей из числа рабов; дети же этих рабов пытались противодействовать возвращающимся скифам где-то около современного Миуса (IV, 20), но, как потомки рабов, были побеждены, как только воевавшие против них скифы вместо мечей применили кнуты. Все это, разумеется, – чистая басня в рабовладельческом духе, тем более что скифы-шкуда, как представляется вероятным, в Переднюю Азию попали не из Причерноморья. Но после разгрома среднеазиатского скифского царства часть скифов-шкуда, повидимому, действительно ушла в последней четверти VII в. или в начале VI в. до н. э. через Кавказ обратно на север, а затем влилась в состав так называемых скифов Причерноморья; еще и раньше связь Закавказья с Причерноморьем, как показал Б. Б. Пиотровский, была довольно тесной; теперь же мы обнаруживаем в Причерноморье явные и многочисленные следы знакомства скифов с культурой Передней Азии – как материальной, так и духовной. Античные авторы, и в первую очередь Геродот, не оставляют сомнения в том, что у причерноморских скифов сохранялась живая традиция об их пребывании в Передней Азии.[1] Очевидно, какая-то часть причерноморских скифов действительно появилась из Передней Азии; от них, быть может, пошло и имя сколотов, если верно предположение, сделанное нами выше, о том, что это – более поздняя форма термина «шкуда». Однако не следует думать, что все скифы бесследно ушли из Закавказья. Археологические данные из раскопок Мингечаура, Самтавро и других дают одну и ту же полускифскую культуру для всего периода с VII по V и даже IV в. до н. э. Часть скифов-шкуда – «ортокорибантии» конца VI и начала

[1] См., например: Herr., IV, 1–4, 118–119 и др.

V в. до н. э. – осталась жить в пределах Мидийской державы, в конечном счете смешавшись с остальным населением Северного Азербайджана.

К 20-м годам VII в., когда Мидийское царство освободилось от скифской дани, Ассирийское царство, благополучно вышедшее было из кризиса 50–40-х годов, снова попало в полосу тяжелого внутреннего кризиса. Мидия была втянута в развернувшиеся теперь события, и ей, в союзу с Вавилонией, выпало на долю уничтожить Ассирийскую державу и окончательно сбросить с народов Азии многовековое ассирийское иго.[1]

[1] Важная работа Сулимирского о скифах (T. Sulimirski. Scythian antiquities in Western Asia. Artibus Asiae, XVII, 3/4, стр. 282 и сл.) сделалась мне известной слишком поздно, чтобы быть использованной. Выводы автора во многом сходятся с нашими, но появление скифов в Передней Азии он датирует слишком рано.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВИУ	– И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. Вестник древней истории, 1951, № 2 (тексты №№ 1–50), № 3 (тексты № 51 и сл.), № 4 (указатель).
ВДИ	– Вестник древней истории.
ВНШП	– В. К. Шилейко. Вотивные надписи шумерийских правителей. Пгр., 1916.
ДАН Аз. ССР	– Доклады Академии наук Азербайджанской ССР.
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения.
ЗВО	– Записки Восточного отделения Российского Археологического общества.
Изв. АН Аз. ССР	– Известия Академии наук Азербайджанской ССР
ИАН, ОИФ	– Известия Академии Наук СССР, отделение истории и философии.
Изв. АН Арм. ССР	– Известия Академии наук Армянской ССР.
Изв. АН БССР	– Известия Академии наук Белорусской ССР.
Изв. Средазкомстариса	– Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.
Г.А.Меликишвили, УКН	– Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. Вестник древней истории, 1953, № 1; 1954, № 1.
РЗОА	– И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949.
СВ	– Советское востоковедение.
СМОМПК	– Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа.
ТОВЭ	– Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа.

УЗЛГУ	– Ученые записки Ленинградского Государственного университета.
УКН	– См. Г. А. Меликишвили, УКН.
ЭВ	– Эпиграфика Востока.
ЮТАКЭ	– Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
ADD	– C. H. W. Johns. Assyrian Deeds and Documents. Cambridge, 1898–1922.
AfO	– Archiv für Orientforschung.
AIrWB	– Chr. Bartholomae. Alt-Iranisches Wörterbuch, Strassburg, 1902.
AJSL	– American Journal of Semitic Languages.
AKA	– E. A. W. Budge and L. W. King. Annals of the Kings of Assyria, v. I, London, 1902.
AL_5	– F. Delitzch. Assyrische Lesestücke. 5. Ausg., Leipzig, 1913.
AMI	– E. Herzfeld. Archaelogische Mitteilungen aus Iran. Berlin, 1929 и сл.
Der A. O. –	– Der Alte Orient. Leipzig.
AOF	– H. Winckler. Altorientalische Forschungen, I–III. Leipzig, 1893–1906.
ARAB	– D. D. Luckenbill. Ancient Records of Assyria and Babylonia, Chicago, 1926–1927.
Ar. Or.	– Archiv Orientalni.
ARU	– J. Kohler und A. Ungnad. Assyrische Rechtsurkunden. Leipzig, 1913.
Assurbanipal	– M. Streck. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige, I–III. Leipzig, 1916.
BASOR	– Bulletin of the American Schools of Oriental Research.
BASPR	– Bulletin of the American School of Prehistoric Research.
BE	– Babylonian Expedition of the Museum of the University of Pennsylvania.
Beh	– Бехистунская надпись Дария I.
BoTU	– Boghazköi-Texte in Umschrift.
BSOAS	– Bulletin of the Schools of Oriental and African Studies.
CAH	– Cambridge Ancient History. Cambridge, 1924 и сл.
CRAI	– Comptes-rendus de I'Academie des Inscriptions et des Belles-Lettres.

8 CS	– F. Thureau-Dangin. La relation de l'huitieme campagae de Sargon II. Paris, 1912.
CT	– Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum.
Dar. NRa Dar. NRb Dar. NRc	– Накши-рустемская надпись «a», «b», «c» Дария I.
Das. Pers. c Dar. Pers. f Dar. Pers. e Dar. Pers. g	– Персепольская надпись «c», «e», «f», «g» Дария I.
Dar. Sus. f	– Сузская надпись «f» Дария I.
FGH	– F. Jacoby. Fragmente Griechischer Historiker.
FHG	– Fragmenta historicorum graecarum. 1848–1884.
HABL	– R. E. Harper. Assyrian and Babylonian Letters. London, 1892 = L. Waterman. Royal Correspondence of the Assyrian Empire. Ann Arbor. 1930.
J AOS	– Journal of the American Oriental Society.
JCS	– Journal of Cuneiform Studies.
JNES	– Journal of Near Eastern Studies.
KAH, I	– L. Messerschmidt. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, Bd. I. Leipzig, 1911.
KAH, II	– O. Schroeder. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, Bd. II. Leipzig, 1921.
KB	– Keilinschriftliche Bibliothek, herausgegeben von E.Schrader.
KL	– E. Klauber. Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit. Leipzi, 1913.
Kn	– J. A. Knudtzon. Die Gebete an den Sonnengott für Staat und königliches Haus aus der Zeit Asarhaddons und Assurbanipals. Leipzig, 1893.
KS	– H. Winckler. Die Koilschrifttexte Sargons II. Leipzig, 1889.
KTP	– P. Rost. Die Koilschrifttexte Tiglatpilesers III. Leipzig, 1893.
KUB	– Keilschrifturkunden aus Boghazköi.
Kuhn's Z. f. vgl. Spr.	– Zeitschrift für vergleichende Sprachenkunde, gegründet von Kuhn.
LAAA	– Annals of Archaeology and Anthropology, Liverpool.
Layard, Inscriptions	– A. H. Layard. Inscriptions in the Cuneiform Characters from Assyrian Monuments. London, 1851.

Mem., Del. en Perse – Memoires, Delegation on Perse. Paris, 1900–1929.
MO – Le Monde Oriental.
MVAG – Mitteilungen der Vorderasiatisehen (und Agyptischen) Gesellschaft.
NBKI – S. Langdon. Neubabylonische Königsinschriften. Vorderasiatische Bibliothek, 4, Leipzig, 1912.
N. F. – Neue Folge.
N. S. – Nouvelle Serie.
OBI – H. V. Hilprechl. Old Babylonian Inscriptions chiefly from Nippur. Philadelphia, 1893–1896.
OECT – Oxford Editions of Cuneiform Texts.
OLZ – Orientalistische Literaturzeitung.
Pauly–Wissowa – Reallexikon der klassischen Wissenschaft, herausg, von Pauly–Wissowa–Kroll.
PSBA – Proceedings of the Society of Biblical Archaeology.
I R, II R, V R – Cuneiform Inscriptions of Western Asia, ed. by H. Rawlinson, vv. I, II, V. London, 1861, 1866, 1884.
RA – Revue d'assyriologie el d'archeologie orientale.
RLA – Reallexikon der Assyriologie, herausg. von E. Ebeling und B. Meissner. Berlin–Leipzig, 1932–1938.
Sammlung – H. Winckler. Sammlung von Keilschrifttexten.
SBAW – Sitzungsberichte der Bayrischen Academie der Wissenschaften, Philologisch-historische Klasse.
SPA – A Survey of Persian Art. London–New York, 1938–1939.
SAKI – F. Thureau-Dangin. Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften. Vorderasiatische Bibliothek, 1. Leipzig, 1907.
SKL – Th. Jacobson. The Sumerian King List. Chicago, 1939.
Streck, ZA, XV – M. Streck. Die heutigen Laudschaften Armenien, Kurdistan und Westpersion. Zeitschrift für Assyriologie, XV.
VB – Vorderasiatische Bibliothek.
WVDOG – Wissenschaftliche Voröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft.
Xerx. Pers. c – Персепольская надпись «с» Ксеркса.
ZA – Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete.
ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 3

Введение в изучение истории Мидии 10

1. Источники документальные и повествовательные....10
2. Авеста50
3. Язык как исторический источник61
4. Изучение истории Мидии в современной науке 78
5. Географические условия 91

Глава I. *Первобытно-общинная эпоха на территории Мидии 104*
1. Каменный век и энеолит 104
2. Древнее население западной Мидии в III тысячелетии до н. э. Хурриты, эламиты 108
3. Луллубеи 111
4. Кутии 114
5. Население западной Мидии во II тысячелетии до н. э. Касситы ...134
6. Походы ассирийцев и эламитов во II тысячелетии до н. э. 150
7. Этнический состав населения Мидии около 1000 г. до н. э. 153

Глава II. *Период сложения рабовладельческого строя на территории Мидии 159*

1. Манна и мидийский племенной союз 159
2. Первый период ассирийской агрессии 171
3. Урартское наступление 187
4. Государство Манна и его устройство 192
5. Начало государственности на территории мидийского союза 194

6. Второй период ассирийской агрессии. Тиглатпаласар III 214
7. Усиление Манны и войны Саргона II ассирийского 226
8. Население Мидии около 700 г. до н. э. 250

Глава III. *Манна и царство скифов. Восстание Каштарити и возникновение Мидийского царства*.....*253*

1. Киммерийцы в Передней Азии 253
2. Скифы в Передней Азии 268
3. Политическое положение в Манне и Мидии после 700 г. до н.э. ..282
4. Ход восстания Каштарити в Мидии 294
5. Образование независимого Мидийского царства 302
6. Мидия, Манна и Скифское царство после восстания.....309
7. Временная гегемония скифов 316

Утверждено к печати
Институтом истории и философии
Академии Наук Азербайджанской ССР

*

Редактор Издательства *Г. И. Зикеев*
Технический редактор *А. В. Смирнова.*
Корректоры *Э. А. Кацман*
и Н. И. Тарноградская

*

РИСО АН СССР № 1-120 В. М. 43227.
Подписано к печати 17/XI 1956 г.
Бумага 70X108$^{1}/_{16}$. БУМ. л. 15$^{1}/_{4}$. Печ.
л. Уч.-изд., л. 37.59+2 вкл.
(0.27 уч.-изд. л.). Тираж 3000.
Зак. № 566.
1-я тип. Изд-ва АН СССР, Ленинград,
В. О., 9 линия, дом 12